

ТЕКСТ

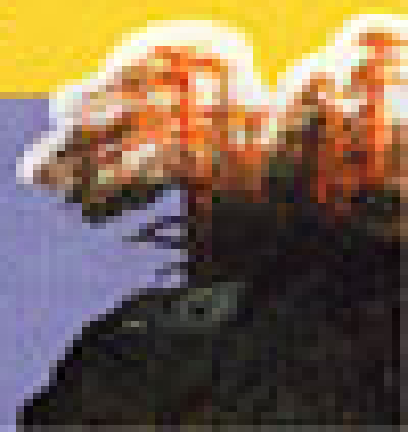
К Л А С С И К А

Кнут Гамсун

Август

Вторая книга трилогии
об Августе, мечтателе
и авантюристе

Annotation

«Август» - вторая книга трилогии великого норвежского писателя, лауреата Нобелевской премии К.Гамсуна. Главный персонаж романа Август - мечтатель и авантюрист, столь щедро одаренный природой, что предосудительность его поступков нередко отходит на второй план. Он становится своего рода народным героем, подобно Пер Гюнту Г.Ибсена.

- [Кнут Гамсун.](#)
 -
 - [Часть первая](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)
 - [VII](#)
 - [VIII](#)
 - [IX](#)
 - [X](#)
 - [XI](#)
 - [XII](#)
 - [XIII](#)
 - [XIV](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [XV](#)
 - [XVI](#)
 - [XVII](#)
 - [XVIII](#)
 - [XIX](#)
 - [XX](#)
 - [XXI](#)
 - [XXII](#)

- [XXIII](#)
- [XXIV](#)
- [XXV](#)
- [XXVI](#)
- [XXVII](#)
- [notes](#)
 - [1](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)
[Все книги автора](#)
[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Кнут Гамсун.
Август

Роман

Часть первая

I

Приморское селение Поллен знай себе растёт да растёт.

Одна за другой выдалось несколько удачных селёдных путин, благосостояние хлынуло в эти, новые для него края. Поулине у себя в лавочке торгует хорошо, торгует рьяно, она очень деятельная и всегда найдёт выход из любого положения, в ней явно есть торговая жилка. В Нижнем Поллене осело немало рыболовецких артелей, а чем прикажете этим артелям заниматься на берегу по воскресеньям да по праздникам? Вот они и набиваются в лавку и читают, читают объявления, развешанные по стенам вокруг красного почтового ящика, но нашим бедолагам от этого никакой радости. Вот почему Поулине попросила своего брата Йоакима сколотить дощатую будку, чтобы подавать в ней кофе, а Йоаким, со своей стороны, не мог отказать ей, поскольку Поулине приходилась ему сестрой — это во-первых, вела дом — это во-вторых, а кроме того, он был ей очень многим обязан. Словом, он, хоть и против воли, начал исполнять её поручение, но тут в один прекрасный день из Намсена со строительным лесом пришла яхта, и Йоаким взялся вывозить лес от лодочных сараев, помаленьку, ездка за ездкой. А Поулине спросила, на кой ему сдалось всё это дерево? А он ответил, что теперь она сможет построить здесь гостиницу.

Уж таков он был, этот Йоаким; если предстояло что-нибудь сделать, то делать надо было без спешки, потихоньку да полегоньку, эту премудрость принёс в Поллен Август-скиталец, Август — вечный странник на море и на суше, Август, многому научивший здешний народ и ничего за это не взявший. Он научил Ездру с Нового Двора осушать болота, а Йоакима ставить хлева с учётом будущего прироста стада; не будь Августа, Йоакиму в жизни не обзавестись бы лошадьми и конюшней для них. Необычный был человек, этот Август-скиталец, и Йоаким не мог не признать, что многому у него научился, хотя и не только хорошему.

А потом Йоаким и вовсе заделался местным старостой, что не такой уж и пустяк в его возрасте. Конечно, новая должность отнимала у него время, необходимое для полевых работ, но и свои преимущества она тоже имела: прибавилось уважения. Йоаким начал больше сознавать себя мужчиной, ему было приятно, когда жители обращались к нему с просьбами и требованиями, приятно по возможности удовлетворять эти требования. А как насчёт того, чтобы подавать кофе? Ведь староста не может привечать судовладельцев и начальников рыболовецких артелей в какой-то дощатой будке.

Словом, получилось даже больше, чем было задумано: получились не только кофейня, но и номера для постояльцев, две комнаты, где люди могли при желании переночевать. Да и Поулине новое строение принесло немало шиллингов.

Она могла, конечно, пожелать и пекарню, моряки и артельщики начали спрашивать у неё выпечку, чтоб было что пожевать, но о пекарне нечего было и думать, для пекарни нужен пекарь, сама же она печь не умела. А вдобавок она не могла взвалить на себя больше обязанностей, чем те, что уже лежали на ней: она вела хозяйство у своего брата, стряпала, она стирала, прибиралась в комнатах, ходила за скотиной, вела торговлю, теперь вот взяла ещё на себя дела страхового агентства, а всё, вместе взятое, было не вмоготу что для рук, что для головы. Поулине просто выбивалась из сил. Почему, спрашивается, брат Йоаким не мог обзавестись семьёй и жить как все люди? Казалось, он раз и навсегда поставил на этом деле крест. Была у него милая и пригожая девушка в одном городке, что к югу отсюда. И всё у них вроде бы шло на лад, но тут вдруг девушка взяла да и уехала в Америку. На том всё дело и кончилось. Вот приди эта девушка в их дом, она сняла бы с плеч Поулине великое множество обязанностей.

Шли годы, шло время, полленцы из тех, что постарше, вдруг как-то сразу покрылись морщинами, некоторые и вовсе умерли и, стало быть, исчезли, а годы продолжали грызть оставшихся, даже Поулине в своей лавчонке и та поблёкла, грудь у неё впала, но она старалась держаться и не позволяла себе предаваться унынию. А тем временем вокруг неё подрастал целый лес молодняка, и она опекала его с первых дней жизни, она была в курсе всех рождений и смертей, как никто другой, и знала всех ещё с колыбели.

Так стоит ли из последних сил тянуть ляжку, какой с этого прок? Она ведь понимала, что выбивается из сил в лавке, которая принадлежит вовсе не ей, а её старшему брату Эдеварту. Так-то так, но где он пропадает, этот старший брат? Да в Америке он, за морями за горами, а может, лежит в земле, погибнув во время циклона, как она прочитала о том в одной из газет Йоакима. Вот и получается, что Поулине тянет ляжку в своей собственной лавке, а вдобавок, если брат когда-нибудь и объявится, он вовсе не из таких, чтобы потребовать обратно то, от чего сам же в своё время отказался по доброй воле, он человек порядочный. Просто у Поулине была такая присказка, что горбатится она вовсе не на себя, а так-то сил у неё пока хватало, и она понимала, что к чему. Думала она больше про налоги — эти кровью и потом заработанные деньги, которые она теряет из года в год.

Впрочем, Поулине сама по себе была нежадная, да и заботы о хлебе насущном её не донимали, просто она была бережливая и разумная, ни больше, но и ни меньше. Одевалась она для своего положения лучше, чем другие, как раз с той мерой щегольства, которая ей подобает: жемчужное кольцо на пальце, белый воротничок на шее и сетка на волосах. В последнее время, когда от них уехал старый приходский священник и приехал новый, она даже стала надевать для выходов в церковь серебряную брошь, а через руку перекидывала шаль — какие бы цели она при этом ни преследовала. Спору нет, капеллан Твейто был человек холостой и во время прогулок по округе заглядывал в полленскую лавку, где покупал жевательный табак, но подобная малость никак не могла бы взволновать столь благоразумную девицу. Разговоры же между ними велись такие:

— Вы, верно, думаете, что священнослужителю не так уж и пристало жевать табак?

Поулине, с непонимающим и глуповатым видом:

— Да как же... если...

— Эта скверная привычка осталась у меня с тех времён, когда я ходил на вёслах за рыбой, стало быть, ещё до того, как начал учиться...

— Значит, господин капеллан ловил рыбу? Так вы из нурланнских?

— Точнее сказать, из хельгеланнских.

— Удивительно! — вскричала Поулине. Этот пастор отнюдь не скрывал своё низкое происхождение, он был исполнен смирения, словно Тот, кто был рождён в хлеву и лежал в яслях.

— Я видел вас в церкви, — продолжал пастор, — а сколько я вам должен за табак?

Значит, он заметил её в церкви, такое внимание было поистине удивительно, она его даже и не заслуживала, а потому с тем же плуловатым видом промолвила:

— За табак? Да ничего.

— Нет, я хотел бы заплатить.

— Не надо вам платить, подумаешь, какая-то пачка...

— Ну, раз так, — с приветливой улыбкой сказал он, — тогда большое вам спасибо.

— Не стоит благодарности!

У дверей он добавил:

— Вот теперь я снаряжён как следует и могу начать своё паломничество.

— Господь да пребудет с вами, — изысканно попрощалась Поулине.

— Он и есть со мной, — уверенно ответил пастор. — Вы только поглядите, какую замечательную погоду Он нам дарует!

Не сказать, чтоб разговор получился такой уж особенный, но Поулине ничего подобного раньше переживать не доводилось, вот почему, отправившись в церковь, она отметила это событие брошкой и шалью, перекинутой через руку.

Иногда в лавочку наведывался её брат, он же староста, чтобы купить какую-нибудь мелочь либо прибить к стене очередное объявление. Брат и сестра отлично ладили и относились друг к другу вполне дружелюбно. Когда он заявлялся со своим объявлением и прикреплял его кнопками в каком-нибудь углу, сестра смеялась над ним и говорила, обращаясь к посетителям:

— Вы только поглядите, этот человек думает, будто он у нас начальство.

— Ну и что, вот ты у нас думаешь, будто ты барышня, — отвечал Йоаким, — расхаживаешь в накрахмаленном воротничке и ведёшь умные разговоры со священником.

— Ха-ха-ха! А что это за объявление ты приволок на сей раз?

— На сей раз меня призывают в стортинг! — отвечал Йоаким.

Иногда приходил Ездра, зажиточный крестьянин Ездра, маленький, седой, лицом старей, но коренастый и неизменно крепкий. У Ездры было много детей, но не меньше и птицы в усадьбе, и много лошадей, и целый скотный двор с овцами и козами. В лавке он покупал либо лопату для садовых работ, либо подковы для лошадей, либо пилу, потом увязывал все покупки в узел и уносил — зажиточный хозяин, поднялся из грязи, а сейчас достиг такого положения.

Забавно всё это было с Ездрой, как-то даже трудно и понять: был ничем, а теперь вот владелец самого крупного хозяйства во всём Поллене. О его трудолюбии знал каждый полленец, но тем не менее его успех был слишком уж чрезмерным, можно даже сказать, мистическим. Поначалу, когда он осушал своё обширное болото, с его Нового Двора доносились отчаянные крики о помощи. Бог весть, что это всё значило, только на том болоте было когда-то, в незапамятные времена, совершено великое злодеяние, и отчаянные крики по-прежнему жили в памяти людской и до сих пор преследовали Ездру и его семейство. И всё же он продолжал строиться на болоте, не вникая никаким крикам, он возделывал землю и обихаживал скотину, он вдвое увеличил свои угодья, может, поэтому ему и начало помогать само болото, подземный мир. К нему пристала недобрая слава. Женился он на Осии, сестре Йоакима, что ходил в старостах, и Поулине, что вела торговлю; все сплошь достойные люди, особенно с тех пор, как разбогатели, — но, хотя Ездра через женитьбу породнился с этим почтенным семейством, к нему не начали относиться по-другому. Это почему, спрашивается, Ездре так везёт? Он что, запродавал душу дьяволу? Словом, его скорей избегали, чем искали, жене его нелегко приходилось при найме служанок, а детям — в школе.

Просто жалко становилось и самого Ездру, и его ближних, они были для всех какими-то изгоями. Теперь вот он стоял в лавке, покупал лопату, и подковы, и пилу, и тому подобную утварь, внимательно разглядывал товар, но почти ничего при этом не говорил, а народ, что был в лавке, и вовсе молчал и жался к сторонке, куда Ездра делал свои покупки.

- Дома всё в порядке? — спрашивала Поулине.
- Спасибо за заботу, всё в порядке, — отвечал он,
- А как поживает Осия и дети?
- Ничего, спасибо. Ты б заглянула как-нибудь.
- Загляну, загляну.

Тут как раз пришла другая покупательница, Ане Мария, вполне лихая особа, хоть в своё время и отбывала наказание, вокруг глаз морщинки, но собой всё ещё недурна, строптивая, чтобы как-то выделяться среди других, гордая и самоуверенная. Это с какой же стати люди её избегают? Впрочем, пусть избегают, коли им так нравится. Какое-то время после возвращения домой она старалась выглядеть набожной и чуждой всего суетного. Но надолго её не хватило. Такому человеку скорей пристало держаться земного. Не Ане ли Мария когда-то устроила в Поллене страшное представление: хладнокровно и бессердечно дала одному шкиперу с Хардангера утонуть в болоте по дороге к Ездру и не позвала на помощь раньше, чем его засосала трясина? Ну, наказали её за это, наказать-то наказали, а толку что? Разве не стонала на болоте погибшая душа, умоляя, чтоб дали ей успокоиться в освящённой земле? Ведьма, бесстыжая баба! Шли годы, проходило время, но память у людей была крепкая, и бедный Ездра и его семья с тех пор так и страдали от дурной славы. И Ане Марии гордиться было нечем, а сейчас эта бывшая арестантка заявляется в лавку и что-то из себя изображает. Спятила она, что ли?

— Мне нужно полфунта кофе.

Поулине не обратила на её слова никакого внимания, она хотела сперва проводить Ездру, расспросив перед этим зятя о семье.

— Мне нужно полфунта кофе, — повторила Ане Мария.

— Слышу, слышу, — отвечала Поулине.

— Ну так получу я кофе или нет?

— К чему такая спешка? — досадливо спросила Поулине.

И Ане Мария изменила тон:

— Очень вас прошу, дайте мне, пожалуйста, кофе. У меня котелок висит на огне, как бы он не выкипел!

— До свиданья, — сказал тут Ездра и ушёл.

Нет, Ане Мария не особенно высывалась, потому как в Поллене вполне хватало людей, которые могли её осадить. Впрочем, она была

хорошей хозяйкой и верной женой своему Каролусу, который с годами стал каким-то вялым и вообще ушёл в себя. Ане Мария отлично управлялась с младенцами, помогала при родах, вообще много чего умела, выучившись по книгам, и, хотя у самой у неё детей не было, к ней можно было обратиться с любым вопросом, и она на всё знала ответ, что правда, то правда. Вот пусть она этим и занимается и не лезет выше.

У Поулине в лавке бывает много народу, тут и покупатели, которые и впрямь пришли по делу, чтобы купить фунт крупы или полфунта зелёного мыла, но, кроме того, заявляются всякие бездельники и трепачи, которые приходят, чтобы повидать друг друга и узнать последние новости. А из всех лоботрясов самый скверный, пожалуй, Теодор. Он никогда никем не был, он так никем и не стал, ничтожество, да и только, он часами стоит, навалясь на прилавок, и как в былые дни заводит с Поулине разговоры, хотя она никогда ему не отвечает; он спрашивает о новостях всех, кто ни заглянет в лавку, об урожае в их краю, о рыбной ловле. Теодор держится солидно и сплёвывает совсем по-мужски, но на самом деле ведёт себя как ребёнок, он болтливый и ещё не слишком чист на руку, Поулине за ним украдкой приглядывает, чтобы он не цапнул чего-нибудь с полки и не припрятал под одеждой. Несколько раз ей случалось выуживать из его карманов мелкую добычу — к величайшему удивлению для самого Теодора, тот решительно не мог понять, как это всё очутилось у него в кармане, не иначе кто-то засунул для смеху.

С годами Теодор так и не превратился в достойного и хорошего человека, под стать ему оказалась и Рагна, его жена, они в Поллене были ничтожные из ничтожных. Но зато дети у них получились хоть куда, трое детей, один другого лучше, мальчик и две девочки. Их и кормили очень скудно, и с одеждой у них было из рук вон, но они на это не обращали внимания, а росли себе большие и здоровые; мальчик с крепкими кулаками и сильный духом хоть и не учился, но голова у него на плечах была что надо, и энергии тоже хватало, а обе девочки уродились красивые и похожие на мать, ну такие красивые, как бывают цветы и птицы, и, едва подросши, обе пошли в услужение, каждая — на своё место. Они работали, они так рано повзрослели, эти сестрички, обе стали служанками, одна, старшая, работала у Ездры и Осии, другая — сразу после конфирмации прислуживала в пасторате,

они там и ели лучше, им вообще у чужих было лучше, чем дома; они зарабатывали на кой-какую одежду, смеялись и были вполне счастливы.

И при всём при том они были детьми Теодора и Рагны, отличная поросль, хоть и произошла от ничтожных родителей, из бедного дома. Впрочем, родители немало гордились своими детьми, которые так хорошо себя показали и выросли такими, как положено; их мать, бедная жена Теодора, в своё время тоже была очень недурна собой, да и сейчас выглядела отлично. Народ они, конечно, не очень, по правде говоря, плоховатый народ, но всё же не настолько, чтобы считать их последним сбродом; они были бездеятельные и приниженные, жилось им несладко, но от этого они вовсе не становились робкими и боязливymi, скорей даже наоборот. Рагна и по сей день так хороша собой, что за ней нужен глаз да глаз...

Ещё в лавку к Поулине приходит Каролус. Он стал грузный и раздумчивый, слоняется молчаливо по соседям, но его вполне уважают, отчасти потому, что и он когда-то был старостой, а отчасти потому, что у него был самый большой дом во всей округе и он каждый год сдавал его под рождественское гулянье. Теперь Каролус уже не такой, каким был раньше, он утратил прежний кураж, стал ненадёжным, он хоть и ходит как прежде за рыбой к Лофотенам, хоть и командует как прежде у себя на баркасе, но он уже далеко не такой лихой, теперь он боится моря и предпочитает быть на берегу. Жизнь у него стала какая-то странная, он уже далеко не тот честолюбец, каким был прежде, осталась разве что старательность, необходимая для того, чтобы прокормить себя и жену. А уж горбатиться больше, чем нужно... Детей у него никогда не было, он да Ане Мария — вот и вся семья, совсем не так, как у Ездры. Ездра очень жадный на землю, он с утра до вечера гнёт спину на своих полях и лугах, Так ведь у него есть кому оставить своё добро, детей у него полно, сплошь наследники. Нет, не было у Ане Марии детей в молодости, не обзавелась она детьми и когда пришла после отсидки в Тронхейме. И ведь странно: она ничем не хуже других и сложена хорошо, а вот поди ж ты. И не засохла она, покуда сидела, не превратилась в старую деву, была такая же разбитная, как и раньше, и мужу приходилось всё время увёртываться, чтоб она не слишком его теребила. Но вообще-то, если вникнуть, Ане Мария была отличная женщина, она не раз и не два сама бралась за

дело, когда Каролус терялся, и неплохо справлялась. Не будь её, он засел бы дома и даже рыбу не сушил бы на зиму, а из чего тогда прикажете платить налоги и оплачивать покупки у Поулине? Да, можно смело сказать, что Ане Мария не оставила бы так скоро своё благочестие и набожность, приобретённые в тюрьме, не будь у неё мужа, и жилья, и всяких земных дел, о которых нужно печься.

Больших покупок Каролус никогда не совершал, разве что купит немного писчей бумаги. Он делал вид, будто ему надо выполнить то либо иное поручение, хотя уже давным-давно не ходил в старостах, а был всего лишь школьным инспектором, да и писать-то никогда не умел. «А ну-ка, дай мне самой плотной твоей бумаги, — говорил он Поулине, — а тонкий листочек, который ты дала мне в прошлый раз, я сразу прорвал пером».

Среди покупателей Каролус замечает Рагну; по старой привычке, приобретённой во времена, когда он был старостой, он обращается с народом приветливо и по-отечески, в том числе и со щуплой, маленькой Рагной. Это он так важничает на свой лад. Каролус спрашивает:

— А Теодор твой дома или где?

— Дома, дома, а тебе зачем?

— Передай ему, что я охотно взял бы его с собой, когда выйду за сельдью.

Рагна, обрадованно:

— Непременно скажу. А ты когда выйдешь?

— Да прямо сразу. Чего ждать-то?

Рагна исполнена благодарности. Это и впрямь великая радость, что Каролус хочет выйти за сельдью и взять с собой Теодора, значит, к картошке добавится рыба. И значит, дома будет еда, хорошая еда.

— Да, ты всегда заботишься о нас, бедняках, — говорит она Каролусу.

Тот, конечно, отмахивается, но вообще-то доволен, когда ему говорят слова благодарности, такой он важный.

— Хотя ведь вы с Теодором особой нужды и не терпите, у вас вон дети какие удачные.

— Это правда, — признаёт Рагна и заметно оживляется, как всегда, когда говорит о детях. — Только их осталось всего двое.

— Это почему же? — спрашивает Каролус,

— Потому, что, когда пасторское семейство перебралось южнее, старшая дочь уехала с ними.

— Вот как? — спрашивает Каролус.

— Да, так. Иоганна отговаривалась, она плакала и не хотела уезжать. Но пасторша не пожелала с ней расстаться и даже прибавила ей жалованье.

— Значит, она хорошо себя зарекомендовала.

— До чего ж утешительно и приятно слышать такие слова, — говорит Рагна и начинает плакать.

— А где у вас Родерик?

— А он теперь живёт в южном селении, нашёл там работу.

— Славный парень. Мог бы и в Поллене остаться. Понадобился бы мне по хозяйству.

— Значит, ты готов его взять?

— Вполне возможно, вполне возможно. У меня-то дел выше головы, всякая писанина и много другого, да и староват я для тяжёлой работы.

Каролус покидает лавку и снова погружается в размышления. Он думает обо всём, что наговорил в лавке, о том, что он там расхвастался и нёс всякую околесину и вообще вёл себя постыдно. Делать этого не следовало, Каролусу неловко. Зачем-то зазывал Родерика к себе в работники... Ему это вовсе не по карману. Даже Езра со своим большим хозяйством и то не держит работников. И писчая бумага, которую он несёт домой, она ведь тоже не для него, это Ане Мария попросила купить ей бумаги, она время от времени пишет письма в Тронхеймскую тюрьму. А уж чтоб выйти за сельдью — это откуда взялось? Разве он думал об этом, прежде чем увидел Рагну и решил перед ней поважничать? Впрочем, дело сделано, слово сказано, придётся выходить в море.

II

В Поллене выдалось несколько путин, богатых на сельдь, не так чтобы они шли подряд, за годом тучным вполне мог последовать год тощий, однако после тощего неизменно приходил тучный. Как ни странно, но староста Йоаким, когда он ещё был совсем молодым пареньком, запер сказочных размеров косяк, причём запер старым

неводом, который ему достался от старшего брата, и вот с того самого года сельдь проложила себе дорогу в полленские воды.

По переполненной кофейне и по гостинице было видно, что в заливе работают рыбацкие артели и рыбаки-одиночки, что всё чаще шкиперы и команды с рыболовецких судов навешиваются в лавку, опускают письма в красный почтовый ящик, после чего оседают в кофейне, а Поулине знай себе загребают шиллинги.

В общем и целом с доходом у людей дела обстояли совсем неплохо; у кого было чем торговать, молоком, к примеру, мясом или картошкой, тот недурно зарабатывал, спрос был хоть куда. Ездра бойко торговал и в последующие годы, потому что товара у него было предостаточно. Впрочем, Ездра всегда везло.

Как-то раз в Нижнем Поллене вдруг показалась шхуна. Была непогода, и шхуна с трудом шла на своих парусах, ветер загнал её в промежуток между рыбацкими судёнышками, где она и затерялась. Хоть на борту у ней и не было бочек, но небольшой груз сельди, уж верно, на ней был, не то с чего б ей вообще заходить в эти воды? Теперь предстояло разделать улов, выпотрошить, разложить по бочкам, охладить, а уж потом идти вдоль берега и продавать сельдь бочками, так, верно, и было задумано, стало быть, и размышлять об этой шхуне больше не стоило.

Но вдруг на шхуне возникло непонятное движение, и оказалось, что она гружена всевозможными сельскохозяйственными продуктами — картофелем, мясом и маслом, а кроме того, всякими новомодными жестянками, консервированным молоком в банках, разнообразными консервами в масле, цикорием в сиропе, мёдом, гусиным жиром, дорогими сортами сыра в стеклянных банках и сияющими жестянками с золотыми и пёстрыми наклейками. Словом, это была не просто шхуна, а целая деликатесная лавка.

На борту её было всего два человека, один пожилой, другой совсем юный, На берег они не сходили, поскольку всё, что нужно для поддержания жизни, имелось у них при себе. Они начали торговать, и спрос появился сразу же, может, торговля эта и не была вполне законной, но она процветала, с помощью скидок эти люди подорвали торговлю полленских крестьян, которые заламывали безбожные цены за своё молоко и мясо, они сбили цены на картофель и крупу, но потом возместили понесённые убытки благодаря консервным банкам

с пёстрыми наклейками. Словом, в заливе царило большое оживление, там заперли косяки сельди, от берега отваливали гружёные баркасы, на их место приходили новые, у простого народа, у шкиперов, у команды в карманах бренчали деньги, все люди стали лихие и развязные, стали лучше питаться и закупали всякие лакомства в банках, словом, шхуна в два счёта распродала все свои консервы.

А один раз на берег сошёл со шхуны человек в возрасте и с подстриженной бородкой, причём изысканно разодетый — широкополая серая шляпа, на ленте пряжка, с неё спускается штормовой шнурок, ещё на человеке красная плисовая жилетка и две синие куртки, одна поверх другой, и обе расстёгнуты на груди ради жилетки, которая, как уже было сказано, красного цвета. Словом, нарядный до того, что дальше некуда, и вид вполне иностранный.

От залива человек двинулся просёлком, держа курс на лавку Поулине, причём шёл и ни у кого не спрашивал дорогу, шёл быстро и сноровисто и насвистывал при этом как мальчишка. Когда, войдя в лавку, он поздоровался с Поулине, та уставилась на него и долго не отвечала, потому что таращилась во все глаза.

Посетитель осмотрелся и начал разглядывать канатный товар: ему, мол, нужен трос, сказал он на чистом нурланнском наречии, трос для шхуны.

Поулине утвердительно кивнула, что есть у неё такой трос.

— Тонковат он, — сказал гость.

— Есть и потолще, — коротко возразила она.

— Верно, — согласился посетитель, — но те, что потолще, слишком толстые, мне их не просунуть в блок.

Поулине не стала его больше обихаживать, а занялась другим покупателем. Странно, как это человек не может подобрать для себя подходящий трос, другим же она продавала...

— А сколько стоят эти опорки? — нагло спросил незнакомец и ткнул пальцем в связку висевших на стене галош.

— Опорки? — переспросила Поулине. — Это очень хорошие галоши. Четыре кроны.

— Две хватит за глаза, — гнул своё незнакомец.

С этой минуты Поулине вообще перестала глядеть в его сторону, много чести глядеть на такого, он для неё просто перестал

существовать. Форменное свинство, когда посторонний человек так себя ведёт.

Несколько раз повторив свой вопрос и не получив ответа, посетитель вдруг обернулся к ней и спросил:

— А как поживает твой брат Йоаким?

Поулине прямо рот разинула от удивления.

Но незнакомец больше не желал притворяться, он засмеялся, протянул ей руку и сказал:

— День добрый, Поулине. И не стыдно тебе: своих не узнаёшь?

— Очень даже узнаю, — отвечала она, — просто я не поверила своим глазам и хотела, чтобы ты сам себя назвал.

— Август.

— А то я не знаю! Я с самого начала подумала, что когда-то тебя видела, да уж больно ты изменился... А уж зубы...

— Да и то сказать, прошло немало времени с тех пор, как я был здесь...

— Подумать только! Август! В голове не укладывается! Откуда ты взялся и куда держишь путь?

— Сюда.

— Хочешь жить в Поллене?

— Для начала хочу.

Когда Август приезжал сюда в прошлый раз, у него во рту был прямо частокол из золотых зубов, полный рот чистого золота, он даже напоминал какого-то языческого идола, теперь же во рту у него были белые зубы вполне натурального вида, вот почему его и нельзя было узнать.

Поулине обратилась к одному мальчишке и попросила его сбегать за Йоакимом. Скажи, чтоб он срочно пришёл сюда. Её совершенно оставило привычное равнодушие, и даже щеки у неё запылали.

— Просто я сама не могу отлучиться, — пояснила она.

Заявился Йоаким.

— Ну в чём дело? — спросил он.

— В чём дело? — переспросила Поулине. — Вот, разберись с этим человеком.

Йоаким смерил Августа взглядом:

— А что он натворил?

— Натворил? Да ничего, только смеялся надо мной, когда пришёл. И давал за любой товар полцены.

— Эка важность, — недовольным голосом сказал её брат, он же староста Йоаким.

— Так ведь во всей лавке не сыщешь ничего, кроме старогохлама, — заметил Август.

Поулине, в ярости:

— Вот слышишь?

— И трос у вас никакой не трос, он из манильской пеньки.

Но тут Йоаким насторожился, пристальнее взгляделся в незнакомца, не иначе голос и интонация о чём-то ему напомнили. И вдруг он шутливо воздел руки и сказал:

— Эй ты, американец, кошелек или жизнь!

— Ха-ха-ха! — закатился Август.

И тут они засмеялись все трое и схватили друг друга за руки, и всё смеялись, и говорили без умолку. Август был никакой не разбойник, а дружелюбный и весёлый человек, его здесь целую вечность не было, а теперь вот он взял да и вернулся — Август, скиталец, бродяга, бескорыстный помощник в тяжёлых случаях, Август собственной персоной.

— А куда подевались твои зубы? — спросил Йоаким. — Они ж были раньше золотые.

Август:

— А я их продал. Однажды настала такая пора, что золотые зубы оказались мне не по карману. Говорят, покупать их приезжал сам Вандербильт.

И они продолжали говорить без умолку. Поулине закрыла лавку, все прошли в комнаты, и говорили, и говорили. Проходя мимо красного почтового ящика, который им же и был в своё время установлен, Август узнал дело своих рук и кивнул, довольный тем, что ящик висит на прежнем месте.

Как ему пояснили, ящик каждый год приходилось заново красить и обновлять буквы, но им пользовались всё время, а по воскресеньям вынимали письма и брали их с собой в церковь.

Господи, да неужели в Поллене до сих пор нет почты? Просто непонятно, как они тут живут, они же совершенно не идут в ногу со временем.

— И вот ещё что, Йоаким, я видел в заливе пять неводов, а твоего среди них не было. Это что ж такое получается?

— А у меня и нет невода, — отвечал Йоаким.

— У тебя нет невода? И ты не можешь его купить?

— Нет, мне это не по карману.

— Непонятно! — воскликнул Август.

На эту тему они больше не разговаривали, потому что добавить было нечего. Август осмотрел комнату; не сказать, чтоб она так уж убого выглядела: на стенах картинки, над кроватью полог, Йоаким и Поулине выбились в люди, и деньги у них наверняка есть.

— И семьи у вас у обоих всё нет? — спросил он.

— Всё нет. А у тебя?

— У меня? Тоже нет.

Молчание.

— А про Эдеварта, старшего брата, ты что-нибудь слышал?

— Как, разве он здесь не был?

— Здесь?

— Значит, скоро будет. Он в этом году собирался.

Август лично встречал его в Мичигане.

Вот это новость так новость! Поулине даже руками всплеснула. Брат никогда не писал домой своей родне, его словно земля проглотила, они даже считали, что он уже умер.

— Глупости ты говоришь. Ничего он не умер. У него всё прекрасно, и вообще он в полном порядке, — бойко продолжал Август.

Поулине, недоверчиво:

— Ты его сам видел?

— Как же не видеть, если я стоял и разговаривал с ним.

— А когда это было?

— Перед тем, как мне ехать сюда.

— Боюсь, ты врешь, — сказала Поулине.

— Вообще-то вру, — ответил Август. — Но я отправлю ему телеграмму, чтоб он приехал домой, и мы бы с ним здесь встретились. Я знаю, где он обретается.

— Ты знаешь, где он?

— Я это узнаю в два счёта.

— Сдаётся мне, ты опять врешь, — сказала Поулине.

— Да, вру, — согласился Август. — Но я могу обойти все консульства, могу обратиться в Армию спасения и разыскать его. Не тревожься. Меня там хорошо знают.

Поулине долго ещё размышляла над его словами, а Йоаким, тот вообще не вмешивался, он просто слушал не внушающие доверия рассказы и молчал. Сестре конечно же хочется верить в лучшее. Август и в самом деле готов помочь, взять на себя какие-то хлопоты, он как был, так и остался человеком с живым умом, человеком, способным найти выход из любого положения, почём знать, может, он и сумеет отыскать их старшего брата.

Август уговорился с одним полленцем, чтобы тот отогнал шхуну обратно и заодно доставил домой молодого человека, который пришёл с ним сюда. Предложение было не очень чтобы хорошее в то время, когда идёт сельдь, но Теодор согласился. Август без особого доверия перепоручил ему и парню шхуну, но приходилось идти на риск. Август арендовал шхуну только для одного перехода, а теперь её надо было доставить на место.

Он забрал свои вещи, в том числе и роскошный чемодан с медными уголками, шхуна вышла из залива, и у парня было хорошее настроение. Для надёжности Август наведился к Поулине и частным образом застраховал шхуну за свой счёт. После этого он перебрался в гостиницу, что над кофейней, и начал жить там. Деньги у него были, одежда тоже более чем приличная, так что он стал достопримечательностью и средоточием всеобщего внимания в родном селении. Он разгуливал по дворам, здоровался с жителями, заводил длинные разговоры, сочинял всякие небылицы и повсюду был желанным гостем. Он уже немало прожил на этой земле и был отличный выдумщик.

Прошло очень немного времени, и Август начал по старой привычке интересоваться всякими делами во дворах, куда он заходил, он был весь пропитан духом нового времени, прогресса, напичкан примерами из заграничной жизни, по вечерам он сидел у Йоакима, строил великие планы; гостиная превратилась в место встречи для соседей, они засиживались здесь дотемна и с удивлением выслушивали планы Августа. Все дружно решили, что Август стал совершенно другим человеком, не таким, каким был раньше, более

зрелым, более солидным, словом, повзрослел. И уж если он начинал рассуждать о каком-нибудь предмете, то слова его имели глубокий смысл.

— Можете мне поверить, — говаривал он слушателям, — чего ради я стал бы врать и обманывать вас? У меня нет ни прежней бодрости, ни здоровья, мне в жизни не посчастливилось, я проболел полтора года, да и с тех пор прошло ещё полтора, поневоле тут задумаешься и начнёшь говорить правду.

— А чем же это ты болел? — последовал вопрос. Август в ответ:

— Меня укусила ядовитая муха.

— Как это? Что за муха такая?

— Вы себе даже и представить не можете. Сложите, к примеру, десять шпанских мушек, так вот все они вдесятером ничто по сравнению с той, что укусила меня.

Народ содрогнулся и приумолк. Человек, в котором яд от десяти мух, навряд ли станет врать. Да, так о чём он начал говорить?

И Август повторил свои слова:

— Поллен погружён во тьму. По вечерам зажигают допотопную парафиновую лампу, хоть смейся, хоть плачь. Ведь как обстоит дело в других городах? Повернёшь такую пуговку в стене, и по комнате словно разливается солнечный свет, даже глазам больно.

Жителям Поллена уже доводилось про это слышать.

— Или взять телефон. Вы могли бы сидеть в этой комнате и разговаривать с кем-нибудь в другом месте. Или вызвать доктора, когда есть опасность для жизни. Кто из вас вообще знает, что такое телефон?

Жителям Поллена доводилось и про это слышать.

— Ха-ха-ха! Слышать слышали, а палец о палец не ударили! Возьмите, к примеру, фабрику рыбной муки. В заливе сельди немерено, словом, сырья выше головы. Тогда где же, скажите на милость, такая фабрика? Разве не надо использовать небесные дары? Есть такое понятие: индустрия, вот она-то и делает страну богатой.

Слушатели и тут утвердительно кивнули. Только где им прикажете взять деньги?

— Где, где! А как поступают в других местах, во всех странах, где я побывал? Каждый берёт на себя свою долю, люди скидываются,

и выходит целая гора денег. Если из тысячи каждый внесёт по сотне, то и выйдет сто тысяч крон.

— Сто тысяч! — вскричали слушатели.

— Ну если этого, по-вашему, слишком много, тогда могут скинуться пятьсот человек и внести по пятьдесят крон. Всё равно получится двадцать пять тысяч. За эти деньги я берусь поставить здесь хорошую фабрику.

— Это конечно! — отвечали ему слушатели, но тут же начали возражать. Ну у кого из них найдётся лишних пятьдесят крон? Да во всём селении можно насчитать от силы десять человек с таким состоянием.

Тишина.

— Н-да, — медленно произнёс Каролус, бывший староста, который хотел, чтобы его и впредь считали важной личностью, и потому говорил медленно, — пятьдесят крон можно бы и выложить...

— Это тебе можно! — сказали другие, тем самым выказывая ему уважение.

Тут Август разгорячился:

— Почему здесь всё невозможно? Деньги? Можно ведь основать банк и брать у него деньги займы.

— Это как же так?

Август растолковывает:

— Деньги меня меньше всего беспокоят. Если представить в банк смету, они нам дадут денег, я всё обговорил с капитанами рыболовецких судов в заливе, они подпишутся, а другие банки наверняка войдут компаньонами в наш банк, так что перспективы у нас самые благоприятные. И по чести говоря: разве это плохая идея, чтобы управа взяла кредит в банке? Вот ты, Йоаким, ты же староста, что ты думаешь по этому поводу?

Йоаким с величайшей серьёзностью:

— Тут есть о чём порассуждать.

Каролус тоже не пожелал оставаться в тени, он одобрительно кивнул насчёт того, что селение может взять кредит в банке.

— Всякий раз, когда ты приезжаешь, ты что-нибудь да придумаешь, — уважительно говорят люди Августу.

Как будто банк и фабрика по переработке рыбы — дело уже решённое.

Август надувается от важности.

— Я немало поездил по нашей благословенной земле, — говорит он. — Но сейчас я в первую очередь думаю о другом: почему это у вас в Поллене до сих пор нет почты?

— А ведь и правда, — говорит народ, — нет у нас почты.

— Нету, нету, вот ящик почтовый у нас есть, а почты нет.

— Нет у нас почты, жалость-то какая, нет у нас почты.

— Эй, Теодор, заткнись! — выкрикнул кто-то, решив, что слышит голос Теодора.

— А это вовсе и не Теодор! — доносится из сумерек.

— Теодор отправился на юг с закладным письмом.

— Ха-ха-ха!

Всеобщее веселье.

Йоаким привстал с места; в гостиной уже стемнело, и сами переговоры пошли не по тому пути, и кое-кто среди молодёжи начал щипать и щекотать друг друга, раздались крики. Комната медленно пустела.

А Каролус продолжал сидеть. Он сказал:

— Однажды, в своё время, — он имел в виду то время, когда был старостой, — я переговорил с влиятельными людьми из Верхнего Поллена насчёт почты, но они не пожелали участвовать. Это были пастор, и ленсман¹, и доктор, но ведь у них и так есть почта перед самой дверью.

Август задумался над его словами. И вдруг все услышали, как он щёлкнул пальцами и воскликнул:

— Значит, почту надо ставить здесь! Какое нам дело до влиятельных людей из Верхнего Поллена, мы сами займёмся этим, вся округа, каждый взрослый человек! Ты, Йоаким, напиши подробный документ, а я буду ходить из дома в дом и собирать подписи, можешь не беспокоиться. — Он прервал свою речь, дожидаясь, что ответит Йоаким.

А Йоаким вдруг и сам увлёкся, план хорош, если все возьмутся, может, и выйдет. И потому он осторожно сказал:

— Вполне возможно.

Август оживился:

— Неудачи не будет, благослови тебя Бог! Сюда каждый год наверняка приходит сельдь, что же, прикажете капитанам и матросам

идти целую милю, только чтобы опустить письмо в ящик? Я просто сам себя готов оттащить за волосы. А к тому же неужто вся наша округа, неужто полленцы никогда не пишут писем, неужто ты сам никогда не пишешь начальству и королю какие-нибудь отчёты? Подумай как следует.

Пришлось Йоакиму согласиться с Августом.

— А Поулине у нас будет заведовать почтой, — сообщил Август, тем самым включив и её.

Всё вышло, как и хотел Август. Староста Йоаким в письменном виде изложил, как у них обстоят дела с почтой, Август же без устали ходил по селению и собирал подписи. Он не был особенно придирчив, поэтому иногда на листе оказывались подписи несовершеннолетних, но, когда Йоаким указал ему на это обстоятельство, Август посмотрел на него невинным взглядом и в своё оправдание сказал, что давно здесь не был, а потому не всех и знает. Хуже, конечно, было, когда на листе оказывались подписи покойников. Например, Август должен был побывать у Юсефине из Клейвы, чтобы заручиться и её подписью, но добраться к Юсефине можно было только на лодке, а лодки у него под рукой не оказалось. Поэтому Август, полагая, что и Юсефине не захочет остаться в стороне, ничтоже сумняшеся сам вывел её подпись.

А вечером того же дня он узнал, что Юсефине давно умерла.

— То есть как это умерла? — вскричал Август. — С чего вдруг?

— Чего не знаю, того не знаю, — отвечал Йоаким, — но только придётся тебе её вычеркнуть.

Август:

— Хорошо, я подумаю. Она была такая живая и деятельная, да только заикнись я об этом, она бы наверняка подписалась.

Йоаким просмотрел подписной лист и обнаружил в нём много неточностей: помимо покойников там расписались и люди, которые уехали много лет назад, люди, которых в своё время Август знал, а потому и вписал по собственному усмотрению, среди них был и Эдеварт, старший брат Йоакима, и жена его Лувисе Магрете тоже.

— Зря ты их вписал, — сказал Йоаким.

— Почему зря? Может, они объявятся здесь через недельку-другую. Я жду ответа из всех американских консульств. Отдай мне список, — завершил он, чтобы помешать Йоакиму дочитать до конца.

Вдруг Йоаким вздрогнул и закричал:

— Отец! — Да, да, его умерший отец тоже здесь присутствовал.

Август принялся извиняться и объяснять. Тут-де нет никакого греха, он просто не мог не записать отца старосты, ничего тут такого нет.

У Йоакима прямо язык отнялся.

Август начал его увещать:

— Я хорошо знал твоего отца, это был богобоязненный и честный человек, он бы первым поставил свою подпись.

Но тут Йоаким, человек вспыльчивый, даже побледнел от злости: этот псих, этот бессовестный Август ни перед чем не останавливается, он погубит всё дело своими фальшивками. Эти подписи мёртвых и отсутствующих людей легко обнаружить по результатам последней переписи.

Йоаким беспомощно огляделся, ища глазами ручку и чернильницу. Чернильница и впрямь стояла, где положено, зато ручка своевременно перекечевала в карман Августа.

— Это куда ж подевалась ручка? — загремел Йоаким.

— Ручка? — переспросил Август, изображая живейшую готовность помочь. Потом вдруг переменял интонацию и обиженно спросил: — Ты хочешь вычеркнуть родного отца? Не желаешь своему отцу покоя в могиле?

Йоаким в бешенстве забыл всё, он мог бы в клочья разорвать подписной лист, уничтожить его, но он слишком разозлился и потому плохо соображал, он просто швырнул лист в лицо Августу и ушёл, не сказав ни слова...

Впрочем, Август был не просто авантюристом и обманщиком. Он был наделён и другими свойствами. Поэтому он совершил нечто вполне разумное и полезное: обратился к шкиперам, стоявшим в заливе, и сочинил от их имени убедительную жалобу на состояние почтового обслуживания в Поллене. Эта жалоба, подписанная всеми шкиперами, всеми матросами и даже теми, кого здесь давно не было, выпядела очень убедительно и должна была подействовать на Йоакима. Август взял всё дело в свои руки, он пошёл с тяжёлым конвертом в Верхний Поллен и сдал его там на почту.

Ох уж этот Август, он всё же кое-что сделал. А ведь сколько раз жизнь загоняла его в тупик, из которого он не мог найти выход!

Ему требовалось ещё несколько дней: надо было уладить дело с Йоакимом, чтобы тот сменил гнев на милость. Перед Поулине он развернул картину светлого будущего, если в Поллене появится почта: хорошие заработки, лёгкие обязанности, теперь она будет знать, кто у них в селении и кому пишет письма, и сможет делать свои выводы, а если у неё возникнут какие сомнения, можно будет подержать письмо против света и при этом кой-чего увидеть.

Он охватил своим попечением даже Новый Двор, где проживали Ездра и Осия, сообщив им, что ему требуются подписи обоих супругов и подписи их детей на документе, который будет отправлен королю с просьбой открыть в Поллене почтовое отделение.

— Господи! — воскликнула Осия. — Неужто самому королю! — Она восприняла это как незаслуженную честь для себя и для своих детей.

— Это почему же? — спросил Август. — Я не знаю человека более достойного, чем наш король Да все тузы из Верхнего Поллена, вместе взятые, не идут с ним ни в какое сравнение!

Он поглядел на пристройки, все сплошь новые, увидел, что хлев и сараи, пожалуй, стали маловаты и что их надо расширять. Август кивнул — а что он им раньше говорил, что предсказывал? Разве он тогда не таскал собственными руками камни для хлева? И не по его ли настоянию хлев сделали вдвое больше? Неужто Ездра всё позабыл?

Нет, Ездра ничего не забыл и не мог не признать, что Август был ему хорошим помощником и в своё время весьма поспособствовал его нынешнему благосостоянию и положению.

— Как я могу теперь расплатиться с тобой? — спросил Ездра.

— Об этом я тебя вовсе не прошу, — ответил Август. Они прошли по всей усадьбе, по большому болоту, которое стало теперь пашней и лугом, везде чёрная земля, перегной. Август одобрительно кивал. Ездра показал ему огромную канаву посредине участка, в которую стекала вода со всех отводных канавок, так что получался могучий поток. Поток этот бежал зимой и летом, не останавливаясь даже в самые засушливые летние месяцы, у детей были теперь свои мельницы и маленькая лесопилка ниже по течению, что дало Августу повод ещё раз одобрительно кивнуть, самому Августу, который немало поездил по белу свету и навидался всяких устройств.

— А криков с болота теперь не слышать? — спросил он.

Ездра опустил глаза и сказал:

— Нет, всё тихо.

Ох уж эти два хитреца! В своё время все были убеждены, что Ездра сам кричал вместо покойника из трясины, чтобы соседи задаром помогли ему осушить болото. Получилась совершенно прямая канава, тело шкипера, который некогда увяз в трясины, явилось на свет Божий, заодно — останки коровы старого Мартинуса, и ничто больше не нарушало мир и покой на бывшем болоте. А Ездра остался при своей канаве.

III

Настали новые времена.

Полленцы всё ждали, когда у них будет почта, но дело затягивалось, возникли даже сомнения в том, что её вообще когда-нибудь откроют; Август постепенно начал терять уважение жителей, он стал для них заурядным человеком, говорить он, конечно, горазд, но будет ли прок от этих разговоров?

Впрочем, надо простить полленцам их сомнения, они ещё не знают, на что он способен.

Однажды вечером все собрались в гостиной у старосты Йоакима и вели неспешные разговоры. Как обычно, Август несколько раз брал слово, и порой слушатели передразнивали его речи, потому что уже привыкли к ним. Если вникнуть, Август никакой не выдумщик, он просто старается, старается всегда и везде; да, он не лентяй, но что он с того имеет, разве он разбогател? Красивый чемодан — вот и всё добро, которое они у него видели. Ни золотых колец, ни драгоценных камней, пенковая трубка Августа не дороже, чем у других, в кармане у него много ключей, что правда, то правда, но от каких замков эти ключи, никто не знает, может, он их просто носит для важности. У него и всегда-то было при себе много ключей, от сундуков в Задней Индии. Допустим, у него есть восемь сундуков, но что лежит в этих сундуках, может, они и вовсе пустые? Словом, никто ни в чём не был уверен.

Впрочем, нельзя сказать, что все его слова лишь хвастовство и бравада, он честно признавался, что порой ему приходилось оказываться на мели и жить как собаке, так что же им тогда

прикажете думать о нём? Человек, который выехал из гостиницы из-за долгов, перебрался на другой остров, в Южном море, чтоб его не съели! Ну дальше, Август, рассказывай дальше! Мы не знаем, где ты говоришь правду, а где врёшь, ты, может, и сам этого не знаешь, но зато ты вполне заменяешь нам газету и даже больше того, ты вносишь жизнь в наше сонное прозябание, мы внимаем тебе, когда на тебя находит добрый стих, а если ты порой взгрустнёшь, мы тоже грустим с тобой, и тогда на душе у тебя становится ещё тяжелей...

Под вечер они все сидят в гостиной у Йоакима, разговаривают друг с другом, и Август тоже вставляет своё словцо. Ему есть что порассказать — двадцать лет впечатлений, сотни приключений. Здесь, дома, он возделывал землю и ловил рыбу, и это знали все, но там, в других местах, он работал на спичечной фабрике, он лежал в холерном бараке, оказался среди тех, кто бросает бомбы, один раз был даже миссионером.

— Миссионером? Вот уж там-то тебе самое место! — говорит чей-то насмешливый голос.

— Да что ты об этом знаешь? — спрашивает Август.

— Ничего не знаю. А ты многих окрестил?

— Да, многих.

— Ха-ха! Значит, ты был и миссионером? А почему ты бросил это дело?

Петра вмешивается:

— Нельзя смеяться над святыми вещами.

— Я сорок семь лет топчу эту землю, — говорит Август. — Это немало.

Верно, но никто не понимает, куда он, собственно, гнёт. Есть люди, которые ходили по этой самой земле вдвое больше.

— Я много где побывал, — говорит Август.

В этом он явно прав, и кое-кто из молодёжи начинает подбадривать его:

— А вот когда ты был миссионером, ты многих обратил?

— Не без того, — кивает Август.

— Тогда почему же ты забросил это дело?

Август:

— Могу объяснить: у меня кончились патроны.

— Ха-ха! Ты что, стрелял?

— Да, кой в кого из несогласных. Но тебе этого не понять.

— Уймись, Август, — говорит Петра.

Какое-то время он сидит молча, словно погружённый в воспоминания, потом возобновляет прерванный рассказ:

— Среди них попадались и прекрасные люди. Я подружился с одним вождём и сразу окрестил его, вот ему я не сделал ничего худого. Чего ради я стану обращать человека, который и до меня был чадом Божьим? Он давал мне фиги и дыни, а потом, чтобы оказать мне честь, прислал парочку своих жён.

Молодёжь захихикала и начала выпрашивать подробности:

— Это как же прислал? Они что, были старые?

Но на этот вопрос Август не ответил. Возможно, он вдруг вспомнил, что история его миссионерства плохо кончилась, а потому и не стоит рассказывать дальше. В комнате воцарилась тишина, часы на стене пробили семь раз, люди перекинулись мыслями к вечерней каше и ночному сну.

И тут Август, чтобы восстановить свою репутацию, спросил:

— А не стоит ли нам здесь, в Поллене, обзавестись собственным неводом и сколотить рыбацкую артель?

Молчание. Впрочем, народ снова уселся и начал обдумывать сказанное.

— Просто стыд и позор, — продолжал Август, — сельдь стоит, можно сказать, прямо перед дверью, а у нас и невода нет, чтобы запереть её в заливе.

— Верно, верно, — пробормотали слушатели.

— Баркас за баркасом приходят к нам из других селений и запирают нашу сельдь, а мы сидим себе тихонько и даже не требуем свою долю как хозяева. Стыд и позор!

— А чего ж нам делать? — спросил Каролус.

Август обернулся к Йоакиму:

— Тебе надо бы снова обзавестись неводом.

Йоаким:

— Это не в моей власти.

— Это не так-то просто, — подтвердили и остальные. Но Августа их ответ не удовлетворил, и он задал ещё один вопрос:

— Разве не ты, Йоаким, первым заманил сельдь сюда и перегородил залив двадцать лет назад. Пусть даже твой старый невод

уже сгнил, но ты первым улёгся на боковую и с тех пор даже пальцем не шевельнул.

Молчание.

— Нас и теперь вполне хватит, чтобы обзавестись неводом, — ободряюще сказал Август.

И опять Каролус был из тех, кто отнюдь не считает это невозможным, наверняка и селение могло бы что-нибудь сделать, и управа.

Староста Йоаким громко засмеялся и покачал головой:

— Управе сперва надо взять кредит в банке, а уж потом строить фабрику рыбной муки.

Этими словами он снова поверг Августа в бездну, сделал его ничтожеством. Август и сам это понял, а потому смолчал, решил послушать других, которые говорили то так, то эдак: невод это вам не мелочь какая-нибудь, на него требуется много денег, тысячи, а где они, наши золотые прииски?! Нет, от этого плана надо отказаться.

Но Август сидел молча и натягивал тетиву своего лука.

— Я мог бы войти в долю.

Насмешливый голос:

— Одну из сотни!

Август подправил сказанное:

— Ну, может, и не одну долю!

Но и это предложение приняли равнодушно. И снова народ обратился мыслями к вечерней трапезе и ночному покою, некоторые даже громко зевали.

Но Август уже успел тем временем натянуть тетиву, теперь он пустил стрелу.

— Ну, дело ваше, лично я куплю невод, если ты, Йоаким, будешь им распоряжаться.

Все, кто сидели в комнате, дружно ахнули и выпучили глаза. Неужто Август может сам купить невод, а вдруг его чемодан битком набит деньгами?

— Ты, верно, шутишь, — сказали ему.

Август:

— Тебе решать, Йоаким!

Йоаким улыбнулся и вдруг всерьёз озаботился этой проблемой.

Если, конечно, не будет никаких препятствий, если, конечно, от него что-то зависит...

Дело было сделано.

Словом, выдался большой вечер, сказочный вечер, и за кашей люди могли рассказать, что Поллен теперь вновь расцветёт, что в Поллене настанут новые времена и появятся новые заработки и что чемодан у Августа набит деньгами. Ох уж этот Август, индийский набоб! Он снова сделался для всех загадкой и предметом всеобщего восхищения. В то мгновение, когда он выпустил стрелу из своего лука, даже Поулине бросила на него взгляд и заметно покраснела.

Август и впрямь приобрёл кошелек в заливе. Болтался он там среди судов, но ничего не загородил и вообще был какой-то неправильный, даже расходов на себя не оправдывал, так что хозяин и вся команда совсем упали духом и собирались что-то предпринять, а тут откуда ни возьмись явился Август, ну конечно же он заблаговременно здесь побывал и всё разнюхал. Действовал он с молниеносной скоростью, доставил на борт Йоакима с его артелью, вовлёл их в эту авантюрную затею, и дело с концом.

Всё таки невод перешёл к новому хозяину, но заплатить за него пока не заплатили, а Август, тот и вообще куда-то исчез. Впрочем, как исчез, так и появится. Верно, направился в Верхний Поллен или ещё куда-нибудь, может, посоветоваться с доктором насчёт своей болезни, словом, он наверняка скоро вернётся. Владелец невода справлялся о нём, правда, подозрений пока ещё ни у кого не возникло, прошло несколько дней, возможно, Август уехал на каботажном пароходе, чтобы поменять крупные иностранные купюры, возможно, ему понадобилось побывать в банке...

Одним словом, исчез.

И тут хозяин задался вопросом, а что у него вообще есть, у этого Августа, а есть ли у него хоть что-нибудь? Мрачные и неприятные сомнения охватили Поллен, в лавке все шептались, опускали глаза в пол, качали головой. Поулине отправилась в гостевые комнаты, что над кофейней, подняла отделанный медью чемодан Августа. Чемодан оказался на редкость лёгкий, хотя и не пустой, нет, нет, совсем не пустой, может, в нём лежат тяжёлые заграничные банкноты?.. Хозяин и вся его команда дожидались Августа, потом они начали терять

терпение, уж не стоит ли им обратиться к ленсману? «Не спешите, — советовала Поулине. — Август знает все ходы и выходы», — подбадривала их она.

И всё получилось самым удивительным образом: если у Августа до сих пор не было на руках никаких денег и ценностей, то теперь они появились — шхуна потерпела крушение. Шхуна, которую Август послал на юг с Теодором и одним мальчишкой вместо команды, разбилась у берегов Хельгеланна. Береговая служба сняла со скалы их обоих, но сама шхуна превратилась в щепы. Впрочем, она была у Августа вся застрахована, от киля до флажка.

И это оказался не просто слух, нет, нет, страховой агент Поулине получила телеграмму, где её официально уведомляли обо всём случившемся и поручали произвести необходимое расследование. Тут-то и выяснилось, что шхуна была застрахована дважды: во-первых, владельцем в Тронхейме, во-вторых, арендатором, ничего особенного в этом нет, но всё-таки неплохо бы кое-что выяснить.

И в этот же самый день появился исчезнувший Август. Вид у него был крайне возбуждённый, он утирал потный лоб, он бранился и лютовал: никогда больше он-де не вернётся в такую страну! Вот он прихватил кой-какие из своих ценных бумаг, примерно на десять тысяч, так в них никто не разобрался, потому что они иностранные. Вы только, взгляните на эти бумаги! — кричал Август и показывал всем акции, и диковинные чеки, и ещё тонкие узоры на бумаге с золотой каемочкой! Ну как это называется! Это всё равно что сунуть бумажки в рот и проплотить! Но разве эти пентюхи что-нибудь понимают? Они до того близорукие, что не верят даже собственным глазам, они нигде никогда не бывали, они не знают, где находится Мексика, а где Гонолулу. Впрочем, это роли не играет, сказал он своему кредитору, хозяину шхуны, твои деньги тебе гарантированы, ты их получишь, как только выплатят страховку.

Хозяин хоть и смирился, однако посетовал на затянувшиеся сроки.

— Ты, может, хочешь расторгнуть сделку? — спросил Август. — Ну, как знаешь. Ты же видишь, я стою перед тобой с пачкой денег, но не могу тебе заплатить, потому что у меня нет подходящей валюты. Возьми и попробуй сам. А то у меня мало времени.

Тогда хозяин согласился ждать, пока не выплатят страховку, и этот уговор был закреплён в письменном виде, причём свидетелем выступала сама Поулине как страховой агент. Она записала адрес хозяина и обязалась перевести ему деньги, едва они поступят. Всё, дело слажено.

Уф! Август был недоволен и то и дело утирал вспотевший лоб; вот бейся над такими проблемами, мыкайся из-за горсточки наличных в день выплаты! Сплошь закавыки и подобные мелочи, от которых не будет проку ни для одного коммерсанта. За границей люди просто сдают свои ценные бумаги в одно окошко, а потом получают наличные в соседнем окошке. Нет и нет, в Поллене нужно завести банк, интересно, что думает об этом Поулине?

— Ну, может быть...

Полленский сберегательный банк. Самый большой из предстоящих расходов — это покупка такого сейфа, какой Август когда-то видел в Тронхейме, они там хранили деньги и протоколы. Кстати, а Йоаким и шхуна ещё не давали о себе знать?

— Нет.

Хотя сейчас ещё рано, спору нет. Август не станет поднимать шум, если даже в этом году не удастся запереть косяк. У него, Августа, есть и другие планы. Кстати, пока он был в отъезде, на его имя не приходила телеграмма?

— Нет.

Он ждёт телеграммы из нескольких мест за границей. Сегодня у нас двадцатое, так что до первого осталось десять дней.

— Ты это про что? — спросила Поулине.

— Погоди, узнаешь.

Август снова воспрянул духом, в Поллене перестали на него коситься, он уладил дела с хозяином баркаса, он стал теперь его владельцем, вдобавок у него были заграничные ценные бумаги, а ведь к нему отнеслись несправедливо, народ по своему невежеству усомнился в его финансовых возможностях.

Август успокоился, теперь он мог снова всё как следует обдумывать и калякать с Поулине:

— Да, теперь мои дела обстоят иначе, чем раньше. Теперь у меня всё в порядке, но ведь так было не всегда. Ты мне поверила, когда я рассказал тебе, из-за чего сменил зубы?

— Конечно, поверила.

Август, удивлённо:

— Неужто? А ведь я тогда всё тебе наврал. Я иногда рассказываю такое, чего на самом деле вовсе и не было, но теперь я расскажу тебе чистую правду, чтобы не пристала ко мне скверная привычка выдумывать. А на самом деле я тогда сменил зубы, чтобы меня не узнали.

— Значит, ты что-то натворил?

— Некоторым образом да. Не сказать, чтобы натворил... Просто была одна женщина, которая не давала мне покоя, про неё можно даже сказать — дама. У неё была целая усадьба и много рабов. Спору нет, кой-какие отношения между нами были, а у местных мужчин она никогда не видела зубов такой красоты, как мои. Но когда я захотел вырваться на волю и уплыть, она сказала, что нет, что этого она мне не позволит. Такой любви и преданности ты небось никогда и не видела. Уж очень она меня любила. А когда я надумал сбежать тайком, она приставила ко мне охранников, чтоб они перехватили меня и привели обратно. Вот тут-то я и заменил зубы и благополучно сбежал.

По виду Поулине он мог судить, как она восприняла всю эту историю. А восприняла она её плохо: скривила губы. Но сам Август был вполне доволен своей историей, он дал волю своей фантазии и развеселился.

— Разве я мало где побывал? — спросил он. — И скажу тебе прямо, больше всего ко мне липли дамы. Я и по сей день ношу в теле не то четыре, не то пять пуль, но это всё ерунда, если вспомнить, как за мной гонялись влюблённые женщины, кто с ядом, кто с ножом, кто со слезами. Когда-нибудь я расскажу тебе про всё, что мне пришлось вытерпеть.

— Ха-ха! — недоверчиво засмеялась Поулине за своим прилавком. — Здесь тебе, Август, ничего не грозит, раз ты хочешь, чтобы полленские дамы оставили тебя в покое.

Август слегка растерялся, но потом взял себя в руки и сказал:

— Ну и хорошо!

Но поскольку Поулине почему-то вообразила, будто может насмеяться над ним и подшучивать, да ещё при посторонних, он разозлился. Не тот он человек, над которым можно подшучивать. Не он ли проявил истинно пророческое предвидение, когда застраховал

свою шхуну и тем заработал кучу денег? Не он ли разобрался с хозяином баркаса, своим кредитором? Теперь он на законных основаниях владеет неводом, на что не рискнули полленцы, и тем не менее он стоит здесь, среди местных жителей, и приветлив с ними, и не задирает нос, и не откупает у Поулине лавку, и не оставляет её без крыши над головой.

— Эй, Поулине, а ты у нас случайно не собираешься замуж? — ехидно спрашивает он.

— Ты насчёт кого спрашиваешь? — отвечает она вопросом на вопрос, причём отнюдь не приветливым тоном.

— Ты ведь у нас скоро заневестишься.

— Да, — отвечает она, — но последние двадцать лет я надеялась только на тебя.

Народ в лавке начинает смеяться, некоторые женщины находят это забавным и ехидничают.

— Ты ей не верь, Август, она вовсе не на тебя надеялась, ей больше по душе капеллан из здешнего пастората.

— Я была бы вам очень благодарна, если бы вы прекратили всякие разговоры о нём! — выкрикивает Поулине, заливаясь краской.

Август несколько растерялся.

— Капеллан? — переспрашивает он неуверенно. — А это кто же такой?

При этом он и сам понимает, что выглядит невеждой.

— Ну, раз ты не знаешь, кто такой капеллан, — смеются женщины, — значит, ты не ходишь в Божью церковь.

Август:

— Не хожу.

— Зато он был миссионером у язычников, — бойко подхватывает Поулине, и, поскольку женщины в лавке раздражаются смехом, она решает подлить масла в огонь и добавляет: — А тех, кто не желал обратиться, он просто отстреливал.

Август растерян. Эта проклятая Поулине сделала его полным посмешищем, зря он надумал её дразнить. Нет, не годится он для острословия, не умеет он огрызаться, он, старый мореплаватель, всегда был приветливым и ровным, а характер у него кроткий и терпеливый.

— Ладно, Поулине, — говорит он, — пусть последнее слово останется за тобой, только не имеет смысла заявляться к язычникам, или масонам, или людоедам с такой вот болтовней, уж это мне известно. Они должны чувствовать, что ты настроен серьёзно.

— Но ведь ты стрелял в них! — выкрикивает Поулине.

Август мало-помалу преодолел смущение, фантазия его вновь разыгралась, он принимает оскорблённый вид и спрашивает:

— Послушай, Поулине, а ты не могла бы сказать мне, что я, по-твоему, должен был сделать?

Поулине:

— Я вообще не уверена, что ты когда-то был миссионером.

Фантазия Августа взлетает к небесам.

— Я расскажу тебе кое-что, о чём ты ещё не знаешь, а ты спроси у своего капеллана, правда ли это, или он тоже не знает? Каждый год четырнадцатого сентября в Мексиканском заливе случаются страшные ураганы и циклоны. Они ходят кругами, они выводят из строя все компасы, они поднимают на воздух шхуны, они отрывают головы, и эти головы катятся прямо по палубе; нам, морякам, это хорошо знакомо. Когда я последний раз попал в ураган, меня занесло в лес, к дикарям. Вот что, по-твоему, мне следовало делать? Всякая еда там была, просто Божий дар, бананы, и корица, и сахарный тростник, но дикари хотели мяса и потому надумали меня съесть. Так что миссионером я заделался не ради здоровья, а чтобы спасти свою жизнь. И я начал разводить рацеи про Баррабас, и про реку Иордан, и про всякое такое; ты не поверишь, но они начали кивать, что, мол, всё это чистая правда, такие глупые животные. Прошёл день, другой, прошло время, и наступил самый подходящий для молитвы день, если верить церковному календарю, и тогда я почувствовал себя в безопасности. Но не тут-то было! Вот что б ты сделала, Поулине, если бы сзади к тебе подскочил дикарь и крепко схватил тебя за руки?

— Это тогда ты выстрелил?

Подобная наивность вызвала у Августа лишь снисходительный взгляд.

— Нет, моя дорогая! Человек не может стрелять, когда его держат с такой силой за обе руки.

— Ну так что же ты сделал? — спросили женщины.

— Скажу вам всем: я отпрянул назад как только мог, изо всей силы ударил затылком в лицо дикаря и разбил его.

Слушательницы содрогнулись.

Август весьма доволен произведённым эффектом, он улыбается. Потом спрашивает:

— Скажете, плохо получилось? Но не вмешайся в тот раз Провидение, быть бы мне покойником. Потому что, когда я начал защищаться и отстреливать их словно мух, они ответили мне градом стрел, а самое страшное в том, что стрелы у них отравленные.

Молчание. Слушатели жадно внимают. Но Август ничего больше не говорит. Тогда они спрашивают:

— Вот ты стоишь тут, жив-живёхонек, как же это вышло?

— Да, — говорит он, — я и сам размышляю об этом удивительном происшествии. Верно, тогда ещё не пришло моё время. Я не мог умереть, потому что правда была на моей стороне и был я там не по своим делам, а по Божьим.

Поулине перебивает его.

— Зря ты это делаешь, — говорит Август, — зря перебиваешь, — и снова поднимает глаза. — За сутки до этого мне было ночью некое видение. Белая фигура возникла рядом со мной, уж и не знаю, кто это был, то ли сам архангел Гавриил, то ли другой ангел, но он сказал, чтоб я надел резиновый жилет, который купил в Сингапуре, и чтоб впредь не снимал его. С чего бы это? — подумал я, но сделал всё, как было велено. Вот это меня и спасло, потому что стрелы дикарей не могли пробить мой жилет. И дикари таращились на меня в изумлении: что это значит? Почему его не поражают стрелы? Но тут пробил мой час. Я окликнул их вождя, я прямо на него указал, потом я достал Евангелие и всякое такое. Во мне торчало восемь стрел. Я их все выдернул и бросил на землю. Смерть, где жало твоё, ад, где твоя победа, твоя жалкая победа над человеком, подобным мне?! — воскликнул я. Тут уж и сам вождь, и все остальные поняли, что я послан небом, и пожелали окреститься.

— Ладно, Август, помолчи, — сказала Поулине. — Так что ты хотела? — спросила она одну из женщин и занялась торговлей.

— Я бы посмотрела ситец, — сказала женщина.

— И так я крестил их подряд три дня и три ночи, — снова завёл свою речь Август, но тут и другие женщины вспомнили, что им тоже

надо сделать покупки, а потом идти домой. Август же сообразил, что ничего не выиграл своим рассказом, скорее уж проиграл. Просто удивительно, какими бывают люди. Они пялились ему вслед, когда он выходил из лавки, словно он был какой-то освистанный артист. А во всём виновата Поулине.

Но, выйдя из лавки, Август встретил Рагну, она, как всегда, очень мило кивнула ему, и это было приятно. Рагна славилась своим умением нравиться мужчинам, она сама остановилась, давая ему возможность поболтать с ней, если, конечно, он захочет. Август, у которого быстро менялось настроение и который был всегда в добром расположении, подошёл поближе, взял её под руку, ущипнул и был награждён улыбкой, отчего сам тоже покраснел и вообще разгорячился.

— Ну, чего тебе надо? — смеясь, спросила она.

— Ты прямо чертовски хороша. Слишком хороша для Теодора.

— Нечего меня щипать средь бела дня, — ответила Рагна. — Ты где пропадал? Я слышала, тебя искали по всему Поллену.

— Всё дела, дела, — ответил он. — И дочка у тебя красавица, та, что в услужении у доктора. Хороша — не придерёшься. Ты её вроде не от Теодора заимела?

— Вроде нет. А ты разве её видел?

— Нет, не видел. Но коли на то пошло, ты и сама ничуть не хуже.

— Не подмазывайся, — сказала она и повлекла его за собой. — Значит, ты лечился у доктора?

— Не лечился, а просто показался. Ничего такого у меня нет, но мы, моряки, проходим проверку раз в квартал. Да, Рагна, просто слов нет, до чего ты красивая, я, можно сказать, днём и ночью наблюдаю за тобой в бинокль, так что от меня ты не скроешься.

Рагна, хотя дорогу ей, между прочим, никто не преграждал, ответила:

— Дай мне пройти, тебе говорят. Не желаю я больше слушать всякую болтовню.

Август:

— А могу я увести твою дочь от доктора?

Рагна, с жаром:

— Боже избави!

— Да, ты права, тем более что я предпочёл бы тебя. — Вот так он калякал с ней: он-де с ранней молодости бродил по свету, а теперь вошёл в гавань, хочет остепениться, он, собственно, за тем и вернулся, потому как намерен жениться, обзавестись семьёй...

Рагна, с улыбкой:

— Ну, для этого ты слишком стар, да и волос у тебя на голове осталось маловато.

IV

Была такая черта во всех рассказах Августа — от них веяло безбожием, Поулине же терпеть не могла, когда глумились над священными темами. Она испытывала глубокое благоговение перед тем, что ей преподали в детстве, перед религией и церковью, в доме у них можно было встретить религиозные трактаты Линдерота и Хоффахера, которые она читала по воскресеньям. Её родители были исполнены бесконечной доброты и наделены живым умом; в молодости, будучи ещё не чуждыми житейских слабостей и удалства, они при крещении нарекли своего первенца Эдеварт, он у них был старший, зато все остальные дети получали библейские имена — Осия, Йоаким, а одно дитя, которое умерло сразу после рождения, звалось Закхеем. Ничего особенного для здешних мест в этом не было, почти во всей северной части страны жили люди, носившие такие, порой весьма диковинные, библейские имена.

Поулине без устали размышляла над тем, что могло приключиться с её старшим братом и почему у него всё идёт наперекосяк, уж не потому ли, что он получил такое не божеское имя? Ну на что это похоже — уехать в Америку, а потом вообще исчезнуть? Август чего-то такое толковал, что Эдеварт в этом году вернётся домой, что он заделался в Мичигане большим человеком и что сам Август отправил ему телеграмму, но всё это ровным счётом ничего не значило, Август всегда врал, и вообще он раб греха.

Как ни странно, но Август не оставлял свою затею с почтой. Из почтовой конторы в Будё пришло известие, что они готовы содействовать. И стало быть, вся затея может закончиться благополучно. А Поулине сам Бог велел лично открыть почту.

Поулине сам Бог велел и поболее того: её лавка сделалась почтовым центром, народ приходил сюда, чтобы обсудить всякие дела, а сама она так наострилась, что стала разбираться теперь во всём. Торговлю она вела превосходно, и после весьма убогого начала дела у неё шли всё лучше и лучше. Случалось, что легкомысленные люди тоже заводили лавки в других местах, желая потягаться с ней, но всё это плохо кончалось, она всех превосходила опытом и состоянием, а потому и доводила конкурентов до разорения.

Из чего не следует, что Поулине жилось так уж хорошо. У неё был приличный доход, она могла позволить себе полакомиться ломтем пирога с изюмом, никто и не спорит. Но вообще-то она целый Божий день стояла за прилавком, старела, а замуж всё не выходила и собственным домом не обзавелась. Так что ж тут такого приятного и интересного?

Нет и нет, завидовать Поулине у людей причин не было. Она не являла собой воплощение милой привлекательности, не была красивой бездельницей. Она только и знала, что хлопотать, решительная, преданная порядку, она трудилась с утра до вечера — одним словом, вела торговлю. Стояла за прилавком и с дурацким проворством продавала свой товар, заворачивая его в красивые пакеты, а её пальцы выучились лихо обвязывать их бечёвкой. Словом, она умела работать. Однако нельзя сказать, чтобы за ней приударяли мужчины. Близких подруг у неё тоже не водилось, она даже к детям не проявляла особого расположения, когда те приходили к ней в лавку, чтобы купить какую-нибудь ерунду за пять эре. И всё же, как ни странно, она питала самые тёплые чувства к своему старшему брату и всё не могла забыть, каким он был добрым во времена её детства.

Поулине понимала, что ведёт себя по-дурацки, изображая из себя знатную даму. Она даже по будням носила белый воротничок и кольцо с жемчугом, но всё это было непросто, да и вообще стремление выглядеть дамой в Поллене, причём выглядеть лучше других, ни с кем не заводить близких отношений, никогда не ходить на Святки танцевать у Каролуса и считать всё это ниже своего достоинства, крайне утомляло. И даже когда у неё в лавке кому-нибудь случалось пошутить, она не позволяла себе посмеяться; если шутка была слишком вольная, она не могла показать, что поняла, о чём речь, пусть даже другие хохотали во весь голос. Парни не всегда держали себя в

рамках приличия, но, когда подтрунивали над ней, она вообще пропускала это мимо ушей, только губы поджимала. «Вы чего желаете?» — могла она спросить, чтобы осадить остряка. Вообще, ни один полленский парень не был для неё достаточно хорош, куда им до неё, она умела считать и писать и продавать разные товары, а они только и могли, что ловить рыбу да жевать табак.

С другой стороны, было очень грустно сидеть в одиночестве в своей лавке. Но ведь не могла же она, подобно другим полленским женщинам, подобрав юбки, зимой пробираться по глубокому снегу к церкви, нет, ей надлежало ехать туда на Йоакимовых санках с мешком сена вместо сиденья. Короче, существование Поулине нельзя было назвать весёлым, надо полагать, что свои лучшие часы она проживала, когда в лавке у неё толпился народ, делавший покупки за наличные. Но так ли уж это радовало её сердце? Причём жизнь сделала Поулине сухой и чопорной ещё до того, как ей сравнялось тридцать восемь лет.

Сухой и чопорной.

Но не испытывает ли теперь, пусть изредка, эта неприкаянная душа некое сладостное томление? Пожалуй что и испытывает. В Поулине поселилась глупая тревога с тех пор, как капеллан Твейто побывал в лавке, право же, у неё появилось какое-то непривычное настроение, она могла теперь отойти в сторонку, немного повспоминать, немного помечтать. Он заметил её в церкви, он признал её, он глядел на неё тёплым взглядом, произнося слова молитвы, это было так необычно. А ещё она запомнила, как подарила ему от всего сердца пачку жевательного табака.

Вполне вероятно, что в Поулине до сих пор мерцали искры этих воспоминаний, теперь она сидела по вечерам и обшивала репсовой ленточкой край своей нижней юбки, чтобы подол шелестел по церковному полу. А вот зачем она это делала? В Поллене такой моды не было, да и вообще её одежда не имела к моде никакого касательства, хотя и вполне соответствовала её возрасту. Просто репсовая ленточка была призвана известить всех молящихся, что приближается Поулине.

Утром, когда Поулине направлялась в церковь, Август стоял во дворе, невымытый и неприбранный, в одной сорочке и брюках, она успела лишь подумать, что ему надо поторапливаться, если он хочет её догнать. Отношения между ними были сейчас не самые добрые, и

Августа это весьма огорчало. Он был теперь слишком старый, да и волос у него почти не осталось.

Интересно, повезёт ли Поулине в церкви с новой ленточкой? Очень может быть. Во всяком случае, она внезапно утратила к этому всякий интерес, потому как её ум заняли другие вопросы; Поулине побывала в церкви и на почте и вернулась с радостным известием: надо же, старший брат возвращается!

— А что я говорил! — отозвался Август.

Но Поулине его не слышала, она пребывала в восторге.

— Можешь сказать мне спасибо, — заявил Август.

— Ну, коли ты правду говоришь, — ответила Поулине, — то и впрямь большое тебе спасибо.

— Я оповестил о нём все консульства, и, если он не исчез с лица земли, они должны были его отыскать.

Поулине сняла парадное платье и принялась готовиться к приёму старшего брата.

— Он получит комнату рядом с тобой, над кофейней.

— Ну-ну, — сказал Август, — а разве он приедет один?

Поулине растерялась:

— Не знаю, он об этом не пишет..

— Потому что если он приедет с женой...

— Тогда что?..

— Тогда мне придётся съехать.

— И что ты будешь делать?

— Я-то? Ну это уж не твоя печаль.

Поулине плюнула на него, не совсем поняв, о чём это он, и вдруг стала чуть менее сухой и чопорной: Август до того любезный, до того отзывчивый, такая уж у него натура, он себя просто не щадит, он безропотно принимает все удары судьбы.

— Ты.. ты очень хороший человек, — промолвила она торопливо, боясь наговорить лишнего.

Потребовалось очень немного дней, чтобы Поулине смогла ещё больше оценить Августа. Как-то утром в Поллен прибыла вёсельная лодка, со штевнем, вся покрытая пеной, а послал её Йоаким, который сообщал, что ночью запер в заливе косяк сельди возле Фуллё и что Август должен разослать телеграммы и направить к нему оптовиков.

Порасспросив прибывших, Август набросил куртку. Поулине задержала его: он должен сперва позавтракать. Нет, он не станет завтракать, ему надо разослать телеграммы. Но Поулине затолкала его обратно в комнату.

— Ты это чего? — спросил он. — Не задерживай меня. — И вышел из дому.

Нет, он просто замечательный человек. Поулине прекрасно понимала, что за такую возможность артель должна сказать спасибо Августу. Не будь Августа, полленцы и сегодня бегали бы от дома к дому и толковали бы про невод, которого у них нет. А вот Август каким-то чудом раздобыл этот невод. И Йоаким стал его счастливым хозяином.

Когда Август вернулся домой уже во второй половине дня, он, как и утром, отказался от еды, он-де купил себе кое-чего поесть на обратном пути.

— И перестань накрывать на стол.

Поулине, обиженно:

— Не могу понять, почему ты убежал без завтрака.

— Не можешь и не надо. Ведь ты же сама слышала, они обнаружили сельдь. Так вот, я боюсь, что загородь стоит на мелководе, стало быть, надо поскорей её выбирать.

— Теодор сегодня вернулся домой, — сказала Поулине.

— Вот и хорошо. Пусть тогда сразу отправляется на Фуллё и тоже займётся сельдью.

Август, верно, успел позабыть, каков этот Теодор, если считал, что он способен приняться за работу сразу после возвращения. О нет, Теодор был не из таких. Сперва ему надо походить по соседям, показать себя народу, рассказать о морских бурях и крушении, которое ему пришлось пережить, когда он находился у берегов Хельгеланна, как он в самую страшную минуту взялся за дело, а помощников у него всего и был-то мальчик-юнга... но он с Божьей помощью одолел все трудности...

— Но тебе больше не надо этим заниматься, — сказал Август, — приготовься идти на Фуллё, за сельдью!

— Сперва мне надо побывать дома, — удивился Теодор.

Август ходит по округе, он скликает народ, разделочников и засольщиков, он уже направил Йоакиму несколько шхун с солью и

порожними бочками, главное, как можно скорей опростать загородь, чтобы там было больше места для оставшейся сельди, не то рыба заснёт и опустится на дно. Август неслыханно замотан, он ходит повсюду и всем рассказывает свою большую, свою большую-пребольшую новость: в заливе перед Фуглё заперта сельдь. К югу от Поллена он встретил Родерика, сына Теодора и Рагны. Это отличный парень, известный по всей округе своими серьёзностью, усердием и надёжностью. Он подряжался на сезонную, летнюю работу, теперь он свободен, а потому с первого же слова изъявляет согласие отправиться на Фуглё: где есть сельдь, там есть и заработок, с ним отправится ещё одна женщина и её дочь.

Так мало-помалу набирается достаточно народу.

Дни бегут, с Фуглё поступают всё новые и новые известия, пока всё идёт как должно, две шхуны выбирают сельдь из залива, туда приходят суда перекупщиков, возле загороди царит оживление, старый Каролус знает в этом деле толк и может помочь советом. Старый Каролус просто не способен удержаться от советов, он снова растёт в собственных глазах.

— Когда ты внёс свою половину доли, — говорит он Августу, — ты стал хозяином всего невода. Хочешь его снова продать?

— А ты, что ли, хочешь купить?

— Вполне возможно.

— Это ещё зачем? — вмешивается Ане Мария, жена Каролуса. — Ты никак надумал покупать невод? Когда у тебя только и есть что артельная доля.

Но тут выясняется, что невод намерена купить община, каждый из участников внесёт такую долю, какая ему по карману. Им уже доводилось видеть, как один-единственный удачный улов может изменить жизнь, сделать их состоятельными, они уже познали вкус богатства. На торги отрядили Каролуса.

Август — сама благосклонность, он готов продать невод за ту же цену, которую заплатил сам. Он хотел бы также спросить, не пожелает ли присоединиться Йоаким, единственный платёжеспособный покупатель, но не делает этого, чтобы не обидеть Каролуса.

А готов ли Август, спрашивает Каролус, согласиться на отсрочку платежа до тех пор, пока они с Божьей помощью не запрут очередной косяк сельди?

Август лишь махнул рукой, он не из тех, кто сидит без гроша за душой, да вдобавок он имеет дело со знакомыми людьми. Пусть Каролус так и передаст.

Ударили по рукам.

Под конец Каролус извлекает из кармана письмо и делает вид, будто совсем про него забыл.

— Вот письмо от Йоакима, — говорит он, — но оно не такое спешное, его можно прочитать и после.

В письме лишь сказано, как обстоят дела, и названы цены.

Итак, у Августа больше нет невода. Но на кой ему сдался невод? Он скиталец на этой земле, сегодня он здесь, завтра там, его очень мало волнует, что все полленцы, во главе со старостой Йоакимом, по сути, его должники. Напротив, это придаёт ему уверенности в себе.

Однако он вдруг становится осмотрительнее во всяких торговых делах. Получив расчёт и наличные за свою долю невода возле острова Фуглё, Август направился к Поулине и спросил её, не хочет ли она сразу же переслать деньги за невод, а деньги, мол, вот они. Поулине со знанием дела возразила, что, пока не поступили деньги за страховку, счёт не может считаться просроченным. Август ответил, что и сам это прекрасно знает, но с какой стати он должен ходить в должниках у такого количества людей? Вот пересчитай и возьми. Он был сверх меры порядочным человеком и гордился этим.

И вот в округе завелись деньги. Это было видно по всем приметам: дома заново выкрашены, причём целиком, а не только двери и окна, полленские детишки получили новую одежду, заметно оживилась торговля в лавке у Поулине, а когда осенью наступила пора забоя скотины, никто не хотел друг от друга отстать, забивали сразу по шесть свиней, а не по три, как в былые годы. И весь этот расцвет произошёл от того, что полленцы самолично заперли сельдь возле Фуглё, а теперь проживали заработанное.

Были среди них, конечно, и совсем уж бесшабашные, которые тратили больше, чем могли себе позволить, право же, их средства не допускали таких расходов на всякие ненужности, хотя они и казались им теперь очень даже нужными. Так, например, Ане Мария завела белые гардины на всех окнах, а молодой Родерик истратил свои деньги на пальто для матери. Это уж было слишком. И то сказать, во всём селении пальто больше ни у кого не было, кроме Поулине, а ей

пальто было куда как нужно, чтобы, восседая на мешке с сеном, ездить зимой в церковь.

К сожалению, соседями овладели гордыня и мотовство. Конечно, было очень даже приятно хоть раз в жизни дать волю самым безумным желаниям, даже если потом всю жизнь придётся за это расплачиваться.

Но всего хуже было то, что гордыня оборачивалась утратой чувства реальности и ленью. Мужчины, те вообще жили при своём неводе, а когда возвращались домой, то еле стояли на ногах, сразу ложились и лёжа курили самокрутки. Они с трудом вылезали из постели, чтобы наколоть дров на вечер. Когда настало время лофотенской путины, мало кто из совладельцев невода всерьёз ею занимался. Начало положил Каролус, сославшись на то, что он для этого уже староват, его пример оказался заразительным, хватит, мол, и того, что они горбатились у острова Фуглё и взяли богатый улов, им лучше снова попытаться счастья с кошельковым неводом, Лофотены не более надёжны, чем другие рыбные места. Они таскали за собой невод по всем заливам и озёрам, искали сельдь, но ровным счётом ничего не нашли, не сумели запереть даже столько, чтобы хватило на ужин. Йоаким, хозяин невода, уже давно хотел всё бросить, но они его уговорили: ведь в конце концов Лофотены ничуть не надёжнее других рыбных мест, а здесь и невод и рыба есть. Болтовня, пересуды и полная бездеятельность.

Они так и не довели дело до конца, потому что хозяин невода чётко и ясно сказал: стоп! И у Йоакима была для этого уважительная причина — в Поллен возвращался его старший брат.

V

Йоаким вместе с Августом и Теодором за третьего загребного вышли в море, встречать старшего брата прямо у причала. Для этого они взяли большую лодку, настоящую рыбацкую, с рубкой, потому что брат вполне мог приехать с женой, да ещё с большим багажом. Поулине тоже хотелось выйти с ними в море, но никак нельзя было всем сразу бросить дом и лавку, вот она и осталась в превеликом волнении, однако всё же не забыла поручить Йоакиму, чтобы тот уж

заодно прихватил заказанные для лавки товары, которые дожидаются там же, на пристани.

Йоаким и сам волновался, хотя, во-первых, был старостой, а во-вторых, хозяином собственного невода. Это ведь немалое событие — снова повстречать старшего брата. Оба брата никогда не враждовали, если не считать той поры, когда готовы были взяться за нож, потому что один не желал брать деньги у другого. Ха-ха, этому другому пришлось покориться и взять деньги, не то торчать бы ножу у него в теле. В тот раз, лет примерно двадцать назад, когда старший брат, не предупредив ни единым словом, ушёл из дому и найти его не представлялось никакой возможности, потому что он взял курс на Америку, у Йоакима было такое же невозмутимое лицо, а вот сердце билось в груди тревожно, словом, ему было как-то не по себе.

И вообще всё очень странно.

— Да вон же он стоит! — вскричал Август и показал на палубу корабля.

— Это где? — спросил Йоаким. — Ничего это не он.

— Ты что, родного брата не узнаёшь?

Конечно же он узнал его, когда Эдеварт кивнул, тем более что и его жена тоже кивнула, но вообще-то он здорово изменился. Йоаким не мог припомнить, чтобы у Эдеварта когда-нибудь было вот такое исхудалое лицо и такой большой нос. Зато Лувисе Магрете узнать было гораздо проще: такая же смазливая и молодая, как и раньше.

Йоаким слегка опасался первых минут встречи — как бы ему не растрогаться сверх меры. Но всё получилось очень хорошо, поскольку обстоятельства тому содействовали. С корабля спустили трап, старший брат и его жена сошли в лодку, так что для рукопожатий времени и не было. Следом спустили и багаж, впрочем, всего-то из багажа у них имелся один-единственный чемодан да кой-какая верхняя одежда, после чего Йоакиму надлежало без промедления оттолкнуться от борта и отойти на достаточное расстояние: нет ничего опаснее, чем идти вслед за кораблем, когда тот выходит в море. Вот почему, собственно, Йоаким, сделав вид, что не замечает протянутой для приветствия руки, начал изо всех сил грести тяжёлыми вёслами, чтобы подойти к причалу... Ну, Теодор, тот, само собой, говорил без умолку, да и Август не сказать, чтобы хранил

молчание, всё это очень упрощало ситуацию, так что в конце концов Йоаким смог произнести вполне спокойно:

— Мне очень неловко, но я должен ещё немного задержать вас: надо забрать с причала кой-какой товар для Поулине.

Он поднялся на причал, Лувисе Магрете, которая вполне удобно устроилась в лодке, тоже полезла следом, чтобы размять ноги. А мужчины так и остались сидеть в лодке.

— Почему ты надумал приехать именно сейчас? — спросил Август.

На это Эдеварт ответил, что так вот получилось. Собираться-то он давно собирался, но...

— А я приехал домой, чтобы обзавестись женой, если, конечно, получится.

Между старыми друзьями завязался оживлённый разговор, порой по-английски из-за присутствия Теодора, что, впрочем, ничуть не мешало тому время от времени задавать какой-нибудь вопрос, к тому же он начал рассказывать о кораблекрушении у берегов Хельгеланна.

Разговор зашёл о Поулине, которая очень тосковала, потому что старший брат никогда не давал о себе знать: вечное отчаяние и слёзы, просто сердце разрывается, когда всё это слышишь, вот Август и утешал её заверениями, что отыщет ей брата с помощью разных консульств. Ничего лучшего, чтобы её утешить, он придумать не мог. Он дал знать по крайней мере в четыре консульства и разослал великое множество телеграмм. Он намерен сказать ей об этом, пусть Эдеварт это знает.

Эдеварт утвердительно кивнул.

Йоаким переносит в лодку ящики Поулине и тюки. Вот он уже управился. За ним следует Лувисе Магрете. Август торопливо оборачивается к Эдеварту и шепчет:

— Не надо говорить про четыре консульства, скажи лучше, два.

— Ладно.

— Чтоб не завелась у меня такая привычка привирать и вообще говорить лишнее.

Отчалив, Йоаким вдруг протягивает брату руку и говорит:

— Ну что ж, добро пожаловать домой, а то я захлопотался и не успел...

— Спасибо, — отвечает Эдеварт.

Они плывут домой, ставят паруса, гребут против ветра. Становится холодно, и выходит очень кстати, что Лувисе Магрете прихватила с собой верхнюю одежду, есть что накинуть на плечи. Заходить в рубку она не желает, правда, там есть чугунная печка, и, стало быть, ей будет там очень уютно, но ведь там может пахнуть селёдкой, да и на сиденьях вполне могла остаться чешуя.

— Да, давненько вы у нас не были, — говорит Теодор. — Это просто замечательно, что мы снова встретились.

Вероятно, Эдеварт считает, что должен проявить любезность и ответить Теодору, а потому он говорит:

— Это не ближний путь, да и сама поездка не из дешёвых.

Теодор сразу оживляется:

— Так я ж это самое и говорил всё время, что, мол, очень дорогая поездка, можно сказать, с другого конца земли. Как хорошо, что у вас сыскались деньги.

Август хотел бы узнать, что слышно нового в Америке, прошло уже немало времени с тех пор, как он сам был в тех краях, они ещё тогда выбирали президента, и в Вайоминге избиратели стреляли друг в друга.

— Эй, миссис Эндрюс, ты случайно не замерзла? — спрашивает он Лувисе Магрете — жену Эдеварта Андреасена.

— Немного, — отвечает та. — Ты лучше спроси у Эдеварта, чего ради ему понадобилось сюда ехать и что мы здесь будем делать. Только отнимать время у людей и докучать им.

На это Эдеварт ничего не ответил, зато Йоаким улыбнулся и сказал, что за последние двадцать лет они ей-же-ей не слишком часто сюда наезжали и не слишком докучали здешним людям.

— Хотя, конечно, я не могу ручаться, — продолжил он, — что здесь вы будете жить в такой роскоши, как привыкли.

И снова заводит свою речь Теодор:

— Здесь в Поллене мы как раз затеяли устроить почту и ещё много всякого такого. Вдобавок мы удачно заперли косяки сельди и в нашей бухте, и возле острова Фуглё. Скажу прямо, для людей бедных и для тех, кому нечего есть, это была просто благодать Божья. А вот сам я осенью вышел в море на шхуне и разбил её в непогоду...

К Поллену они подходят в послеобеденную пору, Поулине стоит возле лодочных сараев. Поулине вышла их встречать, и, хотя у неё

дрожали губы, она сдержалась и не заплакала.

— А вот и вы! — воскликнула она. — Мы и впрямь заждались хоть какой-нибудь весточки от вас, но теперь добро пожаловать, и я была бы куда как рада так вас принять, чтобы вам не захотелось снова от нас уехать.

Сердечные слова, и сказаны от всей души, прямо целая речь, уж эта Поулине, всё-то она умеет. Обратясь к Йоакиму, она спрашивает:

— А товары ты взять не забыл?

Если полленцы ожидали, что сейчас начнутся большие торжества, и гулянья, и приглашения в гости от соседей, то они жестоко просчитались. Нет, нет, Эдеварт вовсе не задирал нос и не важничал, он просто бродил по старым, знакомым местам и был самым обычным старшим братом. Просто один раз после воскресного богослужения они устроили небольшую праздничную трапезу, а из гостей только и были что Каролус да его жена Ане Мария, ну и, само собой, Ездра, Осия и Август. Это был не какой-нибудь там торжественный приём, а небольшое праздничное угощение, с мясными кушаньями из свежего, осеннего забоя, да ещё суп, заправленный рисом и изюмом. Йоаким очень хотел почтить и попотчевать бывшего старосту, а что до Ане Марии, то она в своё время отбыла наказание в Тронхейме, многое при этом повидала и выстрадала, так что вполне годилась как гостья, чтобы слушать рассказы многоопытной Лувисе Магрете, которые малость утомляли Поулине.

Само собой, Лувисе Магрете рассказывала про Хобьёрг, про свою дочь, которая называлась теперь миссис Адамс и была замужем за неслыханно богатым владельцем мельницы. Но четыре года назад они лишились всего состояния, остались совершенно ни с чем, так что миссис Адамс пришлось играть на рояле в одном театре, где были танцы.

— Слышала я такую игру, — сказала Ане Мария, — это всё равно как вода булькает.

Да, именно что булькает, и это очень красиво. Но не прошло и двух лет, как мистер Адамс снова поднялся на ноги, и теперь они ещё богаче, чем прежде. Он стал агентом одной большой американской паровой компании, ещё у него есть свой банк, и он собирает деньги, которые надо отправить в Старый Свет. Если б только

полленцы смогли увидеть, какая большая у него контора! Просто невозможно перечислить все изображения судов, которые развешаны у него на стенах, и там сидит много народу, и они все пишут, а ещё сидит одна дама, которая пишет с такой же скоростью, с какой он говорит.

— Видела я большие конторы, — говорит Ане Мария.

— Это где же?

— У директора в Тронхейме.

— У какого такого директора?

— Просто у директора... Я была у него...

— В услужении, что ли?

— Да, в услужении.

Миссис Адамс сама держит множество служанок и живёт в большом доме о десяти этажах, потому как они снова разбогатели. Детей у них всего двое, больше они и не хотят.

— А вот у меня нет детей, — говорит Ане Мария.

— Нет? Ну и правильно.

— Вот уж не сказала бы.

— Да?

— Не сказала бы, — повторяет Ане Мария, которая очень любит детей.

Поулине входит и выходит, подаёт еду, убирает грязную посуду, но, чтобы помогать на кухне, у неё есть Рагна, жена Теодора, а Рагна очень даже неплохая помощница. Поулине и сама при случае подсаживается за стол, съест что-нибудь сама, попотчует гостей — если, конечно, им по вкусу такое угощение.

— Гляди, как я на него налегаю, — говорит Эдеварт, слегка улыбаясь. Он был нынче таким серьёзным и невозмутимым, таким молчаливым и задумчивым, он словно разучился смеяться, а улыбка у него стала какая-то невыразительная.

— И правильно делаешь, — сказала Поулине, — а то от тебя только и осталось что кожа да кости.

Йоаким:

— Да, он так исхудал, что я даже не сразу узнал его.

— И я не узнала, — подтвердила Осия. — Просто диву даёшься, до чего он стал длинный и тощий.

— Уж вот кого я не могла узнать, так это Августа, — вмешалась Лувисе Магрете. — В жизни не видела, чтобы человек так изменился.

Все сошлись на том, что с белыми зубами Август стал совсем другим человеком, к тому же он почти облысел. Гости ели и пили и порой высказывались насчёт Августовых зубов, просто удивительно, но с этими зубами он стал совсем другой.

— Зубы эти у тебя, верно, из Америки? — спросила Лувисе Магрете.

— Да.

— В Америке они что хочешь могут сделать! Взять хотя бы мою дочь, миссис Адамс, она велела сделать своим детям новомодный greek-нос.

— А что такое «грик»?

— Это такая форма носа, в Америке её называют greek.

И они завели речь о греческих носах, об их значении, и как они выглядят. Под конец Август договорился Бог знает до чего, рассказывая о носах, к которым приделан молоток либо пила.

Поулине перебила его:

— Да ты совсем с ума сошёл!

— Я? С ума? А разве не я повидал на этом свете великое множество разных народов? Мы были и в таком месте, где мужчины ходят нагишом, а у женщин в мочке каждого уха висит вместо серёжки пустая банка из-под сардин.

— Ха-ха-ха!

Захохотали все, Езра и тот откинулся на спинку стула и хохотал, один только Эдеварт оставался серьёзным и даже не улыбнулся. Поулине толкнула его:

— Ты никак заснул?

— Заснул? Нет.

— Но ты сидишь и молчишь.

— А он всегда так сидит, — вмешивается Лувисе Магрете. — Иногда с ним очень даже скучно, — жалуется она.

Поулине неприятно, когда Эдеварта в чём-то укоряют, ей хочется, чтобы он был живой и весёлый, поэтому она продолжает свою речь:

— Ты мне лучше расскажи, почему ты так ни разу и не написал нам.

— Ты права, — отвечает он, — я и в самом деле ни разу не писал домой. Я, правда, собирался, но...

— А мы-то ждали, а мы-то спрашивали, нет ли для нас письмаца...

— Да мне вроде как не о чем было писать.

Йоаким вмешивается и урезонивает сестру:

— Не приставай к Эдеварту из-за этого. Зато теперь он сидит здесь собственной персоной.

— Так вроде и пора уже...

Август переживает, может, хоть сейчас Эдеварт заговорит? Нет. Тогда он сам говорит как бы к слову:

— А вам Эдеварт случайно не рассказывал, что он и сейчас не приехал бы, не будь меня?

Молчание.

— Потому что я все консульства перетряхнул, чтобы сыскать его. Тебе вроде бы два из них присылали телеграммы?

Эдеварт утвердительно кивнул.

Тут Август расхрабрился и спросил без тени смущения:

— А тебе, миссис Эндрюс, это известно?

— Нет, — отвечает Лувисе Магрете, — ничего мне не известно. Что делать, Эдеварт мне вообще ничего не рассказывает.

Поулине, по-прежнему готовая спадить неловкость, спрашивает шутливо:

— Так, значит, ты ничего не рассказываешь своей жене? Очень мило с твоей стороны.

Эдеварт улыбается какой-то пустой улыбкой и отвечает:

— А мне думается, я ей про это рассказывал.

Но тут Августу приходит в голову, что его великие деяния по части консульств не вызвали должного одобрения, поэтому он снова возвращается к этой теме и спрашивает Эдеварта:

— Ты, верно, получил телеграммы из консульства в Канаде и в Мичигане?

Эдеварт утвердительно кивает.

— Так я и думал. Они там хорошо знают меня. — Но Август опять не слышит ожидаемых похвал, поэтому он заводит разговор о другом: — Между прочим, среди вас, землевладельцев, не сыщется кто-нибудь, кто продаст мне участок под строительство дома?

Молчание. Никто не желает рассуждать на эту тему, только Йоаким любопытствует:

— Ты что, хочешь строиться?

Август говорит, что подумывал об этом, если только займет подходящий участок. Пора бы и ему успокоиться и осесть на одном месте.

Наконец на его вопрос отвечает Каролус:

— Вот разве что Ездра что-нибудь тебе продаст.

Ездра:

— Я? Мне и самому-то земли не хватает.

— У тебя её больше, чем у всех нас. Да ты ещё и выгон у меня откупил, так что я остался почти без ничего.

Ездра молчит.

— Ну выгон-то мне как раз и не нужен, — говорит Август.

На это Каролус:

— А у Ездры всякая земля есть, и пахотная, и выгон.

— Это как же так? — взвивается Ездра, словно его пырнули ножом. Он раб земли, он земляной червь, он болезненно жаден на землю, он хочет иметь её всё больше и больше, и никогда ему не будет довольно. — Это как же так? — с жаром повторяет он свой вопрос. — Нам что, прикажешь распродать свою землю?

Август:

— Просто невероятно, если вдуматься. Возвращаюсь я домой после двадцатилетней отлучки и не могу купить себе пяточок земли, чтобы поставить на нём хижину и жить в ней.

— А какая земля тебе нужна? — спрашивает Йоаким.

— Да обыкновенный участок для дома, а к нему кусочек пахотной земли.

— Что ж ты на нём собираешься сажать?

— Этого я так сразу не скажу.

Каролус явно не хочет, чтобы его опередил Йоаким, поэтому он говорит:

— Ладно, получишь от меня участок.

— Вот этого я и хотел, — говорит Август, — у тебя именно та земля, какая мне нужна.

— Ты наш земляк, — продолжает Каролус, — да чтоб ты не получил у нас жалкий клочок земли? Да тогда мы будем последние

скоты, а не люди!

Со всех сторон слышатся возгласы одобрения, даже Ездра с женой и те одобрительно кивают.

Каролусу нравится чувствовать себя в центре внимания, и так как он выступил в роли благодетеля, то желает по возможности затянуть разговор:

— Поскольку ты, Август, таков, каков есть, поскольку ты дал нам в долг настоящий невод с лодкой и полной снастью и мы все сейчас в долгу у тебя, неужто нам не пойти тебе навстречу, когда что-то понадобится тебе?

Август перебивает его:

— Да не нужна мне никакая аренда! — И, заметив, что все наострили уши, произносит знаменательные слова: — Я плачу наличными!

Это неожиданное высказывание придало Августу ещё больше блеска, он возвысил себя над остальными полленцами, закончил разговор как победитель, которым все восхищаются и которого никто не может понять. Наличными? Он, кому причитаются деньги за целый невод, вовсе не настаивает на уплате долга!

Йоаким сидит и чувствует некоторую неловкость — ведь это не он предложил Августу землю. Ему хочется покончить со всей этой историей, а потому он спрашивает у Поулине:

— Тебе, как я понимаю, нечем больше потчевать наших гостей?

— Нет, — отвечает Поулине и встаёт из-за стола, — на доброе здоровье и не стоит благодарности. Нет, нет, с какой стати пожимать мне руку за такое скромное угощенье!

VI

Вернувшийся в родные края американец Эдеварт Андреасен бродил по знакомым дорогам, и чаще всего в полном одиночестве. Если во время этих прогулок ему кто-нибудь попадался навстречу, он здоровался без всякой гордости и никогда не проходил мимо, не обменявшись хоть парой слов, но при этом не высказывал никаких глубокомысленных мнений и не уснащал разговор изысканными либо английскими словами. Так в чём же было дело? Уж не исходил ли от него какой-то таинственный блеск? Он ничего из себя не изображал, а

когда после краткой беседы продолжал свой путь, слова прощания в его устах звучали так же спокойно и безразлично, как и слова приветствия. Друзья и знакомые рассказывали ему при случае о судьбе его ровесников из здешних мест, одни выбились в люди, другим, напротив, не повезло, а некоторые и вовсе умерли. Эдеварт спокойно воспринимал каждое известие, словно всё это его больше не касалось.

Он побывал в Новом Дворе у Ездры и Осии, но и у них был такой же, молчаливый и погружённый в свои мысли, ни следа бодрости, какой-то даже отупевший. Осия напоминала ему тот или иной пустячный случай из времён их детства, какое-нибудь событие, и тогда он улыбался своей бледной улыбкой и словно бы что-то вспоминал, но интереса и здесь не выказывал.

Что же он делал, когда вот так бродил по дорогам? Он не всегда поспевал домой к обеду, он всё ходил и ходил, присаживался, долго глядел по сторонам, потом вставал, брёл к другому месту и снова садился. Возле брода на выгоне росло пять осин, они лихо вымахали в высоту, теперь это были уже большие деревья с пышной, вечно дрожащей листвой. Осинки словно уговаривали его задержаться подле них, выслушать тихий, шелковистый лепет, исходящий от их беспокойных листьев.

Мечты, бесцельность.

Вот в Лувисе Магрете куда больше веселья и задора. Пока она была здесь в новинку, люди с удовольствием слушали её рассказы про Америку, про всякие чудеса, которые с ней там приключались, про то, какая огромная разница между Америкой и бедным, маленьким Полленом. Тут ведь они толковали о том, как заперли сельдь возле острова Фуглё и какое это было для них счастье, но Господи Боже ты мой, разве это можно сравнить с необозримыми виноградниками в Калифорнии, со стоэтажными домами в Нью-Йорке! Мало-помалу многие начали находить Лувисе Магрете докучной, но она была бойкой на язык и разговорчивой и общалась больше с мужчинами, потому что женщины все такие бестолковые и спрашивают только про американских коров и свиней и про то, сколько там стоит фунт кофе. Но Лувисе Магрете эти темы не волновали, она давно уже отошла от подобных интересов и не желала вновь к ним возвращаться. Она стала вполне городской жительницей. Ну, конечно, это ни на что не похоже — приехать в Поллен всего лишь с двумя платьями, она

давно уже переросла здешнее убожество, но, с другой стороны, что прикажете ей делать в Поллене со множеством платьев? Причём она каждый день очень мило одевалась, тут не подкопаешься, и выглядела хорошо для своего возраста, пудрила нос, красила губы помадой, словом, причепуривалась так, что дальше некуда. По этой же причине она привезла с собой несметное количество флакончиков и баночек с лекарствами, причём каждое средство помогало против множества болезней, которые все были перечислены на упаковке. Одновременно покупателей серьёзнейшим образом предостерегали от подделок этих мазей и капель и сообщали, что без соответствующей сигнатурки их нельзя считать подлинными...

Так как же этот мужчина и эта женщина из Америки осядут теперь в Поллене? Вот они уже пробыли здесь целый месяц, но не произвели ни на кого особого впечатления, а чтобы снискать общее уважение — о том и речи нет. Другое дело, если б они привезли с собой кучу денег и скупали бы в Поллене дома и участки, но ведь ничего подобного нет. Ну ясное дело, жена хотела задаваться и важничать, а средств у них едва хватило на дорогу сюда да на еду. Так что ж им тогда вообще принесло их скитание, их двадцатилетнее житьё на чужбине? Где они там живут, в этой Америке, где их дом? То здесь, то там, то в одном месте, то в другом, без запинки отвечала Лувисе Магрете. Но ведь у них есть ещё и дочь, которая замужем за неслыханно богатым мельником в Буффало, и этот самый мельник, когда обеднел, учредил свой собственный банк, отчего стал ещё богаче, а дочь их вообще ничего не делает, только играет на пианино да каждый день меняет наряды. Вот как там живут знатные люди...

«Ну хорошо, — думали про себя полленцы, — но если эта самая дочь настолько богата, почему ж тогда её родители возвращаются на родину такие убогие, почти нищие?» Многих, кто задавался подобными вопросами, всё это очень удивляло.

Вдобавок приехавшие не производили впечатления дружной четы, которая могла бы служить примером тем супружеским парам в Поллене, что жили прямо как собака с кошкой, когда порой один из них хотел одного, другой же — прямо противоположного, нет и нет, не было между ними того ладу, как в молодые дни. Случалось иногда, что Эдеварт хотел рассказать своему брату про жизнь на ферме в Дакоте, но тут же рядом сидела Лувисе Магрете, и вмешивалась, и

через слово поправляла мужа. В своё время у них была ферма, но из дальнейших рассказов следовало, что в один прекрасный день жене надоело доить коров...

— Да, это было чистое рабство, — вмешивалась она, — на других фермах доили мужчины.

— У нас было не особенно много земли, — продолжал свой рассказ Эдеварт, — всего сорок акров, но этого нам вполне хватило бы. Мы завели трёх коров и двух мулов...

— Мулов? — переспрашивает Йоаким.

— Да, это вроде как ослы. Там все держат мулов.

Лувисе Магрете:

— Ну, лошади там тоже есть. На других фермах держали обычных лошадей, чтоб можно было ездить и на пикники, и в город. А у нас только и были что мулы. Поэтому мы не могли бывать в обществе.

Эдеварт ждёт, пока его супруга выговорится, после чего продолжает:

— Эти мулы — отличный рабочий скот. Там были маленькие фермы, на которых держали лишь воловью упряжку, волы тоже годятся, но мулы куда лучше. При хорошем уходе пара мулов может сделать очень много, они нетребовательны по части корма, ещё они очень выносливы, я ни за какие блага не поменял бы мулов на лошадей, мулы — это для меня было как раз самое подходящее.

— Тьфу! — возмущается Лувисе Магрете и спешит к двери.

Ничего не скажешь, у неё лопнуло терпение: рассказы доброго Эдеварта и впрямь были не слишком увлекательны, он говорил медленно и тяжело, может, просто хотел поддразнить жену своей основательностью. Во всяком случае, когда она вышла, он сразу перестал рассказывать про свою жизнь на ферме в Дакоте.

— Ну и как было дальше? — спрашивает Поулине.

— Как дальше? Перед отъездом мы продали и скот, и много всякого другого, чтобы хватило на билеты.

— И ферму тоже? — спрашивает Йоаким.

— Нет, ферму я продать не смог. Она так и будет пустовать, пока не придёт кто-нибудь и не возьмёт её себе. Там есть несколько построек, и ещё в неё вложено три года работы на земле.

Продолжительное молчание.

— Ну, — говорит Поулине, этот великий работяга, — не принимай всё это так близко к сердцу, у тебя ведь и здесь есть деньги.

— У меня? Что ты хочешь этим сказать?

Эдеварт не понимает её, он хмурит брови, смотрит пристально на сестру и даже вздрагивает, услышав её ответ:

— Я двадцать лет торговала в твоей лавке, можешь теперь сам заняться этим делом, потому что я устала.

— В моей лавке? Да ты с ума сошла!

— Да-да. У меня и без этой лавки слишком много обязанностей, я просто не могу со всем управиться. На мне и коровы, и дом, и кофейня, и лавка, а теперь на меня навалили ещё и почту.

С этим всё решено: в Поллене открывают почту, а командовать там будет Поулине. Её ввели в эту высокую должность прошлым воскресеньем, но до сих пор она об этом помалкивала.

— Чёрт побери! — восклицает Йоаким.

Поулине, бодрым голосом:

— Теперь тебе надо только сесть за стол да написать письмо амтману и в стортинг, после этого я всё проштемпелюю, надпишу и запечатаю сургучом. Кстати, нужны два человека, чтобы на лодке доставлять почту к пароходу. Кого бы нам взять?

Йоаким, поразмыслив:

— Теодора и Родерика, отца и сына.

— Я и сама так думала. Сам по себе Теодор не так уж и хорош, но если с сыном... Это ведь твёрдый заработок на весь год. У Родерика есть лодка. Надо делать одну езду в неделю.

— А когда начинать?

— С первого.

И снова молчание. Братья и сестра размышляют обо всём, что произошло, не какие-нибудь там пустяки, и мысли их обращаются к тому, кто всё это затеял. Август ещё ничего об этом не знает, он ушёл на пароходе к югу, может быть, в Намсен, вроде чтобы закупить стройматериал для своего будущего дома, впрочем, толком никому ничего не известно.

— Как ты думаешь, что он скажет, когда услышит об этом?

Поулине, с улыбкой:

— Уж наверно, молчать не станет.

— Да, да, — говорит староста Йоаким, — ты не должна смеяться над ним. Это его заслуга!

Поулине:

— Без тебя знаю. — И, обратись к старшему брату, продолжает: — Ты и сам видишь, Эдеварт, мне больше не под силу вести всё, что принадлежит тебе, — и торговлю, и лавку.

— Да по мне можешь делать со своей торговлей что захочешь, — упрямо отвечает Эдеварт.

— Нет уж, возьми её на себя.

Эдеварт, побледнев от злости:

— Ты, ты... подло себя ведёшь, прости мне, Господи, мои грехи!..

Наконец-то она вывела из себя этого вялого и терпеливого человека. Нечасто теперь случалось, чтобы он давал волю своему безудержному гневу, со временем он выучился хвататься за ножи, табуретки и прочие метательные орудия не так ретиво, как раньше, но Поулине никоим образом не следовало приводить его в негодование.

— Вы только взгляните на эту пороховую бочку! — воскликнул Йоаким. — Ты видишь, как он расшвырялся!

Торговля! На кой ему сдалась её торговля! Он давно уже от этого отошёл, он стал рабочим, его большие руки покрылись мозолями. А ты, Поулине, молчи! Он собирается на днях побывать у Ездры, чтобы узнать, не сгодится ли он ему как подсобник для строительных работ. Чтоб раздобыть денег на обратную дорогу...

— Ты опять хочешь уехать?! — вскричала Поулине.

— А что мне здесь делать? Впрочем, тебе этого не понять.

Йоаким молчал. Поулине тоже молчала, поджав губы; она подумала про Августа: надо бы попросить у него совета, когда он вернётся, он всегда умеет найти выход. А здесь сидит Йоаким, родной брат и вдобавок староста и всякое такое, но он не ударил кулаком по столу и не попытался укротить этого бродягу. Зачем старшему брату снова понадобилось в Америку? Неужто его не укатали двадцать лет, проведённые на чужбине? А Йоаким знай себе сидит за столом, просто каменный человек, совсем бессердечный по отношению к брату.

Несколько позже в тот же день Эдеварт решил сходить к Ездру в Новый Двор.

Йоаким спросил его:

— Ты что, всерьёз решил подрядиться к Ездре?

Эдеварт утвердительно кивнул в том смысле, что хочет попробовать.

Йоаким:

— Мне было бы куда приятней, если б ты вёл себя как нормальный человек и не покидал нас, не успев ещё толком приехать. Ведь тебя не было здесь целых двадцать лет.

— Ерунду говоришь! — перебил его Эдеварт. — Разве я не пробыл здесь целых пять недель? Прикажете мне на всю жизнь застрять здесь и сидеть сложа руки?

В разговор вступает Поулине, на сей раз она не щадит старшего брата, и слова её полны горечи:

— В общем ты слышал, как обстоят дела и что я не могу больше справляться со всем, но тебе, я смотрю, всё равно. Давай, начинай бродяжничать снова. Когда-нибудь ты добродяжничаешься. Если бы мы захотели всё бросить и закрыть лавку, наш старый дом опустел бы. Тебе, конечно, до этого дела нет, но если бы отец с матерью это увидели...

— Тебе этого не понять, — говорит Эдеварт и уходит...

Чего уж тут не понять, они сразу всё прекрасно поняли, это Лувисе Магрете желает вернуться обратно, и чем скорей, тем лучше. Но ей и в Америке нигде не будет хорошо, она и там мечется в постоянном беспокойстве от одного города к другому, бросает своё маленькое хозяйство с той же лёгкостью, с какой завязывает ботинки, и переезжает в очередной город, отнюдь не собираясь остаться там на всю жизнь. Но конечно, при всём при том Поллен это не место для неё, Поллен даже не маленький город, он хуже чем ферма, здесь на ужин подают кашу, а она никак не может привыкнуть к porridge, как она называет это кушанье, её прямо всю передёргивает, она отвыкла от каши и почти не прикасается к ней. Словом, нечего удивляться, что она так отошала от полленской еды, что она подурнела и у неё стала серая кожа.

Йоаким:

— А что, если мы дадим ему возможность заработать у Ездры только на один билет?

Брат и сестра одновременно опустили глаза.

Вернувшийся домой американец осел в Новом Дворе. Он работал в усадьбе, в поле и в лесу. Один Бог знает, сколько он получал за свою работу, поскольку Ездра отнюдь не славился щедростью, но Эдеварт, верно, и не запрашивал много. Свояки хорошо ладили друг с другом, Эдеварт тянул на себе хозяйский воз всё равно как лошадь, был терпелив и всегда готов помочь детям. Там было трое малышей, трое постарше, а вдобавок двое взрослых, которые жили в Тронхейме, словом, Ездра и Осия наплодили всего восемь детей, и один Бог знал, когда они собираются остановиться. Вот почему Ездре и требовалось так много земли для такого количества ртов.

А Эдеварт был устроен так, что он не слишком хорошо работал на земле, слишком размашисто, что ли. Ездра делал всё аккуратно и, можно сказать, бережливо. Он собирал торф, он заботливо боронил, рачительно обходился с кормом, подбирал колоски, а Эдеварт действовал быстро и размашисто, словом, вёл себя на американский манер, работал рывком, бушевал, Ездре даже приходилось его урезонивать: полегче, полегче, Эдеварт, если ты и впредь будешь так лютовать, то не оставишь мне ни кола ни двора. Это почему же? — спрашивал Эдеварт. А сам то загонит лошадь, то сломает утварь, то оставит по краю поля множество огрехов, то навалит слишком много хвороста на хлипкие санки, то ударит топором по камню...

Эдеварт с улыбкой признавал все свои прегрешения. Он привык загонять топор в землю. У них на ферме ни камней, ни песка не было, а топор от этого только становился острее. Но уж на будущее он постарается, чтобы это больше не повторялось. С ним было приятно иметь дело, он вкалывал, находясь в услужении у человека, который был много моложе его; Ездра в своё время служил у него на шхуне юнгой при камбузе, а теперь этот юнга, этот подмастерье сам заделался хозяином.

Да-да, в том-то и вся суть: Эдеварт, бывший хозяин, стал нынче слугой. За двадцать лет он так и не сумел подняться выше. Его ровесники в Поллене могли ещё припомнить, как он медленно, но верно поднимался от бродячего торговца до шкипера на большой шхуне «Хермине», от скупщика рыбы на Лофотенах до владельца усадьбы в Фусенланнете, под конец и вовсе до полленского коммерсанта с весьма значительными средствами — а теперь вот он стал подёнщиком у своего бывшего юнга. Бывают же такие невезучие

люди. Ни уважения, ни почёта! Теперь Йоаким-староста и Поулине со своей лавкой вроде как придавали ему веса, и это ему, перед которым открывались некогда столь блестящие перспективы.

Жена его держалась более стойко, она не стала подряхаться ни на какую службу, а просто разгуливала без всякого дела. В последнее время она обратила своё благосклонное внимание на уважаемых людей Верхнего Поллена, она посетила ленсмана и обоих холостяков, доктора и пастора, она просто желала засвидетельствовать почтение, раз уж прибыла в Норвегию, точнее, в Поллен, она заглянула буквально на пару минут, просто из вежливости, как это принято везде...

Бедная, бедная Лувисе Магрете, она привела в порядок своё платье, она красиво причесала волосы, она подкрасила лицо, нацепила сережки с эмалью, она много чего навиделась и наслушалась за минувшие годы, и язык у неё был хорошо подвешен, да-да, милости просим, да-да, миссис, садитесь, пожалуйста, не побрезгуйте нашим скромным обедом, всё так, но гостям из Америки не следует слишком часто наносить свои визиты, возможно, не следует даже и приходить во второй раз, ведь речь шла о знати, населяющей Верхний Поллен, они здесь привыкли к утончённому обращению среди себе подобных, а она выражала свои мысли слишком уж прямолинейно, в ней не чувствовалось добропорядочности, её фусенланнское наречие перемежалось негритянскими словечками...

И по этой причине вскоре настал такой день, когда даже и ей самой осточертела знать Верхнего Поллена. Они сидели и курили длинные трубки в присутствии дамы, благородные люди так себя не ведут, порой они бранились, играли в карты, тут же стояли бутылки с выпивкой — и всё это, решительно всё в присутствии дамы! Вот так оно выглядело, здешнее благородство, и было оно ничуть не похоже на то, к которому она привыкла, словом, это благородство ей не подходило.

И в самом деле, Лувисе Магрете Доппен утратила прежнее положение, жизнь изменила её, изрядно помотав. Теперь она нигде не была бы на своём месте, она терпела неудачу, где бы ни появлялась, даже в доме у своей дочери и своего зятя, агента пароходной компании.

Теодор и Родерик в первый раз повезли почту из Поллена к пароходному причалу. Это было очень важное событие, и вообще день был знаменательный. Почты набралось не так уж много, и весила она почти ничего: несколько писем от самой почтмейстерши, адресованных её поставщику, денег и ценностей никаких, только эти несколько писем, засунутых в большой почтовый мешок, а мешок, в свою очередь, уложен в здоровенную кожаную сумку, закрытую на казённый замок.

Возле лодочных сараев собрался кой-какой народ, чтобы понаблюдать за отплытием. Развезить почту — это совсем не то, что сходить из-за какого-нибудь пустяка на вёслах в Нижний Поллен, это занятие придаёт человеку вес. Теодор с превеликой торжественностью поднял на борт кожаную сумку и закрепил наплечный ремень вокруг основания мачты, как то предписывала инструкция. Получилось очень кстати, что Рагна, его жена, крикнула с берега:

— Ты это зачем?

Теодор в ответ:

— Ты хочешь знать, зачем я привязываю сумку? Затем, что так полагается. Если с нами, служащими, что-нибудь приключится, почта всё равно должна уцелеть, а для того её надо привязать.

Хоть у Теодора и не было золотого шнура на зюйдвестке, он производил очень значительное впечатление. Они отсутствовали ровно сутки и на другой день вернулись в Поллен с почтой, мало того, с ними в качестве пассажира приехал и Август.

Да, он приехал вместе с ними. Август был в зените славы, он сразу спросил у Поулине, кому они все обязаны этими, последними событиями? Ей-Богу, городок вполне может по поводу открытия почты заложить в его честь памятный камень. Ведь он совершил поистине геройский поступок, а что, интересно, сделали ленсман или пастор? Спросите чего полегче!

Кто-то выкрикнул от прилавка:

— А для меня нет писем? Я прямо жду не дождусь. Хорошенько посмотри.

Но почты прибыла самая малость, всего несколько писем в огромном мешке. Август высказался по этому поводу:

— Ну что ж, для начала очень даже неплохо, но жители ведут себя просто по-дурацки: дожидаются писем, а сами никому не пишут.

Взгляните-ка: вот одно письмо, вот другое, и ещё газета для Йоакима, в другой раз наверняка писем будет больше, народ как войдёт во вкус, как начнёт писать письма, так и будет писать о погоде и обо всякой ерунде, и вот тогда дела у почты пойдут на лад!

Поулине тем временем открывает маленький запечатанный пакет и вдруг громко восклицает.

— Что случилось? — спрашивает Август.

— Ты прав, — отвечает она, — для начала очень даже неплохо! Пришли твои деньги по страховке!

По всей вероятности, у Августа при таком известии перехватило дыхание, но он решил сделать вид, что его это ничуть не занимает, и даже равнодушно зевнул.

— Ну что ж, пришли так пришли, — говорит он, — да и то сказать, особой спешки не было.

Однако на какое-то время Август приумолк, не иначе, что-то обдумывал. Он расписался в получении, пересчитал деньги и сунул в карман. Денег оказалось довольно много, Поулине не могла удержаться и завела разговор на эту тему.

Август:

— По-твоему, это много денег? Разве какие-то жалкие несколько тысяч называется много денег? Они, конечно, мне понадобятся, более того, часть из них я должен послать в Гамбург. У меня когда-то было много денег, когда я жил в стране, которая называется Перу, в Южной Америке. Поглядела бы ты на мои стада, сотни тысяч голов! Конечно, они не все были мои, так что зря ты ухмыляешься, дорогая моя Поулине!

— Я вовсе не ухмыляюсь.

— Так как я не люблю хвастать и говорить лишнего, то скажу тебе, что моего скота там была только половина, а вторая половина принадлежала президенту этой страны. Тебе это трудно понять, но в тех краях вместо короля правит президент, и, скажу я тебе, этот президент был очень достойный человек. Я с ним прекрасно ладил, а под конец он определил меня на серебряный рудник, у него было три таких рудника, и под началом у меня оказалось две тысячи рабочих...

Тысячи и тысячи тысяч мелькали в голове Августа, и он говорил о них без умолку. На прилавке у Поулине стояли весы, и Августа тут же

осенила мысль, что жалованье своим рабочим он не выдавал, а просто отвешивал, тысячи, десятки тысяч...

— А куда же девались твои стада? — не без ехидства спросила Поулине.

— Стада, говоришь? Ты, верно, не читала в газетах про страшную непогоду двенадцать лет назад, её ещё называли катастрофой, хотя нет, врать не хочу, может, это было не двенадцать, а всего лишь одиннадцать лет назад... Но уж такая была буря, с громом и с землетрясением, и с неба валились звёзды, ты просто в жизни не видела ничего подобного.

— И ты сам был при этом?

— А как же иначе! Когда я всё видел собственными глазами... А вот президентский сын, тот ни капельки не боялся, он просто стоял, и курил сигареты, и улыбался, а время от времени отпускал какую-нибудь шуточку... Мне же он сказал: «Да, Август, не придётся тебе больше приглядывать за стадом». И вот это была чистейшая правда. Стадо?! Благослови тебя Бог, но с неба свалилось никак не меньше четырёхсот звёзд, и хоть были они невелики собой, но подожгли всё моё стадо, и каждая отдельная животина занялась огнём и сгорела. На тысячи миль от этого места разило палёным мясом, а тысячи людей в соседней стране, которая зовётся Эквадор, ослепли от чада, потому что ветер дул в их сторону. Я узнал это позднее, благо я там был в курсе всего. Да, я много чего повидал на своём веку, но такое чудо... удивительно, что ты об этом не читала, ведь все газеты писали, постараюсь не забыть и расспросить об этом Йоакима.

Поулине никак не уследит за ходом его рассказа и досадует. Она снова опускает Августа на землю, задав такой вопрос:

— А ты где пропадал две недели?

Август, с полнейшим самообладанием:

— Что уж, мне нельзя съездить на юг и переговорить с добрыми людьми? Они слишком затянули эту историю с почтой, вот мне и пришлось побывать у амтмана и в полиции.

— Уж верно, ты им хорошенько всыпал?

— Не без того. И почему они, спрашивается, так мешкали? Я послал им все бумаги со всеми подписями и всё объяснил, чего ж им ещё надо?

Поулине занята своими мыслями.

— А Эдеварт хочет снова вернуться в Америку, — говорит она.

— Эдеварт? Да, наверно, хочет.

— Помоги удержать его дома. Мы с Йоакимом хотели посоветоваться с тобой, может, ты что-нибудь придумаешь... Ну что ему понадобилось в этой Америке? Если он сейчас туда уедет, мы совсем потеряем его, и никогда больше он не станет человеком на этой земле. Ну, что скажешь, Август?

— Никуда он не уедет, — говорит Август.

— Не уедет?

— Нет! Потому что этого нельзя допустить! — энергично восклицает Август. — Разве для него здесь мало дел? У меня куча всяких планов, а кроме того, время от времени мне надо выезжать за границу, и кто, как не Эдеварт, сможет управиться здесь с моими делами?

Поулине не перечит. Ей нет дела до Августовых выдумок и хвастовства. Хотя поди разберись, где у Августа правда, а где ложь. Он действительно получал время от времени письма из-за границы, и пусть даже никогда не отвечал на них, телеграмм он рассылал великое множество, причём самолично относил их на телеграф, будто они Бог весть какие важные. Что же прикажете думать Поулине? На конвертах адресованных ему писем она собственными глазами много раз видела гамбургские, копенгагенские или мадридские штемпели.

VII

Август направился к Каролусу. Он извинился перед ним, за то, что не принёс деньги за участок до своего отъезда. Каролус не хочет говорить об этом, он спрашивает, куда это Август ездил. Август отвечает, что ездил по важным делам, настолько важным, что они занимали все его помыслы. Раз такое дело, Каролус просто не знает, о чём и говорить, да и Ане Мария хранит молчание. Снова заговорил Август:

— Дело в том, что я получил телеграмму из Альстахёуга — вы ведь помните, оттуда ещё Петер Дасс ездил на чёрте верхом аж в Копенгаген, — а коль скоро я получил такую телеграмму, мне надо отправляться в путь.

— Господи помилуй, — пробормотала Ане Мария словно бы в великом страхе, а может, вовсе и не в страхе, а в великом любопытстве.

— Я должен оставить всё как есть и отправляться.

— А зачем ты им понадобился? — простодушно спросил Каролус.

Август отрицательно помотал головой:

— Нет и нет, об этом не должна знать ни одна живая душа, так что лучше даже и не спрашивайте. Эта тайна скрыта под семью чёрными печатями.

У Ане Марии глаза прямо округлились, она, как бы защищаясь, поднесла ладонь к лицу и промолвила:

— Сдаётся мне, я начинаю тебя бояться!

На самом-то деле хитрая Ане Мария ни капельки не боялась.

Молчание. Август сидел как неживой, он даже не моргал, и его светло-голубые глаза утратили всякое выражение. Но потом он, вероятно, решил дать обратный ход, улыбнулся и сказал:

— Да я совсем и не страшный!

— Нет, нет, Август совсем не страшный, — подхватил и Каролус, после чего завёл речь с этим зловещим человеком всё равно как говорят с привидением: — Ведь Август отсюда родом, в детстве мы росли вместе с ним. Уж и не пойму, Ане Мария, какой бес в тебя вселился. Хочешь, я сяду к нему поближе, могу даже пощупать его.

Август снова начинает говорить:

— Конечно же я ничего вам не скажу, да и хвастать мне бы тоже не хотелось, но могу признаться вам, моим старым знакомым, что очень доволен своей поездкой в Альстахёуг, я получил там очень важное известие!

Каролус, с боязливым любопытством:

— А ты не мог бы рассказать, о чём идёт речь?

— Не могу, — отвечает Август, — но кое-что я вам всё-таки открою: я должен опасаться восемнадцатого дня следующего месяца.

— Вы только послушайте! — восклицает Ане Мария и опять подносит к лицу ладонь, словно защищаясь.

Вмешался случай, который разрядил напряжённую обстановку: дверь распахнулась и в комнату вошёл Теодор. Он в родстве с Ане Марией и потому часто здесь бывает, а сейчас и вовсе бродит от дома

к дому, чтобы покрасоваться в новой должности, в должности почтаря.

— Чего тут случилось? — спрашивает он. — У вас у всех такой странный вид.

Никто не отвечает. Что касается Августа, так тот вообще всю свою жизнь презирал Теодора и один раз на рыбалке даже чуть не выбросил его за борт. Теодор был самым ничтожным из людей, которых Август знал, поэтому он и не подумал обсуждать при нём важное сообщение из Альстахёуга. Август запустил руку в карман, достал оттуда толстую пачку денег за страховку, все бумажки одна к одной, кивнул и сказал:

— А вот и твои деньги, Каролус.

Каролус с притворным равнодушием отвёл глаза.

— Это деньги за твой участок, — поясняет Август.

— Ах, вот оно что, — бормочет Каролус.

Зато глаза Теодора широко распахиваются. Тощий и оборванный Теодор в жизни не видел такой толстой пачки денег, у него невольно вырывается:

— Это что ж, всё деньги?

— Ты бы лучше помалкивал, Теодор, — отвечает Август с непонятной резкостью. Вообще-то он ничего не имел против того, чтобы бедняк увидел его деньги и понял, с кем имеет дело, за ночь эта весть разойдётся по всему Поллену. При виде денег даже Ане Марию словно током пронзило, и она вполне пришла в себя, потрясённая этим зрелищем. Когда Август начал отсчитывать купюры, она поняла, что происходит нечто радостное для их семьи.

— Ох уж этот Август! — промолвила она.

— Да уж! — присоединился к ней и Каролус. — Мало того что я остался должен ему свою долю за невод, так он ещё и рассчитывается со мной за участок до последнего шиллинга.

— Смотри, Август, за что ты ни возьмёшься, всё тебе удаётся. А ещё ты организовал для нас почту...

Тут в разговор вмешивается Теодор, ведь это он зарабатывает свой хлеб на почте, это он представляет здесь полленскую почту.

— Да-да, — говорит он, — все жители Поллена должны порадеть для нашей почты. А что до меня, так я состою на службе, и ни одно письмо не пропадёт, пока я хожу с почтовой сумкой.

Каролус бросает взгляд на жену и спрашивает, не осталось ли у неё чего-нибудь в кофейнике? Если, конечно, Август не побрезгует... Но Август как раз собрался идти, у него совсем нет времени, ему просто необходимо уйти, ему надо ещё кое-что сделать...

— Да, тебе много чего надо сделать!

— И я вам расскажу, что именно, если только вы пообещаете мне молчать.

— Неужто мы не понимаем? Да мы ни словечком не обмолвимся.

— Ты это про что? — спрашивает Теодор.

Время от времени Эдеварт наведывался домой со стройки, а однажды воскресным утром Лувисе Магрете даже переслала ему весточку: что вот, мол, она совсем одинокая, что и Бог и люди — все её покинули и что она хотела бы с ним поговорить.

Эдеварт не так уж чтобы поспешил на её зов, он пришёл только после обеда; по дороге повстречал Августа и попросил составить ему компанию.

— Я знаю, чего она хочет, — сказал Эдеварт, — но ничем не могу ей помочь.

— Ты ступай вперёд, а я приду немного погодя.

Август быстро понял: у супругов получилась размолвка. Они не так уж редко говорили друг другу недобрые слова, некоторое время назад Лувисе Магрете вообще закатила истерику с визгом и криком, верно, на то была какая-нибудь особенная причина.

Август, исполненный уверенности и достоинства, потому как денег у него теперь было навалом, поднялся к ним в две их маленькие комнатки, что над кофейней.

— Вот хорошо, что ты пришёл, Август! — развязно воскликнула Лувисе Магрете.

Эдеварт выглядел смущённым и угрюмым, каким, собственно, и был всегда. Он сидел, уставясь в пол.

— Скоро придёт строительный материал для моего дома, — сказал Август, чтобы хоть как-то разрядить обстановку, — а я всё ещё не вывел фундамент.

— Вот как? — безразлично произнёс Эдеварт.

— Я пришёл попросить, чтоб ты мне подсобил.

— Как пожелаешь, — с готовностью откликнулся Эдеварт.

Но Лувисе Магрете тотчас добавила:

— Уж ты-то всегда найдёшь себе дело, потому что ты настоящий мужчина. А я знай торчу в Поллене безвылазно.

— Ох, миссис Эндрюс, — смеётся Август, — ты ведь не хочешь сбежать от мужа?

— А что мне здесь делать и что здесь делать моему мужу? — отвечает она возбуждённо. — Мы пробыли здесь уже семь недель. Разве не довольно?

— Ну да, Лувисе Магрете хочет съездить к себе в Доппен, — произносит Эдеварт.

— Так, небольшая поездка. Чтобы чуть-чуть размяться.

— Верно, — говорит Эдеварт, — но нам ведь надо собрать денег на билеты в Америку, так что надо экономить.

— Экономить — это конечно, но зачем, спрашивается, ты вообще сюда приехал? Мы вполне могли остаться там, где жили.

— Где жили? Так ты же сама хотела уехать с фермы.

— При чём здесь ферма? Я имею в виду Америку. Мы могли найти сотню других мест. И родня у нас там есть.

— Получилось так, — медленно и протяжно отвечает Эдеварт, — что мне вдруг захотелось домой. Это просто чувствуешь, и всё тут.

Лувисе Магрете обращается к Августу, как к третейскому судье:

— Да, вот так он сидел и говорил мне, сколько раз говорил, что ему тоже тоскливо, и, хоть мы вполне могли бы жить в больших городах, он непременно желал домой. Неужели он не мог просто написать домой письмо и получить ответ, как делают все люди?

— Не мог я писать, — бормочет Эдеварт, — просто не мог, покуда нам так плохо жилось. Я всё ждал и ждал, когда нам станет лучше.

Лувисе Магрете:

— Не так уж и плохо нам жилось. Что в Ла-Кроссе, что в Дулуте. Ты хорошо зарабатывал на лесопильне, мы могли одеваться не хуже других, иногда ходили в театр, а по воскресеньям ездили на поезде за город — уж и не знаю, чего тебе там не хватало.

Август сидел и слушал; этот бродяга, этот перекаати-поле вполне разделял мнение Лувисе Магрете, он тоже считал поведение Эдеварта неумным. Да и ответ Эдеварта прозвучал как-то глупо и неубедительно:

— Ну да, я побывал и на лесопильне, и в деревне жил, и в городе, но я нигде не видел такой красоты, пока не вернулся сюда.

— Куда сюда? — переспрашивает Лувисе Магрете. — В Поллен, что ли? Это в Поллене-то красота?

— Для меня красота, — отвечает он.

Лувисе Магрете рассмеялась, она продолжает смеяться, даже поняв, что Эдеварт и в самом деле растроган, как-то по-детски растроган.

— Ну тогда я на своём веку вообще ничего красивого не видела! А во Флориде? А в Техасе? Да просто голые прерии и то красивее, чем здешние места!

Эдеварт вдруг рассвирепел из-за подобного неуважения к его родным краям:

— Перестань трещать!

— Ха-ха-ха! — вырывается у Лувисе Магрете. Бояться ей нечего, здесь присутствует посторонний человек, более значительный, чем Эдеварт, и, уж наверно, он не бросит её в беде. Она его помнит ещё со времён Фусенланнета, тому уже целая вечность, но он и сегодня выпядит точно так же; он не изменился в мыслях, этот старый, непостоянный и невозмутимый человек, ей доводилось несколько раз говорить с ним за эти дни, и она увидела, что он как никто другой может понять это её вечное беспокойство, это отсутствие привязанности. Более удачного участника сегодняшнего разговора и представить себе трудно. У них одинаковые интересы, одинаковая тяга к перемене мест, одинаковый восторг при виде небоскрёбов и бурного движения на улицах, одинаковая жажда жизни и деятельности, событий и приключений.

— Не знаю, Август, как это тебе покажется, — продолжает она, чувствуя себя оскорблённой, — когда муж говорит с женой таким тоном. В Америке я никогда ничего подобного не слышала. Он велел мне перестать трещать!

Август:

— Да, так вот что я хотел сказать: если уж миссис Эндрюс так приспичило съездить в Доппен, чего ради ты возражаешь?

— Ну-ну, — говорит Эдеварт.

— Она просто хочет повидать усадьбу, где родилась, что ж тут такого удивительного?

— Так она уже там побывала, всё повидала, а вот остаться там не захотела, хотя раньше эта усадьба принадлежала нам. А теперь в

Доппене хозяйничают чужие люди.

— Остаться там?! — восклицает Лувисе Магрете. — Ты ведь не думаешь, будто мне хочется, чтобы меня там похоронили?

— Но ведь ты оттуда вышла.

— Как тебе это нравится, Август? Я оттуда вышла!

Август спрашивает:

— Скажи, Эдеварт, тебя смущают расходы?

— Да.

— Ну, миссис Эндрюс, тогда можешь сегодня же вечером отправляться почтовым пароходом, — возвещает Август. — С шиллингами затруднений не будет.

Лувисе Магрете прямо оживает на глазах, солнечный свет разливается по её лицу, она опять становится бойкой, указывает кивком головы на Эдеварта и произносит:

— Вот как говорит мужчина, если он настоящий мужчина, уж он-то не скажет: перестань трещать!

Август, не выходя из роли посредника:

— А теперь уймись, миссис Эндрюс.

— Уймись, уймись. Мне просто стыдно, что посторонний человек слышал, как он со мной разговаривает.

Эдеварт медленно поднял на неё глаза и ответил:

— Видит Бог, мне на моём веку доводилось и похуже разговаривать с людьми, нежели я разговариваю с тобой.

— Ты слышишь, ты слышишь, Август? Он опять за своё!

Лувисе Магрете была крайне возбуждена, измучена, длительная праздность, а может, и другие, более интимные причины сверх всякой меры наполняли её горечью; она поддалась чувству слепой несправедливости, порой её ужасно терзала мысль, что она, как ни крути, намного старше своего мужа, что ей недолго осталось быть красивой, что подступает старость и пора безумных ночей канула в прошлое. Разве сам он во время их дальних странствий не напоминал ей множество раз о том, какое у неё было раньше милое и невинное лицо: «А ты ещё помнишь, Лувисе Магрете, когда ты впервые прибежала к лодке босиком, в одной юбке и сорочке? Идём со мной, помоги мне спасти овечку, она застряла там, на скале, а уж до того славная овечка, да и шерсть у неё замечательная! А брови у тебя какие

были! Господи, какие пушистые брови, да разве одни брови, и глаза тоже, меня прямо в жар бросило...»

За минувшие годы он, верно, не раз говорил подобные глупости, ну чепуха да и только, настоящей леди не пристало слушать такие речи. Невинность? Это у матери с тремя детьми от первого брака!.. Ха-ха-ха! И эти разговоры насчёт бровей! В Америке она никогда ничего подобного не слышала. В жар его, видите ли, бросило! Какие вульгарные разговоры! Кстати, брови у неё и по сей день точно такие же, но разве теперь его бросает от них в жар?

— Он что, снова за своё? — в полном отчаянии спросила она Августа.

Эдеварт хотел что-то возразить, но Август остановил его, опять беря на себя роль посредника:

— Да будет тебе, Эдеварт!

Она достала пудреницу, припудрила нос и, обратясь к Августу, сказала свою обычную фразу:

— Это не для красоты, а для свежести! Красота меня теперь не слишком занимает, я с самого приезда хожу в том же платье, в каком приехала, у меня, правда, есть ещё одно, но и всё.

Молчание.

— Ладно, лучше я помолчу. Не то мне снова напомнят, что когда-то я ходила босиком, в одной юбке и сорочке.

Было ясно, что Лувисе Магрете вот-вот закатит истерику, её коричневые губы побелели, глаза заблестели каким-то необычным блеском.

— Он часто говорит, что мы с самого начала вели себя как безумные, — продолжала она без тени смущения, — говорит, у нас всё началось с греха, а потому не может так продолжаться.

Август:

— Да будет тебе!

— Но моего мужа никто в Америке и не находил, мне пришлось выдумывать всякую всячину, чтобы снова туда попасть. Он исчез, и его до сих пор не могут найти. А к тому же мы с ним были в разводе...

— Верно, верно, миссис Эндрюс.

— Стало быть, ничего греховного мы и не совершали. Это он мне всё говорил, что мы начали с греха, так оно и шло год за годом, но ведь не может грех продолжаться всю жизнь!

— Ну хватит...

Лувисе Магрете выронила из рук пудреницу, и она подкатилась к ногам Эдеварта, тогда он встал и подал ей пудреницу. В этот миг выражение недовольствия мелькнуло у неё на лице. Она словно испугалась, что Эдеварт станет заплакивать случившееся и что они снова помирятся.

— Замолчи! Брось эту пудреницу! — взвизгнула она и разразилась истерическими рыданиями.

Август растерялся, поглядел по сторонам и явно решил, что ему лучше уйти отсюда. А Эдеварт кивнул и промолвил:

— Так я и знал!

Теперь правота была на его стороне. Да, Лувисе Магрете тоже приходилось несладко, тупое долготерпение Эдеварта угнетало её и доводило до истерики. Конечно, всякий может догадаться, что он желает ей зла. Её сотрясали судорожные рыдания, выглядела она ужасно, лицо у неё исказилось, и нос был мокрый от слёз, и вообще... но Эдеварт молчал, то есть про себя он, может, и смеялся, и был рад, что у неё перекосилось лицо, но не хотел ни сказать, ни сделать что-нибудь, чтобы оно приняло прежнее выражение.

Лувисе Магрете храбро снесла своё унижение, она выпрямилась и взяла себя в руки.

— Не уходи! — крикнула она Августу. — Посиди ещё немножко, сейчас у меня всё пройдёт, ничего такого не случилось, просто я немного вышла из себя. И не бойся, что я вдруг начну кричать, хотя мне и кажется, будто и Бог, и люди отвергли меня, но кричать я не стану!

Эдеварт сидел грузный и молчаливый, ведь он мог хоть немного помочь ей, например сказав доброе слово или погладив по волосам, если, конечно, у него было сердце. А она, которая всё время, всю жизнь остерегалась поминать своих детей от первого брака, лишь бы не причинять ему ненужную боль...

Лувисе Магрете сдержала слово, она больше не кричала, только всхлипывала, и прошло немало времени, прежде чем она успокоилась.

Вот как всё кончилось.

Эдеварт вернулся к себе в Новый Двор, а Лувисе Магрете начала складывать свои вещи, дорогие баночки с мазями и флакончики с чудодейственными каплями. Словом, не такой уж великий багаж

погрузила она в почтовую лодку, да и вообще для неё всё это, должно быть, странно выглядело; день уже клонился к вечеру, грести предстояло всю ночь, чтобы к утру оказаться у пароходной стоянки. Холодный, ночной бриз задувал над Полленом.

А несколько часов спустя из Нового Двора приходит долговязый мужчина и пробирается к лодочным сараям. Ночь на дворе и тьма, мужчина ищет лодку, но никакой лодки здесь нет, а есть шлюпка от большого рыбацкого баркаса. Мужчина взволнован, он спешит, а потому и не размышляет, он садится в шлюпку, подгребает к баркасу, втаскивает в него шлюпку и отвязывает чалку, а потом садится на вёсла, пару огромных вёсел.

И получается, всё получается, баркас идёт очень тяжёло, мимо мыса, мимо островов. Мужчина гребёт много часов подряд, зачем-то ему надо к пароходному причалу, он хочет вовремя подгрести, и встать, и помахать рукой. Разлука недолгая, недели всего на две, но ему непременно хочется помахать, так он решил. Лишь бы успеть вовремя, восток уже начинает светлеть, но в работе он как лошадь, знай себе гребёт да гребёт.

И конечно же он опаздывает и уже издали видит дым из трубы, пароход берёт курс в открытое море. Он складывает вёсла и сплевывает. Слишком долго он размышлял, прежде чем спуститься к лодочным сараям, да и то сказать, против судьбы не попрёшь. Он снова сплёвывает, утирает лоб, приводит себя в порядок. И вдруг застывает в изумлении: дым повернул, он дугой повис в воздухе, дуга всё больше и больше смыкается, теперь это уже не дуга, а кольцо. В чём дело? Пароход не выходит в море. Он возвращается к причалу, описав дугу. Человек снова налегает на вёсла, гребёт, он ещё успеет; он ещё придёт вовремя.

И однако же он не поспевает, не поспевает обойти последний мыс. Ах, если бы он тогда не положил вёсла на эти несколько минут. Теперь же ему остаётся лишь глядеть на кольцо дыма над морем.

Вот так и закончилась вся эта история.

VIII

Август ладит себе дом: две комнаты, коридор и кухня внизу, две спальни наверху. С ним работают ещё четверо. Во-первых, Эдеварт,

причём Эдеварт не из плохих работников, он много чему выучился, когда работал на ферме и ставил там небольшие домишки.

Раз уж Август строит дом, это будет не обычная для Поллена четырёхстенка с дёрновой крышей, нет и нет, его дом будет походить на виллу или дачу с балконом здесь и эркером там, с тентами, с верандой на точёных столбиках, с цветными стёклами в двери, арками на фронтоне и шиферной крышей. Получался, чёрт подери, совсем заграничный дом, ни у кого в Поллене такого не было. Но всего пуще задумывались люди, зачем Августу понадобилось так много комнат.

— Ты что это затеял? — спросила у него Поулине. — Ты что, строишь в расчёте на жену и детей, хочешь начать другую жизнь?

— Теперь я с этим спешить не стану, — отвечал Август, — мы уже видели, к чему это приводит, когда человек вдруг захочет начать другую жизнь.

Оба подумали при этом об Эдеварте и Лувисе Магрете, об их спорах и семейных сценах, воспоминания о которых очень угнетали обоих. У Поулине они всё время не шли из головы.

— Ты не знаешь, почему она так долго не приезжает из Доппена? — спрашивает она.

Август оглядывается по сторонам и отвечает, понизив голос:

— Конечно, знаю. Она просто сбежала.

— Да что ты говоришь!

— Сбежала, сбежала, она проехала мимо Доппена.

— Ты что, дал ей так много денег?

— Довольно, чтобы переправиться через Атлантику, если только пожелает.

Поулине качает головой и смотрит в пол, чтобы скрыть свои чувства, все последние недели она питала эту тайную надежду. Теперь она боится себя выдать и осторожно уходит от скользкой темы:

— Если, по-твоему, дело и впрямь так обстоит, тогда ты можешь переехать в свою комнату над кофейней. Ты где ночевал всё это время?

— Ну не всё ли равно, где человек ночует? Мне приходилось спать то в глухом лесу, то на палубе корабля, то в пустыне, то на пуховиках, меня это вообще не волнует.

— А мне сдаётся, я видела соломинки на твоей одежде.

— Ну и что? Я ночевал на сеновале у Каролуса, там хорошо и мягко. Я привык к этому с прежних времён, — бодро добавляет Август, — однажды в молодые годы я просидел там целую ночь, играя на гармонии.

Поулине:

— Верно, верно, я совсем забыла тебя спросить: почему ты больше не играешь? Ты ведь был великий мастер. У тебя что, гармонии больше нет?

— И мастером я не был, и играть больше никогда не стану, — отвечает Август, — ведь не затем же я топтал эту землю сорок семь лет — хорошая цифра, верно? А музыка — чепуха какая-то! Я и пить больше не пью, и не занимаюсь больше тем, что называется любовью, или там женщинами, всё это сплошь чепуха, всё это дела одного сорта. Ты, к примеру, слышала когда-нибудь, чтобы я говорил по-русски, или по-английски, или на языке людоедов? Баста! А ты слышала, чтобы я, как встарь, привирал, выдумывал, преувеличивал? Этого тоже больше не будет! Рано или поздно мы должны все это осознать и стать наконец-то взрослыми людьми.

У Поулине такие слова, должно быть, вызвали некоторые сомнения. Она перебила его:

— Короче говоря, ты можешь снова переехать в свою комнату.

— Пока не могу, — ответил Август. Затем этот старый невозмутимый мореход и бесстрашный холостяк добавляет: — Потому как Эдеварт может тогда подумать, будто её больше нет, будто она умерла.

— Думаешь, он всё ещё ждёт?

— Может, и ждёт, не могу сказать.

— А ты не хочешь переговорить с ним?

— Я малость погожу, вдруг ещё придёт письмо. У нас сегодня какое число?

— Двадцатое.

Август вскидывает руки и снова опускает их.

— Ты чего? — спрашивает Поулине.

— Я совсем забыл про восемнадцатое, — мрачно говорит он и вдруг ни с того ни с сего начинает смеяться: — Никак не могу припомнить, что случилось восемнадцатого. Ты, часом, не помнишь?

— Ты это о чём?

— Да так, ни о чём. Я просто всё выдумал.

Шкиперы и артели с рыбацких шхун, стоящих в заливе, теперь частенько наведываются в Поллен по праздникам или когда им просто надо пришвартоваться и разглядывают новый дом Августа. Там и в самом деле есть на что поглядеть: непривычный и замысловатый, он словно выскочка среди других домов, а внутри всё так здорово, все комнаты соединены между собой, в стены встроены шкафы и кладовки. Август охотно всё показывает.

— Ах, будь у меня такой дом! — говорят люди. — Эта крыша долго продержится. А уж цветные стёкла во входной двери — просто чудо.

Один из шкиперов несколько раз осматривал дом и под конец надумал его купить. Этот дом вполне подошёл бы для его семьи. Если он осядет в Поллене, ему не придётся всякий раз между осенней и весенней путинами мотаться туда и обратно. Есть и другие преимущества: и дом уже почти достроен, и в Поллене хорошая гавань для его шхуны. Так вот, что думает по поводу такой сделки сам Август?

Они переговорили; вообще-то Август не собирался ничего продавать, но и отказать наотрез он тоже не отказал, во всяком случае, пока он сам туда не въедет, об этом и говорить нечего.

— А что бы ты запросил за свой дом?

— Если я и надумаю его продать, то возьму столько, сколько мне стоил участок вместе с домом, слишком большую цену я не назначу, я никогда не хватаю через край, здешний народ меня знает. — И он назвал сумму. Она была просто фантастической. Но пусть шкипер не забывает, что на строительство пошли материалы из Намсена, а цветные стёкла, так те и вовсе из Индии, а шифер из Малангена, словом, сюда были доставлены не какие-нибудь там пустяки, из которых в конце концов и появился этот дом. Шкипер был человек не бедный, он ходил на собственной шхуне, и деньги у него водились, возможно, ему тоже хотелось показать себя мужчиной и не торговаться без нужды, короче, дело кончилось тем, что и дом, и участок перешли в его собственность; одна сторона платит наличными, другая оформляет документы. А имя этому покупателю было шкипер Роландсен.

— Я вообще-то и не собирался продавать, — объяснял Август, — но в Поллене должна кипеть жизнь, а значит, нужны сделки с недвижимостью.

Да, конечно, сделки были нужны, но Август снова заделался бесприютным бродягой, а Каролус несколько обиделся на то, как Август обошёлся с его участком. Мало того, Август поставил самый красивый дом во всей округе, и такого больше никогда не будет. Но теперь это уже не моё дело, завершал свою речь Каролус.

— Видно, такая уж у меня судьба, — говорил со своей стороны Август. — Вот я и невод купил как-то на неделе, а на другую уже продал его. Похоже, у меня и впрямь такая судьба, что не суждено мне иметь ни дома, ни своего угла на этой земле.

Растроганная его унылым тоном, Ане Мария сказала:

— Не надо так думать, Август.

Она припоминает деньги, которые он заплатил за участок, для неё это была большая радость, право же, теперь ей не нужно долго ждать, когда она приходит за кофе в лавку Поулине, у неё есть наличные, пусть теперь дожидаются другие. Она бросает взгляд на мужа и говорит:

— Ты бы выделил Августу другой участок.

Каролус долго молчит, потом говорит уклончиво:

— А откуда нам знать, что Август снова будет строиться?

Да-да, Август снова будет строиться, он хочет снова испытать судьбу. Теперь он в состоянии уплатить за участок больше при условии, что ему выделят участок повыше шкиперского дома. Как считает Каролус, может ли он продать этот лужок?

Долгое молчание. Каролус хочет всё хорошенько обдумать.

И сделка опять состоялась, потому что сулила много денег. Каролус продал участок, и Август затеял новое строительство. Для Поллена это было сущей благодатью, потому как у рыбаков настал мёртвый сезон, люди сидели без заработка, а нужно было четыре плотника, да ещё возчики, да ещё маляры, и у всех у них много недель подряд была постоянная работа на стройке. Август платил каждую субботу, а в результате деньги стекались в лавку к Поулине. Торговля набирала оборот.

Август же стал привередливым заказчиком, новый дом получался ещё заковыристей, в коридоре нижнего этажа теперь сделали окно и

застеклили его красным и жёлтым стеклом. Дом получался чудесный, поистине волшебный, человеку, вошедшему в этот коридор, казалось, будто он попал в сказку: если поглядеть через окно, то трава становилась красной, а море жёлтым, простой народ и полленские варяги никогда ещё не видели подобного зрелища, это зрелище проникало в душу, словно стрела пронзала разум, и человек невольно останавливался, глуповато улыбаясь.

Думаете, на этом и кончались изысканность и роскошь нового дома? Ошибаетесь, ибо Август завершил это великолепие белым штaketником вокруг участка, а ещё флагштоком на крыше дома.

— Уж и не знаю, чего здесь теперь не хватает, — высказался по этому поводу Август и, прежде чем поднять флаг, посмотрел по сторонам.

Он вошёл в свой дом с гордым видом, огляделся малость и что-то пробормотал. Эдеварт шёл следом, старые друзья держались заодно и желали друг другу только самого хорошего.

Август спросил:

— Я видел, тебе в полдень принесли письмо?

— Да, — отвечал Эдеварт, — это от Лувисе Магрете. Она, верно, пишет, что скоро вернётся.

— Ты что ж, не читал его?

— Нет, времени как-то не было.

— А где она?

— А где ж ей быть-то? Сдаётся мне, в Доппене или где-нибудь поблизости.

— До чего ж глупо, что ты до сих пор так и не прочёл его, — сказал Август.

Эдеварт, вдруг разозлившись:

— Можешь взять и сам прочесть.

— Марки-то американские! — говорит Август и вскрывает письмо.

У Эдеварта такое чувство, будто он получил пакет с сюрпризом, послание с небес.

— Что же это получается? Выходит, она не в Доппене? А я только на почерк и поглядел. В Америке, говоришь? А где именно?

— О, у вашей дочери, у миссис Адамс, — читает Август, — куда ждёт и тебя, как только накопишь денег на поездку.

Во время чтения письма Эдеварт кивал и улыбался. Подозревал ли он и раньше, что жена его сбежала? По нему ничего не было видно, он с великим интересом слушал каждое слово, а под конец сказал:

— Ты смотри, она, выходит, напрямиком направилась в Америку — да, уж она-то умеет поставить на своём. Иногда у нас в Америке не было денег на проезд, тогда она заводила беседу с кондуктором — а уж по-английски она говорила как никто другой — *mister, billetten* ветром унесло, ещё на платформе, прямо вырвало из рук...

Эдеварт всё говорил и говорил; обычно молчаливый, он вдруг стал очень общительным, не важно почему, то ли желая выгородить жену, то ли прикрывая таким образом какую-то внутреннюю неловкость. Придя в лавку, он продолжил в том же духе и, между прочим, как великую новость сообщил Поулине, что Лувисе Магрете сейчас в Америке — в самой Америке, чтоб ты знала; можно только удивляться, что она в Америке, а не в Китае, потому что она на редкость лихо путешествует по всему миру.

Мне будет её не доставать, когда я один поеду к ней. Просто замечательно, не унимался Эдеварт, что она проспала остановку в Доппене, а потом решила ехать напрямиком до Америки. А у нашей дочки ей, само собой, живётся очень хорошо. Но я всегда буду говорить, что не каждый сумел бы проделать такое путешествие. Теперь она, конечно, умоляет меня приехать к ней. Так что дай мне хорошей бумаги, Поулине, я напишу ей ответ.

И снова пошла сельдь, и снова её заперли в заливе. Йоаким собрал свою артель и вышел в море, суда перекупщиков снова наполнили бухту, снова закипела работа, началось движение, оживилась торговля. В праздничные дни или по какой надобности шкиперы и их команды сходили на берег, разглядывали дома Августа, навещали Роландсена, который переехал в свой новый дом с женой и детьми, толпились вокруг новостройки Августа, и тот любезно разрешал им зайти в коридор и поглядеть сквозь разноцветные стёкла.

И вот настал день, когда объявился покупатель и на новый дом Августа.

Продавать Август не собирался. Да и дом получился неслыханно дорогой, гостиная оклеена редкостными обоями, в коридорное окно вставлено индийское стекло.

Но покупатель очень уж разохотился, а к тому же он был совсем не прочь переплюнуть шкипера Роландсена. Короче, сколько хочет Август за свой дом?

Август вовсе не думал наживаться на продаже, вдобавок он вёл большие дела в Гамбурге и в других городах — вы только взгляните, у него карман полон писем, пришедших вчера и сегодня. Ну и к тому же он ставил этот дом лично для себя.

Но прошло несколько дней, и Август всё-таки сдался. Покупателем на сей раз был молодой хозяин рыбацкой шхуны, некто Габриэльсен, сын человека, который лет эдак двадцать назад держал здесь, в Поллене, торговлю и разорился. Сын его был воспитан в довольно роскошных условиях, он выучился у гувернантки немецкому языку, вырос у состоятельных родственников из торгового сословия, был обручён и строил серьёзные планы касательно будущего семейного очага, а пока суд да дело, стал хозяином самого красивого дома в Поллене. А сам Август в третий раз стал бездомным.

— Ну и ну, — сказала Ане Мария, — теперь я уж и вовсе не знаю, как тебе пособить.

— Верно, — согласился Август, — ты права.

— А если подождать, когда Каролус вернётся с путины, всё равно, пожалуй, толку не будет?

— Не будет.

Августа удивляет, что некоторые люди так не любят продавать землю. Ведь они получают за неё наличные деньги. Разве это не укрепляет торговлю?

Ане Мария утвердительно кивнула: продав два участка, они с мужем стали совсем другими людьми, они стали людьми денежными, можно даже сказать, мелкими капиталистами, теперь у них отложен некоторый капиталец, скоро они смогут партиями закупать товар в лавке Поулине и платить за него наличными. А как это важно для самой Ане Марии! Пусть она даже и отбывала в своё время наказание, но ведь это приключилось, когда она была совсем молоденькая и мало что понимала. На какие только безумства способна молодость, порой её за это наказывают, но со временем всё становится на свои места.

— Не думай, что я снова хочу строиться, — продолжал Август, — я подал пример, теперь пусть строят другие, если им захочется, но со

временем Поллен станет большим городом, и промышленность здесь будет, и всякое такое.

— Сам ты, значит, больше не собираешься? — спрашивает Ане Мария.

Август:

— Не собираюсь. Просто я хочу купить участок, чтобы посеять на нём что-нибудь.

Ане Мария, вероятно, подумала, что для этого ему не понадобится покупать большой участок. Август продолжал:

— Маленькой делянки повыше того места, где я строился прошлый раз, мне бы вполне хватило. Я там хочу кой-чего посадить, что именно, пока не скажу, но в чемодане у меня лежат семена. Я готов даже заплатить больше, чем положено.

— Больше, чем положено?

— Говорят тебе, больше. Впрочем, стоит ли сейчас об этом вести речь, всё равно Каролуса нет дома.

Неожиданно Ане Мария говорит:

— Что, если ты просто пойдёшь и начнёшь осваивать эту делянку до того, как вернётся Каролус?

— А разве можно?

— Так он же получит за это деньги.

И тут вдруг в Августа словно вселяется дьявол: он бросается к Ане Марии и начинает обнимать её. Просто удивительно, у него на лице появилось такое отчаянное выражение, а она, верно, и вообще не поняла, в чём дело, она просто таращилась на него и ничему не препятствовала.

— Ах, если бы я только посмел, — услышала она вдруг его шёпот.

— Что посмел?

— Ничего.

— А сейчас ты не смеешь? — спросила она.

— Нет, сейчас не смею, пока, ещё целый год!

«Глупость какая», — подумала Ане Мария и высвободилась из его рук.

Впрочем, они с пользой провели время: Ане Мария осталась с толстой пачкой денег в руках, Август же ушёл от неё, заделавшись владельцем очередного участка. Роскошный кусок луга, позади — гора, по краю бежит ручей, земля чистая, без камней, лучше и желать

нечего. По Августу было незаметно, что он намерен ставить здесь новый дом и тем загубить дорогую, плодородную делянку, похоже, он навсегда покончил со строительством, если, конечно, верить его словам. А когда Каролус вернулся с тони и никакой косяк им запереть не удалось и, следовательно, не удалось и заработать, Ане Марии уже не стоило большого труда заставить его примириться с продажей луга. Она просто взяла и вручила ему деньги.

— Вот здорово! — вскричал потрясённый Каролус. Итак, теперь всё было в полном порядке.

Август часто навещался на судёнышки перекупщиков и рыбацкие шхуны, что стояли в бухте Нижнего Поллена; он был отменный рассказчик и хорошо разбирался во многих вопросах, никто больше не сомневался в его богатом жизненном опыте, у него часто спрашивали совета, и он с любезной готовностью всем отвечал. И ему очень было по душе, что мало-помалу люди стали величать его на «вы».

— Ах, когда б вы и для меня построили дом, — говорили они.

— Возьми сам да и построй, — отвечал Август, — так оно дешевле выйдет.

— Где уж мне, у меня даже участка нет.

— А вот этому горю можно подсобить.

— Пустое говорите. У меня и денег-то на строительство нет.

Август задумывается:

— Просто безобразие, что у нас в Поллене до сих пор нет банка. Потому что под строительство ты мог бы получить заём.

То обстоятельство, что Август по своему добросердечию никогда никого не отвергал, снискало ему дружбу многих людей. Он часто мог указать спасительный выход, найти светлое пятно в кромешной тьме, а некоторым он и вообще помогал, причём не только словами.

Заявился к нему Родерик, сын Теодора и Рагны, возивший вместе с отцом почту, молодой, бодрый парень, которого все кругом хвалили за его работу в здешних усадьбах. Итак, пришёл он к Августу, поначалу даже не мог сказать, чего ему надо, но постепенно стало ясно, что у него есть сто тридцать крон, другими словами, тридцать талеров, а дела теперь обстоят так, что его девушка хочет, чтоб они поженились, но ему-то это не к спеху, совсем не к спеху, пусть Август даже и не думает...

— Сто тридцать крон, — сказал Август, — сколько раз у меня и поменьше бывало на руках, эка беда.

— Взаправду? Но ведь на сто тридцать крон дом не поставишь.

— Вот здесь ты прав, — ответил Август, — А участок у тебя есть?

— Есть. И я могу пристроить свой дом к отцовскому, тогда на одну стену будет меньше.

Август кивает и спрашивает:

— А ты не можешь подработать в заливе, когда пойдёт сельдь?

— Понимаете, я ведь должен возить почту к пароходу, а это обычно занимает два дня в неделю, чтоб туда и обратно. Когда я после этого заявлюсь в залив, окажется, что засольщики и разделочники уже почти всё сделали, а я останусь ни с чем. Я уже пробовал.

Август задумывается.

— Дело в том, что эта самая доставка писем для меня хорошее место, вдобавок я получаю за прокат лодки и твёрдое жалованье не только в путину, но и весь год.

И тут Август углядел во тьме луч света:

— Во-первых, возьми у кого-нибудь на один день займы лошадь, а к лошади плуг и вспаши мой участок, что повыше Габриэльсена. Получишь от меня двадцать крон, и станет у тебя сто пятьдесят.

— И то правда.

— Конечно, всего бы лучше взять паровой плуг, как это делают во всём мире, — говорит Август, — но, пока такой добудешь, уйдёт время. А когда вспашешь, начинай боронить, это самое важное, знай себе борони да борони, пока я не скажу — хватит.

— А что вы хотите у себя посадить?

— Когда кончишь, обнеси весь участок столбами и натяни на них колючую проволоку. Ты умеешь делать такую работу?

— Да, приходилось. А зачем вам это нужно?

— Когда кончишь боронить, ставить столбы и натянешь проволоку от свиней, получишь от меня ещё пятьдесят крон.

— Здорово! — восклицает Родерик.

И Август завершает разговор следующими словами:

— А об остальном мы поговорим, когда ты всё закончишь.

Не только Родерику помог Август выстроиться в Поллене. Но для начала следовало обзавестись участком. Август по очереди обходил землевладельцев и доказывал, что для них самое лучшее продать часть

земли и получить наличные деньги, он побывал и у Ездры, но тот сказал: «Нет», он побывал у Йоакима, который просто посмеялся над ним, он переговорил в очередной раз с Ане Марией и Каролусом, но поначалу и здесь не имел ни малейшего успеха.

Сейчас Август старался для двух перекупщиков, каждый из них желал построить небольшой дом, но чтоб только по его собственному усмотрению: четырёхстенка, дерновая крыша, им только и нужно было, что участок да одна фура песчаной почвы, чтобы посадить на ней полбочки картофеля, а пашня или там луг им были вовсе ни к чему. Август переговорил с Каролусом и Ане Марией, он дал понять, что, если б речь шла о его собственной земле, он бы продал всё до последней пяди и получил бы за неё наличными, раз уж пришло такое благоприятное время. На кой Каролусу вообще надо столько земли? Детей, чтоб было кому оставить наследство, у них нет, годы у него уже немолодые, ему приходится нанимать помощника и круглый год трудиться в поте лица своего. Куда лучше иметь толстую пачку денег в кармане...

С участками для этих двоих всё уладилось наилучшим образом. Каролус продал землю. В основном это Ане Мария не пожалела сил, чтобы убедить Каролуса, насколько прав Август. Она и вообще-то была куда проворнее, чем муж, когда надо было быстро сообразить что-нибудь. В её лице Каролус имел надёжную поддержку и опору.

Продажа и покупка участков охватила весь Поллен, сюда заявлялись люди из окрестностей, началось великое переселение народов, приезжие скупали участки и ставили на них дома, каждый по своему вкусу и возможностям. Эдеварт заделался плотником, переходил от одной стройки к другой, не давая себе ни дня отдыха. Он не отправился в Америку, как хотел раньше, он всё откладывал и откладывал поездку, у него не хватало даже времени, чтобы ответить на письма Лувисе Магрете; он больше не был сочинителем писем, как в молодые годы, держать в руках перо казалось ему теперь невероятно трудным делом, плотницкая работа была для него много интереснее, а свою новую специальность он осваивал всё лучше и лучше. Господи, только поглядеть, как лихо он работал топором, пилой и молотком, эдакая лошадка-трудяга — с раннего утра до позднего вечера, — и получалось здорово, за собой он повсюду оставлял горы опилок. Под конец люди просто начали драться за

Эдеварта. Он не говорил больше ни одного слова не по делу и никогда не улыбался, он сам по себе стал гарантией непрерывной работы, теперь ни один из новых переселенцев не желал обходиться без Эдеварта, они переманивали его друг у друга, обещая заплатить больше.

Мог ли при таких обстоятельствах идти разговор об отъезде в Америку? Ей и без того распрекрасно живётся у нашей дочери миссис Адамс. Эдеварт не желал для себя лучшей жизни, чем та, которую он вёл сейчас.

Вот и Августу жилось совсем неплохо, ведь он считался преобразователем Поллена, его вдохновителем, и принимал свой триумф как вполне заслуженный. В Поллен притекло много наличных денег, строительные площадки приносили тысячи крон, рабочие и возчики отлично зарабатывали, недоимка по налогам всё время падала, и всем этим расцветом Поллен был обязан Августу. Это он нажал пальцем на нужную кнопку, и весь механизм пришёл в движение, оставалось лишь осуществить его ясный и чёткий план: превратить Поллен в большой город.

— Да, — говаривал Август, — мы должны бежать наперегонки со всем миром, не то мы снова окажемся на земле. — Не без оснований он утверждал, что своими роскошными домами придал блеск родному селению. — Ну где ты можешь ещё так уютно отдохнуть в тени, как под моими полотняными маркизами? — спрашивал он.

— Да, но здесь ужасно холодно, я прямо вся посинела, — отвечала на это мадам Роландсен, шкиперова жена.

— Ну тогда ступай к себе в коридор, — парировал Август, — где ты ещё видела такие цветные стёкла? — В общем, у Августа был на всё готов ответ, да с ним никто и не спорил, ибо всякий мог собственными глазами наблюдать небывалый расцвет Поллена: селение разрасталось, домов стало штук на двадцать больше, и застройка здесь оказалась даже более частой, чем в Верхнем Поллене, который всегда мнил себя выше, вот дайте срок, того пляди, и церковь, и пасторат тоже переберутся в Поллен.

Большие перемены, у всех в руках деньги, у всех отменное настроение, беззаботная жизнь, радость в глазах. Даже Ане Мария радовалась и процветала. Начать с того, что она заставила мужа продать восемь участков, с её точки зрения, это были восемь

одержанных побед. Поскольку на оставшемся участке Каролус не мог прокормить хотя бы одну лошадь, он начал тревожиться за будущее своей усадьбы.

— Деньги у нас теперь есть, просто девать некуда, — говорил он жене, — но мы распродали по кусочку всю свою усадьбу.

Возражать было трудно, Ане Мария не перечила ему, лишь глазами сверкала, хотя и была вполне права. Она вообще держала себя по-умному: уговаривала его по ночам.

Ане Мария начала откровенно поминать в разговорах, что отбывала когда-то наказание. Хуже она от этого не стала, но люди избегали её и не хотели с ней встречаться. Право же, она могла рассчитывать на иное отношение, поскольку вернулась из других краев, из мест куда более значительных, чем Поллен. А что об этом думает сам Каролус? Ведь он человек, который много чего понимает, в своё время был старостой и вообще кем он только не был, так вот, что думает Каролус по этому поводу, разве я не права? Она побывала в дальних краях, она многому выучилась, видела другие города, встречала множество людей, слушала их речи, полленцы должны в ноги ей кланяться и расспрашивать её про Тронхейм. Но не тут-то было. Разве ей не приходилось раньше стоять в лавке у Поулине и просить, чтоб ей продали полфунта кофе? Зато теперь, зато именно теперь, Каролус, когда мы продали эти участки и у нас полно денег: «Прошу фунт кофе, да, пожалуйста, поскорей, у меня кастрюля на огне выкипает». И Поулине спешит изо всех сил. Не хватало ещё, чтобы она... Не то она рискует, что жена богатого Каролуса в конце концов просто закажет себе в Верхнем Поллене целый мешок кофе с доставкой на дом.

Каролус польщён:

— Ха-ха-ха! Нет, этого себе Поулине позволить не может.

— Она и ещё много чего не может себе позволить. Теперь она обращается ко мне на «вы».

Но Каролус всё никак не может примириться с тем, что усадьба почти вся распродана и что пришлось пожертвовать лошадью, ведь это было для него главное занятие. Подобно тому как Езра в Новом Дворе заделался зажиточным крестьянином, Каролус был самым крупным землевладельцем в Поллене.

— На что тебе жаловаться! — восклицает Ане Мария. — Тебе, который стал богачом, а при желании можешь стать и ещё богаче? Разве ты когда-нибудь раньше пользовался таким уважением? Разве ты хочешь поменять свою теперешнюю жизнь на прошлую?

Тут она была права: ещё ни разу, ни когда он был владельцем баркаса и главой артели на Лофотенах, ни когда он был старостой в родном Поллене, к нему не относились с таким уважением. Теперь он только расхаживал по городу да курил трубку, словно сам ленсман, а все, кто попадался навстречу, с ним здоровались. Или взять хотя бы одежду. Разве он выходил теперь из дому в грязных штанах? Или подвязывал шнурком подметку своих ботинок? Неизменную зюйдвестку он повесил на гвоздь, а вместо неё купил себе шляпу. На шее у него теперь красовался разноцветный шерстяной шарф. Он даже по будням расхаживал с карманными часами на блестящей цепочке да и ещё в галошах!

Нет и нет, Каролус ничего не хотел менять. Эта чертова — благослови её Бог — Ане Мария и на сей раз быстрее, чем он, схватила самую суть, спору нет, это она играла в их семье первую скрипку!

Каролус в глубине души признавал, что он не так уж и нужен своей, охочей до мужчин жене, он был не слишком даровитый и вдобавок ленивый человек, который предпочитал, чтобы его оставили в покое, хотя много лет назад он испытывал приступы ревности. Жена у него не отличалась кротостью, она была незаурядная женщина, на свой лад великодушная и гордая, а к тому же очень обаятельная, если ей того хотелось. Читать она умела с детских лет, а когда ей пришлось сидеть там, на юге, она выучилась также и писать, она писала буквы, цифры и слова; она брала на себя всю писанину при продаже земли. Муж лишь дивился её быстрой руке.

Короче, Ане Мария сумела заговорить мужа, а под конец она и вовсе сама написала все контракты при распродаже строительных участков, книзу, до самых лодочных сараев.

Каролус сказал:

— Теперь у нас осталась только верхняя пашня над домом, с неё не прокормишь даже двух коз, чтоб было молоко к кофе.

Но зато нагрудный карман у него теперь так оттопыривался, что дальше некуда.

Август сказал Каролусу:

— У тебя бумажник уже трещит по всем швам! Ой, пора, пора открывать банк в Поллене.

— Угу, — ответил Каролус.

— Ведь не можешь же ты таскать с собой все свои деньги! Ты должен поместить их в полленский банк и получать с них проценты.

— Угу, — ответил Каролус. Он по-прежнему ничего не понимал. А вдобавок ничего не имел против того, чтобы расхаживать среди людей и выхваляться своим толстым бумажником. Каролус вообще любил быть на виду.

— Сегодня вечером мы соберёмся у Йоакима, чтобы переговорить насчёт банка, — продолжал Август. После всех разговоров на эту тему Август не сомневался, что Каролус не захочет оставаться в стороне.

И Август пошёл дальше, извещая всех о предстоящей сходке, он собрал народ, он вспомнил самые разные имена, против одних ставил галочки, других вычёркивал. Перед этим он перетолковал со скиперами и хозяевами неводов в Нижнем Поллене, затем пошёл к той новостройке, возле лодочных сараев, где работал Эдеварт, заставил его спуститься с лесов и ввел в курс дела.

— Да у меня всего-то и наберётся крон пятьсот, — жалким голосом признался Эдеварт.

Август рассмеялся:

— Ну и чудак же ты! Впрочем, ты всегда был таким. Да не нужны мне твои кроны, сегодня вечером мы только поставим свою подпись и внесём по десять крон с каждой сотни, а уж потом, через месяц, надо будет внести остальное. Но пятьсот крон — это всё равно очень мало, это ведь всего-навсего пять акций, а для начала надо их иметь не меньше ста.

— Но у меня больше нет денег, — говорит Эдеварт.

— Тогда слушай: собрание будет сегодня в семь часов, за председателя сядет Йоаким, твой брат, а если он не захочет, тогда я, но уж протокол-то вести он, во всяком случае, не откажется. Когда мы начнём ставить свои подписи, не лезь первым, потому что я с этим делом покончил, я больше не вру и не хвастаю, но когда двое или,

скажем, трое из Нижнего Поллена подпишутся на какую-нибудь чепуху, тогда придёт твой черёд и ты выкрикнешь: пятьдесят акций!

Эдеварт вздрагивает:

— Сколько-сколько?

— Ну это уж не твоя печаль, — успокаивает его Август, — денег я тебе дам. Вот тебе для начала пятьсот крон на сегодняшний вечер.

— Ну раз так, — говорит Эдеварт и берёт протянутые ему бумажки.

— Только об этом никто не должен знать, смотри же, никому не рассказывай!

— Ладно.

— Понимаешь, я теперь стараюсь не привирать, но, если ты попросишь пятьдесят акций, другим станет стыдно просить меньше, и они потянутся за тобой.

Эдеварт кивает.

Часы показывают семь.

Гостиная у Йоакима набита битком, все сплошь держатели акций, а к ним в придачу — Теодор. Царит торжественная тишина. Йоаким, который в общем-то привык вести всякого рода собрания, на сей раз уклонился, потому что не слишком понимает, что происходит, и просит уволить его от этого. Август любопытствовал, готов ли он, по крайней мере, вести протокол.

Отчего ж, протокол он вести может. В смысле писать...

Итак, Август поднимается со своего места. Обычно на собраниях селения тот, кто говорит, не встаёт, но Август, ох уж этот Август, чёрт его подери, встал. Август говорил свободно, не так чтобы очень логично, но увлекательно, громким голосом, про то, «как оно есть в других краях», адресуя свои призывы к досточтимым жителям Поллена, большим и малым. Перспективы, мол, самые хорошие, ослепительное будущее, надо только забросить невод, который вытянет много миллионов, или, скажем, чтоб не преувеличивать, один-то миллион наверняка принесёт. Коль скоро выяснилось, что община не желает брать заём в банке, надо пустить в ход частное предпринимательство. Банк — он для всех полезен, больше всего для загородного строительства, для капитанов в Нижнем Поллене, ну и для всего селения, коли на то пошло. Поллен, их родной Поллен, скоро начнёт получать один подарок за другим — от банковских щедрот.

Вдобавок нельзя не упомянуть, что банку потребуются помещения, здесь, если по совести, негде разместиться даже правлению банка, потом надо соорудить здание для управы, как это делается во всех других местах, но, чтобы не слишком уж размахиваться, банку нужен, по крайней мере, шкаф для денег, сейф, а чего ради обзаводиться сейфом, если не будет банка? Он советовался с изрядным количеством директоров банков за границей, и они уговорились, что надо выпускать акции номинальной стоимостью по сто крон штука, с тем чтобы и не слишком богатые люди могли подписаться на одну, пять или десять акций, в зависимости от своих финансовых возможностей. И он всё обдумал касательно полленского сберегательного банка: если пойти таким путём, то наберётся акций двести, иначе говоря, двадцать тысяч крон, вот как он себе это представлял, потому что эти акции принесут хорошие проценты, возможно, даже по десять, а то и по двадцать процентов. Господи благослови, разве не у нас каждый год богатейшие уловы сельди — богаче, чем в Эйд-фьорде, Лангнесе или, скажем, в Экснёс-фьорде? Из этого не следует, что уже сегодня вечером мы должны собрать все деньги, потому как сегодня вечером мы только должны подписаться и внести всего по десять крон с каждой сотни. Зато ровно через месяц, начиная с этого дня, надо будет внести свою долю полностью и получить взамен большие и красивые акции. Я прихватил их с собой, чтобы показать господам кой-какие из моих заграничных, сказал Август, и поднял над головой две внушительные пачки бумаг с золотой каймой, узорами и печатями. Поскольку было высказано желание поглядеть на них поближе, Август пустил акции по рукам, не прерывая, впрочем, своей речи. Ну конечно, они написаны на иностранных языках и тому подобное, но господа, во всяком случае, могут себе представить, как это выйдет, вот тут у меня есть акции серебряных рудников в Южной Америке. А теперь хватит разглядывать бумаги, теперь надо вспомнить, чего ради мы тут собрались, а собрались мы с вами, чтобы подписаться на банковские акции. Тем самым мы учреждаем Полленский сберегательный банк и желаем ему всяческого процветания. Я вижу, хозяин невода хочет подписаться, не так ли, господин Иверсен?

— Да, на пять акций, — отвечает Иверсен. Йоаким вносит его в список. Он уже кое-что записал, пока Август держал свою речь,

отмечал главные пункты, теперь же он записывает имена по мере поступления заявок.

Празднично одетый молодой человек подаёт знак, и Август возвещает громким голосом:

— Капитан Людгер Мильде, яхта «Роза», вам сколько?

— Десять акций, — отвечает Мильде. Йоаким пишет.

— А теперь интересно, кто будет следующий, — бормочет Август.

Поднимается Теодор, этот придурок.

— Одну, только ради того, чтобы быть со всеми вместе. Приглушённые смешки. Йоаким не торопится вносить его в список.

— Зря ты здесь дурачишься, — говорит Август. — У тебя разве будет остальные девяносто крон через месяц?

— Может, и будет, — говорит Теодор.

— Ну а десять, на первый взнос, у тебя сегодня есть?

— Десяти у меня тоже нет, но... Общий смех. Теодора не записывают.

— Пятьдесят акций, — говорит чей-то голос из угла, от дверей.

— Пятьдесят? Это кто сказал?

— Эдеварт.

— Эдеварт? Какой ещё Эдеварт?

— Эдеварт Андреасен.

Йоаким опять не торопится записывать. Поулине, которая тоже пришла на собрание, словно что-то толкнуло, она испуганно и вопросительно смотрит то на одного, то на другого и ничегошеньки не понимает.

— Наш Эдеварт? — спрашивает Йоаким у Августа. — Это что, шутка?

Август, глядя в тёмный угол, говорит такие слова:

— Ну, Эдеварт, если ты хочешь взять пятьдесят акций, это значит, что ты больше всех веришь в полленский банк. Но подумал ли ты о том, что это составляет пять тысяч крон и что пятьсот придётся выложить наличными прямо сегодня, а остаток через месяц, считая с сегодняшнего дня.

— Понимаю, — спокойно отвечает Эдеварт.

— Никуда не денешься, надо внести его в список, — шепчет Август, склоняясь над протоколом с таким видом, будто что-то ищет.

Йоаким обмакивает перо в чернильницу, какое-то время глядит на него, снова обмакивает и, наконец, начинает писать.

Непомерное, искреннее удивление собравшихся. Эдеварт? А не он ли строит дома для чужих людей и тем зарабатывает себе на хлеб, и почти ни с кем не разговаривает, и никогда не улыбается. Вы только поглядите, значит, он всё-таки вернулся из Америки богач богачом, хоть и не хотел в том признаваться. Пять тысяч крон одним махом — а сам-то сидит как ни в чём не бывало. Поулине бросает то в жар, то в холод от волнения, вызванного словами старшего брата, она от всей души радовалась, что и на его долю выпал такой час, её оскорбляло, что после его возвращения полленцы глядели на него как-то сверху вниз, теперь она испытывала удовлетворение. Стало быть, нечего и удивляться, что он не пожелал взять на себя торговлю и лавку, ей даже стыдно сделалось, что она так к нему приставала. Но уж конечно, она с ним ещё разберётся, с этим обманщиком, с этим лукавцем, это ж надо, какая лиса хитрая, сидит себе как ни в чём не бывало...

Заявление Эдеварта чуть не сорвало всю процедуру, полленцы смолкли, но тут Август спросил:

— Сколько у нас теперь? Йоаким:

— Шестьдесят пять.

— Для начала недурно. А теперь ты, Ездра, по тебе вижу, что ты хочешь подписаться на следующие пятьдесят.

Ездра ничего не ответил, он даже не улыбнулся шутке. Крупный землевладелец, земляной тролль, он только и думал что о своей усадьбе и о своей земле, о своём Новом Дворе, как её называли, о том, сколько коров у него отелится и как велик будет после этого надой. Кроме этого для Ездры ничего не существовало, где ж ему прикажете брать шиллинги для каких-то банков? Короче, Ездра не ответил на шутку, он её, собственно говоря, даже и не понял. И это он, в прошлом сорвиголова, который некогда лазил по вантам шхуны «Хермине» и стоял на самой верхушке мачты, так что люди задерживали дыхание, глядя на него.

И тут тишину нарушил Каролус. Из чистого зазнайства и вообще, чтобы не отстать от других, он сообщил:

— Нет уж, следующие пятьдесят будут мои.

— Каролус, пятьдесят акций! — торжественно подхватил Август.

Йоаким утвердительно кивнул:

— Уж тебя-то, Каролус, я запишу.

— Пиши, пиши, — отвечал Каролус, — а ежели вам нужны наличные, то вот они, при мне...

— Нет, нет, — отказался Август, — сегодня вечером с тебя только пятьсот.

Роландсен, который сверху вниз поглядывал на своих соседей с их родственниками-торгашами, заявил:

— Двадцать акций!

Август:

— Сколько у нас набралось?

— Сто тридцать пять.

— Это хорошо. Мы с удовольствием наберём сколько сможем, но после того, как и Эдеварт, и Каролус, а теперь вот и Роландсен с таким размахом подписались на акции, мне сам Бог велел подписаться на десять, слышишь, Йоаким?

Йоаким записывает.

— И меня на десять, — вдруг заявляет Поулине. Покраснев, она закрывает глаза рукой. Это старший брат подбил её на такой поступок, не то она и в жизни бы не подумала класть деньги в Полленский банк.

Ну, само собой, Йоаким вписал и её, но не мог удержаться при этом, чтобы не поддразнить:

— Надо бы ввести тебя в правление. Поулине не замешкалась с ответом:

— Если ты соизволишь и сам приобрести пять акций, мы тебя тоже введём.

— Ну и что? Я беру пять! — восклицает он, хотя лицо у него недовольное. Впрочем, он быстро овладевает собой: — А теперь, вместе со мной, конечно, мы набрали сто шестьдесят.

Август глядит по сторонам.

— Тридцать, — говорит Габриэльсен, тот, что имеет родню в торговом сословии, тот, что говорит по-немецки и купил самый красивый дом у Августа. Август ждал, когда он подаст голос, не сомневаясь, что, если Роландсен возьмёт двадцать акций, Габриэльсен непременно захочет переплюнуть его, потому что привык жить с размахом.

— У нас вот-вот будет две сотни, — промолвил Йоаким.

Теодор по новой подаёт заявку на одну акцию и спрашивает, почему они его отвергают.

— Если потому, что я не могу заплатить, так на это есть мой сын, Родерик. У Родерика целых двести крон.

Август:

— Вот только его самого здесь нет. Так что помолчи, Теодор! У нас уже набралось сто девяносто?

— Да, — отвечает Йоаким.

Тогда Август опять обращается к Ездру и говорит:

— Ну как, записать тебя на последние десять?

Напряжённая тишина в гостиной. Мрачный и недовольный Ездра, ему неприятно, он сидит среди множества людей и всё же одинок.

— Не надо, — отвечает он.

И тут снова поднимается Роландсен.

— Давайте уж я возьму последние десять, чтоб у меня было тридцать.

У Роландсена хватает смекалки, и он прекрасно знает, что говорит: теперь его сосед Габриэльсен не опережает его ни на пядь, теперь у каждого из них по тридцать акций.

Август:

— Итак, у нас полный список. Осталось только заплатить по десять крон с каждой сотни. Иверсен, хозяин невода, идёт первым.

Иверсен платит, Йоаким записывает. Один за другим вносят они свою долю. Большинство уже держат деньги наготове. Поулине не сводит глаз со старшего брата, но Эдеварт держится спокойно и не отказывается от своего слова, Какое там отказывается; деньги лежат у него в кармане, он достаёт их, проходит вперёд и платит. Вы только поглядите на этот денежный мешок, на этого притворщика, ведь если он заранее приготовил пятьсот крон, то, верно, затем, чтобы не показывать народу слишком много денег, а может, их у него целая куча...

А как поступит Каролус? Отвернулся ли он к стене, когда отсчитывал деньги? Нет и нет, он без малейшего смущения продемонстрировал свой туго набитый бумажник и рылся в нём так, чтобы все это видели.

— Подсчитай свои, — сказал он Йоакиму, — если не хватит, я добавлю.

Нет, у Йоакима денег хватит, и он записывает свой взнос.

Даже молодой Роландсен всё рылся и рылся в своих банкнотах, словно это Бог вещь какая хитрость выбрать из них триста крон. Между прочим, у молодого Роландсена были какие-то изуродованные ногти, они выглядели странно и неприятно. С чего это у Роландсена такие ногти? Те, кто их видел, невольно передёргивались. Если отвлечься от ногтей, Роландсен выглядел отлично. Белый воротничок, золотая цепочка.

Август выложил на стол свою сотенную, пошутив при этом:

— Не забудь выписать мне квитанцию!

Но когда очередь дошла до Поулине, оказалось, что у неё при себе нет денег, какое-то мгновение она сидела в полной растерянности, потом бросилась к дверям, выбежала и вернулась, запыхавшись, с такой же красной бумажкой, как и у Августа, а Йоаким сказал ей на это:

— И нечего было бегать высунув язык, я бы одолжил тебе сколько надо.

Но тут вдруг выяснилось, что у самого-то у Йоакима вовсе нет и пятидесяти крон и ему нечего внести. По гостинной раскатился хохот, а Йоаким густо покраснел. Потом он вдруг поднялся со стула и пожелал уйти.

— Ты куда это? — спросил Август.

— А он собирается побегать высунув язык, чтобы найти деньжонок! — ликовала Поулине.

Август силой усадил Йоакима на прежнее место и протянул ему пятидесятикроновую бумажку:

— Возьми пока! Ты не имеешь права бросать протокол!

Наконец и Габриэльсен, последний из всех, сделал свой взнос. Теперь деньги лежали горкой, целых две тысячи крон.

— А что нам с ними теперь делать? — спросил Йоаким.

Август:

— Ты не мог бы до поры до времени спрятать их у себя?

Йоаким лишь досадливо помотал головой и фыркнул:

— Да я к ним даже и не притронусь! Молчание.

Август:

— Тогда ты, Поулине, должна взять эти деньги. Поулине тоже отказывается.

Тут заявил о себе Каролус.

Если он возьмёт деньги, то в его бумажнике прибавится всего лишь две тысячи крон, так что если проблема в этом...

— Нет, нет! — раздаются выкрики с мест. — Поулине, только Поулине! У неё и почтовый шкаф с замком есть, у неё и страховка, и лавка у неё запирается, и контора запирается...

Пришлось Поулине уступить и взять деньги на хранение. Йоаким поддразнил её:

— Ну, ежели ты припрядешь мои полсотни, не видать мне их больше как своих ушей.

Август подводит итог:

— Наконец-то мы сделали то, что собирались. Через месяц считая с этого дня, у нас в Поллене будет свой банк с капиталом в две тысячи крон. Конечно, это маленький банк, где счёт идёт на шиллинги, а не на кроны, его может разорить любой крупный заём, но для начала это очень даже неплохо. Со временем кто-нибудь захочет вложить в него суммы и побольше, а после того, как мы с такой охотой действовали сегодня вечером, не исключено, что со временем мы начнём подписываться на пятьдесят, а то и на сто тысяч крон, я заглядываю далеко в будущее. Теперь нам осталось только скрепить всё нашей подписью.

Йоаким:

— Кто желает подписаться? Август и об этом уже подумал:

— Все вместе, все акционеры, нас не так уж и много! А начнём, как и в тот раз, с хозяина невода, с Иверсена.

Все присутствующие начинают ставить свои подписи на очередной бумаге, лежащей на середине стола, под лампой расписывается Роландсен, у которого такие уродливые ногти. Теодор тоже пробился вперёд и пожелал внести своё имя, но его отогнали.

Август продолжал развивать бурную деятельность, люди всё прибывали и прибывали в Поллен, а потому он, как лицо руководящее, должен был похлопотать насчёт строительных площадей для приезжих. Каролус успел тем временем распродать всю свою пахотную землю, однако теперь его охватила тревога, и в сердце поселилась боль. Он даже спросил у жены:

— А может, нам не следовало так делать, Ане Мария?

Она:

— Ты это про что? Чего нам не следовало делать?

Он, покачивая головой:

— Это ж была сплошь пахотная земля, теперь у нас ничего, кроме выгона, не осталось.

Но Ане Марию это отнюдь не пугало, и она сказала то, что думала:

— А вспомни, как обстояло дело в последние годы? Разве ты сам не брюзжал насчёт того, что тебе надо горбатиться на пахоте? И в одиночку ты управиться не мог, нанимал помощников со стороны, а теперь этой заботы у тебя больше нет.

Миролюбивый и не слишком работающий Каролус только голову наклонил.

— Да-да, — продолжала она, чтобы его утешить, — ты уже не такой молоденький, чтобы справлять тяжёлую работу, и вообще уже не тот, что раньше.

Вот тут Ане Мария была права, она всегда оказывалась права. В конце концов, он и сейчас не развалина, он ещё достаточно молод и ловок, хоть в отношениях с ней, хоть в работе. Ну а ко всему прочему, у него оба кармана набиты деньгами, скажете, это ничего не значит? Вот когда откроют банк, тогда он и разгрузит эти карманы, а Ане Мария, может, станет не так охоча до мужиков, не пристало в её-то возрасте...

Очень многие полленцы ждали, когда наконец откроют банк, застройщики, что победнее, надеялись получить ссуду под дом или участок. Август же, организатор всей этой затеи, всегда готовый прийти на помощь, всячески поддерживал в них эту надежду. «Дадут тебе, дадут ссуду, — говорил он, — уж об этом ты не тревожься!» И не самые богатые люди доводили строительство до конца, и въезжали в новый дом, и жили там в своё удовольствие.

Итак, Полленский банк был открыт. Они подыскали человека, из соседнего банка, к северу от Поллена, чтобы он пришёл и поучил полленцев вести банковские дела, и многие жители воспользовались благоприятным случаем обучиться этому непростому делу. Собирались они в гостиную у Йоакима, банковский служащий учил их, как надо считать деньги и как записывать, но, чтобы облегчить задачу слушателей, он прихватил с собой уже заполненные бланки для образца и таблицы по расчёту процентов, с которыми в случае

надобности можно было сверяться. Сам Йоаким не желал вникать в банковскую премудрость, он даже отказывался писать вместе со всеми, а сидел себе тихонько, как мелкий акционер, каким и был на самом деле. Молодого Роландсена, который, как оказалось, лучше всех умел считать и вести бухгалтерские книги, временно посадили во главе стола и назначили директором банка. Но поскольку он для Поллена оставался человеком пришлым, при нём учредили правление банка, состоящее из трёх человек. Первым советником стал Каролус, как наиболее крупный акционер, Август — как личность, без которой вообще нельзя обойтись, а Поулине потому, что именно она хранила у себя деньги.

После открытия банка строительство в Поллене пошло ещё быстрее. Банк охотно предоставлял кредиты, приток людей в сказочную страну Поллен приобрёл небывалый размах — но где прикажете людям строиться, где можно отыскать ещё не застроенную пустошь? У некоторых землевладельцев уже ничего не осталось для продажи, другие, как, например, староста Йоаким, не желали оставлять себе лишь жалкий пяточок земли — помолчи, пожалуйста, Август! Ну были ещё кой-какие скалистые участки, но и те со временем порасхватили, хотя под таким домом подвал не сделаешь, разве что взорвав скальную породу. Но люди с превеликой радостью шли даже и на такие дополнительные расходы. Несколько раз в заливе удавалось запереть большие косяки сельди, людьми овладела беззаботная лихость, деньги кочевали из рук в руки, строительная лихорадка продолжалась.

А как вырос Поллен! Вы только поглядите на эти дома, все сплошь новые, все красивые, некоторые уже выкрашены, а кой-какие даже с флагштоками, улица спускается вниз, к лодочным сараям, ну город и город, изо всех труб поднимается дым, население увеличилось, по большей части это молодые люди, молодожёны, улица кишит детьми, слышатся радостные крики и весёлый смех, но нет и ещё раз нет — Август это вам не тот человек, который сядет на стул и будет наблюдать за столь бурной жизнью, инициатором которой он и стал, нет, нет, он и сам должен приложить ко всему руку, сам примет в ней участие.

Звезда Эдеварта восходила. С того памятного вечера в гостиной у Йоакима, когда был основан Полленский сберегательный банк, все только и говорили о нём, все восхваляли его, а уж Поулине — та пуще всех.

— Да-да, он достойный человек, а уж насчёт того, что бедняк... — говаривала она у себя в лавке, стараясь поддержать его славу, — это ж надо: выложить пять тысяч крон, не моргнув глазом! Вот что значит побывать в Америке!

Однажды утром Поулине постаралась оказаться наедине с ним и от смущения начала хихикать и шутить:

— Только не сердись на меня, но ты такой хитрюга. А я-то ходила и всё думала, как бы подсунуть тебе несколько эре на табак. Зря старалась, теперь и сама вижу!

Эдеварт не хотел продолжать этот разговор и, желая переменить тему, начал сам спрашивать:

— Куда это ты собралась? Ты у нас такая нарядная сегодня!

— Куда я собралась? Ты разве не знаешь, что сегодня церковный праздник?

— Ну праздник, так что с того?

— Вот видишь, ты этого не знал. Боюсь, ты слишком заработался, давай лучше приоденься и пошли со мной в церковь.

— Нет, — ответил он, — я хочу наконец написать письмо.

С превеликим удивлением он наблюдал, как Поулине прихорашивается, взбивает волосы и всё никак не наведёт красоту. Может, люди правы, когда говорят, будто она ходит в церковь из-за капеллана? Дорогая Поулине, думает он, милая маленькая Поулине из далёкого детства. Сегодня она надела кольцо со змейкой, которое он когда-то презентовал ей, но кольцо как было, так и осталось слишком большим для её тонких пальцев, поэтому она носила его на шее, на чёрной симпатичной ленточке. Маленькая Поулине, прошли годы, прошло время, но она, чистая душой, исполненная внутреннего трепета, до сих пор носит украшение тех детских лет.

— Я охотно пошёл бы с тобой, только вот письмо... — сказал он.

— У нас превосходный священник. Ты его когда-нибудь слышал?

— Нет.

— Держится ну совершенно как мы с тобой, разве что говорит поскладней. Хотя ты у нас знаешь английский, а это ещё благородней,

но что до меня, то я никогда не встречала никого, кто умел бы говорить, как он. А ты, выходит, даже и не видел его?

— Нет.

— Очень красивый мужчина. Глаза голубые, ну, как у нас, и бороды нет, разве что немного волос на щеках. У тебя вот усы есть, а у него нет, может, из-за того, чтобы ему ничего не мешало во время проповеди.

— Конечно, конечно, — сказал Эдеварт и слегка отвернулся.

— Да, Эдеварт, — продолжила она, — мало быть просто богатым и держать в банке пять тысяч, вот ты бы сходил как-нибудь со мной и послушал проповедь, даже и перечислить нельзя всего, что он знает, я понятия не имела о многих вещах, пока не послушала его. Говорят, его скоро поставят профессором над всеми священниками.

— Должно быть, он и в самом деле замечательный человек.

— Он всё знает про Бога и всё может объяснить, он даже знает, как будет «Бог» по-древнееврейски, представляешь, как здорово! Я была бы очень рада, когда б ты сам это услышал.

Эдеварт скорчил растерянную мину и промолвил:

— Я вообще мало что знаю.

Поулине продолжала свою речь:

— Вот в пасхальной проповеди он помянул о том, что Иисус в беседе с Пилатом перешёл на другой язык. А сделал он это потому, что Пилат прибыл в Иудею из Рима и, стало быть, не умел говорить по-еврейски.

— Интересно, — сказал Эдеварт, — надо было порасспросить об этом Папста, ты ещё помнишь Папста? Ну того старого еврея-часовщика.

Да, Поулине его помнила, имя помнила, да и чего тут помнить, ну Папст и Папст, нечего уходить от разговора. И вдруг она поспешно управилась с волосами и собралась идти.

— Мог бы и пойти со мной, — обронила она через плечо.

Он же стоял и плядел ей вслед. Покуда он болтался в эмиграции и разбирался в своих отношениях с Лувисе Магрете, разве и его душу не согревала вера в Бога? Но теперь, вспомнив о вере детских лет, он не признал её, вера отошла, поблёлкла. До чего ж безразличны были для него слова сестры, столь важные для неё самой! Всё это не имело для него смысла, он даже не понимал, о чём речь, — сплошь

благочестивая болтовня. Как мало его занимало название Бога по-древнееврейски и все прочие библейские штучки! Папст был совсем другой, такой гигант мысли, с карманными часами, которые то шли, то стояли, а ещё молодые годы, и гул ярмарки, и женщины, и мимолётные интрижки, безумства, дни шкиперства, переход вдоль берега, Доппен, ветер в три балла...

Впрочем, и эти впечатления молодости Эдеварт в глубине души вспоминал с глубоким равнодушием, он не улыбался, он не получал удовольствия от воспоминаний, всё это было давным-давно и быльём поросло, он побывал в Америке, воспоминания сошли на нет, но взамен он не получил ничего.

А Поулине ушла. Разве она не стояла вот только что перед ним, не прихорашивалась для другого, а что, собственно, значит «для другого»? То, что и Поулине тоже человек и что её сердце подвластно страстям. Зов сердца деспотичен, Поулине трудилась всю неделю не покладая рук, но в воскресенье она послушалась зова сердца и отправилась в церковь — полмили туда, полмили обратно. А на какие жертвы пошёл бы он сам, повинувшись зову собственного сердца? Впрочем, его сердце молчало. Может, он просто какой-то выродок? Без сердца и без зова?

— Ты чего это стоишь? — окликнул его Йоаким от дверей дома, явно вознамерившись завести с ним беседу. — Сегодня воскресенье, разве тебе не надо приодеться?

И в самом деле, чего он стоит здесь, посреди двора? Ведь не ответишь же, что стоит он, пытаюсь снова стать человеком.

— Я просто разговаривал с Поулине, — ответил он. Неспешными шагами Эдеварт покинул двор, прошёл мимо усадьбы Ездры, вышел за околицу. Там всё было спокойно и тихо, лишь трепетали листья осины да маленькая пичужка перепрыгивала с ветки на ветку. Он сел. Время от времени издали доносился звон коровьих колокольчиков, тёплый звук, милый его ушам. Звон то удалялся, то приближался, как перелётный псалом, заставлявший его шептать: «О Боже, о Боже!», шептать без всякой цели, просто так.

Он снова стал тем, чем был прежде. А зачем, спрашивается? Вернувшийся домой американец Эдеварт Андреасен не какое-то там чудо, он стал таким, каков он есть, то есть опять стал человеком. Можно ли сказать, что жизнь плохо с ним обошлась? Сделала его не

тем, к чему он был предназначен, столкнула с пути истинного? Да ничего подобного. То, чем он был двадцать лет назад, опустилось теперь на самое дно, то, чем он стал позднее, со временем откладывалось в нём, слой за слоем, теперь уже ни от чего нельзя было отделаться, вот он и сидел с этими своими слоями, настоящий законченный бродяга.

Тогда к чему же раздумья, что его так угнетает? День выдался ясный, и не простой, а воскресный, праздничный, в кустах возятся малые птицы, позванивают колокольчики, вереск растёт, лес покоится в сладкой тишине — и такая серая безнадежность на душе. Неужели в нём что-то разрушено, что-то испорчено, может, от него дурно пахнет? Ха-ха-ха! Какие заковыристые вопросы! Никаких особых забот у него нет, и кости у него целы, и в кармане у него несколько сот крон, и на ногах у него башмаки с толстыми подметками, так чего ж ему недостаёт? Может, всё дело в том, что он — вернувшийся из дальних странствий бродяга? Он сам себя не узнавал, наследие родной земли обратилось в ничто, даже суеверия и предрассудки куда-то подевались, а ведь были частью его сути, теперь же их нет и в помине. Умалилась его духовная жизнь, он стал ничтожеством.

Господь да пребудет с ним! Господь делает всё возможное, даже для бродяг, Он не мешает им жить. Он проведал, что они обратились в ничто, что даже их опустошённость — это ничтожная мелочь, лишённая всякого величия, примитивное убожество, простейшее падение, но Он не мешает им дышать.

Что-то мы неудобно сидим, не встать ли нам, не пересечь ли туда, где помягче? Впрочем, и в этом есть свои неудобства, это сулит ненужные хлопоты, не проще ли встать и отправиться домой? Итак, мы встаём и делаем несколько шагов, одна нога совсем онемела, но ничего, разойдётся, мы идём, мы покачиваемся. А вот и Йоаким. Он, правда, далеко, но его вполне можно узнать по начальственной осанке, верно, надумал прогуляться к Ездre и Осии, причём сегодня он при шляпе, надо полагать, в честь воскресенья.

Чёртов мужик, этот Йоаким, он твёрдо стоит на родной земле, у него трезвый ум, он всем доволен, он бодр и силен! Ах, не будь он так уверен в себе! Конечно, подобная уверенность — это важное преимущество, это его манера держаться среди других людей, наделённых другими манерами. Он никогда не уезжал далеко от

дверей родного дома, никогда не был за пределами страны и не познал опустошённости.

Йоаким поджидает брата.

— Я хочу наведаться в Новый Двор, — говорит он, — пойдёшь со мной?

— Нет, — отвечает Эдеварт, — мне письмо надо написать.

Да, да, ему и впрямь надо написать письмо, но он так и не смог это сделать. В работе он был как ломовая лошадь, себя не щадил, а выучился этому в чужих краях — работай, работай и благодари Бога за такую возможность. Но вот написать, послать привет с родины на языке, который дарован ему от рождения, выразить нежное напоминание, намёк на сохранившуюся память о прошлом — нет и нет!

Топ-топ-топ — в грубых башмаках, Эдеварт крепок и неутомим, он сыт и не испытывает жажды. А у ручья стоит женщина и набирает воду в бадейки, это Рагна, Теодорова жена, и ноги сами ведут Эдеварта к ней. Ноги вовсе не забыли, где лежит дорога к дому, но ведь должен же он кое-что уладить с Рагной. У неё есть такая привычка появляться перед ним в укромных местах и преграждать ему путь. Прошлый раз он даже обманул её, сказав: «Осторожно, видишь, у дома стоит Теодор?» А теперь, наоборот, делает крюк, чтобы подойти к ней поближе и сказать ей что-нибудь ласковое.

У Рагны такой вид, будто она ищет что-то в грядках, она поглядывает по сторонам, одета небрежно и некрасиво, и, поняв, как это смущает её, он снова меняет направление, словно вспомнив, что ему необходимо побывать у Каролуса. Ну конечно, проходя мимо, он кивает Рагне, чтобы не выглядет богатым и важничающим американцем.

А тут Ане Мария выставилась в дверях и хочет задержать его.

— Ты что ж это не пошёл в церковь? — спрашивает она.

— Вот не пошёл и не пошёл. А ты вроде бы тоже не пошла?

— Нет, — отвечает она со смехом, — думается мне, что будет с них и одного Каролуса.

— Ну а за меня пошла Поулине, — шутит Эдеварт.

Ане Мария:

— Стало быть, ты можешь зайти и немножко поболтать со мной?

— Не могу, — отвечает Эдеварт, — я, собственно, ищу Августа.

— И зря бьёшь ноги. Август сейчас в Нижнем Поллене, он почти всё время там пропадает.

Эдеварт улыбается:

— Да, это на него похоже.

Ане Мария спрашивает:

— А ты можешь объяснить, почему этот человек до сих пор не женится? Может, это ему без надобности?

Эдеварт, снова улыбнувшись:

— А может, у него времени на это нет? Ты ведь знаешь, сколько у него дел.

Ане Мария:

— А я одна дома, такая тоска. Хоть бы ты зашёл ко мне.

— Не могу, — отвечает он и вдруг начинает торопиться. — Спасибо тебе, конечно, за приглашение, но мне надо успеть написать письмо до ближайшей отправки.

Ох уж это письмо, оно лежало на нём тяжким грузом, он даже видел сны про него и по многу раз вспоминал о нём за работой. Но, поднимаясь в свою комнатку над кофейней, с тем чтобы наконец-то начать писать, он всякий раз погружался в размышления. А вдобавок, говорил он себе, вдобавок она и сама знает, что писака из меня никакой. Может, следовало бы написать письмо малышке Хобьёрг?

А с какой стати? Ведь она ему тоже не пишет. Миссис Адамс — красивая из себя и молодая американка, у неё собственный дом, муж и двое детей, а ко всему у неё теперь, верно, есть и мать, миссис Эндрюс. Ха-ха, получается довольно смешно, что его жена, миссис Эндрюс, надела одно имя поверх другого и в таком наряде пошла по жизни, не испытывая от этого ни малейшего неудобства. Странно получается — Лувисе Магрете Доппен — и он, две судьбы, повстречавшиеся однажды в блаженном чуде! Вот он сидит и понимает, как понимал уже не один раз, что Лувисе Магрете вполне может обходиться без него. Пожалуй, она и всегда могла, с первого мгновения; было, конечно, доброе отношение к нему, наверно, даже самая малость любви была, всё так, но она могла в любое мгновение покинуть его ради кого-то другого, к которому больше привязана. Ну да, женская нежность — это прекрасно, но не более того — или это вообще всё? Теперь, когда она снова от него уехала, её нимало не тяготит разлука. Он мог сидеть в тяжёлой рыбацкой шхуне и грести из

последних сил, стремясь успеть к пароходному причалу, чтобы на прощанье помахать рукой, а ей это и в голову не пришло бы, у неё и мыслей таких не возникало. И теперь она снова в стране своих грез, в этой ужасной и любезной её сердцу загранице! Она и там мотается с места на место, даже сомневаться нечего, она не прикипела душой ни к одному месту на этой земле, она желает порхать. Она не знает покоя, двадцать лет её носит то туда, то сюда, в ней живёт неизбывное беспокойство — она мечется по всему белу свету и всё чего-то ищет. Её гонит страшная и неотвязная фантазия. Она не называет этого человека по имени, но может прошептать его имя во сне, она не поминает и детей, которых прижила с ним в первом браке, хотя это вовсе не означает, что забыла их, и теперь, когда она совсем одна в Америке, вполне возможно, что она захочет навестить этих детей. Так что же ей от них понадобилось такого особенного? А вот что понадобилось: она послала детей искать его и теперь хочет послушать их, уж не нашли ли они его в самом деле? Поистине, отыскать его — это задача выше человеческих сил. В прошлый раз, когда она уезжала из Поллена — а тому уже двадцать лет, — она солгала, будто дети нашли его. Предлог, ложь во спасение, но, может, она сама верила в свою выдумку? Она не жалела себя, но стояла на своём, она могла жить весело, но не позволяла себе такого удовольствия. Двадцать лет усилий. Она искала самостоятельно, заглядывала во все городские ночлежки и харчевни, пыталась счастья через Армию спасения, ездила к соседям-фермерам, напрашивалась на пикники и вечеринки, лишь бы только искать, хоть и не умела ездить на муле верхом. Ха-ха, вот уж посмеялся бы он, если б она его отыскала, сидя верхом на муле.

В маленькой комнате Эдеварта очень тепло, он дремлет и в дремоте плетёт дальше нить своих фантазий, дремлет и плетёт; вдруг он подскакивает: из Августовой комнаты доносится какой-то звук, это скрипят половицы.

— Это ты, Август? — окликает он.

Дверь отворяется, но это не Август, это Рагна. Он смотрит на неё, вот она Рагна, Теодорова жена, и она глядит на него с мольбой и улыбается. Он предлагает ей свой единственный стул, а сам садится на постель. Начинается разговор, пустячный, ни о чём, и, однако же, у неё явно на сердце что-то есть. Она приделалась как могла, на ней

пальто, которое подарил ей сын Родерик. Но ботинки на ней латаные, и она пытается спрятать ноги под стул. И чего ради она вообще надела пальто в такую теплынь?

— Ты бы сняла пальто, — говорит он, — у меня здесь жарко.

Она снимает пальто, перекидывает его через спинку кровати, а сама бормочет:

— Я его ради праздника надела.

Бедная, бедная Рагна, уж конечно, она надела его покрасоваться. И чтоб не выгядеть так уж убого, украсила ворот платья зелёной брошкой. Блеск и нищета.

Рагна сидит, явно желая что-то сказать, но никак не может решиться.

Эдеварт:

— А Теодор, он что, в церкви?

— Нет. Я вообще не знаю, где он.

Поскольку Эдеварт держит себя очень любезно и приветливо, она собирается с духом и говорит, что миновало уже много дней с тех пор, как у него была своя лавка в Поллене и он сам торговал в ней.

— Я столько раз втайне благословляла тебя, — продолжает она, — к тебе было так легко обратиться и получить помощь. Тебя нетрудно было просить.

На это он ничего не отвечает. Рагна:

— Я прослышала, что ты очень богатый.

Эдеварт, с улыбкой:

— Это всё одни разговоры.

— Господи, ведь у тебя же целых пять тысяч в банке!

— Неправда, — отвечает он, — у меня нет пяти тысяч в банке.

Настанет день, когда все узнают об этом.

— Да ну! — удивляется она. — Тогда я вообще ничего не понимаю. Но, как бы то ни было, ты отстроил в Поллене целый город, разве это не здорово?

Он и на это отвечает молчанием.

— Вот и Родерик строил, — гнёт она своё, — Август ему помогал. За это время Родерик стал совсем взрослым парнем, у него есть лодка, и он развозит почту. Чудно, когда подумаешь об этом... Кажется, всё было словно вчера... Ты сам-то видел Родерика?

— Да.

— А как, по твоему, на кого он похож?

— Он красивый парень, как-то заходил ко мне, попросил дать ему
взаимы рубанок.

— А назад-то он его отдал?

— Само собой, в тот же вечер.

— Вот видишь! — воскликнула она. — Вот он каков! Он даже на
булавочную головку не позарится, если она чужая.

Эдеварт:

— Да у тебя все дети один другого удачнее.

Лицо Рагны светлеет.

— Ты уже слышал об этом? И Родерик, и девочки получились
такие, как Богу угодно. Одна осталась с пасторской семьёй, когда они
уехали отсюда. Теперь она у них за экономку, а может, и того больше,
как родная дочь! У ней ключи от всех замков, и она в курсе всего. То
пастор кричит: «Иоганна!», то пасторша кричит: «Иоганна!»

— А вторая твоя дочь, как я слышал, в услужении у доктора?

— Да, она ведёт у него весь дом, хотя сама ещё ребёнок.

— Звать-то её как?

— Эсфирь! Это в честь той, которая стала царицей. Помнишь?

— Интересно, а кем станет твоя Эсфирь?

— Это всё в руке Божьей. Её поддразнивают доктором, но это
так, одни разговоры. Он ей не ровня.

— Говорят, она очень красивая?

— Вот это правда. Только враки, что она ест уголь.

Воспоминание о странном и загадочном пороке всплывает у него
в памяти. Когда он был ещё мальчишкой, в селении ходили слухи,
будто некоторые из девочек едят древесный уголь. Жители их
осуждали, потому что занятие это не считалось вполне невинным,
скорее уж бесстыдным, своего рода болезнью. Эдеварт улыбнулся при
этом воспоминании, может, то была просто хоть и дурная, но полезная
привычка, недаром же говорили, что от этого зубы становятся белей.
Он сказал:

— Простим ей этот недостаток, красивая девушка имеет на него
право.

— Всё равно это неправда, чья-то выдумка. Будто её плохо кормят
у доктора. Да Господи помилуй!

Молчание.

Эдеварт погружается в раздумья. По сути, есть что-то подозрительное в том, что Теодорова Рагна сидит у него, но он не знает, как ему быть. Ведь нельзя же просто взять и предложить ей уйти. Хорошо, что в доме никого нет, главное, Поулине ушла со двора. Насчёт самой Рагны он мало тревожился, она уже столько раз попадалась ему на глаза, особенно с тех пор, как уехала Лувисе Магрете, она была гораздо на всяческие увертки, просто колдунья, а не женщина.

Рагна спросила:

— Я смотрю, ты не пошёл к Ане Марии. Разве она тебя не зазывала?

— Ты это о чём? — ответил он вопросом на вопрос. — Я спрашивал Каролуса, но того нет дома.

Маленькая Рагна выглядела теперь много старше, она теперь больше стала походить на замужнюю женщину, но около её губ, когда она улыбалась, появлялись те же милые морщинки, что и прежде, когда она была молодой девушкой. Почти никакой разницы. Не согнулась она и под бременем докучного раскаяния в ошибках, которые совершила за всё это время, в ней всего было поровну: нравственность и безнравственность; как и в прежние годы, она не отличалась образцовым поведением, но и не выставляла напоказ ни свою добродетель, ни своё мужество. Голос у неё был нежный. А вот если взять Ане Марию... О ней ведь тоже шла молва, что она куда как охоча до мужчин, но смотрела она уверенно и прямо, не то что Рагна, Рагна была мягкая и нежная, взгляд у неё был стыдливый, словом — никакой испорченности, если судить по внешнему виду. Она прожила здесь всю свою жизнь, она свыклась с убожеством буден, и, если она что-то делала не так, причиной тому была её жизнь. Грязь к ней вроде как и не липла.

Вот она сидит, сидит, хочет что-то сказать, но никак не соберётся с духом. Эдеварт решает помочь ей:

— Что за письмо у тебя в кармане? Часом, не от твоего возлюбленного?

— Ах, ты всё-таки его разглядел!.. Господи, Господи, Эдеварт, смилуйся, не сделай нас всех несчастными!

Эдеварт, с удивлением:

— Да в чём дело-то?

Рагна вынимает из кармана письмо, не переставая при этом умолять:

— Не сделай нас всех несчастными! Плевать, что станет с Теодором... или со мной... но дети... дети!

Он протягивает руку:

— А ну, дай-ка мне взглянуть...

— Оно адресовано тебе, — говорит Рагна, — это письмо из Америки. Я в таком отчаянии...

Далеко не сразу Эдеварту удаётся добиться от неё объяснения: оказывается, Теодор крадёт письма из почтового мешка. Он украл уже много писем и носит их у себя в кармане. Просто ужас! Но хуже всего, что он вскрывает украденные письма и читает их!.. Ты когда-нибудь слышал про такой позор?! А сегодня он уселся перед печкой и начал кидать их в огонь. Рагна как раз ходила на ручей, а когда вернулась, успела выхватить из огня письмо для Эдеварта... вот погляди, оно тут малость обгорело по краям... Просто представить себе трудно... Письмо из Америки!

Эдеварт задумывается. Всё это очень похоже на Теодора, одно из его паскудств. Он выхватывал письма из мешка что твоя обезьяна... из чистого любопытства, сами-то по себе письма ему вовсе не были нужны... просто он вскрывал их, чтобы прочесть, кто кому и о чём пишет из Поллена. Это очень на него похоже, низость чувствуется в каждом его поступке, болван, вечно немного пакостный и почти всегда по-дурацки пакостный. Ну какой ему прок в этом? Да никакого. Как всегда полуоборванный и полуголодный, будет он бродить по селению, выведав потихоньку тайны о его жителях, о парнях, которые пишут своим девушкам, и о девушках, которые пишут своим парням.

— Я понимаю, ты очень сердисься, — говорит Рагна и бросает на него робкий взгляд. И у неё словно камень сваливается с плеч, когда он улыбается и отрицательно мотает головой.

— Нет, не так уж я и сержусь, — отвечает он, — только это очень глупо. А в общем-то мне без разницы.

Снова письмо из Америки, думает он, последний раз я получил несколько недель назад, несколько недель, несколько лет, ну само собой, надо было написать ответ, поблагодарить, почему же он не сделал этого?

— Ну а ты читала письмо? — спрашивает он вдруг у Рагны.

— Читала ли я? Нет и нет! Читать чужие письма?! Уж в чём не грешна, в том не грешна!

Ну конечно же она читала. Что, впрочем, ничего не значит.

— Я просто хотел спросить, знаешь ли ты, где она сейчас. Прочти, пожалуйста, что там стоит на почтовом штемпеле.

Она начинает читать по складам. В школе Рагна очень хорошо училась и посмеивалась над Эдевартом, который читал плохо и с запинками, вызывая всеобщие насмешки. Она читает: «Денвер».

— Так, так, — кивает Эдеварт себе самому. Стало быть, Лувисе Магрете покинула восток, где жила её дочь, миссис Адамс, снова пустилась на поиски, и теперь она у своего сына, в Денвере. Вот и прекрасно. То ли потому, что она сумела найти того, кого искала, то ли потому, что не сумела и теперь снова хочет, чтобы Эдеварт был при ней. В общем, всё ясно. Он откладывает письмо в сторону.

— А ты разве не хочешь его прочесть? — робко спрашивает Рагна.

— Потом прочту. Слушай, а как Теодор добирался до писем? Разве почтовый мешок не кладут в сумку с замком?

— Не могу тебе сказать. Верно, он добирался до них ещё на стоянке, раньше, чем их запрут на казённый замок. Просто стыд и позор!

— Что он сказал, когда ты взяла моё письмо?

— А его тогда не было дома. Я ходила на ручей за водой, ты ведь и сам видел, прихожу и думаю, чем это так странно пахнет, тут-то я и обнаружила всё.

— Значит, он не знает, что ты ушла с моим письмом?

— Нет, но Бог благословит тебя, если ты не доложишь об этом начальству. Это было бы ужасно для нас для всех, а пуще всего — для Родерика. Его бы сразу выгнали.

Эдеварт спрашивает:

— Но ведь Родерик ничего об этом не знает?

— Нет, нет! — восклицает Рагна. — Даже и не думай, мальчик такой порядочный, нет и нет, Родерик весь в тебя.

Эдеварт всё так же сидит неподвижно, сидит и молчит, вдруг он прислушивается: уж не скрипнула ли половица в соседней комнате? И, ничего не услышав, успокаивается. А может, и вовсе ничего не скрипело, может, ему просто послышалось.

Рагна тем временем гнёт своё:

— Я и назвать его хотела в честь тебя, но не посмела. Так что имя ему подыскал Теодор. Он сказал: «Раз ты его родила, так и называй в честь себя самой». — Говоря это, Рагна улыбается, и от губ у неё бегут такие милые морщинки.

— Тогда, по крайней мере, скажи Родерику, что за человек возит почту вместе с ним. Пусть поостережётся.

— Да, он должен знать. Ведь он-то, Родерик, отвечает за них обоих, и всё это, да ещё твоё письмо из Америки, сулит большие неприятности.

— А что до меня, — продолжает Эдеварт, — то я об этом не пророню ни звука. Тут ты можешь быть вполне спокойна.

Ещё улыбка и милые морщинки у губ. Она благодарит его, встаёт и останавливается перед своим пальто.

То ли сама стена её подтолкнула, то ли она оступилась, только они вдруг оказались совсем вплотную друг к другу, начали целоваться и что-то шептать, верно, оба сошли с ума.

Однако в соседней комнате явно кто-то был, кто-то осторожно кашлянул, как бы предостерегая их. «Теодор!» — шепнул он и высвободился из её объятий.

Минута испорчена.

Дурак дураком смотрел он, как она надела пальто и ушла.

Она не попросила проводить её, защитить её, судя по всему, она в этом не нуждалась, она и сама могла за себя постоять. Чёрт, до чего глупо всё вышло!

Вдруг его охватывает лютая злоба, ярость, сохранившаяся с молодых лет, бледный и ожесточённый врывается он в комнату Августа — там никого. Тогда он прыжком слетает вниз по лестнице, выскакивает на улицу и оглядывается, он хочет поймать Теодора, хочет подкрасться к нему на цыпочках — но нет, Теодором здесь и не пахнет. А Рагна спокойно идёт домой в своём пальто.

Эдеварт долго мечется между домами, ищет и наконец находит в дровяном сарае Августа.

— Так это был ты! — бормочет он, задыхаясь.

— Что я? — спрашивает Август. Но отпираться бесполезно; Август понимает, что место здесь опасное, весь сарай набит орудиями убийства, тут и топор, и козлы, и поленья. Но вдруг страх перед

взбешенным приятелем покидает его, он готов схватиться с ним, он посылает его ко всем чертям, он не намерен спасаться бегством, он стоит с пустыми руками и говорит: — Ты бы поменьше орал, Эдеварт!

Эдеварт с разлёту останавливается и морщит верхнюю губу, словно хватил царской водки.

— Это ты кашлял! — шипит он.

— Тебе этого не понять, — спокойно отвечает Август, — а раз так, тогда лучше помалкивай. В моём теперешнем состоянии знаешь, сколько нужно силы, чтобы удержаться от кашля.

Эдеварт, совершенно обескураженный:

— Как это понимать — «в моём теперешнем состоянии»?

— И раз это дело нескольких месяцев, я же должен был как-то дать тебе знать. Иначе я бы не кашлял. Может, ты слышал, как я кашляю весь день, без умолку? Но когда кто-то рядом... когда я стою и слушаю...

История кончается забавно и странно. Получается так, что Август сам стал жертвой несправедливости, чем крайне обижен: выходит, эта чёртова Рагна решила его испытать, почувяла, видно, что он сейчас совсем плох, у женщин в этом смысле дьявольский нюх, от них ничего не скроешь. Но дайте только срок, говорю я вам, настанет день, когда я снова буду в форме, уж тут-то я своё наверстаю.

Постепенно лицо Эдеварта приобрело свой обычный смуглый оттенок. Он даже начал улыбаться, а потом и вовсе рассмеялся, громко так. Он, которому, пожалуй, не доводилось смеяться вот уже много лет.

Но это отнюдь не успокоило Августа.

— Ну, конечно, ты смеёшься, потому что со здоровьем у тебя всё в порядке. Но ты для меня всё равно что мой башмак, ведь у него тоже всё в порядке. Нет и нет! Ты вроде грудного младенца против настоящего матроса. Да-да! А окажись ты на моём месте... я занимаюсь всякими делами, и работаю, и создаю банк, и держусь подальше от всяческих утех, а тут, за стеной, прямо сегодня...

— Ха-ха-ха!

— Если сказать по совести, я бы должен проломить тебе голову, обезьяна ты эдакая, — бормочет Август, раздосадованный донельзя, — уж я бы шутить не стал. А теперь поищи себе кого другого, чтобы скалить зубы и ржать...

Август снова отправился в Новый Двор к Ездre и Осии.

— Приехал один хозяин невода, так вот, он хочет здесь постройться и жить, — начал он свою речь. — Это тот самый, который запер больше всех сельди, словом, его неплохо бы залучить в Поллен. А звать его Оттесен.

— Ну, Оттесен так Оттесен, — равнодушно промолвил Ездра.

Оказывается, этот Оттесен не прочь откупить у Ездры кусочек болота, хотя бы и самую топь, и поставить там свой дом.

Ездра лишь криво улыбнулся, услышав о таком нелепом пожелании.

— Ну да, — сказал Август, поняв Ездру, — ничего хуже я тебе и предложить не мог, но...

— Ну да, — сказал и Ездра. — И не будь это ты, я уж знаю, что бы я с тобой сделал.

— Не иначе, ты совсем стал плохой на голову.

— Вы только не подеритесь, — улыбнулась Осия.

Август:

— С такими идиотами и связываться не стоит! Приезжает народ из разных концов страны, хочет здесь осесть и не может даже купить участок под дом. Каролус, по правде говоря, это единственный человек, который понял свою выгоду, вчера он положил в банк семь тысяч под проценты, это к тем пяти, что у него уже там лежали.

— Всего двенадцать тысяч! — вскричала Осия.

— Зато он распродал всю свою землю, — сухо заметил Ездра.

— Зато у него теперь есть двенадцать тысяч! — завопил Август.

— Ты что, не понимаешь, о чём я говорю? Может, тебе по слогам повторить?

Ездра, всё так же холодно и неуступчиво:

— Мне бы не хотелось быть на его месте.

Август безнадежно качает головой:

— С тобой бесполезно разговаривать! У тебя понятия меньше, чем у ребёнка. Не будь это в убыток для всего Поллена, я бы вообще с этим не заводился, потому что толку всё равно нет. Я организовал здесь почту, я открыл банк; я построил много домов, на которые глядеть и то приятно; я превратил Поллен в место, которое знают все,

в настоящий маленький город. Скоро у нас здесь будут фабрика рыбной муки, здания для банка и для управы, словом, всё, что только можно. Но некоторым людям хоть кол на голове теши — толку не будет.

— А на кой нам этот банк? — невозмутимо спросил Ездра.

— Нет, вы только послушайте! В банк мы должны вкладывать деньги, а потом брать из него ссуды и таким путём зарабатывать друг на дружке. Так поступают во всём мире, а стало быть, это правильно. Но если судить по-твоему, мы ничего этого делать не должны, мы не должны идти в ногу со временем, не должны увеличивать оборот, развивать промышленность и создавать для Норвегии кредит во всём мире. А вдруг Норвегии придётся делать заём? Дурацкая болтовня, и больше ничего. Тогда, пожалуйста, ответь мне на один вопрос: а что лично ты, Ездра, делаешь со своими деньгами? Спишь с ними, что ли?

— Ха-ха! — презрительно хохотнул Ездра. — У меня нет двенадцати тысяч!

— Вот видишь! Ты сам виноват!

— Словом, у меня их мало! — Ездра поднимает взгляд и продолжает: — Сдаётся мне, мои деньги лежат там на полочке, в серой бумаге.

— Верно. Но не лучше ли было положить их в банк и получать проценты?

— Нет, Август, ты в этом ничего не понимаешь. Спору нет, ты разбираешься во всяких важных делах, в серебряных рудниках и фабриках например. А шиллинги, которые у меня лежат, я скопил, чтобы уплатить налоги. Вот заплачу их и опять останусь без денег.

— Я, между прочим, разбираюсь не только в серебряных рудниках и фабриках, — обиделся Август. — Если мне не изменяет память, я помог тебе осушить болото и вообще помогал со строительством.

Осия:

— Разве он неправду говорит?

— А чего ради они все поналезли в Поллен, эти люди? — вдруг без всякого перехода спросил Ездра. — Чего им дома не сидится?

Август:

— Прикажешь гнать их обратно? Но тогда Поллен не будет расти. Это ж надо такое сказать! Разве у всех людей на свете нет своего дома,

своего крова, своей страны? Но они приезжают именно сюда, потому что здесь каждый год можно запереть сельдь, они строятся, оседают здесь, и жителей становится вдвое больше. Тебе, может, на это и наплевать, но это очень важно. Появляется больше людей, которым ты можешь продавать молоко, и всякие молочные продукты, и убоину, люди дерутся из-за твоих продуктов, набивают цену, и ты получаешь за них всё больше и больше...

— Но откуда те, кто дерутся за мои продукты, возьмут столько денег? Тогда они должны их много получать в другом месте, — задумчиво произнёс Ездра, — а стало быть, и мне придётся за всё платить больше. По-другому и быть не может. Ведь и цены тогда поднимутся.

— Да, верно, — сказал Август, слегка обескураженный, — но это уж не твоя забота, коль скоро ты своё всё равно получишь.

Августу и самому не показался убедительным такой ответ, он натужно засмеялся и перевёл взгляд на Осию. Потом вдруг воскликнул:

— Впрочем, что с тобой разговаривать! А ты как поживаешь с детишками? — вдруг спросил он, повернувшись к Осии.

— Спасибо, — ответила она, — живём себе помаленьку.

— Как я вижу, ты хочешь обзавестись ещё одним, сколько их всего будет-то?

— Даже и говорить не хочу, — рассмеялась она, — Ездра у меня прямо как тролль.

И вдруг Ездра очень серьёзно замечает:

— Столько народу наш Поллен не прокормит.

Август, обескураженный его серьёзным тоном:

— Да ну!

— Конечно, не прокормит. На свете нет ни единого человека, которого кормят банки и промышленность. Ни единого.

— Так-так, а чем же они тогда кормятся?

— А кормят их ровно три вещи, ни больше и ни меньше, — отвечает Ездра. — Это зерно в поле, это рыба в море и это звери да птицы в лесу. Три вещи. Я долго об этом думал.

— А некоторых людей всё же кормят деньги...

— Нет, — ответил Ездра, — ни одну-единственную душу.

Молчание. Август:

— А что ж такое ты собираешься ткать, Осия? Я смотрю, у тебя кругом мотки пряжи лежат.

— Да ничего особенного, просто ткань для белья.

— Неужто у тебя есть время, чтобы ткать?

— Иногда выкраиваю, но в основном этим занимаются девочки.

— Но ведь в лавке у твоей сестры довольно и белья, и тканей.

— Это всё не про нас, там вещи тонкие и непрочные, и в них слишком много бумаги.

— Когда б все рассуждали как ты, Поулине бы ничего не продала и деньжонок не поднакопила.

Ездра, по обыкновению, сидел, погружённый в раздумья, не иначе как размышлял о чём-то своём и не обращал внимания на разговор, потому что вдруг покачал головой и повторил:

— Нет и нет, такой куче чужих людей здесь жить не с чего, пахотной земли не хватит.

Август, не скрывая раздражения:

— Всё-то ты знаешь! Но покуда Господь посылает нам сельдь, тебе незачем тревожиться насчёт пахотной земли и пищи для полленцев. А ещё я тебе скажу, дорогой мой Ездра, что ты из тех, которые всё ходят, бормочут себе под нос и работают из последних сил по старинке, а сам ты ничего не видишь и живёшь как сыч, и во всём Поллене не сыщется человека, который был бы на твоей стороне.

— Я делаю что могу, — ответил Ездра, — и до сих пор дела у нас шли не под гору, а в гору. — Он улыбнулся. — У нас как новая корова, так и новый ребёнок, значит, в конце концов коров станет ещё больше, потому что Осия горазда рожать.

Осия не поддержала шутку; вздохнув, она сказала:

— Да, но мы живём в одиночестве, и соседи нас не любят.

— Наплевать, — утешил её Ездра.

— Они думают, будто нам помогает нечистая сила.

— Раз так, пусть и дальше себе думают. На кой нам их помощь? Мы оба, ты да я, работаем не покладая рук, у нас есть усадьба, из года в год мы ведём хозяйство, мы никому ничего не должны, каждый год осваиваем новую делянку, а это не так уж и мало. Старшие дети уже выросли, младшие подрастают. Вот старший скоро вернётся из Тронхейма, будет нам помогать. Когда-то в Поллене жил человек,

которого звали Мартинус, ты, Август, верно, его помнишь. Так вот он учил меня быть довольным тем, что есть.

Словом, всё это был пустой разговор. И ни слова о торговле и процветании Поллена. Август не вытерпел и опять спросил:

— Короче, как я понял, ты не желаешь продать участок Оттесену?

— Не желаю, — отвечивал Ездра.

— Он тебе знаешь сколько денег отвалит!

Осия перебила его:

— Не надо вам больше про это говорить, ничего не получится, кроме неприятностей.

Август, настойчиво:

— Я просто хотел сказать, что ему дадут за это очень много денег.

— Верю, — ответил Ездра, — но, чтоб заплатить налоги, мне и без того хватает, а что касается остального, то моя семья не из тех, кто охоч до новомодных товаров.

— Бог знает, что ты несёшь! — взорвался Август. — Время, и новые моды, и прогресс — всё это не имеет к тебе ни малейшего отношения! Может, ты не пожелаешь покупать и рыбную муку, которую мы будем делать на фабрике?

— Отчего ж, может, и пожелаю, если это окажется лучше и дешевле, чем удобрять землю селёдкой. Вот как я делаю сейчас.

Август завершает разговор мрачным высказыванием насчёт странного образа мыслей и вообще ограниченности некоторых людей.

Просто стыд и позор, что такой хозяин невода, как Оттесен, не может купить участок под строительство. Для Августа эта мысль просто невыносима, и он решает уступить Оттесену кусок собственной луговины. Есть у него такой участок, но он собирался использовать его для одной затеи, очень важной и полезной для Поллена, он его вспахал и разборонил, чтобы посадить...

— А что посадить-то? — спрашивает Ездра.

— А теперь на этой луговине поставят дом, — завершает свою речь Август.

И вот какая странность: ведь до сих пор Август почти никогда и ни в чём не испытывал сомнений. Но вдруг в Поллене и впрямь окажется слишком много народу? Он пораздумал об этом, и

настроение у него резко испортилось, глупое упрямство Ездры вывело его из себя: неужто и в самом деле Поллен не сможет жить за счёт банка и промышленности? Сколько он ни бродил по свету, в этом вопросе все были едины. Разве для банка не нужен сейф? Не нужны помещения? Как ни крути, а уж без этого не обойтись. Стало быть, в первую очередь потребуется земля под застройку. А где её взять? Он с великим раздражением вновь вернулся к той мысли, которая докучала ему в последнее время: строить больше нигде, кроме как у себя на голове. Ну, это, конечно, преувеличение, он даже зубами заскрипел из-за своей привычки говорить больше, чем надо, ведь есть же полоска земли у Каролуса, сбоку от амбара. Вот только годится ли она под банк? Даже если снести амбар, поскольку Каролусу никакой амбар больше не нужен, участок от этого лучше не станет, потому что расположен в неприличной близости к коровнику. Тут Август без всякого перехода ушёл в размышления о доме для управы. А этот дом где прикажете ставить? Вот и для него нужен строительный участок. Чёрт подери, стоит пройти несколько сот метров за околицу, и там места сколько хочешь, но ведь такой дом должен стоять в самом Поллене, и с башней на крыше, как Август это себе представляет. Словом, Август угодил в тупик, но беда невелика, он находил выход и не из таких тупиков, найдёт и теперь, можете не сомневаться. Но в данную минуту он изливает свой гнев на обстоятельства и на людей, и кончится всё, пожалуй, тем, что Поллен, который он в мыслях видел таким большим, в действительности станет жалким подобием города, где проживает от силы пятьсот человек — да какие там пятьсот, не пятьсот, а сто, нет, не сто, а пятьдесят человек, пятьдесят придурков, нищих и бестолковых. Тогда управа будет собираться в комнате у старосты и вершить свои важные дела в углу за печкой. Просто думать тошно! А когда придёт банковский сейф, который он заказал по телеграфу, то для него и дома-то не найдётся!

Но дом должен найтись. Надо только, чтобы полленцы спокойно спали, а больше ни во что не лезли...

Когда он вошёл в лавку, там стояла Ане Мария и ещё несколько покупателей. Между ними шёл оживлённый разговор, и в данную минуту речь держала Ане Мария.

— Вот хорошо, что ты пришёл! — воскликнула она. — Я хочу попросить тебя о помощи!

Август, всё ещё пребывающий в дурном настроении, ответил:

— Не могу же я помогать всем подряд. Тебе чего от меня надо?

Ане Мария сказал, что Август вполне может всем помочь, а без него ничего не выйдет. И пусть он для начала послушает, о чём у них тут шёл разговор: вот у неё нет детей, а она в последнее время стала много о себе понимать и желает взять двух бедных детишек и воспитывать их как своих собственных. Вот о чём у них шла речь.

— Ну и?..

Так вот: что думает Август по этому поводу и каких детей он посоветовал бы ей взять.

Август заметно оживился от сознания, что от него требуют помощи и в этом деле, поистине, он должен обо всём заботиться.

— Благослови тебя Бог, Ане Мария, — сказал он, — ты достойный человек, ты не из тех, кто думает только о себе!

— Правда?

Ане Мария ничего не имела против такой похвалы, нет и нет, она тоже была тщеславна. Конечно, она могла бы и сама подобрать двух детишек, но ей хотелось извлечь как можно больше выгоды из своей затеи, растрезвонить о ней в лавке, услышать слова похвалы.

— Ну, не одна я, — ответила она, — Каролус ведь тоже...

— Да, вы оба просто благословение для здешних мест, — решил Август, — без вас в Поллене до сих пор стояло бы семь домов да два амбара!

— Не забывай и про себя! — кокетливо запротестовала она.

Короче, каждый признал заслуги другого, и оба пришли в отменное расположение духа. Поулине тоже присоединилась к похвалам в честь Ане Марии и даже называла её на «вы» и всячески ублажала.

— Не каждый способен подумать о невинных малютках, как это делаете вы, — так сказала Поулине, тощая старая дева Поулине, которую дети совершенно не волновали.

— Итак, двое детишек, — повторил Август и задумался. — И они должны быть из одной семьи?

— А как по-твоему?

— По-моему, так. И чтоб внебрачные дети?

— Вот уж не знаю, — смутилась Ане Мария.

Август же, продолжая свои изыскания, задал очередной вопрос:

— И чтоб были маленькие?

— Да, желательно маленькие. Впрочем, я буду рада любым, какие бы они ни оказались.

— И чтоб мальчик и девочка?

— Желательно, — устало ответила Ане Мария. — Просто мы хотели, раз нам позволяют средства, сделать доброе дело.

— Да, у вас им будет очень хорошо, — сказала одна из покупательниц, стоявшая у прилавка, а вторая так и вовсе, покачивая головой, изрекла:

— Скажем так: как ангелам в раю!

И Ане Мария выслушивала похвалы, и раздувалась от гордости, и заверяла, что у неё дети не будут терпеть нужды ни в еде, ни в питье.

— И всё же какие они должны быть? — спросил Август и глубоко задумался. Это прозвучало так, будто он мог по пальцам перечислить всех детей в Поллене, хотя, по правде говоря, вообще ни одного не знал. Да и откуда ему было знать полленских детишек? Он не появлялся здесь больше двадцати лет, а когда приехал, то и взрослых не всех смог узнать.

— Я ведь про что спрашиваю: какие у них должны быть глаза, карие или голубые, и какие волосы, светлые или тёмные?

— Да какие есть, такие пусть и будут, — отвечала Ане Мария, — всё равно я их буду любить.

— Что до меня, — с достоинством промолвил Август, — то мне довелось повидать на этой земле множество людей. У одних были чёрные глаза, у других, можно сказать, белые. Но хуже всего были люди с красными глазами, похожими на шляпки медных гвоздей. Вот с такими опасно встречаться на узкой дорожке. И один раз вышло так, что не то триста, не то четыреста таких медных гвоздей разом уставились на меня, после чего всё, что я ни ел, отдавало медью.

— Вот это да!

— Так что не всё равно, какие у человека глаза, — наставлял Август. — Но коль скоро ты перепоручила это дело мне, то уж я поспрашиваю, где надо. Таких детишек, какие тебе нужны, нелегко будет сыскать. Они должны не опозорить тебя, когда станут ходить в красивой одежде, что ты им справишь. Да и родители их чтоб были людьми достойными и порядочными, хоть мать, хоть отец. Уж я-то за этим прослежу, можешь не беспокоиться...

Словом, при всём желании никто не мог более энергично взяться за это дело, чем Август; он с места в карьер принялся подыскивать парочку подходящих детишек. Времена стояли добрые, в заливе то и дело забирали очередной косяк сельди, так что трудно было найти людей достаточно бедных для того, чтобы отдать детей в чужие руки. Пришлось ему забраться подальше, в Северный посёлок, чтобы поискать там, но и Северному посёлку перепало достаточно от уловов в Нижнем Поллене, нигде не бедствовали, так что Августу даже приходилось выслушивать насмешки: уж не думает ли он, что у них затем только и родят детей, чтобы раздавать их потом по чужим людям?

Август возвращался домой, сел, утирал пот со лба, после чего докладывал Ане Марии: итак, он делает всё, что только может, он старается изо всех сил и не щадит себя. А в ответ слышит издёвки и насмешки.

Ане Мария выслушивала его отчёты с удивлением. Неужто селение настолько разбогатело? Здесь вроде всегда было полным-полно детей, за эти годы у неё стало привычкой приглашать к себе тощих, иззябших малышей, потчевать их чем-нибудь, а теперь она стоит, простирая к ним руки, и не может позвать ни одного.

Но Август не растерялся, он опять начал думать, прикидывать, после чего сказал:

— Вот если б ты не захотела прямо сейчас, вынь да положь, обзавестись детьми, я мог бы кому-нибудь их заказать.

Ане Мария бросила на него быстрый взгляд, уж не смеётся ли он над ней, но Август и не думал смеяться. У него был вполне серьёзный вид, можно даже сказать, благочестивый.

— Не понимаю, что за времена настали, — сказала она, — люди пошли какие-то ненормальные. Детей всегда было полным-полно, просто девать некуда; когда я была помоложе, всё вокруг так и кишело детьми. Два ребёнка в три года — это считалось нормальным, а теперь!..

Но Август продолжал развивать пришедшую ему в голову мысль:

— А сама-то ты не готова подождать хоть один год?

Ане Мария:

— Нет, я предпочла бы иметь их сразу. А через год — поди знай, кто из нас будет жив через год. Вдобавок теперь у нас есть деньги...

Тут Август вдруг начинает сердиться и огорошивает её следующим вопросом:

— А почему, чёрт подери, ты сама не родишь себе детей? В чём дело?

— Сама? Да я бы с превеликой охотой, но никак не получается!

— Почему? Что вам мешает?

— Уж Каролус так старается, что больше и требовать нельзя, и... ничего не выходит.

— Вот будь я на его месте!.. — вскричал Август. И на сей раз это были не пустые слова, он даже побагровел весь и заёрзал на стуле. Само собой, он и тут не мог удержаться от хвастовства, заявив, что уж с ним-то у неё, у Ане Марии то есть, было бы столько детей, сколько ей нужно.

— Ты это серьёзно? — спрашивает она.

— Конечно, серьёзно.

Она должна понять, что он объездил весь свет и никто на него не жаловался по этой части.

— Такой ты, значит, был лихой?

— Такой, — кивнул он, — мне равных вообще не было.

— Вот бы нам тогда сойтись, — сказала она. — Но сейчас для нас уже слишком поздно.

Это почему же слишком поздно? Она что, думает, будто он из тех, что встречаются в Турции и в Египте? Так пусть не думает.

Какое-то время они толковали об этом, но, помянув Турцию и Египет, Август дал волю своему воображению и стал рассказывать о тамошних впечатлениях; возбуждение его, видимо, прошло, и он увлечённо принялся фантазировать: была в его жизни такая пора, когда он проклял всё, что связано с женщиной и с любовью, а причина вот какая — он попал в одно большое королевство и там влюбился в знатную даму, ну не совсем чтобы в принцессу, но, может, сестру принцессы или что-нибудь в этом роде, и была она знатного рода, и было у неё пять рабынь, или не пять, а три, чтоб отгонять от неё мух, когда жарко.

— Как всё получилось: то ли министр её заставил, то ли по другой причине, но только она мне изменила, — сказал Август, — и вот с того дня я навсегда покончил с женщинами.

— Это пройдёт, — утешила его Ане Мария.

Но Август продолжил свой рассказ:

— Конечно, тело у неё было не совсем белое, не сказать чтобы чёрное, но и не белоснежное, это уж точно, и ещё у неё было огромное богатство, однажды она мне дала целую пригоршню жемчуга, просто так. Крупные такие были жемчужины, из тех, которые добывают в Тихом океане и которые ценятся подороже иных брильянтов.

Но Ане Марии хотелось вернуться к прерванной теме, и она спросила:

— А у тебя с ней что-нибудь было?

— Ну само собой, — гласил ответ.

— А сколько лет прошло с тех пор?

— Много прошло, очень-очень много. А почему ты спрашиваешь?

— Раз прошло так много лет, тебе, верно, сейчас так уже не суметь...

Август, снова воспламенившись:

— Это почему? Думаешь, я уже никуда не гожусь? Хочешь проверить меня? Что молчишь?

— А ты разве спрашивал? Я просто слушала... Но я хочу именно того, чего хочешь ты.

И тут Август повел себя совсем уж для неё непонятно. Он рывком поднялся с места, в два шага достиг двери, остановился и начал что-то бормотать, ломая руки. Ане Мария решила, что он углядел кого-то через окно, и спросила:

— Там что, Каролус?

— Каролус? Нет там никакого Каролуса, — ответил Август, мало-помалу приходя в себя. Перед тем как удалиться, он сказал ей, однако уже без всякой нежности во взгляде: — Если ты хочешь того же, чего хочу я, тогда не тревожься, что у тебя не будет ребёнка, которого надо воспитывать.

XII

Август, возможно, и сам понял, что наобещал Ане Марии много, даже слишком много, поэтому несколько дней подряд он её вообще избегал, и, поскольку в конце концов ему даже начало казаться, будто

она его преследует, он взял да и пошёл в Верхний Поллен, чтобы подыскать там двух детишек. Он даже принарядился, и в платье его было много красного цвета.

Особых надежд на удачу он не питал, Верхний Поллен считался таким аристократичным местом, ну откуда там могли взяться дети, которых родители готовы уступить? Для начала он пошёл к пастору — но нет, капеллан Твейто ещё не прижился в селении, и так далее и тому подобное. Пошёл тогда Август к ленсману, уж он-то должен знать бедняков, не имеющих средств, словом, тех, чьё имущество он описывал за неуплату налогов. Двух детишек из бедной семьи — нет и нет! Ленсман проявил себя патриотом Верхнего Поллена и посоветовал поискать таких в Нижнем Поллене.

— Там ты найдёшь их сколько захочешь, — сказал он.

Значит, так: он обращался к Августу на «ты», да и вообще держался невыносимо, ну что ж, надо отплатить ему той же монетой! Этот ленсман был совсем молодой человек, сын старого ленсмана, которого уважал весь Поллен, а сын оказался такой самоуверенный, умом не блистал, может, он тоже вполне приятный и доброжелательный человек, но уж точно неумен. Поэтому Август, острый на язык, сразу с ним поквитался, хотя начал ласково и сдержанно:

— В Нижнем Поллене и впрямь много всякого добра, но бедных детей у нас не водится. Вот почему я и надумал поискать здесь.

— Ха-ха-ха! — расхохотался ленсман. — А какое такое добро есть в твоём Поллене? Селёдка и селёдка, а боле ничего!

— Сельдь у нас тоже есть, — согласился Август, — да и вообще много такого, чего ты в своём Верхнем Поллене и в глаза не видел.

Ленсман даже растерялся от обращения на «ты»:

— Ну, может быть. Но хочу тебе заметить, что между тобой и ленсманом, с которым ты разговариваешь, есть всё-таки разница.

— Есть, — ответил Август с невинным видом, — но я ведь никак не даю тебе понять, что ты ниже меня.

Ленсман воззрился на него с каменным лицом. Когда Август попрощался и ушёл, выражение лица у ленсмана не изменилось.

По каким-то причинам Август побаивался вернуться домой ни с чем; он попал в затруднительное положение, ему надо было хоть из-под земли раздобыть этих детей, ну не делать же их самому! В

частные дома ему ходу не было, даже и пробовать не стоило, поэтому он пошёл к причетнику. И вот там ему повезло. Да-да, причетник Йонсен был учителем в Верхнем Поллене, он мог поразмыслить, не то чтобы назвать кого-нибудь конкретного, но...

Обрадовавшись, Август решил выставить в неприглядном свете и ленсмана, и пастора, не заботясь о том, разумно это или нет. Преисполненный недобрых чувств, он начал с пастора: хельгеланец, у которого, возможно, и вши есть, а уж под носом-то наверняка не слишком чисто. Поглядел бы он лучше, как выглядит капитан на океанском пароходе: широкий золотой кант на фуражке и на рукавах, золотые звёзды на куртке, золотая цепь на животе, золотая ручка с золотым пером, золотой портсигар, золотые часы, золотое кольцо, словом, куда ни глянь, всюду золото. Никакого сравнения с капелланом Твейто, он-то из здешних, только и делает, что жуёт свою жвачку да краснобайствует, и ровным счётом ничего не знает, ну куда уж хуже?

Причетник улыбнулся и слегка кашлянул. И тогда Август решил ленсмана не трогать. Причетник Йонсен, как уже было сказано, ручаться ни за что не может, но вот есть здесь такой кузнец... Несколько лет назад в Верхнем Поллене поселился один кузнец со своим семейством, звать его Эйде Николаисен, у него жена и целый выводок детишек. Приехали они из Стокмаркнеса, очень бедствовали, но им всё время помогала местная управа. Вот пусть Август там и поспрашивает. О самом кузнеце ходит недобрая слава, он явно и с полицией имел дело, и жена у него совершенно замученная, но дети, может, окажутся вполне подходящие.

— Да плевать, какие там родители! — воскликнул Август. — Не имеет значения, из детей могут выйти и губернаторы, и президенты, я вдоволь такого понагляделся, когда скитался по свету. Вот, к примеру, у индийского короля даже не было рубашек с крахмальными воротничками, если не считать тех, что я дал ему поносить, когда ему пришлось впервые танцевать во дворце. Ну и что с того!

Тут и у причетника лицо окаменело, и, чтобы поскорее закончить этот разговор, он сказал:

— Да-да, попытайте счастья у кузнеца.

Вот теперь Августу и впрямь удалось кое-что сделать, он получил вроде как обещание отдать ему двух детишек, точнее, двух мальчиков

пяти и шести лет, один, стало быть, немного постарше, оба большезлазые и худые, словом, то, что и требовалось. Оба были неухоженные, может, даже хулиганистые, но для усыновления очень даже годились. К тому же у них были голубые глаза, и сами они были с виду здоровые. Наверняка понравятся Ане Марии.

Августу удалось заручиться лишь предварительным согласием, до тех пор пока будущая приёмная мать не завершит дело, а она была готова прийти хоть завтра. У кузнеца не было особых возражений, он скорее был доволен, трудней оказалось уговорить мать: она в голос рыдала, отчего и у малышей сделался несчастный вид. Пренеприятная вышла сцена: бесшабашный моряк и сам растрогался, какое свинское поручение на него взвалили и какой он был дурак, когда согласился на это.

— Вот возьмите, — пробормотал он и сунул матери несколько бумажек. — Купите на них что-нибудь для семьи! Будем считать, что мы уговорились. И не тревожьтесь, ваши дети попадут к добрым и хорошим людям.

Мать ещё пуще разрыдалась, может, подумала, что ей выплачивают задаток и что теперь она продала своих детей. Пришлось Августу положить конец этой сцене.

— А если вы через какое-то время захотите получить их обратно, это тоже можно будет устроить, не надо плакать, ведь не силком же их забирают! — сказал он.

Домой Август вернулся в более спокойном расположении духа, его поход увенчался успехом, принёс, так сказать, ощутимые результаты: вот вам, пожалуйста, два мальчика, разве они не хороши? «Да, конечно», — ответила Ане Мария, однако по её тону можно было догадаться, что Август сделал совсем не то, что ей бы хотелось; нет, нет, она не могла удержаться, чтобы не помянуть некий план, о котором шла речь несколько дней назад, так вот, что он по этому поводу думает? Август оправдывался тем, что в этом случае детей пришлось бы ждать чуть не целый год. А кроме того, продолжал он, ей не следует забывать, что это дети не из простых, они из Верхнего Поллена, это своего рода большой успех. Но коль скоро, оскорблённым тоном завершил он свою речь, коль скоро Ане Мария откажется от этих детей, он возьмёт их себе, да-да, лично он, Август, возьмёт их себе. Потому что в жизни своей ещё не видел таких милых,

таких замечательных детей, он вообще не удивится, если в будущем они достигнут высокого положения, он даже не хочет сейчас говорить, какого именно.

Короче, дело сладилось. Ане Мария вернулась домой, часть дороги она вела мальчиков за руку, а часть тащила их на спине. Она много возилась с детишками, то кормила их, то брала с собой в лавку, чтобы показать народу, покупала для них всякую всячину, одежду, обувь, мало того, принялась и сама шить для них, словом, была чрезвычайно занята.

И пошли у них игры да забавы с утра до вечера, мальчикам жилось хорошо, их кормили, их ласкали, они играли с другими детишками и к вечеру просто с ног валились от усталости. Правда, иногда на них нападала тоска, они плакали, вспоминали родной дом, но Ане Мария действовала в таких случаях весьма проворно и умела тут же утешить их, два раза водила к родителям, а потом приводила обратно к себе. Однажды они попросились заночевать в Верхнем Поллене, чтобы показаться прежним друзьям в новой одежде, но через несколько дней мать сама отвела их в Поллен. Не обошлось, конечно, без слёз, когда мать собралась обратно домой, но приёмный отец, Каролус, успел тем временем купить им два маленьких топорика, чтобы ребяташки могли нарубить дров и тем заработать себе на сласти.

Каролусу дети тоже скрасили жизнь, с ними было приятно общаться, они глядели на него во все глаза и задавали разные вопросы. Вы когда-нибудь такое видели? Это ж надо, какие озорники, они прятались от него, когда он, бывало, уйдёт в Поллен, и чего-нибудь выкрикивали ему вслед. Ну конечно, он не мог с ними играть целый день, но он улыбался им, и грозил кулаком, и кричал, что сейчас он им покажет. По множеству причин ему было очень даже кстати, что в доме у них появились эти малыши, ведь благодаря этому он мог один спать у себя в горнице, потому что Ане Мария спала теперь в другой комнате, с мальчишками, так как без неё они ложиться не желали.

Словом, Каролусу жилось теперь хорошо и вольготно, вдобавок именно сейчас он ощущал своё богатство и значимость. Встретив кого-нибудь, он вёл себя не как человек, которому бы только кивнуть и пройти мимо, нет, сейчас он вёл себя достойнее, чем когда бы то ни было, не заводил со своими собеседниками никчёмные разговоры про

погоду и направление ветра, а, достав из кармана часы, говорил: «Я бы и ещё потолковал с тобой, но меня ждут на важную встречу в банке».

Да, никак не сравнить с тем, что было раньше!

Эти важные встречи в банке бывали порой очень мучительны для их участников. Некоторые полленцы, люди вполне известные, обращались за банковской ссудой, хотя и не имели надёжных поручителей. Как же тут быть, неужто отказывать? Август и Каролус были людьми щедрыми и отказывать не хотели, но зато Поулине, лучше осведомлённая в полленских делах, настаивала на этом. Большинством голосов удалось пробить несколько весьма сомнительных ссуд, после чего Поулине не пожелала больше быть в правлении банка, раз её голос не играет роли, и вышла из его состава. Поскольку двое оставшихся членов правления сразу, если можно так выразиться, раздарили несколько ссуд, Август смекнул, что дело неладно, и решил притормозить. Вы только представьте себе Августа, который пошёл на такое! Ведь тогда прекратится движение капитала и начнётся сплошной застой. Да пошли они к чёрту! Вдобавок Август не без удовольствия заседал в правлении и вершил человеческие судьбы, к нему то и дело заявлялись заёмщики, он был всемогущ, и этот банк, по сути, принадлежал ему, а Каролус не играл особой роли, и теперь, чтобы добиться очередной ссуды, Август зачастую прибавлял собственное имя к именам двух не слишком надёжных поручителей. По городу ходил слух, будто он тратит на свою благотворительную деятельность акции серебряных рудников.

С великой досадой и беспокойством наблюдала Поулине, как он рискует пятью тысячами её старшего брата. Её нимало не тревожили жалкие пять акций Йоакима или её собственные десять, её тревожили деньги старшего брата, всегда молчаливого и серьёзного, никогда не совавшегося вперёд.

— Того и гляди вы его разорите, — укоряла она Августа.

В ответ Август только улыбался и говорил, что надеется удержать Эдеварта на плаву.

— Да вы не сегодня-завтра раздадите всю банковскую наличность, — продолжала она.

— Всю наличность? — переспрашивал он. — Впрочем, тебе видней, это ты у нас хранишь деньги.

— И теперь их стало куда меньше.

— Всё так, но зато в банке теперь гораздо больше закладных. — И Август начал прикидывать и подсчитывать: у них есть много заёмщиков, у них в закладе — причём под небольшую ссуду — целые усадьбы, а под строительную ссуду служит поручительством красивая улица в Поллене со множеством новёхоньких домов — разве было у них вначале что-нибудь подобное?

Поулине:

— Одного только желаю: чтобы Эдеварт не пострадал в этой истории.

Август с неизменной улыбкой начал доказывать ей, что за Эдеварта беспокоиться нечего, риска для него нет никакого. Дела в банке идут отлично, он стал благословением для всех, а они с Каролусом проделали огромную работу...

Судя по всему, Август отнюдь не хотел отказываться от своих полномочий в банке.

Впрочем, когда прибыл несгораемый шкаф, ситуация несколько изменилась. Господи, да это же не шкаф, это целый дом, суцая крепость! Пришлось выслать за ним к пароходному причалу рыбацкую шхуну, а когда шхуна причалила с этим грузом в Поллене, пришлось для доставки сейфа от лодочных сараев нанять восемь человек и двух лошадей в придачу.

— Вот так, — сказал Август, — но мне доводилось видеть сейфы в десять раз больше этого.

А куда же его поставить? Сначала хотели отвезти в лавку к Поулине, но она не позволила. Тогда Роландсен, директор банка, предложил свои услуги, он с превеликой радостью установил бы этот величественный сейф в своём роскошном доме. Сейф был украшен чёрными, золотыми и мельхиоровыми ручками, ему предназначалось достойное место в гостиной между диваном и зеркалом.

— Поулине, а почему ты не желаешь держать у себя этот замечательный сейф?

Поулине, решительно:

— Потому что под ним провалится пол.

— Значит, надо подвести кирпичный фундамент.

Но сразу договориться им не удалось, Августу пришлось ещё долго её уламывать. Восемь мужчин и две лошади стояли и ждали, когда они придут к какому-нибудь соглашению, а Поулине нимало тем

не смущалась, она досадовала на все эти рискованные ссуды, которые Каролус и Август раздавали направо и налево, не считаясь с её мнением, и своим легкомыслием, можно сказать, почти разорили её старшего брата.

— Ты думаешь, мы и сами не понимаем, что без ума раздавали ссуды, как идиоты? — спросил Август, чтобы хоть как-то её умаслить.

— Не нужен мне ваш шкаф, — стояла на своём Поулине, — и деньги ваши можете забрать, не желаю я их больше хранить у себя.

Итак, пока восемь мужчин и две лошади стояли и ждали, Август кротко и убедительно уговаривал разъярённую Поулине: пусть она всё-таки порадеет за общество и примет у себя этот шкаф, ведь, кроме как у неё, места нигде нет, на ней и почта, и страхование, и лавка, ведь нельзя же ставить денежный шкаф на окраине Поллена. Причём именно она должна принять на хранение деньги как Эдеварта, так и всех остальных вкладчиков.

С Эдевартом — это он неплохо придумал, Поулине запнулась и сменила гнев на милость. Выходя из комнаты, она милостиво обронила:

— Ладно уж, но только обязательно сделайте для него кирпичный фундамент.

Фундамент выложили, под перекрытия подвели опоры, а поскольку сейф практически занял всё маленькое пространство конторы, помещение пришлось расширить за счёт пристройки. Пригласили Эдеварта, и он сделал эту работу вместе с двумя напарниками, а заплатил за всё банк.

Наконец-то сейф можно было использовать по назначению, и то сказать — самое время. Но сейф, между прочим, был заперт, и открыть его никак не удавалось. Все знали, конечно, что этот сейф должен быть недоступен для взломщиков, но ведь для взломщиков же, а не для порядочных людей, чёрт их всех подери. Август крутил и дёргал ручку, крутил и дёргал пластинку с буквами и цифрами, загадка какая-то, ребус проклятый. Тут подоспел Каролус и тоже предпринял расследование. Теодор, принёсший почту, тоже, разумеется, остался и начал подавать ценные советы, например: а что, если в сейфе снять заднюю стенку? Август снова взялся за дело и снова без всякого успеха, он пришёл в ярость и уже был готов отправить шкаф обратно, швырнуть его прямо в лицо изготовителям.

Теодор наведлся в лавку и взял там клещи, хотел попытаться счастья с их помощью, но никто ему этого не позволил. Тогда он сунул клещи себе в карман и предложил кликнуть на подмогу Эйде Николаисена, кузнеца из Верхнего Поллена, чтобы тот пришёл и взломал сейф...

— Можно подумать, ты в этом разбираешься, — прошипел Август.

— Ну и что? Разве лучше стоять и пялиться на этот сейф?

Август уже совершенно не владел собой и громко изрыгал проклятия.

— А где Йоаким? Куда делся Йоаким? — то и дело спрашивал он. Пришла Поулине и позвала всех обедать.

— Ты у меня случайно клещи не брал? — обратилась она к Теодору.

— Какие клещи? Н-нет... — Ах да, он совсем про них забыл. И Теодору пришлось вернуть клещи.

Подоспел Йоаким, и все пошли обедать, а за обедом Август на чём свет стоит проклинал сейф. Йоакиму рассказали, что у Теодора возникла идея — взломать дверцу. Ох уж этот Теодор! Йоаким чуть не лопнул со смеху. Август тоже захохотал во всю плотку, непроходимая глупость Теодора доставляла ему искреннее удовольствие. Ты не поверишь, но он предложил снять заднюю стенку, ха-ха-ха! И только Эдеварт не проронил ни звука.

Когда Август решил снова пойти и посмотреть, как им быть с сейфом, Поулине сообщила ему, что с сегодняшней почтой на его имя пришло важное заказное письмо.

— Верно, от одной большой зарубежной компании, — ответил Август, — я давно ждал его.

Но на самом деле письмо было с завода, где делали сейфы, и в нём был ключ к загадке, полное объяснение, как следует открывать и закрывать шкаф, сколько набрать цифр и букв на диске, чтобы повернуть его вправо, сколько, чтобы повернуть влево, и тогда шкаф откроется. Ха-ха-ха! Ну и болваны же они, тупые животные, столько-то раз туда, столько-то сюда — вот и всё, что нужно сделать, чтобы открыть сейф. Это ж надо, какие они глупые!

Далее в письме говорилось, что данную инструкцию надлежит держать в тайне от посторонних. Ну само собой, Август вовсе не собирался сообщать комбинацию всем подряд! Он сам решил

повернуть диск, а перед этим потребовал, чтобы зрители удалились и не подглядывали.

Но после того, как Август самым тщательным образом изучил письмо и покрутил диск, а дверца всё же не поддавалась, он позвал на подмогу Йоакима.

— Ну, в чём дело? — спросил Йоаким.

— Ты думаешь, мне удалось открыть этот подлый сейф? — фыркнул Август. — Надо просто слегка повернуть диск туда или сюда, нет, это просто дьявольщина какая-то!

Йоаким засмеялся.

— А ты бы кликнул Теодора! — предложил он.

— А ты бы не насмеялся! — огрызнулся Август. Его терпение явно было на исходе.

— Я ведь разбираюсь в этом столько же, сколько и ты, — примирительным тоном сказал Йоаким. — И в сейфах я ничего не смыслю.

— Ну ты же как-никак староста. — Август совсем растерялся.

— Позови-ка лучше Поулине, — посоветовал Йоаким и с этими словами ушёл.

И вот именно Поулине, внимательно проштудировав письмо, сумела в конце концов открыть сейф. Кстати, вышло очень даже удачно, что шкаф открыла она, а не кто-нибудь другой, кто мог бы злоупотребить тайной. Инструкцию она оставила у себя. Теперь комбинация цифр и букв была в надёжных руках.

Так Полленский сберегательный банк и работал день за днём и нимало не пёкся о банковских законах и высоком начальстве, но в то же время и не задумывался о хитростях банковского дела. Словом, это был безотказный банк. Он выдавал под гарантии небольшие ссуды, были у него и кой-какие поступления от тех, кто хорошо зарабатывал в Нижнем Поллене. Дела шли отменно, Поулине снова вошла в правление банка и приобрела в нём такое влияние, что даже в тех случаях, когда Август и Каролус голосовали «за», она могла и не выдать ссуду, потому что именно она знала шифр. Ничего не скажешь, фонды банка сильно уменьшились, что, по её мнению, было очень плохо; после уплаты за сейф наличности осталось совсем мало, но с того дня Поулине решила сама следить, чтобы выплаты не превышали поступления, поистине она была добрым ангелом банка.

Месяц проходил за месяцем, Поллен стал вроде как городом, в нём появилась улица, застроенная домами по одной стороне, у него был свой залив, который можно было перегораживать неводом, у него, наконец, были почта и сберегательный банк. Август предусмотрительно помалкивал насчёт каменного дома с огнеупорными сводами для банка, но зато частенько заговаривал со старостой Йоахимом относительно дома для местной управы. «Успеется, не горит», — неизменно отвечал Йоахим. А вообще-то как раз горело, потому что частные заказы кончились и Эдеварт ходил без дела. «У нас денег не хватит», — говорил Йоахим. «Значит, надо занять, — парировал Август, — в жизни не поверю, что Поулине будет возражать». Но все уговоры были тщетны. Йоахим твёрдо стоял на своём.

Какая радость в том, что Поллен заделался настоящим городом, если ни один из жителей ничего не делает? Август с негодованием убеждался, что никто не желает даже палец о палец ударить.

— А номера нам выдадут? — спросил старый Каролус.

— Конечно, — ответил Август, — потому что так делают во всех городах, и у тебя будет номер первый.

Каролус тотчас изъявил согласие, но так и остался единственным, у кого над дверью висел номер.

Никто ничем не занимается, никаких признаков деятельности. Взять, например, идею Августа относительно фабрики по производству рыбной муки. Разве полленцы думают об этом? Ну ладно, положим, банк не желает принимать в этом участия, но разве люди сами не могут скинуться на фабрику, которая будет делать рыбную муку, это помогло бы развитию местной промышленности, производству продуктов питания, принесло бы селению много денег. Так вот нет же! Неужели жизнь в Поллене замерла?

Август переговорил с Каролусом насчёт фабрики. И Каролус снова согласился принять участие и подкинуть кое-что из своих средств на это доброе дело. Но остальные отказались наотрез. Август побывал у Ездры, у Йоакима, у Габриэльсена, хозяина невода, у директора банка Роландсена, он опять все подмётки стоптал, побывав в Северном посёлке, он без усталости рассказывал о своей идее — результат всё тот же.

В поисках выхода он обратился к шкиперам и хозяевам неводов. Но и здесь его начинание потерпело неудачу, потому что хозяин невода Оттесен так и не смог получить участок под застройку. Вообще-то Оттесену везло сверх всякой меры, он только что запер сельдь, а потому пользовался великим уважением у рыбаков и скупщиков. Всё, что он ни говорил, имело вес, одним словом, большой человек, молодец, и разбирается во всём, вот поглядите, он снова запер косяк. Август поддакивал, когда ему говорили, что Оттесен большой человек. Он сравнивал его с президентами и губернаторами, которые сумели достичь головокружительных высот. Короче, согласны ли они поддержать фабрику рыбной муки? А Оттесен согласен? — спрашивали люди в ответ.

Нет, Оттесен не согласен.

Конечно, со стороны Оттесена это было просто важничанье и тщеславие, удача вскружила ему голову. Ведь ни в каком другом месте ему не отказали бы в участке под застройку. Август крепился изо всех сил, чтобы не отдавать свой маленький участок, для себя он решил, что этот участок будет ему подспорьем, когда рухнет всё остальное, ничего нельзя знать заранее, судьба не всегда бывает к нему благосклонна, а на этом клочке земли, который Родерик вспахал и обнёс изгородью, он, Август, намерен посадить кое-что, да-да, кое-что, он хотел посеять семена, из которых вырастут потом большие разлапистые листья — и молчок, больше мы об этом говорить не будем. Август ясно представлял себе тот день, когда полленцы онемеют от изумления куда большего, чем то, что они испытали, впервые взглянув на мир сквозь цветные стёкла в коридоре.

Так неужели хозяин невода, Оттесен, не может сменить гнев на милость, не может пойти на уступку?

— Ну как, господин Оттесен, вы поразмыслили о том, о чём мы с вами толковали?

— Это о чём же?

— Я был бы весьма рад, чтоб вы жили у нас, чтоб такой человек, как вы, осел в Поллене, а теперь вот Каролус сносит свой амбар...

— Да хватит вам об этом! — с достоинством ответил Оттесен.

— Ну конечно, — уступчиво сказал Август, — не захотите же вы строиться на захудалом участке, где стоял амбар! Это и младенцу ясно! Правда, амбар этот до сей поры принадлежал самому богатому

человеку в Поллене, но что с того? А вот если к этому участку прибавить и мою луговину?..

Оттесен, без паузы и уже не столь решительно:

— А что с ней делать, с этой луговиной?

— Она предназначалась для сада, фонтана и всяких диковинных растений. Я ведь только приблизительно могу себе представить, для чего она вам понадобится.

После недолгих переговоров согласие было достигнуто. Но когда Август, полагая, что на любезность надо отвечать любезностью, начал вновь говорить про фабрику рыбной муки, Оттесен воспротивился. Он просил не вмешивать его в эту историю, он припомнил, что в его родной деревне такую же фабрику пришлось закрыть из-за недостатка сырья и по этой причине дорогостоящее бетонное здание так и пропадает без толку, его нельзя даже приспособить под лодочный сарай. И Оттесен покачал головой.

Итак, он не поддался соблазну. Но может, его удастся взять хитростью?

— Это в Поллене-то недостаток сырья? — вскричал Август. — А где на всём побережье самые богатые уловы?! Да с таким же успехом можно говорить о недостатке здесь воды и ветра! А вдобавок один человек кое-что об этом прослышал и намерен войти в долю, если ему предоставят участок для застройки.

— Вы это про кого? — спросил Оттесен.

Август:

— Пока я не могу об этом откровенничать. А ещё, между нами говоря, мы предпочли бы, чтобы в этом деле участвовали именно вы. Не поймите меня превратно, это вполне достойный человек, но с господином Оттесеном ему не тягаться.

— Он не из местных?

— Да, с юга.

— Тогда я догадываюсь, о ком идёт речь, — говорит Оттесен и надолго задумывается. — А сколько он готов вложить?

Август, не моргнув глазом:

— Три тысячи. Я не преувеличиваю, это не в моих привычках.

— Три тысячи! — с шумом выдыхает Оттесен. — Да разве это деньги для строительства фабрики?! Нет уж, надумай я вступить в это дело, то выложил бы не меньше пяти!

— Вот было бы здорово! — восклицает Август, поняв, что одержал победу.

Однако Август не должен думать, что ему удалось уломать первого встречного, для этого господин Оттесен слишком важный человек, которого на лесть не возьмёшь. Он сказал:

— Я пришлю с деньгами своего подручного. Вам где хотелось бы их получить?

— В банке, где ж ещё, — ответил Август. — Господин пришлёт деньги в банк и получит расписку.

Вот и отлично! Оттесен дал понять, что считает дело завершённым, он с видом знатока поглядел на небо, предвещавшее непогоду, сменил шапку на зюйдвестку и перекинул через руку клеёнчатую куртку.

— Пойду погляжу, как там мой невод, — сказал он.

Август был не прочь ещё поговорить насчёт своей луговины, к примеру, у него ведь должна остаться на руках хоть какая-то бумага, купчая, что ли.

— Да-да, вы набросайте текст, — изрёк Оттесен и проследовал мимо Августа, словно это не человек, а воздух, проходя же крикнул в сторону судов, стоявших в заливе, что надвигается буря, большая буря, и что на их месте он подтянул бы чалки. С этими словами Оттесен поднял парус и, как был, один, пошёл к своему неводу в дальнем заливе.

Человек энергичный и уверенный, вы только поглядите, как он плывёт, бесшабашно и с молниеносной быстротой, лево руля, право руля! Итак, он предсказал шторм, а шкиперы на судах безоговорочно ему доверяли, и потому все как один подтянули чалки.

XIII

Какой разразился шторм, предсказанный Оттесеном! Очень хорошо, что шкиперы вняли его совету и подтянули чалки. Единственным, у кого на это не хватило ума, оказался, к сожалению, сам Оттесен: он без всяких приключений дошёл до своего невода, сделал там всё, что собирался, но днём позже он в своей гордыне надумал потягаться с явно затяжным штормом и ради ещё каких-то дел дойти на парусах до пароходного причала — надумал и больше не

вернулся. Да-да, Оттесен так больше никогда и не вернулся. Парусник его потом нашли в открытом море у Рейне, что на Лофотенах, пустой и разбитый в щепы. О чём Йоаким прочёл в своей газете.

Это была большая и очень ощутимая потеря для Поллена и для всего света, это был явный перебор, прерванная игра, но для Августа всё получилось на редкость удачно: в банк поступило пять тысяч крон на строительство фабрики, а луговину отдавать так и не пришлось, луговина осталась при нём! Удача, которая что-то, да значила. По злой иронии судьбы несчастье с Оттесеном обернулось удачей для другого человека.

И однако же далеко не всё складывалось, как хотел Август: на строительство фабрики он не получил ничего, кроме этих пяти тысяч, остальные уклонялись под разными предлогами. Что и говорить, Оттесен, пока был жив, считался человеком прозорливым, и полленцы доверяли ему, теперь же, когда он, несмотря на всю свою прозорливость, погиб, они не считали нужным следовать его примеру.

— Ну, пять тысяч у нас всё-таки есть! — сказал Август и заказал телеграммой изрядную партию цемента.

— А сколько ж он будет стоить, этот цемент? — спросила Поулине.

— Вот уж не знаю, — ответил Август, — думаю, несколько тысяч.

Поулине нахмурила брови:

— Ты что, хочешь совсем опустошить банк! Этому не бывать!

Август, чтобы подольститься к ней:

— Благослови тебя Бог, Поулине, но ведь эти пять тысяч вовсе не принадлежат банку. Они принадлежат фабрике. Мы построим на них фабрику рыбной муки.

Но Поулине была неумолима:

— Деньги останутся в банке!

Август настаивал:

— Вот увидишь, теперь у нас дело пойдёт! Ты отродясь не видела столько цемента, может, там будет тысяча тонн, ну, если по-честному, не тысяча, но уж двести тонн там будет наверняка. В Поллене начнётся совсем другая жизнь!

Но Поулине не желает слушать про его планы, мысли Поулине явно заняты чем-то другим: капеллан Твейто должен сегодня

побывать в школе с инспекторским визитом, а Поулине намерена угостить его обедом, конечно, в меру своих возможностей.

— Ты бы помог мне ощипать кур, — сказала она Августу.

Однако Август почему-то не трогался с места — стоял и курил свою пенковую трубку, он тоже сегодня на особицу приоделся и даже отыскал у себя в чемодане трость со стилетом, вытащил его и принялся нахваливаться: однажды это оружие спасло ему жизнь. А когда-то трость принадлежала одному императору, его звали Наполеон.

— Ощипать кур? — переспросил он. — Всё зависит от того, что ты мне за это дашь.

Так они раньше отвечали на какую-нибудь просьбу, когда были ещё детьми и хотели поцеловаться. Поулине, холодно и равнодушно:

— Хотя ты небось и ощипывать их не умеешь.

— Я не умею? Да назови хоть одно дело, которое я не умею делать!

Поулине скептически улыбается.

— Я, который выстроил фабрику на Бермудских островах и ночевал в лагере прокажённых!

Поулине, насмешливо:

— Вечно эти твои истории!

— Ты мне, значит, не веришь? — спрашивает он. — Ладно, я докажу тебе, что умею строить фабрики!

И он опять заводит речь о своём, толкует о телефоне, электрическом освещении, о машинах, на которых можно летать: ты себе садишься на стул, самый обыкновенный стул, и поднимаешься в воздух. Но конечно, на это нужны деньги, вот для чего им требуется и банк, и фабрика рыбной муки, и промышленность, и заработки, и вообще много-много денег. Вот бы ему сколотить по-быстрому состояние и поднять жизнь в Поллене на новую, небывалую высоту, ещё настанет день, когда люди по достоинству оценят его, ещё и амтман заедет за ним в карете, запряжённой четвёркой, чтобы куда-то там его отвезти...

Августа совсем занесло, в своих мечтах он унёсся в заоблачные выси.

Но Поулине он, по правде говоря, начал раздражать, да и полёт его фантазии уже клонился к земле.

— Довольно я наслушалась твоих выдумок! — сказала она и махнула рукой, словно желая отогнать очередную ложь.

Август сразу сник и спросил:

— Что это ты давеча говорила про кур?

— Уж больно ты нарядно одет, боюсь, как бы не изгваздался в курином пуху.

Август и впрямь был нарядно одет, никакого сравнения с тем, что обычно.

— Я нарядился, чтобы свататься, — сказал он неожиданно.

— И куда ж это ты собираешься?

— Сюда, дальше мне идти не стоит.

Поулине воззрилась на него в полном недоумении.

— Ну так вот, отвечай, как ты к этому отнесёшься? Господи, какая наглость, какой бессовестный, какой распущенный человек! И — чёрт подери — как же он изменился! Седой, весь в морщинах, и волос на голове почти не осталось, правда, грудь колесом — гусар да и только.

Август пустился в объяснения:

— Гм-гм... это, конечно, не... чёрт меня подери, не так легко... короче говоря, я именно сюда и шёл, хватит с меня!

Поулине давно вышла из юного возраста, поэтому она не обрадовалась его словам, а, напротив, рассердилась:

— Ты о чём это толкуешь?

Август в ответ:

— Я надумал просить тебя...

— Меня?! — вскричала Поулине и, фыркнув, принялась наводить порядок на полках.

Пытаясь придать себе весу, Август сказал, что уже не раз бывал помолвлен, что правда, то правда, но теперь это всё в прошлом...

Ничего хуже он и придумать не мог, Поулине ещё пуще разгорячилась:

— Ну и тип же ты!

Август:

— А что тут такого? Неужели нельзя забыть то, что было, и порадоваться тому, что есть?

— Уж молчал бы ты!

— Скажу тебе откровенно, я пользовался большим успехом, у тебя такое бывало? Ты только попробуй быть целый год связанной с другим человеком, и тогда посмотрим, как ты себя будешь вести. Поверь, с каждым месяцем забывать всё проще и проще...

Однако его слова результата не возымели.

— Слышал я, — сказал он вдруг, — что сегодня сюда собирался капеллан. Ты, может, о нём думаешь?

Поулине, залившись краской до корней волос:

— Ну и что? Тебе-то какое дело?

— Да никакого, — сдался Август, — хотя я мог бы всерьёз тобой увлечься! Благо я решил начать оседлую жизнь.

— Ха-ха-ха! — издевательски расхохоталась Поулине.

— Видит Бог, это не самое плохое, что могло выпасть на твою долю.

Молчание. Поулине лихо шурует на полках, фыркает и поводит носом.

— Ты говоришь так, будто что-то в этом смыслишь, — бормочет она себе под нос.

Опять молчание. Август мало-помалу начинает понимать, что его оскорбили, и спрашивает:

— Ты сказала «смыслишь»? Думаешь, я по этой части уже никуда не гожусь? Вот это новости. Это про меня-то, который смыслит побольше некоторых?..

— Вот и докажи! — говорит она.

Нет, здесь ему ничего не обломится. Да и то сказать: одному Богу известно, так ли уж всерьёз Август, эта перелетная птица, затеял своё сватовство. Сомнительно что-то.

Поулине и сама могла ощипать двух кур. Она вообще всё могла сделать сама. Руки у неё были решительные и ловкие, они справлялись с любой работой, и спустя полчаса куры, ощипанные и опалённые, уже лежали в духовке. Потом она привела себя в порядок, причесалась, расправила локончики и упрятала их под сетку, пришила новый крахмальный воротничок к платью, а потом пошла в большую комнату, чтобы накрыть там на стол, и то и дело бегала на кухню проверить, как там у неё жарятся куры, и всё спешила, всё спешила...

Ведь он вполне может зайти в лавку, чтобы купить себе табаку и спичек, может заглянуть и в контору, где гордо красуется несгораемый

шкаф; Поулине и там навела порядок, поставила стул куда следует, смахнула пыль. Все бумаги, почтовые, торговые, банковские и страховые, лежали на столе, она принесла из комнаты книгу псалмов и сборник линдрутовских проповедей и положила их поверх бумаг. А в ящике стола лежала её шкатулка для рукоделья, украшенная Сердцем Христовым.

Короче, получился молитвенный уголок, мало ли зачем ей понадобится выдвинуть ящик, вот пусть он и увидит всё это...

Пастор зашёл, когда у него выпала свободная минутка, чтобы спросить перьев.

Господи Боже ты мой! И, вспомнив, что у неё именно для него жарятся куры, Поулине не смогла удержаться от небольшой вольности.

— А может, пачку табаку? — игриво спрашивает она.

— Нет, нет, спасибо, хотя вообще-то, пожалуй, возьму, неплохо иметь запас. Сколько с меня?

— Нет... нет, нисколько!

Вот тут Поулине вполне могла пригласить его к обеду, но в эту самую минуту в лавку ввалился Теодор, и она смолкла на полуслове. Было бы нежелательно, чтобы вся округа прослышала о её торжественном обеде с пастором.

Пастор снова попытался заплатить.

— У торговцев из Верхнего Поллена я никогда ничего не получаю бесплатно, — сказал он.

— Боже, есть о чём говорить! Несколько пёрышек и пачка табаку! Да, так что я ещё хотела сказать... Не угодно ли вам заглянуть в контору, посмотреть, как там у нас стоит сейф и как вообще всё устроено?

А вдруг у пастора мелькнуло какое-нибудь подозрение?

— Уж и не знаю, есть ли у меня время... — сказал он и достал часы. — Повторяю, я ничего не хочу брать даром. Тем более что там, куда я собираюсь уехать, мне ничего не будут давать просто так! Я уезжаю в Финмарк!

— В Финмарк? — немедля подал голос Теодор. Пастор кивнул.

Теодор принялся разглагольствовать. Его отлично знают в Нуфс-фьорде, в Берлевоге, его в общем-то повсюду знают. Где он только не побывал, где не поездил по Норвегии!

Не исключено, что у капеллана Твейто мелькнула некая мысль, и он, как человек порядочный, решил объяснить даме.

— Я, знаете ли, получил небольшой приход в Финмарке, — говорит он, обращаясь исключительно к Поулине, — вот туда я сейчас и еду.

— Это когда «сейчас»? — спрашивает Теодор.

— Вот управлюсь с делами и поеду, — отвечает пастор, по-прежнему обращаясь к Поулине. — Но сперва мне надо заехать в Хельгеланн и там сыграть свадьбу.

Вот он и выложил всё как есть!

Теодор начал, словно рыба, ловить ртом воздух, а потом спросил:

— Вы, значит, хотите жениться? — Теперь ему было с чем обежать всю округу. — А на ком?

Пастор ему не ответил. Он по-прежнему обращался к одной лишь Поулине.

— Моя бедная невеста, она всё ждала меня, ждала верно и преданно, пока я достигну какого-то положения, и вот наконец её преданность будет вознаграждена.

Теодор:

— Значит, теперь, вы теперь женитесь...

Поулине не вмешивалась в их беседу. Пастор меж тем рассказывал ей о своей помолвке: поначалу то был лишь крохотный, светло-зелёный росток, грациозная незабудка, детская влюблённость, а потом маленький цветочек обернулся пышным садовым цветком. Чудо какое: это чувство не оставляло его все годы ученья, сопровождало его на всех стезях. Невеста же вселяла в него силу, чтобы он мог вытерпеть всё. То были нелёгкие годы, сперва в семинарии, потом в университете, много занятий, много языков, но она ни на единую секунду не усомнилась в его способностях. Просто удивительная женщина...

Поулине не особенно вслушивалась и отвечать больше не отвечала. Она лишь продолжала наводить порядок на полках, вытирала пыль, и всё это молча. Напоследок она услышала, что Теодор вышел вместе с пастором, пытаясь выспросить, где именно тот намерен побывать в Финмарке. Потому как его, Теодора, знают повсюду.

А Поулине знай себе вытирала пыль, она долго её вытирала, и ни в чём больше её огорчение не выражалось. Но тут она почуяла запах гари и стремглав ринулась на кухню, чтобы спасти от жаркого то, что ещё было можно спасти. А завершив спасение, она убрала со стола в конторе все ненужные теперь декорации, убрала божественные книги и вообще всё убрала.

Конечно, Поулине была женщина благоразумная и не питала особых надежд, может, ей всего-то и хотелось утолить тоску своего сердца, немного развлечь себя, выразив свою благосклонность этому Божьему человеку. И поэтому она сумела быстро стать прежней Поулине, у которой есть лавка, да и вообще хлопот полот рот.

Поскольку не было ни малейшей возможности утаить свои кулинарные затеи, она напрямик направилась к Йоакиму и поведала ему всё как есть: что вот, мол, она желала угостить пастора куриной ножкой, а то и двумя, но из этого ничего не вышло.

Йоаким отнёсся к её рассказу с большим вниманием:

— Это почему же не вышло? Он что, был зван в другое место?

Об этом ей, правда, ничего не известно, но его переводят в Финмарк, ему скоро уезжать, поэтому она и не пригласила его к столу.

— Вот и правильно, — одобрительно сказал Йоаким.

Поулине, со вздохом облегчения:

— Стало быть, мы можем и сами съесть наших курочек. Только ты отыщи Эдеварта.

Йоаким:

— А сколько у тебя было этих кур?

— Две.

— Ну тогда там хватит только мне, — сказал этот плут и сердито замотал головой.

— Только попробуй не позвать Эдеварта!

С этими словами Поулине вышла из комнаты...

Итак, куриное жаркое на всю семью: на сестру, двух братьев и Августа. Следовало позвать также и Осию, но Поулине объяснила, что для Осии отложена куриная грудка. Йоаким ещё пуще рассердился, потому что в этом случае ему доставалось совсем мало.

Словом, не будь Йоакима, обед, возможно, получился бы очень тягостный для всех. Йоаким же разливался соловьем и отпускал

шуточки, хоть ему было трудно отрешиться от мысли, что вот они посреди недели лакомятся жареной курятиной.

— Говоря по правде, я бы охотнее поел рыбки, чем курятины.

— Да и я тоже, — подхватила сестра, давая понять, будто жаркое это — так, случайность. — Дело в том, что мне надо было прирезать старых кур, пока они сами не околели. Да, что я ещё хотела сказать... ты разве не ешь костей, Август? А то ведь, кроме костей, почти ничего не осталось. Ты уезжать не собираешься?

— Собираюсь, — коротко отвечает Август. — А почему ты спрашиваешь?

— Да нипочему, просто я вижу, что ты принарядился.

Эдеварт, по обыкновению, не открывал рта. Престранный он человек, уже не первой молодости, ничего у него не понять, какой-то подавленный, равнодушный, одно слово — рабочая лошадь. После обеда Поулине отвела его в сторонку и посоветовала спасти свои деньги.

— Мои деньги?

Ну пять тысяч, которые в акциях. Она, Поулине, не желает больше отвечать за такие суммы.

Ладно, ладно, он подумает об этом.

Нечего и думать, надо немедленно забрать их из банка! Со дня на день прибудет цемент, и тогда прости-прощай его денежки.

Эдеварт немного растерялся. С одной стороны, деньги были вовсе не его, а с другой — ему велели держать язык за зубами. Стало быть, следовало переговорить с Августом. А пока суд да дело, он отвечал ей так:

— Но постой, Поулине, ведь у меня там акции, а не деньги, ты не можешь взять их из банка и выдать мне наличными.

Поулине вскипела:

— Ах вот как ты думаешь! По-твоему, я должна спокойно смотреть, как тебя разоряют? Я не должна выручить родного брата?

— Неужто в банке дела обстоят так плохо? — спросил он.

— Плохо — это ещё мягко сказано. Несколько ссуд под дома и усадьбы, а поручителей настоящих и вовсе нет. И всего хуже, что в один прекрасный день мы вообще окажемся без денег.

— Это правда?

— Уж я-то знаю...

— Тогда подожди до вечера, — сказал Эдеварт и ушёл.

Ему позарез нужно было переговорить с Августом, но найти Августа он нигде не мог и всё больше и больше тревожился. Куда же делся этот Август? Встал из-за обеденного стола и ушёл, а теперь вот его с собаками не сыщешь. В этом году он дважды наведывался к доктору в Верхнем Поллене, может, он и сейчас там?

Эдеварт хотел раз и навсегда развязаться с этими малоприятными денежными делами, и чтоб его больше не считали богачом, у которого есть целых пять тысяч, от этого одно лишь беспокойство и ненужные тревоги.

Вечером того же дня он отправился к Поулине и во всём признался. Так, мол, и так, но акции принадлежат Августу, и деньги — ему же.

Поулине просто лишилась дара речи. Значит, эти деньги не принадлежат её старшему брату, напротив, он такой же бедняк, как и прежде. Она с радостью передала бы ему свои десять акций, но это уже ничего не спасёт, не вернёт то малое уважение и почёт, которые оказывал ему Поллен в последние месяцы. Это был тяжёлый удар, впору закричать в голос!

— Не горюй! — утешал её брат; надо сказать, держался он довольно спокойно. — У меня в кармане есть несколько сотен.

Господи, да эти несколько сотен такая малость! За двадцать лет подённой работы он привык жить завтра на то, что заработал вчера, и был вполне этим доволен. Сокрушалась одна лишь Поулине — во что превратился её старший брат! В молодые годы он был лучше всех, вынашивал честолюбивые планы, отменно выглядел, девушки за ним бегали, словом, парень был хоть куда, и что теперь с ним стало? Чтобы Эдеварт не совсем уж пал духом, Поулине решила поддержать его, подбодрить: ничего, он ещё выберется, в конце концов, он в любой день может взять на себя лавку, может ходить в море с рыболовецким судном и разбогатеть за несколько лет. А она всегда ему подсобит...

— Не пойму, о чём это ты, — сказал Эдеварт.

Теперь она взглянула на Августа другими глазами. Чёртов парень, вечная загадка, которую никому не дано разгадать. Как прикажете понимать, что он бескорыстно выложил собственные пять тысяч под чужим именем? Из-за налогов? Он, оказывается, не только враль и

выдумщик, нет-нет, ей надо серьёзно с ним поговорить, надо постараться спасти и его деньги! Чего ради он будет лезть из кожи для Поллена и в результате останется нищим?

Поулине недаром твёрдо, обеими ногами, стояла на земле и здраво рассуждала.

Жажда деятельности в ней была непомерна. Её обижало и огорчало, что банком так плохо управляют, что у него нет никаких доходов и он лишь тратит то, что уже есть. Безответственные ссуды не давали ей покоя, она была единственным членом правления, который принимал это близко к сердцу. Каролус? Но кто такой этот Каролус? Старый, безголовый дурень! Голова на плечах есть только у Августа, но это голова безумца. А Роландсен? Поулине всю передёргивало, когда она видела его уродливые ногти, страшные, всё равно как засохшие струпья на ране. С тех пор как он заделался главой банка, его уже нельзя было увидеть в будничном платье, он не утруждал себя работой, долги банку всё росли, а когда она ему об этом напоминала, он лишь улыбался с видом превосходства. Да что он себе забрал в голову, банк обязан его кормить, что ли? Когда надо было принимать какое-нибудь важное решение, он сидел и теребил золотую цепочку у себя на груди и проявлял полнейшее равнодушие; о да, у него теперь важный вид и благородные манеры, на собраниях он сидел и точил карандаш перочинным ножом и никак не мог довести это дело до конца.

Поулине порой выходила из себя и восклицала: «У меня нет времени, чтобы часами сидеть здесь без всякого толку!»

«А мы уже управились», — отвечал Каролус.

«Управились? — переспрашивала она. — Я всё жду, когда Роландсен опять попросит записать на него несколько крон».

Но аристократ Роландсен лишь улыбался и говорил в ответ: «Сдаётся мне, я это вполне заслужил».

«А мне сдаётся, — отвечала на это Поулине, — что вы могли бы раз и навсегда сделать заём и понемножку возвращать свой долг, как это делают все остальные».

Нет, на это Роландсен был совершенно не согласен, он не первый встречный заёмщик, он не желает брать ссуду в банке, а желает всего лишь, чтоб ему помогли наличными, недолго, пока не придёт сельдь, ведь у него есть несколько паев в рыбацких артелях.

«Ну, так любой может сказать», — упорствовала Поулине.

Тут Роландсен начинал выходить из себя: «Есть же всё-таки разница, я не бандит какой, я сижу здесь с вами каждый день, да и где это вообще слыхано?! Ещё спасибо, что вы не посылаете меня на Лофотены за рыбой».

Поулине: «Никто не должен этим брезговать!»

«А вот меня это не устраивает. Такой работой я никогда не занимался».

«Значит, сейчас самое время заняться!»

Каролус, добродушно и примирительно: «Ну, если Роландсену нужны деньги, можешь записать их на меня. Я не боюсь доверять такому человеку»...

На Лофотены за рыбой? Местные жители вообще покончили с этим делом, уж больно это для них теперь неблагородное занятие! Полленцы почти весь год сидели у своего невода, а в мёртвый сезон выходили на берег, слонялись по окрестностям и праздно дожидались, когда сельдь объявится снова. Многие свидетельствовало о том, что добра от этого ждать не приходится, меж тем время шло, и ничего страшного не случалось.

Ну конечно же добра ждать не приходится. И Йоаким был одним из тех немногих, кто всё прекрасно понимал и всё предвидел. В комедии с банком он не участвовал, каких-то несчастных пять акций, их и потерять не страшно, кое-что было пострашней, например, что в Поллене всё перевернулось вверх дном. Вот это и впрямь было страшно.

Куда подевались поля и луга? Вся пахотная земля ушла под застройку. Куда подевался скот? Весь забили, потому что кормить его было нечем. Коровники какое-то время стояли пустыми, потом их и вовсе снесли, доски и балки лежали под дождём и ветром, гнили, темнели, потом их пустили на дрова...

Муку и крупу приходилось завозить с юга, в каждый свой рейс почтовый пароход приходил, тяжело гружённый мешками с мукой, из больших городов. Поулине всю торговала этой мукой и снабжала ею весь Поллен.

Впрочем, ничего дурного тут нет, пока была сельдь, был и заработок в Нижнем Поллене, но верные признаки и приметы говорили о том, что сельдь изменила свой привычный маршрут,

исчезли огромные стаи птиц на небе, исчезли косяки рыб в море, про былые загороди, отягощённые рыбой, нынче и речи нет, лишь жалкий улов сетью, а это не приносит денег.

Народ начал испытывать беспокойство. Вот и Поулине накинула две кроны на мешок муки. Как это прикажете понимать? Что ж она, подлая баба такая, хочет пить из людей соки как раз в самое трудное время, когда все только и знают, что дожидаться сельди? Люди роптали и говорили, что это не по-христиански.

Поулине предъявила им накладные: мука — столько-то, тара — столько-то.

— Что такое тара?

— Да мешки же.

— Это с каких пор надо платить и за мешки?

— Если вы пойдёте в город и купите там горсть муки, вам не понадобится мешок и платить не придётся.

— Ну и сколько же надо платить?

— Две кроны.

— Вот они, ваши две кроны.

Поулине продолжала: за фрахт столько-то и столько-то, в её доход — столько-то и столько-то, доход пустячный, если подсчитать стоимость доставки от пароходного причала, плюс деньги за хранение всей партии плюс аренда лодочного сарая да время, которое уходит на поездку в оба конца и розничную продажу муки.

Народ слушал и призадумывался. Но почему, собственно, мука ни с того ни с сего так вздорожала и у купца в городе?

К беседе присоединился Йоаким. Во-первых, он был старостой, а во-вторых, вообще голова у него ясная. Он досконально и вдумчиво изучал свою газету. Оказывается, в России неурожай, четырёхмесячная засуха повысушила все казацкие земли. Для закупок хлеба осталась одна Венгрия, и она тотчас же взвинтила цены. Можно было надеяться, что Канада и Соединённые Штаты уступят часть урожая по сходной цене. Ещё оставались Индия и Австралия, если, конечно, Англия получит с них достаточно, чтобы помогать и другим странам. Вполне может быть. Вот так обстоят дела. А в Южной Америке, в Аргентине, земледелие поставлено на широкую ногу, но никаких особых успехов у них пока ещё нет.

Вообще-то глупо и бесполезно было со стороны Йоакима вдаваться в такие высокие материи, ведь не пшеница считалась в Поллене главным злаком, а ячмень, из ячменя варили кашу, пекли лепёшки, иногда к нему примешивали малую толику ржи, а все остальные виды злаков полленцы знали только по названию. Ходили, правда, слухи, что некоторые важные персоны, как, например, хозяин невода Габриэльсен или директор банка Роландсен, отвезли прямо с пароходного причала по мешку пшеничной муки каждый, но оба они были люди пришлые, и коренные жители позволяли себе подсмеиваться над тем, как важничают эти богатеи.

А цены на муку продолжали расти, и, когда Поулине должна была принять очередную поставку, она отказалась от неё. Это была рожь. Она даже не пожелала везти её с пристани домой, а просто отбила телеграмму, где писала, что не берётся распродать муку по такой цене. Оптовик ответил на её телеграмму, посоветовав Поулине сохранить муку, для чего хорошенько её запрятать. По всем признакам и приметам цена и дальше будет расти. В Америке они придумали что-то такое, что называется *corner*. Йоаким тоже советовал взять муку. Поулине была не прочь посоветоваться с Августом, он и впрямь человек особенный и много чего повидал в жизни, но только Август куда-то исчез.

Да-да, Август исчез; порасспросив жителей, удалось выяснить, что он направился просёлком к пароходному причалу, где сел на идущий к югу рейсовый пароход.

Хотите верьте, хотите нет, но он оставил после себя зияющую пустоту. Поулине хотела с ним поговорить, а полленцы желали посоветоваться, узнать, не поздно ли прямо в этом году ещё что-нибудь посеять, чтоб урожай вызрел до заморозков. Почти у всех оставалось по клочку земли, может, не поздно посадить что-нибудь для пропитания? Ведь Август, помнится, толковал про ранние и поздние посадки — в Японии это было или ещё где? Уж он-то знает все семена, какие есть на белом свете. Пришлось спрашивать Эдеварта. Нет и нет, Эдеварт знает только пшеницу да маис в прериях, а эти зерновые требуют как минимум ста дней тёплой погоды.

Август вернулся в почтовой лодке вместе с Теодором и Родериком.

При нём был большой тюк, зашитый в брезент, обходился он с этим тюком крайне бережно и сам вынес его на берег.

А народ поджидал его у лодочных сараев и тотчас начал жаловаться и причитать, что положение безнадежное, что цены на муку выросли, скоро к ней и вовсе будет не подступиться, вот такие дела, а сельди нет как нет...

— Не садитесь на тюк, — отвечал Август, чтобы потянуть время, — не садитесь на тюк, очень вас прошу.

— У тебя там что, стекло? — спрашивали они.

— Дороже стекла, там растения.

Люди переглянулись удивленно. Растения? Неужто этот Богом взысканный Август придумал выход?

— А не поздно ли сейчас сажать? — осторожно полюбопытствовали они.

— Как раз самое время, — отвечал он.

— Вот это да! — воскликнули все разом и воспряли духом. Вот что значит всё понимать, во всём разбираться, как Август! А наш брат в своём убожестве только и знает, что сеять по весне ячмень да репу, ну и ещё кидать в землю пару-другую картошек.

Полленцы приbedнялись что есть мочи, они подвергали себя безмерному уничтожению, они походили на детишек, которые рассчитывают на сюрприз и лопаются от нетерпения. Они были готовы взвалить себе на плечи его груз, но этого им не дозволили.

— Ну ещё бы, — тараторили они, — мы ж ровным счётом ничего не понимаем, чистая правда, ничего как есть. Но вот что это за растения такие? Очень любопытно.

— В своё время всё узнаете, — ответил Август и, подняв тюк, понёс его как спеленатого младенца.

— Это ж надо, чтоб что-то выросло прямо на пороге зимы! — стрекотали наиболее разговорчивые, изнемогая от любопытства. — Так бывает у всех, кого Бог наделил разумом и сообразительностью. А скажи-ка, Кристофер, какие у него, по-твоему, травы и злаки в этом тюке?

Кристофер:

— Да я не больше твоего знаю.

Августу, судя по всему, нравилось напускать на себя таинственность и загадочность, право же, имело смысл проучить полленцев, этот сброд так и не оценил его великие труды на их же благо.

— Нет, люди добрые, я вовсе не зерно привёз, — вдруг сказал он, — и вообще это несъедобные растения.

— Ах! — воскликнули все в один голос.

— И коли вы другого ждали, значит, вы просто дурни, не стану же я тратить время на дорогую поездку за двумя пригоршнями зерна для вас.

— Не станешь, ох не станешь, — пробормотали они.

— Само собой, не стану. А теперь расходитесь по домам, у меня и без вас полно забот. Теперь дело у нас пойдёт всерьёз.

— Но, дорогой, благословенный Август, — загомонили они в полном отчаянии, — ты скажи только, как нам теперь быть. У нас нет рыбы, у нас нет еды, мука дорожает чуть не каждый день. Теперь она на семь крон дороже, чем была весной. И откуда нам брать просо? Мы получили лишь рожь, да такую дорогую, что для крещёного народа она и на похлебку не годится. А теперь даже и той ржи не осталось.

Август только головой качал на все их причитания.

— Мы хотели тебя спросить, благо ты знаешь куда больше нас, горемычных, нельзя ли что сделать, чтобы не помереть нам с голоду? И то сказать, ноябрь на дворе, вот-вот нагрянет зима...

Август размышляет. Он делает вид, будто глубоко задумался, он не смеётся над людьми, он снова стал обходительным и отзывчивым, мысль его работает лихорадочно, он призывает на выручку весь свой богатый опыт, ах, как бы придумать ему такое съедобное растение, которое вызрело бы в полленском климате за оставшиеся несколько недель.

— Ладно, я подумаю, — говорит он.

— Только бы ты помог нам!

— Идите домой, я ж вам сказал!

Но всё бесполезно, полленцы так и плелись за ним. И при этом толковали между собой:

— Вот ведь какое дело: некоторым из нас совсем плохо приходится, нам нечего есть, пошли в лавку к Поулине, но она ответила, что распродалась подчистую.

— Значит, надо отправить телеграмму! — сказал Август.

Словно искра прошла сквозь толпу — Август отправит телеграмму! Полленцы были потрясены, их глаза наполнились слезами, и сквозь слёзы они бормотали: мы так и знали, мы так и знали, мы только ждали, когда ты вернёшься. Кристофер, слышишь: он отправит телеграмму!

— А то я глухой! — огрызнулся Кристофер.

Август, взволнованно:

— В жизни не слышал, чтобы люди умирали из-за неурожая! Если зерна нет в одной стране, значит, оно есть в другой. Уж мне ли этого не знать!

Люди снова принялись звать к нему:

— Вот говорят, что Америка начудила что-то, Называется корнер, а что это за корнер такой? Нам Йоаким вычитал из газеты.

Август:

— Corner? Я прекрасно знаю, что такое corner, если интересуетесь, спросите меня. Это значит, что они запирают зерно в большие зернохранилища и не выдают его оттуда, пока цены не подскочат до небес. Вот что означает это слово по-английски. Но они в своей Америке тоже должны вести себя как люди, — вдруг говорит Август угрожающим тоном.

Август говорит без умолку, он сознаёт свою значительность. От всего сердца он раздаёт пустые обещания, пробуждает легкомысленные надежды, утешает людей в нужде. Ну кто другой может усмирить бурю, как это делает он? Однако надолго ли его хватит? Перелётная птица, непостоянная, чёрт его знает, вот он снова воротился домой с очередным сюрпризом для полленцев и держит этот сюрприз на руках как спеленатое дитя.

— Нет, — вдруг говорит он, — не надо вам сажать около дома съедобные растения. Это некрасиво. У меня есть кое-что получше. Декоративные деревья.

— Д-да? — протяжно переспрашивают они.

— Это ёлочки, — поясняет Август, — зимой они защищают от холодного ветра, а летом от жаркого солнца. Вы не съдете ни одного города без таких деревьев.

— Ну-ну! — говорят люди.

А больше они ничего не говорят, ни да, ни нет. Вечная история! Он приходит к ним с отличной идеей, а они этого не ценят!

Август поспешно ныряет в лавку, а люди следуют за ним по пятам. Он здоровается с Поулине, спрашивает, не было ли писем и телеграмм на его имя, заказных писем из-за границы, ценных писем, ох уж эти иностранцы, они не торопятся! Впрочем, пусть поступают, как им заблагорассудится, им же будет хуже.

— Мне бы надо потолковать с тобой, — говорит Поулине.

Ему это совсем некстати, у него нет времени, он как раз собирался побывать в Новом Дворе, обсудить с Ездрой одно серьёзное дело. К тому же он не забыл, как несколькими неделями раньше сватался к Поулине и получил отказ. Хотя, может, она передумала?

— Ты хочешь, чтобы я зашёл в контору? — спрашивает он.

— В контору?

Никак у него хватило наглости подумать, будто она хочет с глазу на глаз что-то обсудить, ну, что она, мол, передумала и готова с ним поладить. Вот кривляка! Но с другой стороны, он навязал её брату фальшивое богатство в виде банковских акций и в результате опозорил его. Потому что все эти тайны вышли наружу, Эдеварт сам во всеуслышание во всём признался, чтобы избавиться от докучливых полленцев, которые хотели перехватить у него займы.

Словом, на его вопрос она с досадой ответила:

— На кой ты мне сдался в конторе-то? Между нами нет никаких тайн. Я только собиралась тебе сказать, что Эдеварт намерен вернуть тебе твои акции и покончить с этой историей.

— Эдеварт намерен?.. — в ужасе переспросил Август. — Но в чём дело?

— Уж можешь мне поверить!

— Как я могу тебе поверить? Похоже, ты злишься, Поулине?

— Вполне возможно, — ответила Поулине, — только Эдеварт не из тех, кому нужны твои акции. В любую минуту, как только ему захочется, он может стать хозяином лавки, вести торговлю и не будет нуждаться в деньгах. Так и знай! — завершила Поулине.

Август:

— Не возьму в толк, о чём это ты.

На том он закончил разговор и отправился в Новый Двор со своими ёлками, а народ так и остался стоять посреди улицы. Акции,

акции, значит, Эдеварт во всём признался! В общем-то беда невелика, если все об этом узнают, это только пойдёт на пользу Августу и его репутации, его начнут больше ценить. Ну и дурень этот Эдеварт! Август просто хотел поделиться с другом своей молодости, это был порыв доброго сердца, он хотел возвысить его в глазах полленцев, когда сам был при деньгах. Но коли так — тогда Бог с ним!

Он застал Ездру за работой: тот занимался осенней пахотой. Август, разгорячившись от своей новой идеи, прямо с порога начал выкладывать всё как есть: отменное место в его угодьях, смотрит на юг и вообще очень удобное, суплинок, а тут две тысячи саженцев, аж из самой сельскохозяйственной школы...

— Это ёлки, что ли? — спрашивает Ездра.

— Ёлки, настоящие ёлки к Рождеству.

— К Рождеству?

— Ты, видно, ничего не слыхал о рождественских ёлках. Для тебя это просто золотое дно, ты сможешь продавать их к Рождеству всем полленцам, в Нижний Поллен, в Верхний Поллен... Когда снова придёт сельдь, все капитаны захотят прихватить домой по деревцу, каждая штука за крону, две, а то и за три! Ты только подумай!

Ездра хмыкнул и действительно что-то прикинул.

— Хорошо бы ты мне ещё что-нибудь про них рассказал.

Август тут же пустился в объяснения, он говорил долго и убедительно, говорил бурно и зажигательно, под конец он выложил ещё один козырь: Ездра на рынке будет единственным, сколько захочет, столько и запросит.

Ездра был тугодум. Земля-то она земля и есть, и нужна она мне совсем для другого.

Август, непринуждённо, довольным тоном:

— Одно из двух: то ли ты выращиваешь рожь, то ли деньги, чтоб её покупать, словом, то на то и выйдет. Но учти: здесь на кону стоят большие деньги, больше, чем деньги на хлеб. Ты меня просто сметишь. Неужто тебе не нужны деньги на школу и на обучение детей? И ещё на газеты, на телефон и на красивые платья для жены?

Ездра счёл его слова убедительными.

— Вот видишь? А на хорошую еду с чёрным хлебом и с белым? Ну и ещё на другие покупки? На сахар и на кофе, на сардины и на мёд,

иногда на хорошую сигару, а порой и на глоток водки, когда будете справлять очередные крестины.

— Ха-ха-ха! — расхохотался Ездра.

Август вторил ему добродушным смешком; он хлопнул Ездру по плечу и напомнил про одну хитрость, которую они вместе учудили, когда надумали провести канаву через болото: крики утопленника и другие весёлые проделки.

— Ты ещё помнишь, как мы заставили их на нас работать? — воскликнул Август. — Они не посмели отказаться, а Теодор, тот прямо из кожи лез... Так-то. Иначе ты, может, и не осушил бы своё болото!

— Не осушил бы, — согласился Ездра.

— Ну вот, поэтому слушайся меня, не прогадаешь. Я думаю, здесь самое подходящее место для посадки.

— Здесь, среди пахотного поля?! — возопил Ездра. Август и сам спохватился, что зашёл слишком далеко, и решил обратить слова в шутку:

— Ишь как перепугался, червь ты земляной. Смотри, вон там у тебя красивый зелёный лужок, вот он вполне подошёл бы.

— Ты это всерьёз?

Август, уже менее шутливо:

— Почему ж и не всерьёз? Саженцам нужна хорошая земля, чтоб вырасти и стать настоящими рождественскими ёлками за десять лет.

— Десять лет?! — снова возопил Ездра.

— Ну, может, не десять, а пятнадцать.

Час от часу не легче: Ездра просто не верил своим ушам, он безмолвно уставился на Августа. Уж не шутит ли тот?

— Понимаешь, мы должны жить с перспективой, как это делают во всём мире. Что значат каких-то пятнадцать лет по сравнению с плантацией рождественских ёлок? Не так уж и много, говорить не о чем. А когда ты умрёшь, твои дети тебя благословят. Вот это я и называю перспективой. Мы должны трудиться для будущего.

Ездра:

— Ты лучше представь себе, что я могу вырастить на этом участке за пятнадцать-то лет!

Август помолчал, потом ответил:

— Я вроде до сих пор не давал тебе плохих советов. Ты что, сам не видишь, до чего ты глуп, если считаешь вырастить рождественскую ёлку за один год?

Ездра, пропустив эти слова мимо ушей, спросил:

— А если я через пятнадцать лет срублю эти ёлки, тогда что будет?

— Тогда ты посадишь новые! — воскликнул Август. — Просто возьмишь и посадишь новые. В сельскохозяйственной школе всегда полно саженцев. Адрес я тебе дам.

Но Ездра продолжал стоять перед ним с безнадёжным видом, и тогда у Августа возникла новая идея: он предложил распаковать тюк — да, да, чтоб ты сам поглядел, чего это я привёз, высший сорт, лучше я и не видывал на своём веку, а уж я-то всякого навидался, и пальмы, и бамбук видел... Ты только взгляни, разве они не лежат, словно младенчики в сыром мху, им всего-то два года от роду, так и кажется, будто слышишь их писк.

Но Ездра всё сомневался:

— И потом... поздновато уже нынче для посадок... Так что возьми их лучше себе...

Август снисходительно улыбнулся:

— Это сейчас-то поздновато? Опять на тебя дурь нашла! Когда с деревьев падают листья, самое время сажать ёлки. Уж не думаешь ли ты, что я этого не знаю?

Ездра, в полном отчаянии:

— Послушай, Август, я вообще не хочу больше об этом разговаривать. И не стану расходовать под твои ёлки ни пашню, ни луговину. Вот тебе и весь сказ!

Какое-то время Август молчал с глубоко оскорблённым видом, потом сказал:

— Да я к тебе и не пришёл бы, если б ты не прибрал к рукам всю пахотную землю.

Ездра подобрал вожжи и снова приналёг на плуг.

— Может, ты вообще не желаешь уступить ни клочка своего пастбища? — огорчённо спросил Август. — Я же стараюсь для твоего блага и для твоих ёлок.

— Но клочок, как я понимаю, должен быть не такой уж и маленький?

Август прикинул и назвал размеры. Дело в том, что саженцы должны сидеть далеко друг от друга, чтоб было место для нижних веток и остроконечной верхушки, как и положено рождественской ёлке.

— Но какой толк, — устало спросил Ездра, — если посадить этих малюток на пастбище? Их же скотина всё равно вытопчет.

— Ха-ха-ха! И опять глупость! Конечно же тебе придётся огородить делянку. Неужели ты даже этого не понимаешь? Врыть колья и оплести их колючей проволокой. Без этого не обойтись.

Ездра ответил уклончиво:

— Слушай, хватит об этом. На пастбище и без того давно уже не хватает места, не могу я огородить и этот участок.

— Ну так будет у тебя на несколько коров меньше, только и делов.

Тут Ездра улыбнулся и наконец стегнул лошадь. Август проводил его глазами и крикнул:

— Дурак ты дурак! Я ж тебе хотел отдать саженцы задаром. А теперь, значит, продам их в Верхнем Поллене, да ещё по двойной цене.

После чего он свернул свой тюк и потащил его обратно в Поллен. Трудов он не боялся и носа не вешал.

Все последующие дни Август был занят тем, что высаживал ёлочки перед дверями полленских жителей, перед одними дверями — целых десять, перед другими — всего две, слева и справа от входа, смотря, насколько хватало места. Людям нравилось, когда перед домом много ёлочек, во-первых, очень красивые деревца, а во-вторых, даром. Ох уж этот Август! Даже почтарю Родерику, который ходил у него в помощниках, Август платил за труд. Уж что-что, а скрягой он никогда не был. И главное, посреди всего этого уныния и забот о хлебе насущном народ смог несколько приободриться, глядя, как Август с прежним пылом старается приукрасить их быт.

Раз Август не падает духом, значит, им тоже унывать не стоит, думали полленцы.

Йоакима спросили, желает ли он, чтобы перед входом и его дом шумели хвоей настоящие ёлки? Йоаким ответил утвердительно, но предложил справиться у Поулине. Не сказать, чтобы Август в последнее время ладил с Поулине, но он честно спросил у неё. Правда, спросил как-то странно и вдобавок ехидным тоном, но она

сочла это предложение очень милым, не зашипела в ответ и не начала брызгать слюной. Да, да, она позволила ему посадить несколько ёлочек перед домом и напротив окна её конторы, она одобрила его затею, признав, что это ничуть не хуже остальных его затей.

— Я позову твоего капеллана, чтоб освятить их, — сказал Август.
— Тогда они будут лучше расти.

— В таком случае воткни их лучше в свой цемент, — ответила она.

Короче, оба вели себя вполне дружелюбно, она стояла и глядела, а он рыл маленькие ямки и осторожно размещал в них корни ёлочек. И всё шло у них тихо-мирно, пока она не заговорила об акциях.

— Тебе, случайно, не кажется, что ты можешь потерять все свои деньги разом? — спросила она.

Ему это, случайно, не казалось. Акции банка в надёжных руках, в её чистых, невинных ручках.

Тут она ещё промолчала. Но когда она потом изъявила готовность спасти и его деньги, ни к чему хорошему это не привело. Да-да, она может выплатить ему наличными стоимость всех его акций. Чего ради он должен стать нищим после всего, что сделано им для Поллена.

Что-что? Она вздумала ограбить его банк?! Загубить фабрику рыбной муки, сорвать строительство дома для местной управы и все его прочие начинания? Где это видано! Она сама напросилась, сама подставилась, но он не воспользовался этим, как было можно, хотя даже того, что он сказал, оказалось вполне достаточно, чтобы краска сбежала с её лица.

— Итак, ты хочешь ограбить банк? Слушай, Родерик, слушай внимательно!

— Да ты что? — пролепетала она. — Я просто хотела тебе помочь.

— Ты хотела сделать меня таким же бессовестным прощельгой, как и ты сама!

— Ха-ха-ха! — хрипло расхохоталась Поулине.

— Мой тебе совет: живи честно, чтоб не угодить в тюрьму.

— Родерик! Ты слышал когда-нибудь такое? Вот чучело! — воскликнула Поулине и поспешила прочь.

Тем временем Август делал свою работу — сажал деревья; управившись с посадками перед лавкой, он поспешил дальше. Перед домом Каролуса и Ане Марии он посадил целых двадцать ёлочек, можно сказать, целый лес; эти добрые и достойные люди, которые заложили основу благосостояния Поллена, вполне заслуживали таких почестей. Здесь он снова поразился на «принцев», двух детишек, которых взяла Ане Мария и с которыми она прекрасно обходилась. Детишки были хорошо одеты, головки у них были чистые, смыслённые такие детишки, одно удовольствие глядеть на них.

Посадка заняла ещё несколько дней, после чего вход каждого дома украсился ёлочками, а тут появился Эдеварт, и Август тотчас привлёк и его к делу, они ходили от дома к дому с лопатами и мотыгами, всё выглядело очень даже лихо. Но поскольку в конце концов каждый клочок земли оказался занят, Август подарил целую партию саженцев Родерику, и вышло здорово: ни один из саженцев не пропал, а молодой человек добрался со своим сокровищем до Северного посёлка, где очень удачно распродал все деревца по отдельности. Так что предприятие Августа нельзя было назвать совершенно провальным.

Ну а как насчёт зерна и другой провизии для нас? — спрашивали люди. До поры до времени Августу удавалось их урезонивать, но теперь люди лишились покоя, нужда подпирала. Я послал телеграмму, говорил Август. Ну ладно, отвечал народ. Так они прождали ещё несколько дней, занимая друг у друга по миске муки, но потом, утратив остатки достоинства и терпения, снова подступили к Августу. Кончилось тем, что, прихватив Эдеварта, Август перебрался в Верхний Поллен с остатками ёлок, причём перебрался втихаря, ночью, проще сказать, сбежал.

Одному Богу известно, была ли хоть малейшая справедливость в том, что Августа практически вынудили бежать из Поллена. Но в результате два старых друга вновь стали заниматься одним делом. Поначалу они держались очень бодро, шагали с гордо поднятой головой от одного двора к другому и предлагали свои растения, но дела шли неважно, ведь за проданные ёлочки друзья хотели получить наличные, а Верхний Поллен тоже обеднел, недостаток в еде начал сказываться и здесь, хотя урожай уже был собран.

— Ёлки? — удивлялись люди. — Да разве они будут здесь расти?

— Если не будут, вы получите свои деньги обратно.

На всякий случай Август несколько сократил время, в течение которого маленьким ёлочкам предстояло, по его словам, стать высокими шумящими деревьями. Теперь он утверждал, что уже спустя пять лет они будут тешить взор своей красотой.

Но это ещё не решало проблему, народ спрашивал, как себя ведёт местная знать, покупают ли саженцы ленсман, и пастор, и доктор? Вы лучше с них начните!

Тогда друзья пошли к доктору, с которым Август был знаком; доктор оказался очень даже достойным человеком и купил пятьдесят декоративных ёлочек. А когда они сажали деревца, между ним и Августом произошёл в высшей степени загадочный разговор.

Один спросил:

— Ну, как дела, Август, всё в порядке?

— Да, — отвечал другой, — с меня хватит. Я вполне здоров.

— Тебе ещё шесть месяцев терпеть.

— Ну вот ещё!

К согласию они прийти не сумели, всё спорили насчёт этих шести месяцев. Август считал, что это слишком долго, но доктор даже и говорить об этом не хотел.

Август, вне себя:

— А я вас и не спрашиваю! Моряки плевать хотели на то, что говорят доктора! Мы поступаем, как захотим!

Доктор:

— Только попробуй!

— Вот возьму и попробую!

— Тогда я в тот же день повешу объявление, где всё расскажу о тебе!

— Да вы никак спятили?! — возопил Август. — Нет, нет, вы этого не сделаете!

— Ты прав, не сделаю, я всё же надеюсь, что ты будешь вести себя как порядочный человек. — И с этими словами доктор ушёл.

Август поглядел ему вслед. От негодования у него аж дыхание перехватило. Немного погодя он вроде бы пришёл в себя и занялся посадкой.

— Эдеварт, ты слышал, что он говорил? — спросил Август.

Эдеварт что-то пробормотал. Август, всё больше успокаиваясь:

— Я мог бы дать ему как следует, понимаешь? Однако нельзя забывать, что он купил пятьдесят ёлочек.

— Нельзя, — согласился Эдеварт.

— Но всё равно, скажи он ещё хоть одно слово, я бы убил его на месте.

— Убил бы, — согласился Эдеварт.

— Тюкнул бы лопатой и убил! — продолжал Август, разгорячась. — Я уже был готов это сделать, я должен был ему показать, с кем он имеет дело. Это ж надо такое, объявление повесить в лавке! Небось не повесит!

— Не повесит, — сказал Эдеварт, — это вряд ли.

— Если ему дорога жизнь, он этого делать не станет, и хватит об этом. Как, по-твоему, Эдеварт, он понимает, что со мной шутки плохи?

Эдеварт опять что-то пробормотал.

Тем временем они посадили последние ёлочки. Август был какой-то задумчивый и беспокойный. Потом вдруг сказал:

— А теперь, Эдеварт, ступай первым. Я приду попозже.

— Ты что, не пойдёшь со мной?

— Нет, не пойду. Я уже ходил к этим господам и здорово им врезал, что пастору, что ленсману.

Эдеварт:

— Всё-таки лучше бы ты пошёл со мной. У тебя и язык лучше подвешен.

— Да я следом приду! Ступай к ленсману, расскажи ему, что доктор взял сто ёлок, тогда он возьмёт двести. Он ведь мужик с придурию.

Эдеварт уходит.

Этот рослый и грузный человек никогда не отличался особым мужеством и испытывал крайнюю робость, когда ему приходилось действовать на свой страх и риск, а получив где-нибудь отказ, он всегда кивал на прощанье и уходил без единого слова. Ох, Эдеварт, Эдеварт, как же он изменился со времён своей молодости! Вот что бы сделал на его месте Август? Расписал бы перед слушателями страны и континенты, где никто, решительно никто не может обойтись без этих декоративных ёлочек, дети видят их с колыбели, а старики, которые только и знают, что сидеть в креслах, дожидаясь, когда смерть придёт

за ними, изнывают, если не могут выплянуть из дому, чтобы полюбоваться на эти деревца.

Но труды Эдеварта увенчались куда большим успехом, чем он мог ожидать; право же, он и сам был удивлён. Ему удалось вовлечь ленсмана в разговор, худо-бедно объяснить что и как, помянуть доктора, короче, он продал аж двести саженцев.

Через час появился Август, с весёлым выражением лица и крайне довольный.

— Пришлось ему отступить! — поведал Август. — Вот дурень, хотел повесить объявление в лавке — ну тут я ему показал. А ты, как я погляжу, сажаешь! И сколько же он взял? Двести! Ха-ха-ха! Ну, что я говорил!

Они работали на выгоне — красивый такой участок, летом там паслись телята. Эдеварт рыл ямки, Август сажал.

— Само собой, я снова наведаясь к доктору, — рассказывал он, — и неудивительно, что доктор как увидел меня, так сразу побледнел. Но я терпеть не могу, когда при мне кто-то плачет. И если взрослый мужчина поднимает лапки кверху, не стоит его больше наказывать. Я сроду на это не пойду. Значит, ты сказал, что доктор взял сто саженцев? Вот жалость-то какая! Нам, верно, следовало сказать: двести? Тогда бы здесь взяли все четыреста. Впрочем, я решил больше не хвастаться, не хочу, чтоб это вошло у меня в привычку.

Управившись у ленсмана, они двинулись в пасторат. Нет и нет, капеллан Твейто решительно не собирался покупать ёлочки! Чего ради он будет сажать здесь деревья? Когда он не сегодня-завтра уезжает!

— Так ведь можно постараться ради прихода, да и Поллен это украсит.

Оно, конечно, так, но капеллан полагает, что и без того достаточно сделал для прихода и для всего селения, хоть и на свой лад.

Август счёл его слова вполне убедительными. Но может, капеллан пожелает оставить по себе вещественную память?

Нет уж, пусть этим займётся его преемник. Какой смысл сажать деревья, когда сам он уже сидит на чемоданах?

Август:

— А как же доктор? Он, верно, тоже скоро уедет, но ведь взял же четыреста саженцев.

— Да неужели? Впрочем, у него и средств побольше, и жениться он не собирается, как я. Но так уж и быть, куплю-ка я у вас сто ёлочек, если вы ничего не возьмёте с меня за посадку.

Друзья сами выбрали место, куда сажать, и принялись за работу, однако на сей раз они сажали ёлочки в два ряда, вдоль дороги, как аллею вниз, к лодочному причалу, куда приставали лодки собравшихся в церковь прихожан. Но поскольку обойтись сотней ёлочек было никак невозможно, Август решил прибавить три сотни из своих запасов. Это решение он живописал в почти молитвенном тоне, что вот, мол, они трудятся на некоторым образом святой земле, а чьё-нибудь око, возможно, взирает на них с высоты небес.

— Итак, во имя Божье! — воскликнул Август, когда они покидали место своего священнодействия.

С этого дня сбыт ёлок заметно наладился. Крестьяне не захотели отстать от местной знати и запрашивали по десять, а то и по двадцать ёлок, в зависимости от наличных средств. Однако с едой друзьям приходилось туго. Люди поблагороднее, из Верхнего Поллена, и сами не шиковали, урожай со своих лоскутных полей они уже собрали, зерно смололи в муку, вот только муки получилось мало, они же привыкли покупать муку на юге, но теперь это было невозможно. Август издевался над господами из Верхнего Поллена и долго плевался, хотя и сам очень хотел есть. Как вели себя полленцы? А как поступил он сам? Просто взял да и отправил телеграмму, чтобы прислали муки.

Друзья-товарищи четыре дня бродили по Верхнему Поллену. Им приходилось очень туго. Возвращаясь домой, они всё ещё волокли нераспроданные ёлки, и, когда достигли границы между Верхним Полленом и Нижним, Август предложил высадить остаток без всяких разговоров, всё равно, на чьей земле они будут расти. Друзья выбрали красивые солнечные участки и приступили к делу.

— Конечно, мы могли бы сбавить ещё четыре сотни ленсману, — сказал Август, — я уже почти жалею об этом, прости, Господи, меня грешного! Но тогда бы у него вырос целый лес, и очень может быть, этот пентюх пустил бы его весь на рождественские ёлки. А

такого блага я Верхнему Поллену не желаю. И вообще, во всех случаях лучше держаться истины.

Проработали они примерно с час, и Август присел отдохнуть. Он вовсе не отлынивал от работы, а потому и сам досадовал, что не может обойтись без отдыха, но колени у него дрожали. «Выходит, я уже почти никуда не гожусь», — говорил он. Эдеварт лучше справлялся с работой, он был выносливей и крепче. Август глядел, глядел на него и вдруг разозлился.

— Вот что я тебе хочу сказать, Эдеварт: ты постепенно превращаешься в животное, всё молчишь, пока я тебя не спрошу. Да, да. Ну а что будет дальше? Ты превратишься в ничто. Я так хочу есть, что не могу даже смеяться, но разве ты слышал когда-нибудь, чтоб я молчал, как покойник?

— Да о чём говорить-то? — угрюмо отозвался Эдеварт.

Август не ответил. Лицо у него совсем посерело, он облизывал пересохшие губы.

— Я вот сижу и пляжу, как ты делаешь работу за нас двоих. Ты не только роешь ямы, но и сажаешь ёлки, а сажать ты, между прочим, не умеешь. Вот ты только что сунул в одну ямку два деревца. Кто ж так делает?

Ещё никогда в жизни Август не выглядел так плохо, как сегодня. Он вдруг стал маленький и жалкий. Думаете, он сдался? Да ничего подобного. Августа вырвало, и вид у него стал такой, словно его обидели. Потом он вдруг заорал во всю плотку:

— И вообще, чёрт тебя подери, если ты будешь повсюду ходить и трепаться про эти акции! Хочу, чтоб ты это знал.

Эдеварт молча работал.

— Хватит! — закричал Август.

Эдеварт поднял глаза.

— Хватит, кому говорят! А теперь выкопай здоровую яму и положи в неё всё, что у нас осталось. Поступим с ними, как с людьми. Чтоб они не валялись и не гнили поверх земли, словно, мы про них позабыли. Они ведь тоже живые существа. Впрочем, все мы сойдём когда-нибудь в гроб...

В Поллен Август вернулся больной и несчастный и тут же слёг.

Часть вторая

XV

— Теперь всё пойдёт всерьёз, — возвестил Август.

Короткие дни, ненастье на дворе, мука подошла к концу, бледные лица, полное уныние.

Ну и конечно, началось брожение умов, люди, например, забыли про добродетель воздержания, они не могли обходиться без житейского изобилия, нет и нет, они впали в отчаяние. Поскольку Август не принёс им муки, полленцы направились к Йоакиму. Они предавались глубокой скорби и причитали, они били себя кулаком в грудь: раз он у них староста, пусть найдёт выход, пусть добудет еду. Йоаким принял их без особой сердечности: «Подождите, когда и в самом деле будет на что жаловаться, скоро станет ещё хуже, а пока у вас есть и окорока, и шкварки».

Сам он обрёл за последнее время некоторую внутреннюю твёрдость. Поначалу он был как все, его одурачили, подбили войти в долю и, купив невод у Августа, сидеть сложа руки, ожидая сельдь. Потом его захлестнул дух нового времени, понудив купить пяток акций в Полленском сберегательном банке, на этом он остановился и задался вопросом: а что теперь? что будет дальше? к чему это всё приведёт? Земледелием он занимался по календарю, по фазам Луны, по древним приметам. Взгляды на общество он вырабатывал благодаря мудрым указаниям своей благословенной газеты. Зло начало расползаться по Поллену и окрестностям, значит, потом будет ещё хуже!

И действительно, стало ещё хуже. К нему снова пришли люди и снова потребовали пищи. Нужда царила в домах, а у Кристофера уже целую неделю вообще не было никакой еды.

Йоаким, упрямо, вызывающим тоном:

— А что вы, господа хорошие, сделали с вашими полями?

— Да, да, и зачем только мы... И почему ты нас не предостерег?

Йоаким, ещё резче:

— Я, между прочим, предостерегал.

— Ты должен был созвать совет и запретить нам...

Тишина. В Йоакиме вдруг пробуждается весь его темперамент. Он бледнеет и язвительно отвечает:

— Совет — это вам не нянька. Но коль на то пошло, можете выбрать себе другого старосту.

Чей-то разумный голос подвёл черту:

— Если дело обстоит так, тогда уже поздно говорить о селении и полях!

С этим Йоаким был совершенно согласен и завершил свою речь такими словами:

— В Северном посёлке есть ещё картошка.

И люди устремились в Северный посёлок, накупили себе там картошки на последние шиллинги, потом начали бесстыдно попрошайничать, а некоторые даже воровали, не без того! Впрочем, это была еда для немедленного употребления, а не про запас и даже до конца недели её не хватило. Но полленцы снискали в Северном посёлке дурную славу, потому что после них недосчитались одной овцы и одной козы.

А тут Ездра учудил нечто неожиданное, Ездра из Нового Двора, Ездра, земляной червь и богатея: он нагрузил телегу зерна, приехал в Поллен и выгрузил зерно у Каролуса и Ане Марии. Дело было вечером, когда уже совсем стемнело, всё совершилось в полной тишине, сам Ездра тоже не тратил лишних слов и вроде как ухмылялся. Ане Мария всплеснула руками и спросила, с чего это он... и, ради Бога, что это всё значит... и как это понимать...

— Это для Поллена, только скажи, куда мне всё класть. — Голос у Ездры был неласковый.

— На кухню, благослови тебя Бог.

Появился Каролус и был точно так же потрясён.

— Ты, Ездра, таков, как ты есть, я говорил это и у тебя за спиной, я скажу это и в глаза тебе. Как у нас обстоят дела, Ане Мария, мы ж не бедняки какие-нибудь, есть у нас кофе для Ездры?

— Да, если он только пожелает!

— Ну конечно, Ездра, оставь своего коня и заходи к нам.

— Благодарю от души, только времени у меня нет, — ответил Ездра и начал сгружать мешки.

Он уехал и вскоре вернулся с новым грузом.

— Да ты что, ты же сам разоришься, — сказали они, — у тебя ведь есть жена и дети, верно?

— А теперь делите! — ответил Ездра и поехал в третий раз.

В четвёртую езду он привёз мешки с картофелем. Делите! Пятая, шестая, седьмая, восьмая, девятая ездка — делите картошку.

Мужик явно рехнулся, просто удивительно, что Осия, его жена, и все их дети не прибежали следом со слезами на глазах, ломая руки по поводу столь прискорбного случая. Но они не прибежали. Совсем напротив, прибежал народ и был в полном восторге от Ездриногo безумия, помогал вносить мешки и вываливать их содержимое на кухне. И такие все стали услужливые, провели разделительную полосу между картофелем и зерном и провожали Ездру, когда он поехал за новым грузом, но это они просто хотели собственными глазами убедиться, есть ли там кто-нибудь живой, или Ездра поубивал всё своё семейство. Вернулись довольно пристыженные: и Осия, и дети собственноручно помогали наполнять мешки. Выходит, не один Ездра сошёл с ума, а всё его семейство тоже.

К тому времени, когда начало светать, в кухне лежали две большие кучи еды, а Ездра уехал домой и на этот раз не вернулся.

Теперь предстояло делить еду, пока есть, что делить. Люди приходили с мешками и мисками, а Каролус делил еду на порции и совсем стал важный. Жизнь снова вознесла его, как в те времена, когда он был старостой. Ведь не отвёз же Ездра свои дары в лавку, нет и нет, он знал, куда их надо везти. Каролус весьма гордился возложенной на него задачей, с утра до вечера стоял он на кухне и всё развешивал и развешивал, а Ане Мария сидела и записывала. Залюбоваться можно, какой здесь царил порядок: ни одной картофелиной больше, чем надо, ни одной меньше. Ане Мария была отличной помощницей, она знала весь Поллен и могла регулировать выдачу в зависимости от числа едоков в каждой семье, с ней не имело смысла прибегать к разным хитростям и уловкам и посылать двух просителей из одного дома. Она стояла на страже и всё видела, столом для неё служило дно бочки, иногда её чернильницу опрокидывали, может, и нарочно, может, чтобы уничтожить её расчёты и заставить всё снова переписывать, но Ане Мария и здесь не позволяла себя обмануть. «Э, нет, Кристофер! — говорила она. — Ты

приходи завтра, а сейчас пришли кого-нибудь из ребят, чтоб они получили. Так что не горюй!»

Это был великий день. Ездра проявил себя истинным полленцем и благодетелем, право же, появившись на небе комета или какое другое небесное тело, оно и то не привлекло бы столько внимания. Люди явно неправильно относились к Ездre, мало того, сколько лет подряд они злословили по его адресу, отторгали от своего общества, обрекли его на одиночество, а вот теперь он пришёл на помощь, когда пробил час великой нужды. Не соберись капеллан Твейто уехать, ему бы следовало произнести проповедь в честь Ездры. Уж проповеди-то такой поступок безусловно стоил.

— Да-да, — согласился Каролус, — случись это в моё время, когда я был старостой, совет управы поблагодарил бы его в протоколе. Уж тут бы я похлопотал.

— Ну-ну, — сказали люди, — вы и опять можете стать старостой. Что вы на это скажете?

— Нет, — сказал Каролус, — уж больно много у меня всяких дел, и банк, и ещё много всякой всячины.

Но сама по себе мысль была очень даже недурна, и Каролус ничего не имел против, чтобы об этом разнеслась молва, такие слова звучали для него как музыка, Каролус весь напыжился от гордости. Да, да, для Каролуса это был тоже великий день, и сложнейшие подсчёты, и опрокинутая чернильница заставляли его время от времени совершать рейсы в лавку и пополнять там запасы письменных принадлежностей. И руководила им не мелочность, нет-нет, Поулине и в прежние времена всегда припасала для него чернила.

— Уж сколько вы чернил изводите, — говорила она.

— Так ведь и пишу я сколько! — отвечал он. — Ко мне приходит весь Поллен с просьбами, с требованиями, и всё это надо записать. Я давно уже так не уставал.

А вот Поулине отнюдь не процветала, и потому не могла пренебречь даже пустячной покупкой, покупателей теперь почти не осталось, и ей следовало радоваться, когда можно было продать чернила такому человеку, как Каролус. Правда, она могла в любую минуту дочиста расторгнуться, и этому ничто не помешало бы. Но деньги у людей кончились, а больше продавать в кредит она отказывалась. Поскольку запасы муки иссякли, народ приходил в

лавку и хотел получить что-нибудь вместо муки, чтобы было что сунуть в рот: кофе и табак, маргарин и сладости, коринку и сироп, но, когда Поулине выражала желание увидеть наличные, люди выворачивали пустые карманы, и она ничего им не продавала. Ну конечно, это всё товары старшего брата, она же просто хозяйничала в лавке и не давала больше в долг ни единой пачки жевательного табака.

Йоаким, её брат, как-то вечером завёл с ней разговор. Он посоветовал ей поступить так же, как поступил Ездра из Нового Двора, и раздать до последнего кусочка всё, что у неё есть съестного в лавке.

Поулине не согласилась.

— Не хочешь добром, заставят силой, — сказал Йоаким.

— Это как же? Ты что имеешь в виду? Йоаким:

— Этот Ездра вовсе не дурак. Знал, что, если народу ничего не дать, он рано или поздно сам всё возьмёт.

В голове у Поулине закружилось множество планов, один лучше другого: чтоб старший брат приделал ставни на окна, укрепил дверь, заложил кирпичом вход в погреб, сама же она станет в дверях с вилами. А что собирается делать Йоаким?

— Стоять и смотреть, — отвечает Йоаким, — сделать уже ничего нельзя.

— Тьфу на тебя!

Нет и нет, она не желала мириться, она зафыркала и посулила вызвать ленсмана.

— Ленсмана! — повторил Йоаким и улыбнулся. Он вообще крушил все её мудрые планы по мере их поступления.

— Так ведь ты староста! — с яростью закричала она. — Разве ты не можешь написать амтману?

— Я не просто написал, я даже отправил телеграмму.

Всё верно, положение у Йоакима было довольно жалкое, картошки из Северного посёлка хватило ненадолго, приходилось уступать, приходилось обращаться к амтману. Другого выхода не было. Ну а с другой стороны: что мог сделать амтман? Чего добиться? Когда повсюду не хватало муки.

Поулине фыркнула с досадой:

— Похоже, что мы уже живём не в христианской стране.

— Более того, — продолжал староста Йоаким, — я уже отправил телеграмму в королевский совет.

Королевский совет — вот это звучало серьёзно, и более того, это означало, что дела совсем плохи. Поулине побледнела и не сказала больше ни слова.

Правда, некоторое время после этого разговора в Поллене ещё царили мир и покой, припасы из Нового Двора, пусть и ненадолго, помогли одолеть самую свирепую нужду, народ ходил с кулками зерна на мельницу и возвращался с мукой. Рождество на сей раз было очень нелёгким, а грозило стать и ещё хуже, если бы Поулине в свою очередь не показала себя достойной гражданкой Поллена и не выступила в роли благодетеля номер два. Вот и её односельчане не оценили в своё время должным образом, а теперь она распорядилась: всё, пригодное для еды и питья в лавке и в подвале, раздать всем без исключения, не делая при этом записей и не требуя оплаты. Подумать только — Поулине! Запасы у неё были не так уж и велики, но имелись среди них и мясо, и маргарин, и сироп, словом, хватило помаленьку и взрослым, и детям. Поулине, которая не питала до сих пор особенно нежных чувств к детям, вдруг ни с того ни с сего полюбила их и дарила им и крендельки, и печенье, и другие сласти, а взрослым — кофе и табак. Само собой, товары в лавке у Поулине тоже распределяли Каролус и Ане Мария. Каролус обеспечивал письменные принадлежности, а Ане Мария писала. «Для одного человека это, пожалуй, и много, — говорил Каролус, — а вы ещё спрашиваете, не хочу ли я снова заделаться старостой!»

От правительства через амтмана поступила телеграмма: да, будет сделано всё возможное, просто надо хоть немного запастись терпением, надо взять себя в руки, ибо правительство уже занимается этим вопросом.

Староста Йоаким вывесил телеграмму в лавке на стене.

И впрямь было самое время, чтобы из королевского совета пришла хоть какая-то весточка, В Поллене снова царила великая нужда, еду из Нового Двора подмели вчистую, лакомства из лавки словно ветром сдуло, да вдобавок извели каждый кусочек мяса, сохранившийся ещё с осеннего забоя. Среди этих страданий и мук некоторых полленцев охватил страх Божий, и они принялись молиться; по измождённым лицам пролегли полоски слёз, матери

держали детей на коленях и рассказывали им, сколько молока им достанется, когда смерть заберёт их и они попадут на небо. Две женщины, встретясь у ручья, могли завести беседу о всяких потусторонних и таинственных делах. Теодорова Рагна была в этом сноровистей других и часто поражала односельчан своими познаниями. И вот что странно: Рагна привыкла к лишениям, ей всю жизнь жилось несладко, но теперь ею правил голод, хотя Теодор тащил в дом с причала всё, что ни подвернётся под руку из съестного. Впрочем, Теодору приходилось не так уж и плохо: время от времени он заглядывал в Верхний Поллен к своей дочери, что служила у доктора, и съедал предназначенный ей обед. Но Рагна предпочитала голодать, чем «вырывать кусок изо рта у собственных детей». Подобно многим, она сделалась набожной и раздражительной, то же происходило и с другими полленцами. Рагна, пожалуй, даже превзошла их, потому что хорошо училась и многое запомнила ещё со школьных времён. Для женщин было великой удачей встретить Рагну у ручья, у неё стало такое измождённое лицо и сияющие глаза, но всё же у неё хватало сил, чтобы поведать им о сарептской вдове с кувшином, а ещё о том, как Бог заявился однажды к Мамре Лунду и пообедал у него телячьей печёнкой. Говоря это, она причмокнула бледными губами и сплотнула. Словно она говорила не о телячьей печенке, а о пяти хлебах и двух рыбах, коими насытились тысячи человек...

Бедняжка Рагна из Поллена, как мило смеётся она...

Конечно, время от времени ей удавалось вполне сносно поесть, но — главное — она стала терпеливой и научилась обуздывать себя. О тайных свиданьях в укромном уголке и речи больше не было, никаких пламенных мечтаний наедине с кем-то, даже соблазнительных и пробуждающих страсть платьев она больше не носила.

Пальто, которое ей подарил Родерик, было теперь для неё слишком шикарно, но Эстер, дочь, что в услужении у доктора, отказалась взять это пальто себе, так оно и висело, никому не нужное.

Да-да, всё очень хорошо, она стала совсем другим человеком. А тут выдался редкостный час, когда Рагна пришла к Ане Марии и возжелала обратить её на путь истины. Впрочем, тут Рагна зашла, пожалуй, слишком далеко, и никаких результатов её визит не возымел.

Обе они пользовались в округе весьма двусмысленной репутацией: Ане Мария, к примеру, была недовольна своим супругом, а Рагна так и вовсе не слишком добродетельна. Ну и что с того? Правда, ни одна из них не стала бы оправдываться, да и кому какое до этого дело в голодную пору?

Надо сказать, что затея Рагны имела под собой подоплёку: в предрождественской суматохе, когда делили товары из лавки, Рагну обошли при раздаче сиропа. «Эка невидаль, — сказала Ане Мария, — у тебя ж нет дома малышей, так что уж и не знаю, зачем тебе понадобился сладкий сироп».

В тот раз Рагна промолчала, промолчать-то промолчала, но запомнила. Она ведь и не собиралась лакомиться этим сладким сиропом, но поди знай, как обстоят дела с сиропом у доктора, где служит её дочь. А теперь она ничем не могла угостить родную дочь, и виновата в этом была Ане Мария. Она даже заподозрила, что Ане Мария — человек недобрый по своей сути и не поддающийся обращению. Вот Рагна и решила воздействовать на неё словом.

Ни к чему эта затея не привела, получился обычный разговор между двумя женщинами.

Ане Мария стояла и слушала её речи, она заметно осунулась от голода, грудь у неё высохла. Поначалу она даже растерялась. Уж не заявила ли к ней Теодорова Рагна, чтобы её воспитывать?

Вот именно, при всех своих немощах. Особенно она хотела предостеречь Ане Марию от встреч с Эдевартом Андреасеном.

— Ты что, совсем рехнулась? — спросила Ане Мария. — Да я не помню, когда в последний раз видела Эдеварта.

— Ну а как насчёт Августа? Он знаешь как бегал за мной и приставал!

У Ане Марии вдруг сделалось кислое выражение. Хотя, конечно, ей было не так уж и неприятно и даже польстило, что её подозревают в связях с мужчинами, но признание Рагны огорчило её и пробудило в ней ревность. Кстати, Рагна была и помоложе её, и фигурой больше похожа на девушку, и соблазнительнее.

— Значит, говоришь, он к тебе приставал? А ты, само собой, не возражала?

Ах-ах-ах, пусть Ане Мария больше не думает про неё так, она, Рагна, пробудилась к новой жизни... А всё потому, что Август лежит

при смерти и бредит...

— Я просто хотела призвать на него милость Божью с помощью душеспасительного слова, — пояснила Рагна.

Тут Ане Мария расхохоталась, чем глубоко уязвила Рагну. О, душа суровая и необращённая, не должна так смеяться эта великая грешница, которая даже была когда-то под судом за убийство шкипера.

— Уж и не пойму, Ане Мария, чего это ты смеёшься? Ко всему прочему Рагна ещё и говорит ей «ты», ей, к которой все полленцы обращаются на «вы», с тех пор как она разбогатела.

— Я тебя не уважаю, — сказала Ане Мария и хотела было уйти.

Рагна:

— Сейчас такое время, что и ты должна подумать о своей душе, какой бы ты важной себя ни считала! Некий глас призвал меня явиться к тебе и предостеречь тебя.

— Шла бы ты лучше домой да залатала свою одежду, чтоб не выходить в таком виде на люди.

— Неужто ты думаешь, что я пекусь о своём брэнном теле, холодно ему или нет? Ведь близится день Страшного суда!

— Да ну! — воскликнула Ане Мария. — И кто ж это тебе сказал?

— Святое Писание. Грядёт последний день, когда во многих местах погаснет свет, вот совсем как сейчас. А вдобавок время зверя, и голод, и смятение умов. Мы же не молимся!

— Говорят, есть надежда на новый косяк сельди, — сухо сказала Ане Мария.

Рагна сплотнула, и глаза у неё блеснули.

— Хорошо бы, — сказала она, — но ведь уже сколько раз говорили об этом, Господи помоги нам.

— Говорят, птицы прилетели.

Рагна ещё раз сплотнула.

— Может, Господь смилостивился над нами! Вот дай только срок! Я готова на коленях благодарить Его, если так случится.

— У тебя что, совсем ничего нет? — спросила Ане Мария.

Рагна разжала пересохшие губы и шепнула:

— Да, со среды.

— А Теодор дома?

— Нет, у него какое-то дело в Верхнем Поллене.

— А почему ж ты сама не пошла туда?

На лице Рагны мелькнуло какое-то странное выражение, и она прошипела:

— Лучше умереть!

— Ты бы всё-таки наведалась к Эстер.

— Ты про что? — спросила Рагна. — Я не такая грешница, чтобы вырывать кусок изо рта у собственных детей.

Ане Мария:

— Можешь получить несколько картофелин.

— Нет! — истерически крикнула вслед ей Рагна. Ане Мария прошла на кухню и вернулась оттуда с дарами: несколько картофелин, совсем немножко.

— Я бы рада дать тебе и побольше, но у меня живут эти благословенные детки. А вот тебе в придачу кусок мяса.

Рагна:

— Я не возьму!

Ане Мария сделала свёрток и передала его Рагне. И снова по серым щекам Рагны побежали слёзы.

— Грешно вводить меня в искушение, — всхлипывала она, — тебе и самой нужна еда, да-да, самой. Зачем ты так поступаешь, спасая мою злосчастную жизнь? Ты ведь сама умираешь с голоду.

В комнату ворвались с улицы мальчишки, два «принца», два здоровых и крепких бутуза, весёлых и приветливых.

— Слава Богу, до сих пор они не терпели нужды, — сказала Ане Мария.

Когда Рагна уже собралась уходить, то вспомнила наконец, зачем, собственно, приходила, и смущённо промолвила:

— Да, да, я была всего лишь ничтожным вестником от лица Того, кто наставил меня.

Ей было явно стыдно, и, уходя, она поблагодарила за дары.

— Я была бы так рада, если б и ты дала обет воздержания. А верно ли, что Август лежит при смерти? Эдеварт, правда, к нам заходит...

Ане Мария лишь отмахнулась. Она и впрямь не привыкла, чтобы к ней обращались на «ты», совершенно не привыкла, но это ещё куда ни шло. Главное, чтобы Рагнин Теодор не вздумал проповедовать! Вот это уж будет просто кривлянье.

— Не печалься, — сказала она, — я это знаю лучше, чем ты, ещё по Тронхейму. Я так разошлась, что даже напугала пастора и директора, и они приставили ко мне круглосуточную охрану.

В Поллене всё больше и больше народу обращалось к Богу, и прежде всего детные женщины. Они не получали никаких наставлений и сами старались себе помочь; они собирались у ручья либо в горницах друг у друга, у них был Псалтырь и сборник проповедей, а Рагнин Теодор читал вслух. О, это были благословенные часы, как им казалось, однако мужчины украдкой перебирались к Кристоферу, который во все времена был себе на уме, а теперь был так замучен голодом и религиозностью, что порой, оставшись в одиночестве, просто плакал.

Август же, как известно, лежал больной.

Его дела обстояли не так, как у других полленцев. Само собой, он был болен, и часто бредил, и в бреду называл себя иногда «масса Август» и «капитан», ещё ему мерещилось, что он подглядывает в бинокль за купающимися женщинами. С потолка к нему зывали некие голоса, он отвечал им, а речь шла о девушке-негритянке, которая молила пощадить её, но он не послушался — ха-ха-ха! Масса был вовсе не такой дурак! Ещё он вынашивал грандиозный план: при первой же возможности устроить ярмарку в Поллене. А почему бы и нет? Придут все люди из Верхнего Поллена, и с пристани, и из соседних посёлков. Гигантская карусель и денежная лотерея! «Только чтоб никаких медведей! — кричал он в бреду. — Стоп, всем замолчать!»

Эдеварт дневал и ночевал у друга, порой он лежал в соседней комнате, не закрывая дверь между ними. Доктор назвал болезнь Августа «своего рода воспалением лёгких», делал ему уколы, давал капли и велел не оставлять его без присмотра, не то он может свалиться с постели.

Впрочем, Август не всё время лежал без сознания. К полудню он приходил в себя, и тогда он думал, что может умереть, но боялся этого и размышлял, каково ему придётся на том свете. И тем не менее он ни с того ни с сего мог спросить у Эдеварта, не надвигается ли шторм и откуда нынче дует ветер. Значит, с Атлантики? И он удовлетворённо кивал.

Рассудок у него был в полном порядке, однако, пылая жаром, он задавал кучу вопросов, которые, казалось бы, не имеют никакой связи между собой. Хотел бы я весной кое-что посадить, но до тех пор я, верно, умру.

— Ничего ты не умрёшь, — отвечал Эдеварт.

— Думаешь, не умру? Да, так что я хотел сказать? У тебя ведь была ферма, ты на ферме не сажал табак?

— Табак? Не сажал.

— А ты когда-нибудь видел табачную плантацию?

— Наверняка не видел. А почему ты спрашиваешь?

— Значит, ты не знаешь, как у него выплядят листья?

— Не знаю.

— Вот видишь, — сказал Август без всякого перехода, — если ветер дует с Атлантики, то может прийти и сельдь.

XVI

Теперь в Поллене многое пошло наперекосяк: не было еды, не было надежды, отчаяние охватило жителей, с лиц исчезли улыбки. При встречах люди опускали глаза.

Правда, время от времени по селению пробегал слух о косяках сельди, но всякий раз это оборачивалось пустыми надеждами. Был конец марта. Те, кто рыбачил на Лофотенах, здорово просчитались, не то что рыбаки из Северного посёлка, которые до сих пор успешно ловили рыбу. Помощи, обещанной начальством, так и не было. Да и что оно такое, это начальство? Некий департамент, который сидит и размышляет, приставив палец ко лбу. Дело зашло так далеко, что Поллену, может быть, придётся закрыть почту, поскольку Теодор и Родерик сказали, что у них нет больше сил ходить на вёслах до паровой пристани.

Время от времени народ снова спрашивал, как там Август. Это же надо ему заболеть именно сейчас. Вот и цемент прибыл, как обещано, — прибыть-то прибыл, но так и остался лежать, потому что ни у кого не было сил его перенести. Но ведь цемент это всё-таки не еда? Само собой, не еда, и нечего зря молоть языком. Цемент он и есть цемент, чтобы строить фабрику. Но тот человек, которому стоило произнести всего лишь слово, чтобы цемент начал поступать тоннами, мог,

наверно, найти выход и из этого тяжёлого положения. Очень даже может быть. Когда это было, чтобы Август не нашёл выход? Йоаким, который вполне годился на должность старосты, был по-своему неплох, что и говорить. Но на сей раз он оказался совершенно беспомощным. Вывесил на стене телеграмму, после чего уселся сложа руки. Вот что сделал бы на его месте Август? Поехал бы к югу да и стукнул бы кулаком по королевскому столу. Вы мне что, не верите?

Нет, нет, верим, верим.

Полленцы пришли в кофейню и робко окликнули Эдеварта через лестничный проём. Эдеварт спустился. Они справились у него, что слышно, и как себя чувствует больной, и правда ли, что он бредит и никого не узнает? Полленцы просили Эдеварта передать ему самый сердечный привет и чтобы Бог ниспослал Августу скорейшее выздоровление...

— Чего это они от тебя хотели? — спросил Август.

— Хотели узнать, как ты себя чувствуешь.

— А-а, — равнодушно протянул Август.

— А ещё они просили передать тебе самый сердечный привет.

— А-а, — опять сказал Август.

Ему было всё равно: на кой ему все их приветы, когда он слаб и болен, стал совсем никуда не годен и скоро умрёт.

Порой Август в ужасе глядел на Эдеварта и хватал его за руку, он боялся смерти, он плакал, он совсем пал духом. Страх смерти лишал его разума, со смертью не поборешься, можно только подвывать от ужаса, а что ему ещё прикажете делать? Он спрашивает Эдеварта:

— А доктор говорил, что это опасно?

— Говорил, — отвечает Эдеварт.

— Вот видишь, вот видишь, значит, я скоро умру! А теперь сделай милость, дай мне снова капель!

— Не дам, — отвечает Эдеварт, — я только что их тебе давал.

Больной закрывает глаза, в груди у него всё хрипит, и дышать ему нелегко.

— Значит, дела мои плохи, — говорит он. — Слушай, Эдеварт, поговори с доктором, чтоб он мне помог, за ценой я не постою. Он велел мне ждать шесть месяцев — да-да, ждать шесть месяцев. Так передай ему от моего имени, что я готов ждать и шесть лет, готов ждать всю жизнь, вот что ты должен ему сказать.

— Ладно, — отвечает Эдеварт.

— Дела мои плохи, очень плохи. Впрочем, доктора тебе такого наговорят... Ты сам-то что думаешь?

— Да не знаю я.

— Ну конечно, ты ничего не знаешь и ничего не говоришь, — ухмыляется Август, — а вот что ты ответил людям, когда они справлились обо мне?

— Я ответил, что ты пошёл на поправку. Ты больше не стонешь всё время, как раньше, а кроме того, ты теперь узнаёшь меня.

— Тогда, может, мне и в самом деле стало лучше? Вообще-то мне думается, что, будь в Поллене аптека, где можно купить эти капли, я бы, пожалуй, и выкарабкался. Как по-твоему?

— Зачем это? — спрашивает Эдеварт. — Я ведь даю тебе столько капель, сколько велено.

Август:

— Эх, надо было мне организовать аптеку в Поллене. Я долго об этом думал. Мне ещё здесь много чего надо сделать. А главное, я бы посадил кое-что на своём участке, если только доживу до весны. Да только я, пожалуй, не доживу, нет, нет, навряд ли. А ты что об этом думаешь?

— Доктор вовсе не говорил о смерти.

— А что ж это тогда, если не смерть? Знаешь, Эдеварт, я великий грешник. Когда я лежу здесь и раскидываю мыслями, получается, что я много хуже, чем ты, пусть даже у тебя уйма незаконных детей, хоть здесь, хоть там, а вот я так и не сподобился на это, мне всегда что-нибудь мешало. И всё равно я великий грешник, и на словах, и в делах. Понимаешь, я так и не заплатил за свои прежние зубы, помнишь, золотые такие, нехорошо я поступил, и за те, что у меня сейчас, я тоже не заплатил. Так уж получилось. И это большой грех. А теперь дай мне попить...

После этого Август продолжил:

— Но я никогда не был из тех, кто хладнокровно убивает людей.

— Не был, — говорит Эдеварт.

— Ни белого человека не убил, ни дикаря. Такого греха на мне нет.

— Нет.

— Ты говоришь «нет»? А тебе-то откуда знать? — с досадой спрашивает Август. — Должен тебе сказать, что я был отчаянным малым на чужбине, и с ножом, и с револьвером управлялся не хуже тамошних. А у тебя, поди, за всю жизнь и револьвера-то не было?

— Не было, — признаётся Эдеварт. Ну а дальше что? Он хорошо знает своего старого друга и знает, что нельзя принимать на веру все его слова. Может, он и впрямь никого не убивал, может, он даже и не стрелял из револьвера. А может, он просто готовится предстать перед Богом и потому лжёт и старается выставить себя безгрешнее, чем был на самом деле. С него всё станется.

— Зато у меня много других грехов, — продолжает Август. — Знаешь, однажды я взял лодку на одной стороне залива, переплыл на другую и там её продал. Сейчас я раскаиваюсь в этом. А ведь я мог на этой же самой лодке снова перебраться на ту сторону и пригнать ещё одну. Но ведь я этого не сделал. Чтоб не впасть в грех воровства.

— А не поспать ли тебе немножко? — спрашивает Эдеварт.

Август, ни с того ни с сего:

— А какое у нас сегодня число?

Эдеварт считает, прикидывает и наконец высказывает предположение, что на дворе конец марта, приблизительно двадцать восьмое.

— А-а, — говорит Август с явным облегчением, — значит, сегодня не восемнадцатое, а то уж я было испугался. Признаюсь, когда-то я учудил с этим восемнадцатым числом дурацкую шутку, сказал, что восемнадцатого произойдёт что-то ужасное. Соврал, одним словом. Но с тех пор я до смерти боюсь восемнадцатого числа.

Эдеварт:

— До ближайшего восемнадцатого ещё целых три недели, за это время ты успеешь выздороветь.

— Хорошо бы! Но, что ни говори, все мы великие грешники, не мешало бы и тебе, Эдеварт, об этом задуматься, а не сидеть всё время и зевать.

— Да устал я, — отвечает Эдеварт, — я ведь целые сутки просидел у тебя.

— Все мы великие грешники, — стоит на своём Август, — а потому важно, что будет с нами потом. Час — его выдержать

нетрудно, обыкновенный час. Но целую вечность, понимаешь, целую вечность и ещё один год в придачу!

Эдеварт в раздумье мотает головой.

— А ты знаешь, что это будет в семь раз жарче, чем на солнце?

— Кто это тебе сказал?

— Ты только подумай: в семь раз жарче!

Эдеварт, вставая с места:

— Ну хватит болтать. Через час я опять дам тебе капли. А пока пойду прилягу.

Августу становилось то лучше, то хуже. Иногда выдавалась спокойная ночь, и утром он чувствовал себя получше, но скоро ему опять становилось нехорошо. Его то и дело охватывал страх смерти, и от него было некуда деться, эти приступы были непонятны и губительны. А как много, как неслыханно много Августу ещё предстояло сделать. Подобно любому человеку, лежащему при смерти, он действительно не мог себе позволить оставить эту жизнь и эту землю, он припоминал кучу всевозможных дел, которые ему следовало совершить. Эдеварт рассказал о цементе, который пришёл в Поллен. Вот хорошо, а будь он на ногах, пришлось бы сразу искать песок, и облицовочный материал, и лопаты. Но цемент — это не самое главное, аптека куда нужней. Август живописал, как замечательно аптека поможет бороться с любой болезнью. И вообще, какое может быть сравнение — аптека или жалкий шкафчик с медикаментами у доктора. Великое количество микстур, самые дорогие, самые лучшие пилюли! Поверь слову, Эдеварт, при таком изобилии приятно и малость поболеть. Август знал это по своей жизни за границей. Прекрасные дни, всё на высоком уровне, а через стенку, в соседней палате, может, лежит миллионер...

И всё же Август никак не мог выздороветь, аппетита у него почти не было, с едой вообще дело обстояло из рук вон плохо. Впрочем, он всю свою жизнь был нетребователен к пище, за исключением разве что тех случаев, когда в молодости приезжал на побывку и желал пустить всем пыль в глаза. Тогда и самое дорогое было для него недостаточно дорого. А сейчас он тосковал по еде, привычной с детских лет: молоку, варёной картошке. «Сбегай к Поулине, Эдеварт, и попроси у неё...» Проходило бесконечно много времени, пока он получал то, что просил, на самом же деле — от силы полчаса, но до

чего ж длинные были эти полчаса. Сгоняй туда, Эдеварт, спроси, скоро ли, не могу же я так долго ждать, кто знает, сколько мне ещё осталось жить.

Но тут заявлялась Поулине с подносом.

Август хмурил брови, лично он вовсе не желал, чтобы Поулине приходила, он стыдился её и спешно отворачивал к стене своё измождённое лицо.

— Ну, как ты себя чувствуешь? — спрашивала она.

— Лучше, — коротко отвечал он. — Неужели Эдеварт не мог принести сам?

— А мне всё равно надо было идти. Тут для тебя пришло письмо.

— Наверно, это из-за границы. Деловое. Положи его вот сюда.

— Как ты спал сегодня?

Ответа нет. Больше Август разговаривать не желал, и она уходила восвояси.

После еды и короткой дремоты он снова становился словоохотлив.

— А уж одежду и башмаки я брал без счёта... Они прямо так и просились мне в руки... В городах их вывешивают перед магазином, я подходил, крутил, вертел, глядел на цену. Ты, поди, ни разу не прихватывал какую-нибудь одежку прямо с улицы?

Эдеварт долго думал, потом сказал:

— Что-то не припомню.

— Вот то-то и оно. Это вообще не по твоей части. Я ведь уже говорил тебе, что я великий грешник, куда хуже, чем ты. Возьми-ка мою куртку, вон она висит. Она почти не ношенная.

— Зачем это я возьму твою куртку?

— А на кой она мне, если я всё равно умру? Бери, бери, она ничего мне не стоила.

— Ты и её прихватил с улицы?

— Уж и не помню. Но ведь не могу же я отнести её назад. Дай мне лучше капель. Я нутром чувствую, что пора.

Он съел немного картошки и выпил молока. Потом спросил:

— Что это такое, Эдеварт? Никак я опять начинаю бредить?

— Ты? Почему? Откуда ты взял?

— Сдаётся, будто я слышу пение.

— Верно, — отвечал Эдеварт, — это женщины поют.

— На улице, что ли?

— Да, у ручья.

— Господи, а я-то испугался! Я думал, они отпевают покойника! Ах, выздороветь бы мне, я б тогда спел вместе с ними. Ты ещё помнишь, как я пел про девушку из Барселоны? Рыдали все! А что они поют, женщины-то?

— Псалмы.

— У ручья поют псалмы? — переспросил Август. — Они что, спятили?

— Не знаю, они говорят, что прозрели.

Август погрузился в раздумья. Потом спросил:

— Прозрели? Это как прозрели? В смысле молиться и петь псалмы?

— Да.

— Как хочешь, Эдеварт, а мне уже пора принимать капли.

— Через час, — кротко и терпеливо ответил Эдеварт.

— Прозрели... прозрели... Нет, толку от этого не будет. Прозревшим человек должен быть всю свою жизнь, прозрению нет конца, ты не можешь даже чихнуть, не совершив греха, а потому тебе надлежит жить и раскаиваться и оставаться прозревшим всю свою жизнь.

— Да-да, — отвечает Эдеварт без всякого интереса.

— Ну хорошо, допустим, они прозрели. А кто именно прозрел?

— Да все разом. А Рагна — та пуще всех.

— Это Теодорова Рагна? — спрашивает Август и снова погружается в раздумья. — Да, я великий грешник, — повторяет он. — А ты знаешь, чему я радуюсь, пока лежу здесь? Я радуюсь, что, раз уж мне суждено умереть, я всё-таки успел посадить ёлочки вдоль дороги в церковь. Как ты думаешь, ведь это зачтётся как доброе дело в глазах Божьих?

— Да.

— Скажу тебе честно, я был преисполнен одним лишь тщеславием, а теперь я хочу отвратить свой лик от этого мира, от его суеты. Можешь взять, например, мою трость, вон она стоит, у стены.

Эдеварт мотает головой.

— По воскресеньям, когда ты принарядишься и пойдёшь к соседям поухаживать за девушками, тебе пригодятся и трость, и моя пенковая трубка.

— Нет, нет, спасибо, не надо.

Чего ради Август решил раздать всё своё имущество? Может, чтобы не оставаться наедине с плодами своих воровских проделок? Может, ему станет легче, если близкий друг возьмёт на себя часть его грехов? Августа раздосадовал отказ Эдеварта, и он попытался соблазнить друга чемоданом:

— Ты только и знаешь, что говорить «нет»! Уж не думаешь ли ты, что я украл эту трость? Да хоть бы и так, зато чемодан я купил и заплатил за него свои кровные!

— Да-да, конечно!

— Ты ведь не смыкал надо мной глаз, ты ходил за мной всё время, был для меня поддержкой и утешением, всё это чистая правда! И я настаиваю, чтоб ты взял чемодан!

— Но он и тебе самому может понадобиться, — говорит Эдеварт подбадривающим тоном. — Вот увидишь...

— Ты и впрямь так думаешь? — спрашивает Август и на какое-то время затихает. Он выпил очередную ложку воды, оживился, лёг на другой бок, он занят какой-то новой мыслью и продолжает болтать: — Прозрели... нет, это какое-то кривлянье, прости, Господи. Я вот тут лежу и представляю себе, что всё это можно сделать куда быстрее. Как по-твоему, что делают в таких случаях католики? Да ничего они не делают, а считаются прозревшими всю свою жизнь. Если они согрешат, священник даст им отпущение, и тогда получается, что они как бы вовсе и не согрешили.

Эдеварт хмыкнул в ответ.

— А католики, если хочешь знать, тоже люди, между нами и католиками нет никакой разницы. Однажды, когда мы стояли в Белфасте под разгрузкой, с такелажа сорвался железный блок и зашиб одного вот такого католика. Мы все думали, что ему конец, и доктора привели, и капли дали, и пластырь, и всё, что полагается в таком случае. Прошла ночь. «Позовите священника», — сказал он, а вид у него был такой, будто вот-вот испустит дух. И вот представь себе, пришёл священник, само собой католический, и, после того как они провели наедине целый час, свершилось чудо, больному полегчало, он стал спокойный и вроде как довольный тем, что умирает, и всё такое прочее. Он, значит, пока лежал, исповедался во всех грехах, которые натворил за свою жизнь, а священник взял все его грехи на себя и

даровал ему прощение от имени самого Господа. Вот какой властью наделён католический священник. А возьми наших священников! Какой такой властью они наделены? Лично я их не уважаю. Так чего ради бегать всю жизнь и чтоб потом на нас снизошло прозрение? Когда тут для этого прозрения понадобился всего час.

— А человек этот выздоровел? — спросил Эдеварт.

— Какое там! Умер, конечно, этот блок его совсем размозжил. Но он был бодр духом, потому что освободился от грехов и ждал для себя вечного блаженства. Просто диву даёшься, когда видишь, какой силой наделены католические священники! Говорят, у нас за Сеньей живут какие-то католики. Ты ничего об этом не слыхал?

— Слыхал, — отвечает Эдеварт, — помнишь, мы ещё в молодости их встречали, когда занимались торговлей.

Август:

— И вспоминать не хочу. Это было греховное время. Мне даже говорить о нём неприятно. Но уж во всяком случае, католики живут в Тромсё, это я знаю точно. Хотя не может быть и речи о том, чтобы переманить сюда их священников.

— Да уж пожалуй, — соглашается Эдеварт.

— А ты не забыл, как сам однажды побывал в Тромсё и беседовал со священником?

Эдеварт молчит.

— Мне плевать, во что это обойдётся.

Эдеварт:

— Почему же, помню. Впрочем, не надо спешить. Ты сегодня выглядишь много свежей, чем вчера.

— Ты так думаешь? А в каком смысле «свежей»?

— По глазам видно. И по цвету лица.

— Вот хорошо бы, — мечтательно говорит Август. — А ты, Эдеварт, зажги свечку и поддержи мою руку против огня, чтоб я видел, есть в ней ещё жизнь или нет.

Эдеварт, не понимая, глядит на него растерянным взглядом.

— Потому что, если не засветится между моими пальцами живая кровь, значит, смерть близко.

— Ерунду ты говоришь. Как я могу просветить твои руки, пока ты не умер?

— Очень даже можешь, вреда от этого не будет. Но тебе, видно, лень двигаться, — обиженно говорит Август. — Ладно, можешь заняться своими делами. Я ни о чём тебя больше не попрошу. Ты небось и капель мне давать не хочешь?

— Хочу, но немного погодя.

— Немного погодя! Ты всё время говоришь: немного погодя. Впрочем, теперь я хотел бы вздремнуть, так что не буди меня своими каплями. Принимай их сам, если хочешь. — Август горячился всё больше и больше. — Нет, не надо было приглашать такого благочестивого и богобоязненного человека, чтобы давать мне капли. Даже если б ты сидел на перевернувшейся лодке, то и тогда ни за что не спихнул бы своего друга в воду. Это на тебя похоже! А дальше что? Не лучше ли было спасти собственную жизнь и обратиться к Богу? Я великий грешник перед Отцом, Сыном и Святым Духом, а потому мне надо хорошенько подготовиться перед смертью. Или, будь это, к примеру, девушка-негритянка, на которую набросились сразу четверо матросов, ты наверняка спас бы её, а не поступил бы с нею, как другие. Да, хорошо, когда б все рассуждали, как ты, в этом я тебя не упрекаю. А в остальном ты не такой уж благочестивый и богобоязненный... Ты не забыл ещё ту ночь на кладбище, когда мы разрыли могилу в поисках золотого кольца?

— Не забыл, — отвечает Эдеварт.

— Мы тогда осквернили освящённую землю, уж можешь мне поверить. И что мы нарушили покой усопшего, ты ведь тоже не станешь отрицать. В том, что я этим нанимался, ничего странного нет, кольцо-то было моё, и хотел взять его обратно. Надеюсь, Бог понимал меня.

— Мы оба разрывали могилу, — возражает Эдеварт, — но ведь именно ты всё это затеял.

— Я лучше промолчу, — сказал Август. Однако, судя по всему, его раздосадовало то обстоятельство, что у него никак не получается поставить Эдеварта на одну доску с собой. — А не сбегать ли тебе к Поулине, чтобы взять у неё Псалтырь? — спросил он.

— А зачем тебе понадобился Псалтырь?

— Нет, я не прошу, чтобы ты приволок мне весь молитвенник, я не стану тебя так утруждать. И к тому же я не собираюсь лежать здесь и распевать псалмы либо читать книгу, строчку за строчкой, до

скончания века. Мне надо разыскать один псалом, поглядеть, где именно он находится. Я вижу в этом для себя перст Божий.

Эдеварт продолжал неподвижно сидеть.

— Да-да, перст Божий! Очень может быть... Да пойми же хоть что-нибудь! — вдруг досадливо вскричал он. — Это просто невозможно. Ты никогда ничего не понимал! Прости меня, Господи, но сейчас от тебя осталась всего лишь половинка от человека, а может, и того меньше! Ты разве не помнишь, какой ты был сорвиголова в молодости, как бегал за девушками! Я в жизни ничего подобного не видел! А женщины бегали за тобой! Выбирай любую! Эх, был бы я на твоём месте! — посетовал оживившийся Август. — Честно говоря, я махнул рукой на всех женщин, вместе взятых, и больше ими не интересуюсь. Другое дело ты, при твоём-то отменном здоровье. И всё же ты скорее мёртвый, чем живой! Уж не обижайся, что я так тебе говорю.

Эдеварт:

— Я схожу вниз и принесу тебе Псалтырь.

— Ладно уж, не ходи, — с горечью ответил Август.

Эдеварт сохраняет нерушимое спокойствие, вспыльчивость юных дней оставила его, теперь он может разве что побледнеть или покраснеть.

Он сидит на стуле, он сохраняет верность старому приятелю, потому что привык так поступать.

Но Август и впрямь выглядит много свежее, он снова стал раздражительный и нетерпимый, и снова ему всё не так. Картофель и молоко оказались величайшим благодеянием для старого полленца, он почувствовал себя гораздо лучше, он снова вернулся к жизни.

— Каков сегодня ветер? Шторма нет? — спросил Август.

Теперь Эдеварт мог надолго оставлять Августа, а когда возвращался, то видел, что больной с нетерпением ждёт его, чтобы снова поговорить.

XVII

Так оно и шло день за днём. Люди голодали и пели псалмы, их рвало зелёной жёлчью, потому что в желудках у них было пусто. Теперь уже нельзя было тёмным вечером украдкой выйти из дому и

вернуться среди ночи с перекинутой через плечо овечьей тушей; поскольку именно этот промысел стал сущей напастью для жителей Поллена, на стене в лавке повесили объявление, в котором говорилось, что отныне около хлевов будет стоять вооружённая охрана. Дело зашло в тупик, все источники еды были перекрыты. Вы только поглядите, говорили люди, нам только и осталось, что лечь в землю.

Однако некоторые мужчины до того приохотились к грабежу, что начали роптать, да-да, они громко ударяли по столу костлявыми кулаками и бранились. Впрочем, что это была за брань! Они не осмеливались по-настоящему дать себе волю, и, может быть, поведение женщин, с их религией и псалмами, оказывалось более разумным. А жалкие проклятия — чего они стоили и что могли дать? Они звучали как насмешка в устах взрослых мужчин, они ничего не могли принести в такие голодные времена. И однако же находились мужчины, которые, исторгнув своё жалкое проклятие, гордо оглядывались по сторонам, словно спрашивая: «Вы слышали, какой я храбрец?» Настолько все они поглупели. Полленцы, славный народ, добрые души, угодили в тупик, вот с чего они и поглупели.

Было ясно, что они что-то замышляют. Эдеварт вроде бы прослышал о тайном задании, которое получил Теодор: тот должен был сыграть роль гонца и ночной порой собрать всех мужчин на дороге к Новому Двору. Можно не сомневаться, что у крестьянина Ездры ещё остались припасы в подвале и в кладовой. Спору нет, Ездра отвёз к Каролусу на кухню много еды, но неужто он ничего не оставил для себя, не отложил кое-что в сторонку, такое жульё, как он и его жена, да чтоб не припрятали?! Люди, у которых чёрт в дружках, которым помогает нечистая сила, уж они-то не сидят без еды, пусть не выдумывают. Надо, надо побывать в Новом Дворе.

Но добрый наш Теодор и тут остался верен себе. Когда ему сказали: «Завтра в четыре утра», он, вдохновлённый подвигом, который ему предстояло свершить, никак не мог дожидаться этого срока; он пошёл от дома к дому и начал будить людей, когда ещё полночь не миновала и было совсем темно. В результате те, кого он разбудил, бросив взгляд на часы, ложились снова, а многие после этого проспали и явились к месту обора с опозданием.

Всего их набралось человек десять. Сдаётся, что мы идём навстречу собственной гибели, говорили они, в конце концов мы все

умрём, обожравшись подземной едой. Это заставило их призадуматься, а один так даже вспомнил такое место в Писании, где сказано, что едой и питьём человек скрепляет вынесенный ему приговор. Но проклятый Кристофер, тот самый, что хотел получить на кухне у Каролуса двойную порцию, вдруг смачно выругался и спросил, не придурки ли они все, что стоят разинув рот посреди дороги. Разве они уже не съели провизию Ездры и несколько им это не повредило? А Ане Мария сама делила еду на равные части.

Верно! Верно! И десять человек, взалкав подземной нищи, ринулись вперёд — с лопатами и с топорами, на всякий случай.

Когда они пришли к усадьбе Ездры, тот стоял перед воротами, маленький и приземистый, словно вырос из земли.

— Вот он, нечистый дух! — вскричали они, различив его силуэт на белом снегу.

— Куда путь держите? — спросил он.

— Сюда! — отвечали они и подошли к двери, ведущей в подвал. — Вы только поглядите, у него новый замок на двери, а раньше его не было.

— Не вздумайте ломать мою дверь! — предостерёг их Ездра. — За это полагается тюрьма.

Чей-то голос:

— Да мы хотим только посмотреть, что у тебя есть в подвале.

Ездра:

— Ничего нет, кроме нескольких картофелин. И ещё предупреждаю, что заявлю в полицию.

Когда полленцы высадили дверь, зажгли спички и осветили, их охватило разочарование: большой погреб был совершенно пуст, несколько картошек в углу — вот и всё, несколько жалких картошек. Теодор тотчас сунул парочку себе в карман.

— Тогда мы пойдём в кладовую, — сказали они.

— Я заявлю в полицию, на каждого заявлю! — закричал Ездра, дрожа от гнева. — А тебе, Теодор, недолго осталось развезить почту.

— Ну и заявляй! — сказал Теодор с равнодушным отчаянием.

— Мы умираем, — сказал другой полленец голосом почти печальным, хоть и напускал на себя сердитый и грозный вид. — Если ты спрятал картошку где-нибудь в другом месте, дай нам хотя бы по две штучки и по куску мяса.

Ездра:

— Картошка у меня только та, которую вы видели в погребке. Больше нет.

— Идёмте в кладовую, — предложил Теодор.

Маленький, приземистый Ездра вдруг встал перед дверью с топором в руках и громко выкрикнул в занимавшийся рассвет:

— Первому, кто подойдёт к этой двери, я размозжу голову!

Молчание. Полленцы так глупы, что даже не могут понять, с какой это стати им запрещают взламывать двери и грабить. «У него вроде топор в руках!» — перешептываются они.

Из дома выбегает Осия, она потрясена, голос у неё срывается, она почти не может говорить и всё же, запинаясь, произносит, что может дать им немножко молока.

— Слушайте, слушайте, да здесь и еды, и молока вдоволь! — перешептываются полленцы.

Осия заходит за спину Ездры и распахивает дверь кладовой.

— Можете войти и поглядеть! — говорит она. — Здесь почти и нет ничего, кроме самой малости для детишек.

— Я ведь привозил вам еду, скоты вы эдакие! — горячится Ездра. — Лучше бы я выбросил её в море.

— Не надо так говорить, Ездра! — укоряет его кто-то из толпы, это человек из Флатена. — Меня и мою семью ты спас на несколько дней от голода. Но теперь Господь посылает нам слишком уж тяжёлое испытание, детишки у меня так исхудали, я и сам уже ничего не соображаю. И разбоем я до сих пор никогда не занимался...

Теодор не даёт ему договорить:

— Ты вроде предлагала нам молоко, Осия?

Ездра:

— Да разве такое было, чтоб ты не вылез первым? Смотри-ка, картофелина выпала, не иначе у тебя дыра в кармане.

Теодор, с крайним удивлением:

— Картофелина? Не иначе кто-то шулки ради сунул мне её в карман! Это ж надо!

Кристофер вне себя рывкнул:

— Нашёл время шутить!

— Значит, она моя, — сказал Ездра и взял картофелину.

— А я хочу, чтоб вы зашли в кладовку и сами посмотрели, — настаивает разгорячённая Осия. — Зажгите спички!

Ездра смирился, но ворчал, как собака, вот-вот готовая укусить. Он знает их всех как облупленных, это существа без стыда и совести, он сегодня же заявит на них в полицию. Разве это не преступление: вламываться в чужой дом, крушить всё на своём пути и грабить? Какого чёрта они пустили свои земли под городскую застройку? Город — это не еда, город годится лишь на то, чтобы в нём жили или умирали те люди, которых должны кормить другие. Ну что ж, раз им так хочется, могут теперь хоть жить, хоть умирать...

Люди слушали Ездру, они знали, что он думает обо всём этом, и он прав, чего ради они решили строить город на своих пашнях и лугах? А теперь гнев Божий настиг их за совершённый ими грех, они чувствовали себя жалкими глупцами и не знали, как себя вести. Они ни единым словом не могли возразить Ездре, его голос вызывал у них досаду и усталость, они отвернулись от него и обратили свой взгляд к Осии, ведь она требует, чтобы они заглянули к ней в кладовую; они послушались, зажгли спички и своими глазами увидели всё, что есть в кладовой. Но и здесь их ждало разочарование: опустевшая кладовая, несколько пригоршней муки и обглоданная свиная ляжка, ещё несколько селёдок в бочонке, а на столе — миска молока. Никакого хлеба, никаких лепёшек. А ведь в семье есть дети, они-то с чего живут?

— Вот можете поглядеть, — сказала Осия, протягивая ковшик, — пейте молоко!

Теодор первым схватил ковшик и попил молока, потом передал ковшик следующему, и тот тоже выпил...

Но человек из Флатена, которому по бедности молоко было нужней всех, попросил разрешения унести свою долю домой в бутылке. Когда бутылка наполнилась, он сунул её в карман, схватил внезапно руку Осии, не в силах произнести ни слова от душивших его слёз, и вышел из кладовой. Опередив остальных, он припустил что есть мочи, спеша домой.

Люди снова оказались посреди дороги, с лопатами и топором. Начиная заниматься день, было, наверно, часов шесть утра.

Визит в Новый Двор мало что им дал, а можно сказать, и вовсе ничего: лишь ковшик молока, который они выпили тут же, на месте;

люди испытывали глубокое разочарование и досаду. На прощанье Ездра посулил им всевозможные кары: и не надейтесь, что я вам это забуду, как бы не так! Они не отвечали, они просто ушли, девять человек, один за другим, шли по снегу и молчали, но, уж верно, каждый думал про себя, своей отупевшей от нужды головой: а кто это всё начал? Кто всё затеял? Ведь не я же, какое там я! Чтоб я вёл себя как разбойник и убийца, я, который и кошки не обидит? Девять человек шли гуськом, и ни один из них вроде бы не сделал ничего худого, просто пошёл вместе со всеми, вот теперь они и сваливали вину на других, сами-то они люди приличные, они долго возражали, но...

На условленном месте, откуда они несколько часов назад отправились в свой поход, стояло несколько человек, припозднившихся четверо бедолаг, которые просто-напросто проспали. Так-то оно так, они вышли слишком поздно, но всё-таки им хотелось узнать, что там случилось. Человек из Флатена просто пробежал мимо и от слёз не смог вымолвить ни слова. Что с ним такое сделали?

— Сейчас что, по-вашему, четыре часа? — холодно спросил Теодор.

— Помолчал бы лучше! — отвечали они. — Ты, олух, пришёл и разбудил нас в полночь! — Вообще-то Теодор мало их занимал, просто они не желали давать ему спуску. — Ты даже Родерика с собой не взял, собственного сына. Родерик-то остался дома!

Голос из толпы:

— Было бы, наверно, лучше, если бы мы все остались дома!

Это сказал Николаи. Он был известен как человек боязливый, который верил в предзнаменования и привидения.

Но те четверо, которые никуда не ходили и чувствовали себя вполне бодро, отнюдь не были удручены. Когда им сообщили о результате похода к Ездre, они сказали:

— Дверь погребца да замок — и всё это ради какой-то малости. Но если не повезло в одном месте, может повезти в другом, надо попробовать! Может, это и не очень-то законно, но до законов ли тут, когда нужда хватает за горло?

Они долго обсуждали и советовались, стояли, строили то один план, то другой, сплёвывали, обдумывали, толковали. Четверо

опоздавших полленцев были народ решительный, они хотели наверстать то, что упустили, проспав урочное время. Было уже семь часов, белый день был на небе, белый день на земле. Все тронулись в путь.

Подойдя к лавке, они замедлили шаги. На дворе оказалось полно народу. Йоаким разговаривал с Габриэльсеном, хозяином невода, ещё там группкой стояли три женщины, спрятав посиневшие от холода руки под фартуком, глава банка Роландсен вообще прогуливался без всякого дела, явно занятый какими-то мыслями. В дверях стоял Эдеварт, рослый и крепкий, и окидывал взором собравшихся; время от времени из дверей, сбоку от Эдеварта, выглядывала Поулине и, выплянув, тотчас исчезала.

Йоаким сделал вид, будто крайне удивлён появлением неожиданных гостей, и сказал Габриэльсену:

— Это как же понимать: двое, а ещё четверо плюс шестеро будет десять, нет, двенадцать человек? Странно, странно!

Пришедшие поздоровались.

— Да вас тут целая команда! — приветливо сказал Йоаким.

Никто не ответил. Пришлось заговорить Теодору:

— Мы ходили в Новый Двор, искали там чего-нибудь съестного.

— Ну и как? Нашли?

— Нет, только по ковшику молока каждому.

Поулине от дверей подала голос:

— Стало быть, вы ходили в Новый Двор и искали там, чего бы поесть. А теперь решили поискать здесь? Так вот что я вам скажу: много вы здесь не найдёте.

Йоаким:

— Николаи, а ты тоже ходил вместе с ними?

Николаи привычно стал объяснять, что, мол, жизнь у него собачья, и он уже перестал понимать, что делает, и раньше он никогда не занимался грабежом и разбоем.

Вот он и пошёл вместе со всеми в Новый Двор, чтобы посмотреть, не сыщется ли там картофелинка-другая или вяленая рыбина. Он не знает, кто из них выломал дверь в погреб, но зато ни один из них не поднимал шума, не кричал, они не разбудили детей, не заходили в хлев и не прихватили ни одной животины...

— А что вам сказал Езра? — любопытствовал Йоаким.

— Ну что он мог сказать? Он всё твердил про свои права! Я его могу понять. Мы-то думали, что у него полным-полно еды от подземных духов, но ничего там не было, нас, грешных людей, ввели в обман. Ну что нам теперь делать, Йоаким?

Староста Йоаким покачал головой:

— Да, плохо сейчас быть полленцем.

— Благослови тебя Господь, мы просто не можем больше так жить, мы ходим и жуём щепки, мы забыли вкус настоящей еды. Самое время всем нам ложиться в землю.

Они беседовали приветливо и разумно, ни единого грубого слова сказано не было.

Поулине спросила, стоя у дверей:

— А ты, Теодор, ты тоже пришёл из Нового Двора?

Теодор слегка отпрянул, ведь Поулине некоторым образом его начальство, она над ним главная.

— Я заглянул туда лишь на минутку, — отвечает он, — видишь, ни топора, ни лопаты у меня нет.

— А зачем почтарю вообще нужен топор или лопата? Ему положено быть честным и уважаемым человеком, вот как ты у нас.

— Чего ты хочешь от меня, Поулине? — вдруг истерически взвизгивает Теодор. — Ты, может, хочешь выгнать меня и лишиться куска хлеба? Валяй, действуй, желаю успеха.

Но тут один из полленцев пробивается вперёд и заявляет, что не намерен больше слушать пустые разговоры. Не затем он сюда пришёл. И с этими словами он бросается на дверь лавки, поддевает её лопатой, стараясь выломать, снова разбегается и снова начинает ломать. Крепкая дверь, чёртова дверь, окованная железом, новые железные петли, филёнки из двухдюймовых планок.

— А ну, тащите сюда топор! — командует этот человек.

Шум и грохот разносятся по всему двору, Поулине тащит за руку Эдеварта, чтобы тот вмешался, однако тот мешкает. «Йоаким!» — кричит она, но Йоаким не отвечает.

Вот-вот, Йоаким, который отнюдь не славится своим долготерпением, теперь не спешит действовать. Подобно старшему брату, он стоит неподвижно, лицо у него бледное, но он улыбается.

— Зачем ты так надрываешься, Кристофер? — спокойно спрашивает Йоаким. — Дверь ведь не заперта.

— Не заперта? — переспрашивает Кристофер и хватается за ручку. Дверь открывается.

— Она была открыта! Дверь была открыта! — проходит по толпе гомон.

Кристофер на мгновение застывает и собирается с мыслями. В другое время не миновать бы ему насмешек, но теперь людям не до смеха, слишком горестный настал час, один лишь Йоаким улыбался бледными губами. Кристофер широко распахнул дверь, надеясь, быть может, что вся толпа сразу ринется за ним, но, поскольку ничего подобного не произошло, ему ничего не оставалось, как самому войти первым, что он и сделал. Однако, войдя, Кристофер остановился, так, чтоб все его видели.

Такой возможности Теодор упустить не мог, он спешно зашёл следом, бормоча в оправдание, что ничего, как есть ничегошеньки там не тронет. За Теодором кто-то третий сунул туда нос, не преминув сообщить: «Я только посмотрю, что там есть». После чего вся лавка заполнилась людьми.

— Ну, Эдеварт, — молвила Поулине, — ты только погляди, сколько сыскалось покупателей на твой товар.

— На мой товар? — переспросил старший брат. — Нет у меня никаких товаров.

— Не могу понять, с чего это дверь была открыта. Я ж заперла её.

— А я открыл, — вмешался Йоаким.

— Ты-ы? Хорош староста! Будь я мужчиной, я б их вышвырнула оттуда.

Эдеварт, конечно, был мужчиной, но он равнодушно глядел на происходящее.

— Всё равно они не найдут там ничего съестного.

— Съестного? Да не больше, чем у меня на ладони.

Йоаким окликает:

— Николаи, а ты что остался, почему ж и ты не зайдёшь?

— Да ну, — отвечает Николаи, — я ведь слышу, что там никакой нет еды.

— Тогда почему же ты не уходишь домой? — спрашивает Поулине.

Николаи:

— Почему, спрашивается, не уйду? А что мне делать? Когда я вернусь, всё семейство будет глядеть на меня. Оно каждый раз так на меня глядит. Вот будь у меня в кармане несколько картошек либо какой другой пустяк... Вот как они на меня смотрят. А у тебя не найдётся несколько картошек, Йоаким?

— Разве что самая малость.

Оба спускаются в подвал. Поулине кричит им вслед:

— Не забывайте, что у нас есть больной, которого тоже надо кормить!

В самом углу подвала и впрямь лежала кучка картошки, примерно несколько мерок; Йоакиму, как и всем остальным, пришлось делиться с теми, у кого и вовсе ничего не было... «Благослови тебя Бог», — пробормотал Николаи, рассовывая картошку по карманам. Затем Йоаким направил его в кладовую, там, по его словам, висит кусок баранины. Дверь открыта. «Нет, только не здесь, не то нас увидит Поулине, выйди сзади, за дровяницей».

— Благослови тебя Бог! — бормочет Николаи в ответ.

А как же три женщины, которые всё стоят и мерзнут? Йоаким подходит к ним и спрашивает, зачем они здесь стоят. «Да просто стоим, и всё», — слышит он в ответ. Йоаким продолжает, что лучше бы им идти домой, к своим детишкам. Они отвечают, что ждут своих мужей.

Из лавки доносятся голоса и шум. Оттуда выходит какой-то человек и высоко поднимает палочку лакрицы. Это Кристофер.

— Я её взял и хочу, чтоб ты видела, Поулине, я не желаю воровать.

— А что ты сделал со своим носом? — говорит в ответ Поулине.

— Ничего я с ним не делал.

— А он у тебя распух. Дошло до меня, что тебя крепко вздули, когда ты ходил воровать овец.

— Подлая ложь! — взрывается Кристофер. — Это не меня вздули!

— А как ты вообще ходишь воровать, если ты прозрел и обратился к Богу?

— А я ходил до того, как прозрел, это ещё когда было!

— Не на прошлой ли неделе?

— Ну и что? Плевать мне на то, что ты говоришь, — мрачно отвечает Кристофер и подходит к трём женщинам, что стоят во дворе.

— Вы только поглядите! — говорит он и делит между ними лакричную палочку.

Из лавки, порыскав в ней, выходят и другие.

И добыча плоха, и весь поход дурацкий, просто детские игры какие-то. Никто не срывал со стен полки, не разбивал стёкла, они просто выдвигали ящики, да и те потом задвинули обратно, ох, размякли мужчины, совсем размякли. Один вышел, жуя кусочек корицы, который он нашёл в одном из ящиков, другой нёс стручок перца, Теодор и ещё парочка вышли из лавки с новыми трубками, а один так и вовсе грыз стеариновую свечку.

— Ты никак без табака куришь? — ехидно спросила Поулине.

— Да не нашёл я его.

— Ясное дело, табак вы получили к Рождеству, всё до последнего листочка.

— А у тебя, Поулине, не найдётся чуток молока? — напрямую спрашивает он.

— Найдётся, — отвечает она. — Пришли за ним Рагну.

Теодор:

— Я и сам могу его взять.

— Нет, ты его выпьешь по дороге.

— Так Рагна-то лежит.

— Она что, заболела?

— Рагна совсем обессилела и решила лечь.

— Ладно, я пошлю ей молока, — говорит Поулине. — Эдеварт, ты ведь не откажешься отнести ей кружечку молока?

— Кто-кто? — кричит Теодор. — Нашла кого посылать к женщине, которая лежит в постели.

Никто не смеётся, а Эдеварт так даже не улыбается.

— Здесь, выходит, нельзя получить даже капли молока! — шумит Кристофер. — А почему это бабы стоят посреди двора? Чего бы им не сходить и не подоить коров?

Поулине:

— Коровы уже подоены.

— Отыщите-ка в хлеву подойник или какую другую посудину! — говорит Кристофер приказным тоном.

Три женщины зашевелились, они словно советуются о чём-то.

И тут Поулине приходит в ярость и кричит:

— Только попробуйте! Я подоила коров сегодня в семь утра, а вы хотите снова их тревожить.

Одна из женщин спрашивает:

— Господи, Боже ты мой, Поулине, ведь ты не откажешь нам в капельке молока для детей на завтрак?

— Нет, — говорит Поулине, — не откажу. Ступайте домой и принесите посуду под молоко.

— Сейчас пойдём, как же, дожидайся! — снова вылезает Кристофер. Он держит себя очень нагло, полагая, будто у него есть право на это. — Ишь ты, словно мы собаки какие перед хозяйской дверью!

Поулине:

— А ты ведёшь себя как баран!

— Да ну? А разве у тебя нет новёхоньких жестяных фляг? Вон они развешаны под потолком в лавке, на кой они тебе, спрашивается, нужны? Ты разве не знаешь, что в Поллене голод и что мы умираем?

Эдеварт делает движение, он больше не стоит в дверях, он спускается с крыльца и направляется к Кристоферу. В этом нет ничего странного и ничего такого уж особенного, но почему-то все это замечают.

Но тут вмешивается Йоаким, он что-то шепчет на ухо старшему брату, после чего говорит громко и раздумчиво:

— Слушай, Поулине, а пусть они нальют молоко в бутылки! У нас ведь много пустых бутылок.

— Да-да, давайте разольём его по бутылкам, — подхватывают женщины.

Нелегко остановить старшего брата, коль скоро он пришёл в движение, но тут он вдруг замедлил шаги. Кристофер отступает назад и даже чуть улыбается.

— Я так и знал, что можно найти выход, — говорит он, кивая. — Понимаешь, Эдеварт, дела-то хуже некуда, мы ходим-ходим, а сами еле на ногах держимся. Вот какие у нас дела. Но Йоаким правильно говорит: для молока нет ничего лучше бутылок, в жестянках оно теряет вкус. Ума не приложу, с чего это вдруг я помянул фляги!

Возбуждение Эдеварта мало-помалу проходит. Чего ради он проделал долгий путь от дверей? Что эти люди про него подумают? И он отвечает Кристоферу:

— Так я то же самое хотел сказать, но не мог же я кричать на весь двор, что с бутылками-то оно лучше.

Короче, объяснились.

Тут Кристофер снова почувствовал себя настоящим мужчиной. Он сказал:

— Меня вот что интересует: получают женщины полные бутылки или уйдут домой с половинкой? Я не очень-то доверяю Поулине.

Эдеварт, уже вознамерившийся вернуться к лавке, круто разворачивается:

— Тебе что, Поулине задолжала молока?

Кристофер, недовольно:

— На такой вопрос я даже отвечать не желаю!

Эдеварт снова подходит к нему. К нему вернулся былой кураж, лицо побелело, и он произнёс дрожащими от гнева губами:

— Я спросил: тебе Поулине задолжала молока?

— Нет, — отвечал Кристофер.

Мужество покинуло его. Уступать было, конечно, очень трудно: столько народу стояло кругом и все слушали. Кроме того, Кристофер не имел привычки сразу же идти на попятную, он был человек напльй и привык действовать напролом. Но тут он сдался, он и намыкался в последнее время больше, чем Эдеварт, который и голодать-то ещё толком не голодал. Словом, Кристофер больше не чувствовал себя героем.

— Да нет, Поулине ничего мне не задолжала, — в конце концов выдавил он из себя. — Я ничего подобного и не говорил. Тут даже и спрашивать незачем.

— Господи, кто б мог подумать!.. — в один голос вскричали люди, стоявшие вокруг, и подняли глаза на кофейню. — Да кто ж это такой идёт? Уж не сам ли?..

Это походило на чудо. Хотя это было отнюдь не землетрясение и не явление Христа народу, а было это, так сказать, явление человека, уже стоявшего одной ногой в могиле, — явление Августа.

Теперь всё внимание переместилось на него, люди обступили Августа. Эдеварт хотел немедля отвести его в постель, но Август не

пожелал, он отмахивался обеими руками и спрашивал, что здесь происходит, что за страшный грохот раздавался во дворе сегодня утром и зачем сюда пришли все эти господа. Ему тут же объяснили что к чему, и Эдеварт снова попытался отвести его в комнату и уложить, но Август снова этому воспротивился; он прошёл к крыльцу и встал на ступеньку, чтобы не стоять в снегу.

— Август! — говорили люди друг другу. — Точно Август! Но до чего ж он худой и бородатый!

Август надел много штанов — одни поверх других, — и высокие сапоги с голенищами, и тёплую байковую куртку, которую он собирался подарить, даже трость, которую он тоже собирался подарить, прихватил с собой, а поверх всего — серое одеяло, накинутое на плечи бахромой вниз. Престранное это было зрелище, ещё совсем недавно — скорая добыча смерти, а теперь — прежний Август. Август в маскарадном обличье, но всем так хорошо знакомый. Воистину это был Август, благодарение Богу, до чего ж хорошо и отраднo снова его видеть...

— А может, это он в бреду? — спросил Йоаким.

— Ничего не в бреду, — ответил Август. Конечно, он ещё худой и слабый, но зато выносливый, за всё время болезни он по-настоящему ни разу не был близок к смерти, а теперь и вовсе возвращался к жизни! Вот чёртов Август! — Нет, — добавил он, — никакого бреда у меня нет. — Судя по всему, это были слова, исполненные весьма глубокого смысла, потому что, сказав их, он закрыл глаза и призадумался.

— Так или иначе, — промолвил Эдеварт, — а тебе надо вернуться в постель.

— Подожди маленько! Стоп, на одну минуточку стоп! Если человек встаёт с постели и тратит всё утро и все силы, чтобы самостоятельно одеться, — а ты-то, ты-то, Эдеварт, всё не приходил и не приходил...

— Знай я про такое дело, я бы привязал тебя к кровати!

— Вот и слава Богу, что не знал! Хорошо, что я смог к вам выйти!

Конечно, Август ещё только возвращался к своему нормальному состоянию, где есть место вранью, и бурной деятельности, и блестящим выдумкам, и бесшабашным глупостям. Возможно, его выманило из кровати обычное любопытство, а возможно, его

встревожил грохот, который он слышал, когда Кристофер выламывал дверь лавки. Но, оказавшись в окружении дружелюбных и удивлённых односельчан, он исполнился былой удали и завёл речь о том, что услышал мистический голос, призывавший его восстать с одра болезни. Больной, закутанный в одеяло, он говорил именно так, как теперь говорили в Поллене. Если Август и впрямь услышал голос, призывавший его восстать с одра, то уж теперь он постарался рассказать об этом в красках, хотя, скорей всего, этот голос воззвал к нему, когда он уже спускался по ступеням крыльца. Он ощутил словно бы дуновение ветра. У Августа не было привычки строить подробные планы на будущее, все его поступки, все его рассказы были неожиданными, он был находчив и проворен, свободен от чувства ответственности, он почти не ведал стыда, но всегда был деятельный и во всём превосходил односельчан. До чего ж это хорошо — на какое-то время забыть о болезни и смерти, стоять и нести всякую околесину и полгать с полленцами совсем как в былые дни! Кто мог сравниться с ним в умении будоражить умы, веселить парод и находить спасительный выход? Хорошо всё-таки, что он встал с постели.

Во дворе собралась толпа его друзей, а также известных жителей Поллена, собралась и не знала, как ей быть. Если верить объяснению, которое было тотчас дано Августу, они занялись грабежом из-за недостатка еды. Подумать только, голод в христианской стране, в таком крупном селении, каким является Поллен. И, как на грех, он именно в это время заболел и был лишён возможности вовремя вмешаться, надо немедленно что-то предпринять.

— А где Поулине? — спросил он, обводя взглядом двор.

Она раздаёт молоко. Ну что ж, это добрый, это благословенный поступок с её стороны! Но особого смысла в том нет, потому что, когда молоко будет выпито, его больше не станет.

— Правду говоришь, — откликнулся народ.

— А ты можешь предложить что-то другое, получше? — спросил Йоаким чуть высокомерно. Он не всегда принимал всерьёз рацеи Августа.

И Август отвечал:

— Не моё это дело давать советы старосте, но неужели ты считаешь, что ничего не случилось? Что-то я не припомню, чтобы приличные люди в Поллене, крещёные, конфирмованные люди с

голодухи занимались насилием и разбоем. А ты, Йоаким, можешь такое припомнить?

— Ну а как же тут быть? — спросил Йоаким.

— Ну, — сказал Август, — уж кто-кто, а ты-то знаешь, как быть.

— Я?

Август:

— Мы должны помочь горю. — И, обратясь к слушателям, спросил: — Тут никто не хочет отправить телеграмму от моего имени?

Молчание.

Август обернулся к Йоакиму и сказал многозначительно:

— А тебе пора бы выйти с неводом.

Йоаким разинул рот от удивления, впрочем, все остальные тоже. Стало быть, надо выйти с неводом? А почему, собственно, надо? Разве в заливе есть сельдь? Люди думали, качали головой, размышляли над словами Августа. Йоаким же спросил, причём опять с видом некоторого превосходства:

— Туда что, пришла сельдь?

— Да, — отвечив Август твёрдо и убедительно.

— Сдаётся мне, ты шутишь над нами.

Август, торжественно:

— Если человек, подобно мне, долгое время пребывал в стране смерти и вечности, он не шутит. Ибо ему открывается многое. Ты в это не веришь?

Йоаким ему и впрямь не верил, он вообще отличался здравым умом.

— Как же идти с неводом, когда в заливе ещё не сошёл лёд?

Август:

— Лёд, который лежит в заливе, — всего лишь жалкие, подтаявшие льдинки. Да ты и сам вполне можешь встать на нос и разгонять их веслом.

Теперь Йоакиму понравилась идея, которую высказал Август. Ведь не может дальше идти так, как идёт сейчас. Надо взять себя в руки и как следует всё обдумать. Какой смысл в том, что к нему заявляются его же собственные соседи, и хозяйничают в лавке, и врываются в хлев, и доят его коров? Хотя, с другой стороны...

— Не знаю, будет ли в этом прок, — сказал он. — А народ что думает?

— При чём тут народ?! — отвечали полленцы. — Мы такие разнесчастные, мы знать ничего не знаем.

— Вот именно, — вмешивается Август, — вы сейчас всё равно как вороны над полем. Знаете, что в мире живёт множество людей, а думаете, что, кроме вас, никого нет. Выходите с неводом, вам говорят.

Казалось, будто Август получил приказ свыше, и его слова звучали, как благая весть. Но тут появилась Поулине и подпортила всю картину. Лицо её никоим образом не выражало кротость: чтобы избавиться от этих трёх женщин, ей пришлось отдать весь утренний удой. Однако кислое выражение её лица сменилось выражением глубочайшего удивления, когда она увидела Августа в его одеждах пророка. Что ж это такое? Неужто перед ней Август?

— Да, да, он хочет, чтоб мы вышли с неводом, — объясняет Йоаким.

— Это ещё почему? Сельдь пришла, что ли?

— Он говорит, что пришла.

— Так-так! Эдеварт, уведи Августа в дом и не давай ему стоять на холоде. Ну а ты, Август, не стой дурак дураком, иди и ляг.

— А ну стоп! — кричит Август. — Я уйду только тогда, когда сочту нужным! Да, кстати, Йоаким, ты уже решил, хочешь ты выйти с неводом или не хочешь?

Йоаким:

— Ну, люди, что вы думаете? А где ж это у нас Кристофер с дружками? Ушли, что ли?

— Похоже на то, — отвечают люди, оглядываясь по сторонам.

— Как ни крути, — говорит Йоаким, — а получается, что надо выходить. Еды нет, и духу тоже нет, и сил у людей не осталось, так что выходить надо большой артелью, вот я и раздумываю...

Вдруг подходит Роландсен, глава банка, вернее, не походит, а подбегает. Он всё время стоял в сторонке, зато теперь он очень спешит, вид у него разгорячённый, лицо бледное.

— Они увели из хлева корову! — докладывает он.

— Это как? Это кто?

— Они взяли корову и вывели её из хлева. Я сам видел. Поулине со всех ног бросается к хлеву, некоторое

время её не видно, потом она прибегает обратно, крича и воздевая руки к небу:

— Бык! Они увели большого быка!

— Что-о-о?

Йоаким рванулся было за похитителями, но Эдеварт удерживает его и хочет бежать сам.

— Пустите меня! — кричит он. — Я сам!..

— Стой! — кричит Август изо всех сил.

— Вон они идут, — указывает глава банка Роландсен. Поулине:

— Да-да, вон они. А ведёт быка Кристофер. Вы что, не видите, как они ведут нашего быка? Так и будете стоять и любоваться?

— А ну, замолчите! — вдруг восклицает Август. — Поулине, я заплачу тебе за твоего быка.

— Это ещё почему? — не соглашается Йоаким. — Они что, вот так и уведут моего собственного быка?

Август:

— Да заплачу я за него.

— Заплачу, заплачу! А Кристофер, значит, пусть делает, что хочет?

— Заплачу! — подхватывает и Поулине. — Сперва надо спросить у нас, хотим ли мы продавать быка.

Август:

— Куда важней, Поулине, спасти людей от голодной смерти.

— Нет, — перебивает его Йоаким, — в Поллене дело зашло чересчур далеко!

— Всё можно изменить, если ты выйдешь с неводом, — говорит Август. — Думаю, ты так и сделаешь!

Йоаким:

— Во всяком случае, попытаюсь.

— Когда? Сейчас?

— Да прямо сегодня. Пошли со мной, люди!

XVIII

А вот Эдеварт не стал выходить с неводом. Выйди он, быть бы ему самым сильным в рыбацкой артели, но Йоаким настоял на том,

чтобы Эдеварт оставался дома и караулил усадьбу и хлев. Поди знай, какая лихая компания может ещё к ним нагряться.

За своё легкомыслие Августу пришлось расплачиваться новым приступом болезни. Его идея относительно невода, его тяжкие раздумья о том, как бы уговорить людей, сломить их сопротивление, не стоили ему особого труда, для него это было сущей ерундой. Даже и то обстоятельство, что он послал Теодора с телеграммой от имени старосты Йоакима Андреасена, труда не стоило. Зато холод и сырой воздух опять подорвали его здоровье.

— Ну, что я говорила! — ворчала Поулине.

— Ты говорила, он говорил, все говорили, уж молчала бы ты лучше, Поулине, — ворчал Август в ответ. Он был обескуражен, он был крайне огорчён возвращением болезни, это отрывало его от всяких дел, которые он хотел уладить, и грозило повторением приступов кашля, тягостных ночей, а главное, необходимостью вымаливать капли, которые Эдеварт берёт как зеницу ока.

— Молчала бы ты лучше, Поулине! — говорил Август. — Как бы, по-твоему, уладилось дело, не встань я с постели и не наведи порядок? Тогда б у тебя в хлеву с каждым днём становилось на одну животину меньше.

Поулине фыркала:

— В конце концов, в этой стране есть ещё ленсман и вообще правительство.

— Нету, — устало отвечал Август, раздосадованный её упрямством. — А теперь ты должна как можно чаще приносить мне кружку кипятка. Я буду его пить.

О, Август был человек стойкий, упрямый и стойкий, он желал пить крутой кипяток, чтобы как следует пропотеть.

Он снова вспомнил о своём плане учредить в Поллене ярмарку и обсуждал эту идею с Эдевартом. Август возлагал большие надежды на тир и собирался закупить целую партию ружей и револьверов, которые можно выдавать напрокат либо просто продавать, чтобы молодёжь научилась обращаться с оружием.

— Если б я не успевал выстрелить первым, — говорит он, — меня б уж давно на свете не было.

Эдеварт кивает в ответ.

— Так что в этом я разбираюсь. Но вот насчёт тира... будем брать крону за входной билет, а за патроны отдельно. И пусть они ещё платят за обучение, мы ведь в своё время тоже учились стрелять. А ещё мы могли бы соорудить хорошую карусель, я объясню тебе, как она устроена.

Эдеварт опять кивает.

— Дай мне подумать, что нам ещё нужно. Как насчёт канатных плясунов?

— Годится, — говорит Эдеварт.

— Значит, нужен канат. У Поулине в лавке есть тонкий и есть толстый. Ты же знаешь, я много чего умею, а вот этому искусству так и не выучился. Но можно научить мальчишек, вон мальчишки у Каролуса — им ведь уже достаточно лет, их я и натаскаю.

— Думаешь, они согласятся? — спрашивает Эдеварт.

— А почему бы им не согласиться?

— Потому, что Ане Мария не позволит. Она трясётся над ними не знаю как.

— Так я ж ничего плохого им не сделаю.

— А если они упадут?

— Никуда они не упадут. Мы начнём обучение над самой землей. В конце концов это я сосватал ей мальчишек, им только на пользу пойдёт, если они чему-нибудь выучатся. А что ты скажешь насчёт бокса, как в Англии и в Америке, — такая распрекрасная штука. Но здесь об этом нельзя и думать, мы ещё не такие цивилизованные.

Август ни минуты не сомневался в том, что его ярмарка станет большим развлечением для молодёжи. Он вспоминал и вспоминал всевозможные аттракционы, например лотерею, недоставало только обезьяны. А вот о торговле и товарах, которые следовало продавать и покупать на ярмарке, он вообще не упоминал.

И всё время, лёжа в постели, он ждал вестей из залива. Какой они взяли курс, то ли вдоль побережья на запад, то ли прямо на север, к острову Фуллё. Он начал потеть от своего лечения кипятком, обмяк, потерял аппетит, ещё больше исхудал, но голова у него работала как прежде.

— Ещё немного, — сказал он Эдеварту, — и мы получим вести от наших рыбаков. У Йоакима лёгкая рука, я рад, что отправил его туда. Если даже он загородит не больше двух-трёх тысяч мер сельди,

впрочем, не буду преувеличивать, скажем, пятьсот или даже двести, то и тогда это будет благодать Божья для каждого рыбака. Сколько их вышло-то? Эдеварт не знал.

— А когда они вышли?

Эдеварт и этого не знал, надо подумать.

— Ну ты вообще ничего не знаешь.

Эдеварт грузно сидел рядом и отнюдь не был согласен с Августом, а у того поднялась температура, и товарищ его раздражал. Презрительно фыркнув, он сказал без обиняков:

— Я смотрю, у тебя дела куда хуже, чем у меня, потому что ты проворонил всю свою жизнь. Может, ты, по крайней мере, знаешь, не было ли в округе новых случаев грабежа?

— Что-то я не слышал. Они, верно, ещё не доели быка и живут не тужат.

— Темень у тебя внутри, вот что я скажу. Почему в тебе не горит тот свет, какой есть во мне? Скоро появится сельдь и всё такое прочее.

— А тебе почём знать?

Не иначе это была великая тайна Августа, поэтому он просто сказал, что знает и всё тут. Может, всё дело было в том, что он часто спрашивал о направлении ветра и штормах в Атлантике, может, его уверенность и основывалась на этих скудных сведениях. Август всегда полагался на чудо, и чем скорее оно произойдёт, тем лучше. О нет, он не любил ничего случайного, такого, что может получиться так, а может и эдак, не говоря уже о чём-то неопределённом, о рядовом случае. У него всё было известно наперёд. Есть дело, надо его выполнить. — Скоро придёт сельдь, а пока дай мне мои капли.

Эдеварт не отвечает, он уходит к себе в комнату.

Август:

— Ты что, оглох? Капли-то вроде бы мои.

— В бухту вошла лодка, — говорит Эдеварт.

— Лодка?

— А в ней трое. И лодка-то Родерика!

— А что я говорил! — восклицает Август. — Грузёная?

— Доверху!

— Вот так! — кричит Август. — Я как раз ждал их не сегодня-завтра!

Эдеварт продолжал докладывать:

— Похоже, там сидит кто-то из тех, что с неводом... Народ спешит к лодочным сараям.

Август, вслед за ним:

— Заперли, заперли, а что я говорил!

Эдеварт обернулся, мгновение помешкал, потом без долгих слов схватил приятеля и отнёс его обратно в постель.

Август:

— Я только хотел плянуть!

Эдеварт, возвращаясь к окну:

— Нельзя же так, ты совсем потный!

— Не твоё дело! — вопит Август, внезапно разъярившись. — Какое ты имеешь отношение к этой лодке? Это я послал их забрасывать невод.

Эдеварт, спокойно:

— У лодочных сараев полно женщин. А вот и Ане Мария спускается со своими приёмышами.

— Заткнись! — ярится Август. — А лодка что, так и не швартуется?

— Уже пришвартовалась. В ней Каролус и оба почтаря.

Оказалось, что лодка пришла с сельдью, и в Поллене была великая радость и великое ликование. Но привезла она сельдь не из загороди, а пойманную сетью, стало быть, лучше сортом, роскошная такая сельдь, жирная, отборный товар.

А невод они и не ставили, тут Август ошибся, это старый Каролус закупил груз сельди и тем спас Поллен. Он по-прежнему расхаживал с полным кошельком и забрался за четыре прихода отсюда, к северу, там людей кормило море, а деньги пока ещё не утратили своей ценности, там он и закупил у рыбаков весь их дневной улов и выложил за него большие деньги. Старый Каролус снова оказался на высоте, ещё никогда он не пребывал в лучшем настроении. Когда рыбаки принялись набивать цену, Каролус сказал: «О деньгах речь не идёт, мне надо погрузить улов. И ежели Каролус из Поллена вам ещё не знаком, пляньте, вот он перед вами». Этими словами он настолько поразил рыбаков, что они начали говорить ему «вы» и «капитан», Каролус выглядел в их глазах поистине волшебником. «Помоги нам Господь, до чего же богат должен быть этот человек!» — твердили они.

Жизнь в селении сразу наладилась, небо над Полленом просветлело, у детей, женщин и мужчин снова появилась еда, они ели сельдь и запивали её водой, полленцы окрепли и начали жить по-новому. После того как Родерик и его отец несколько дней были заняты только едой, они снова начали возить почту к пароходному причалу и обратно, по дороге в церковь снова можно было увидеть людей, и никто больше не предавался разрушительному разгулу. И ещё заметная перемена: люди подняли голову, начали улыбаться, и пение псалмов у ручья прекратилось. Единственным человеком, который был всё так же обращён к Богу и хранил в себе страх Божий, оставалась Рагна, Теодорова жена, в ней словно что-то надломилось. Люди качали головой, глядя на неё, и все как один находили, что она явно перебарщивает.

Августа конечно же глубоко огорчало, что Поллен спасла не загородь в заливе. Но что стряслось с Йоакимом, почему он не запер косяк? В залив вошла сельдь, тут он не мог ошибиться, просто найти её никто не сумел. Когда он прознал, где находится артель с неводом, то телеграммой посоветовал им искать подальше к северу, обойти вокруг острова Сенья, туда и обратно. Эдеварту он сказал:

— Понимаешь, надо бы мне самому идти с ними, а я тут валяюсь больной! И всё же ни одна лодка, гружённая сельдью, не пришла бы в Нижний Поллен, не догадайся я послать их с неводом. Просто диву даёшься, как много надо времени, чтобы выздороветь. Я не то чтобы жалуюсь, жаловаться — это не по-христиански, но никогда ещё время не тянулось для меня так долго.

Несколько дней спустя произошло событие, которое Август счёл знамением, адресованным ему лично: почтовая лодка пришла с зерном. Не сказать, чтобы так уж много было зерна, но, как ни крути, двенадцать мешков она привезла, а на пристани дожидалась ещё дюжина мешков с картошкой. Когда Август получил это известие, глаза его засияли бледной голубизной от радости и умиления.

— Вот тебе и ответ на телеграмму к амтману, — сказал он Эдеварту, — я ведь знал, что это поможет.

— А чего ты ему написал? — спросил Эдеварт.

— А я написал, что если нам и сейчас не помогут, то я отправлю телеграмму самому королю. И отправил бы, не побоялся!

Вот теперь в Поллене была еда для всех ртов, было зерно из Гульдалена, из Тотена, картошка с Хедемарка и от озера Мьёса, зерно смололи, а картошку подмешали к муке, чтобы вышло побольше. Вот только хлеб, выпеченный из этой смеси, имел скверный обычай плесневеть, хотя и не терял вкуса, покуда оставался свежим, он был даже более сытным, чем городской хлеб, а вдобавок избавлял от расходов на мясо. Не потому, что мяса не было, нет и нет, раз была сельдь, было, так сказать, и мясо. Каролус самолично ходил из дома в дом, выяснял, как обстоят дела, и задолго до того, как сельдь подошла к концу, он, изрядно наполнив свой кошелек, снова отправился на закупку сельди. Ему это доставляло удовольствие.

Да, жить в Поллене и впрямь стало отрадно.

Даже болящий скиталец становился всё крепче и бодрей, хоть и не слишком быстро. Трудно было отрицать, что время, когда он наконец-то вполне выздоровеет, снова встанет на ноги и начнёт верховодить в селении, приближалось очень медленно. Он честно и смиренно лежал в постели день за днём; те шесть месяцев, которые доктор наложил на него в виде домашнего ареста, быстро подходили к концу, от них оставалось так мало, что при других обстоятельствах он пренебрёг бы этим остатком, а теперь вот исправно долеживал, не проявляя ни малейших поползновений нарушить предписание. Зато он с большой охотой рассуждал на религиозные темы и твердил, что считает себя великим грешником; в один прекрасный день он даже признался, что совершил несколько убийств. Да-да, так и сказал: несколько убийств. Эдеварт заметил: «Ты ж говорил, что никого не убивал». Август: «Ну и что? Говорил, потому что боялся. Я не смел признаться в этом, я был слишком болен и слишком близок к смерти. Откуда тебе это знать? Ты ведь куда лучше меня, ты никогда не сделал ничего дурного. Я и так рассказал тебе слишком много. Сейчас другое дело, сейчас, когда настали светлые дни и я понимаю, что смерть мне не грозит, я расхрабрился. Кстати, а почему ты думаешь, что убить кого-нибудь так уж страшно? Разве лучше, чтоб убили тебя?»

Подобные высказывания свидетельствовали о том, что вера Августа в Бога начала ослабевать, да и смерти он почти перестал бояться. Теперь он без прежнего волнения рисовал себе ужасы того света.

Впрочем, Август и теперь не считал, что выздоровел полностью.

— Ты ничего не слышал про миссис Эндрюс? — спросил он как-то у Эдеварта.

— Нет.

— А ты не думаешь, что для тебя было бы лучше, окажись она здесь?

— Как это «здесь», когда она в Америке?

— Не понимаю, как ты можешь обходиться без неё, — сказал Август.

— Почему не понимаешь?

— Нет, уж лучше я помолчу. Больной человек вообще не должен так много говорить, прости, Господи, мои грехи.

Август лежит и молча разглядывает свои руки, ласково поглаживая их и сплетая пальцы.

— Чёрт знает, сколько времени требуется, чтобы снова встать на ноги, — в двадцатый раз повторяет он. — Я вот чего думаю: а что, если мне прочесть молитву?

— Молитву?

— Эта мысль только что пришла мне в голову, когда я лежал сложив руки. Но навряд ли это мне что-нибудь даст.

— Навряд ли, — соглашается Эдеварт.

— Вот и я говорю, чтобы в молитве был прок, надо пойти к католическому священнику, получить у него отпущение за все прошлые грехи и начать жизнь сначала. Вот в этом есть прок. Они имеют великую силу перед Богом, эти люди, я в этом сам убедился. А ты, стало быть, не тоскуешь по миссис Эндрюс? Просто диву даёшься, когда поглядишь, как рассуждают некоторые люди. Эх, был бы я на твоём месте!

Эдеварт молчит.

Не получив ответа, Август начинает злиться, к нему снова вернулось привычное легкомыслие, сейчас он расположен потолковать о греховных радостях.

— Я прекрасно тебя понимаю, Эдеварт! — вдруг восклицает он. — Если вдуматься, ты совсем перестал быть человеком, того и гляди помрёшь! Раз я так говорю, можешь мне поверить. Каким ты был в своё время сумасбродом, а теперь-то, теперь-то погляди на себя — овца овцой.

Но поскольку даже этот выпад не заставил Эдеварта разомкнуть уста, Август сообщил, что давным-давно выздоровел бы, если б с Эдевартом можно было поговорить. И пусть теперь он убирается на все четыре стороны, нужды в нём больше нет. Об этом и речи быть не могло. Эдеварт никуда не ушёл. Он был человек солидный, верный и преданный, он поговорил с Поулине, и оба решили, что надо терпеть. Они уже знают, что этот больной может встать, выйти из дому в непогоду, на холодный ветер, ещё не успев оправиться от болезни. Вдобавок Эдеварту следовало неусыпно следить, чтобы безумный пациент не принимал по собственному разумению огромные дозы капель. Поулине сказала: «Вы только поглядите, как он изображает из себя ухаря, которому всё нипочём». Короче, стало ясно, что Поулине стремится укротить Августа, одолеть его, хотя и непонятно, с какой именно целью.

Итак, она пришла к Августу и сказала:

— Ну, как ты себя чувствуешь? Между прочим, тебе опять письмо.

— Заграничное?

— Нет, по-моему, ещё одно письмо от цементной фабрики.

— Ну положи его вот сюда. Значит, мы получили цемент.

— Я думаю, они пишут, что хотели бы получить деньги.

— Деньги? — переспросил Август с довольным видом. — А ну-ка вскрой его и посмотри, чего они хотят. Так-так. А ты, Эдеварт, достань мой бумажник.

Взяв бумажник, он начал рыться в нём, перебирая разные бумаги и пёстрые лотерейные билеты со множеством цифр.

— А ты чего разулыбалась? — вдруг спросил он у Поулине.

— А как ты думаешь? — ответила она вопросом на вопрос.

Август:

— Вот если б на этой цементной фабрике хоть что-нибудь понимали в иностранных деньгах, то я бы послал им всего лишь одну из этих бумажек, и они были бы рады-радехоньки. Но сейчас придётся тебе, Поулине, оплатить цемент. Сколько надо-то? Глянь в письмо, сколько они хотят. Ничего страшного, я заплачу по счёту.

Поулине не стала особенно сопротивляться, она сказала, что и сама может оплатить цемент. Но при этом добавила, что тогда от его акций почти ничего не останется.

— Каких таких акций?

— Банковских, каких же ещё!

Август не мог не улыбнуться её святой простоте и поглядел на неё с большой симпатией, словно на свою невесту.

Поулине, желая объяснить:

— Счёт на очень много денег.

— Так ведь и цемента очень много, — сказал Август.

— Верно, — согласилась Поулине, — но, если ты оплатишь весь этот цемент, от твоих акций вообще ничего не останется. Вот что я хотела сказать.

Август:

— Господи, Поулине, радость моя, я ведь вложил в эту фабрику пять тысяч крон.

— Да, ты вложил пять тысяч крон, они так и лежат, никуда не делись.

— Пять тысяч крон от Оттесена, хозяина невода, на строительство фабрики рыбной муки! — рявкнул Август.

— Верно, — сказала Поулине, — но это был взнос, а из взносов я не выплачу ни кроны.

Август больше не смотрит на неё с симпатией. Он её просто не понимает. Её странная фраза остаётся загадкой для него.

— Значит, ты не заплатишь из взносов? — спрашивает он кротко.

— Не заплачу, — говорит она решительно. — Люди, которые внесли деньги в банк, должны иметь возможность получить их обратно и не потерять при этом ни единого шиллинга.

— Ха-ха-ха! — хохочет Август. — В жизни не слышал ничего более забавного. По-твоему, лучше платить из акционерного капитала, лишь бы ничего не потерять?

— Да, — кивает Поулине.

— Вот оно что! — устало говорит Август. — Раз так, оплати счёт моими акциями.

— Тогда у тебя ничего не останется, — говорит Поулине, вроде как с глубоким сочувствием.

Август, ошарашенно:

— Ты, случайно, не обсчиталась?

— Вот уж не думаю. Впрочем, можешь прийти сам и всё пересчитать.

— Если память мне не изменяет, у меня пятьдесят акций, не так ли? — спрашивает он.

Поулине:

— Даже больше, у тебя их шестьдесят. Пятьдесят, которые сначала числились за Эдевартом, и десять твоих собственных.

— Точно, я совсем забыл про свои десять. Видишь, дорогая Поулине, оно и получается шесть тысяч крон. Неужто я истратил так много за такой короткий срок?

— Похоже на то, — отвечает Поулине. — Ты, верно, и сам помнишь, как швырял деньги направо и налево? Я знаю по меньшей мере трёх человек, которым ты помог обзавестись домом. А может, их было и больше.

— Наглая ложь! — взрывается Август.

— А Родерик? А Николай? А человек из Флатена, уж и не ведаю, как его зовут.

— Есть о чём говорить, — откликается Август. — Какие-то жалкие несколько сотен. Да там и тысячи не наберётся!

Поулине продолжает:

— А сколько ты потратил, когда ездил на юг?

Август, смеясь:

— Ещё что?

— А ещё ты покупаешь быков.

— Быков? Нет, тебя и впрямь занесло. Один-единственный бык, — говорит Август пренебрежительно. — Вот поглядела бы ты на сотни тысяч быков и коров, которые были у меня в стране под названием Перу! А однажды мне довелось пасти аж два миллиона быков. Было это в Австралии. Там я не делал ни единого шага пешком, а знай себе разъезжал верхом по всяким делам, в моём распоряжении были десятки лошадей, седла в серебре...

— Молчал бы ты лучше, — говорит Поулине.

— Молчать? А ты приходишь ко мне и заводишь разговор про одного-единственного быка!

— Ну конечно, для тебя это пустяк! — ехидно соглашается она. — Но тут уж всё одно к одному! А кроме того, есть ещё такое, что хуже всех бед, вместе взятых. Ты знаешь, про что я говорю?

— Нет, — весело отвечает Август, — но мне сдаётся, что я купил в твоей лавке слишком много коринки.

Поулине, вполне серьёзно:

— Нет, просто ты поручился за слишком много ненадёжных займов.

Август задумывается. Хмурит брови и задумывается.

— Н-да, — говорит он, — вполне возможно, об этом я как-то и не подумал. Мне что, надо за них платить?

— А ты сам как считаешь? Ведь ты же отвечаешь за них.

Август задумывается ещё плубже, мрачнеет, потом лицо его снова оживляется, и он говорит:

— Да плевать я хотел на эту ответственность!

— Смотри, как бы потом плакать не пришлось! — отвечает Поулине.

— Я — и плакать? Ну уж ты скажешь!

По мере того как Август шёл на поправку, его всё трудней было удержать в постели, неуёмная жажда деятельности не давала ему покоя; он требовал, чтоб ему позволили одеться и сесть, хотя стены у него в комнате были щелястые и от дверей, как и от стен, тянуло сквозняком. Таким манером он подцепил насморк и нещадно чертыхался по поводу очередной болезни, не переставая, однако, строить всё новые и новые планы. Организацию аптеки и ярмарки в Поллене он отодвинул на более позднее время, а вот фабрикой готов был заняться хоть сейчас. И Август пожелал узнать, что думают об этом Эдеварт и Поулине.

Ну, Эдеварт не возражал против фабрики, но цемент лежал тем временем у пароходной пристани, и как прикажете доставить его на место без самой большой шхуны в Поллене, той, что ушла с неводом?

Для Августа это было плёвое дело — он решил незамедлительно отозвать шхуну от берегов острова Сенья.

Поулине фыркнула:

— Много о себе думаешь, Август. Неужели ты решил, что шхуну можно гонять туда и сюда? Ты бы хоть команду спросил.

— Нечего и спрашивать, — отвечал Август, — когда они вышли в море с моим неводом.

— А разве они не откупили его у тебя давным-давно?

— Откупить-то откупили, но до сих пор не выложили за него ни единого эре.

— Разве что так... — сказала Поулине, сдаваясь. И впрямь дьявольски трудно переговорить этого человека, этого сумасброда, он всегда сумеет выкрутиться. У неё есть, конечно, старший брат, но он только стоит рядом да слушает, как Август справляется с ней, и Йоаким в отъезде, а в одиночку с этим хвастуном ей не сладить. А что, если привлечь на свою сторону Ездру? О, Ездра был сильный мужик, он мог верёвки вить из этого хвастуна, Поулине прямо видела, как он это делает.

Желая выиграть время, она сказала:

— Что ни говори, но фабрика должна подождать, пока ты не встанешь окончательно на ноги.

— Встану, встану — сказал он, — но до того, как мы начнём стройку, мне надо ещё много чего проверить. Ты, Эдеварт, возьми за бока Теодора, чтобы он отнёс две телеграммы: первая — чтобы шхуна с неводом немедля вернулась, а вторая — чтобы заказать стройматериалы. — Он огляделся по сторонам с победоносным видом: — Ты всё ещё сомневаешься, Поулине, что я знаю своё дело?

Поулине кислым голосом ответила, что она вообще не думает о том, что он знает и чего нет, пусть даже и не надеется. Но она хочет ему посоветовать не слишком суетиться. Разве у него есть деньги, чтобы достроить фабрику?

Сколько хочешь. Во-первых, пять тысяч в банке, а потом мы фабрику акционируем. И банк подпишется, и управа тоже, он съездит на юг и посмотрит, не поддержит ли их правление округа, он и сам приобретёт изрядную долю акций...

— Стоп, Август, не спеши! Твоё счастье, что ты в это веришь, но ни один из тех, кого ты назвал, не пожелает купить твои акции!

— Ты только послушай, Эдеварт, выходит, и я сам тоже не куплю?

— Ну, пожелать ты, может, и пожелаешь, — заметила Поулине, — но вот смочь не сможешь.

Неужели даже столь весомый удар не заставил его призадуматься? Какое там! Конечно, он получил такую оплеуху, что даже голова у него поникла, но он не стал скрежетать зубами, а, напротив, промолвил с подчёркнутым дружелюбием:

— Сдаётся мне, Поулине, ты ни разу не задумывалась над тем, что я могу, а чего нет.

Но Поулине в своём ожесточении продолжала наносить удары один за другим: например, она поставила здоровенный знак вопроса против цифры «пять тысяч». Может ли он ими распорядиться? Нет, дорогой мой Август, это ещё неизвестно. Всё зависит от того, за сколько ссуд, полученных разными людьми, ему придётся отвечать. Так что не спеши, Август!

— Ну ладно! — Услышав такие слова, Август выпрямился, к нему вернулось присутствие духа, и он сказал с превеликой беззаботностью: — Ну ладно, но раз такое дело, тогда и староста Йоаким, и Каролус, и все остальные должны возместить мне мою долю расходов на невод. Вот и деньги появятся!

Поулине:

— Я смотрю, ты хочешь пустить на ветер каждый грош, который зарабатываешь, чтоб тебе самому ничего не осталось. Ты, случайно, не спятил?

— Не люблю держать деньги в сундуке! На кой мне они?

— Ну, к примеру, чтоб было на что похоронить по-христиански!

За эти несколько дней Август почти выздоровел, стал, как и прежде, общительным и дерзким, плевать он хотел на христианство, поэтому он надменно отвечает Поулине:

— Я не собираюсь ложиться в землю, я хочу, чтоб меня сожгли.

Поулине в ужасе ловит ртом воздух. Ей доводилось слышать, как Йоаким читал в своих газетах о сжигании покойников и о множестве других безбожных выдумок. Эта мысль вызывает у неё содрогание, она и думать не желает про людей, которые губят таким образом свою бессмертную душу.

— Тебе этого не понять, — говорит Август, — а я это знаю по Индии, там покойников сжигают, но индусы не становятся от того менее блаженными.

Поулине обращается к старшему брату:

— Просто стыд и срам слушать такие речи! Можно подумать, что он сам приехал из Индии!

— Отчего ж, можно и подумать, — откликается Август. — Я приехал и оттуда, и отсюда, я приехал из всех мест, которые есть на земле, и таким останусь. А что до Индии, то я и там побывал, меня отлично знает и Великий Могол, и все его принцессы, можешь не

сомневаться! У меня до сих пор стоят десять, а то и все шестнадцать чемоданов и сундуков во дворце, и ключи от них у меня!

— Помолчал бы ты, Август! — в полном отчаянии восклицает она, чуть не плача от беспомощности и гнева. — Ну что ты за человек, если можешь так врать?! Вот что я хотела бы тебя спросить! Или ты не человек, а злой дух, про которого мы читали, как он вселился в стадо свиней. Но теперь я хочу каждому, кто придёт ко мне, выплатить его деньги, которые он пожелает получить за свои акции. Уж можешь мне поверить! А когда я выплачу всем до единого, не останется никаких акций и никакого банка. Ты понял? Никакого банка. Я разорю тебя дотла за твои дурацкие речи и за комедию, которую ты тут с нами разыгрываешь. Можешь тогда жить за счёт селения, меня это больше не касается. Тебе наверняка придётся жить за его счёт, но я из-за этого плакать не стану, с какой стати, и не надейся даже!

Поулине бежит прочь, она растеряна и возмущена, на лице у неё какое-то дикое выражение, и вообще она не похожа на себя. Дверь так и остаётся стоять настезь.

— Совсем спятила, — говорит Август. Однако немного погодя он просит Эдеварта сходить и посмотреть, не случилось ли с ней чего.

XIX

Удача — больше, чем можно было ожидать, и больше, чем заслужено: на пути от Сеньи домой рыбаки заперли косяк. Не такой уж и большой, но, учитывая тяжёлые времена, очень даже ничего, словом — удача. Рыбаки как раз обошли Фуглё и взяли курс на Поллен, когда это произошло. И они вернулись, потому что их словно окликнула сзади стая чаек, которые громко кричали и кружились в воздухе.

Вот так нежданно-негаданно может прийти счастье.

Радостная весть долетела до Поллена уже вечером, принесла в дома счастье и веселье, настроение у людей заметно улучшилось, миновали невзгоды, снова надвигалась пора великого процветания. Новая загородь — сельдь и деньги! Даже Теодорова Рагна перестала рассуждать о божественном и опять начала выходить на люди в пальто, хотя погода стояла тёплая и дело повернуло на весну.

Впрочем, бедная Рагна, возможно, потому и куталась в пальто, чтобы скрыть от людей, как она отощала.

Август весь раздувался от гордости: «Ну, что я вам говорил?! Есть же сельдь в море!» Он разослал повсюду телеграммы и оповестил о запертом косяке, одно время он ниже вынашивал смелый план: сбывать сельдь в те дальние страны, где его знают. Прознав, однако, до чего мал этот косяк, решительно не стоивший того, чтобы поднимать такой шум, он тем не менее не растерялся, и вот по какой причине: оно и хорошо, что заперли так мало, большой косяк потребовал бы много лодок, и строительство фабрики отошло бы на задний план. Именно потому, что он вынашивал не одну идею, а превеликое множество, можно было с лёгкостью заменить ту, которая рухнула, на другую, более реальную.

Конечно, не обошлось без некоторых трений с владельцами судов, приехавшими скупать улов: Йоаким ничего не пожелал продавать, а Йоаким, надо сказать, был не просто хозяином невода, но и старостой, он не потерял голову от везения, напротив, он отлично помнил, какая нужда царит в родном селении, помнил он и разбойничьи выходы некоторых полленцев, он поставил загородь ради общины, ради Поллена. Против этого трудно было возразить, но покупатели, созванные телеграммой Августа, чувствовали себя одураченными.

— Зря ты отправлял им телеграмму, у меня теперь нелады с этими парнями, — сказал ему Йоаким.

Август готов был сам с ними объясниться.

— Пошли их ко мне, — сказал он.

Они пришли оба. Это оказались старые знакомые: банковские акционеры — хозяин невода Иверсен, который вышел в плавание со своим снаряжением, но запереть ничего не сумел, а потому и решил скупить чужой улов, а второй, тоже старый знакомец, был Людер Мильде, хозяин яхты «Роза», который вообще пришёл с грузом пустых бочек, для засолки, значит. Хозяин самого роскошного дома в Поллене, Габриэльсен, тоже присоединился к ним, просто так, за компанию, а те двое с места в карьер начали жаловаться, что их провели и с чего это Август дал телеграмму о большом улове, когда там и всего-то есть, что на ближайшие несколько дней.

Да, согласился Август, не по его, Августа, воле им не достанется сельди. Господи, Боже ты мой, он слишком долго пребывал во мраке, а

потому и предался теперь необузданной радости при виде добрых друзей и знакомцев. Им следует узнать, через какие испытания он прошёл, он вообще теперь обратился к Богу.

Но Иверсен с жаром спросил Августа, какого чёрта тот телеграфировал о большом улове?

Так об том-то и речь, что он, Август, ударился в религию. Не в его обычае привирать и говорить больше, чем есть на самом деле, такого греха за ним нет, но не кажется ли им, что Божья милость, спасающая Поллен, очень велика? Да-да, милость Божья была велика, милость, а не улов. Вот что он, собственно, имел в виду.

— Какой вздор! — вскричал Иверсен и нахмурился.

— Так оно и есть, — согласился Август, он и сам понял, что наговорил много вздору, а потому умолк. Не приучен он был стесняться, когда говорил неправду.

— А как же вы собираетесь с нами расплачиваться? — спросил Иверсен, набравшись духу.

В беседу вступил Людер Мильде и повёл благоразумную речь.

Дело в том, что для них это вовсе не пустяк — на собственный страх и риск проделать такое дальнейшее путешествие, связанное с большими расходами, так вот, не думает ли Август хоть как-то возместить им убытки?

— Отчего ж, — важно ответил Август.

Иверсен, с прежней горячностью:

— Потому как и сомневаться нечего, что, имея на руках эту телеграмму...

Мильде:

— Ну зачем ты так, Иверсен, ведь Август согласен.

Август и впрямь согласен, он больше не уповает на Божью милость и доброту, он снова стоит на твёрдой земле, где чувствует себя уверенно и привычно.

— А ну, Эдеварт, принеси-ка сюда мой бумажник.

И он показывает им пёстрые бумаги и какие-то лотерейные билеты с печатями, штемпелями и многозначными числами.

— А нам-то это к чему? — спрашивают они.

— Вам они и впрямь ни к чему, — соглашается Август.

В заграничных ценных бумагах они совсем не разбирались. Он попросил дать ему некоторое время, чтобы окончательно выздороветь,

а потом съездить к югу, в Тронхейм, и поменять свои бумаги в Норвежском банке.

Иверсен и Мильде начали прикидывать, что можно считать достойным возмещением за этот дурацкий вызов. Август тем временем разошёлся как встарь и всё говорил и говорил без умолку. Пусть на каждого будет по сто крон, и он переведёт им эти деньги, как только обменяет свои бумаги. Они без особой охоты согласились.

Но коль скоро они приехали сюда, говорит Иверсен, хорошо бы уж заодно разобраться с этим банком, в который вложены и их деньги.

— С банком? Ха-ха-ха, — смеётся Август. Да он, Август, в жизни не знал более достойного учреждения, его просто ни с чем нельзя сравнить. И он начал разглагольствовать о больших стадах, о серебряных рудниках, о знаменитой пещере в стране, что зовётся Боливия, — ведь вам, капитан Мильде, известна эта страна?

Нет и нет, шкипер Людере Мильде никогда не ходил ни в какие другие страны, кроме как на север Норвегии, в Вест-фьорд. Молодой он ещё.

Так вот, насчёт боливийской пещеры. У президента Боливии был там свой банк. Ах, какая жалость, что они не знают иностранных языков, он, Август, мог бы им кое-что прочесть. А ещё он хочет сказать, что Полленский сберегательный банк преуспевает как серебряный рудник и не менее надёжен, чем любой банк в пещере. Благословенные Богом господа, да этому банку скоро будет принадлежать весь Поллен. Ну само собой, он не желает читать лекции такому богатому и знатному человеку, как Габриэльсен, хозяину самого лучшего дома к северу от Будё. А вы, случайно, не бывали у него в коридоре и не глядели сквозь цветные стёкла, доставленные из самой Индии? Не упустите такой возможности.

Габриэльсен, который до тех пор не раскрывал рта, вдруг спросил:

— А нельзя ли прямо сейчас получить хоть что-то от наших акций, немного Ausbeute, как это называют немцы?

— Отчего ж нельзя? — Август совершенно согласен с ним. — Мы как раз недавно обсуждали этот вопрос.

— А разве не полагается созвать общее собрание акционеров?

И это тоже совершенно верно. Но он, Август, провалялся несколько месяцев на смертном одре, а за это время ничего ровным

счётом не было сделано. Он не мог даже заняться собственными делами в других странах, из-за чего и потерял десятки тысяч. Впрочем, надо радоваться хотя бы тому, что он остался жив.

Ну и как думает Август, сколько процентов они могли бы получить?

Август, деловито и без раздумий:

— Вы сами можете прикинуть, сколько может заработать банк за первый год своего существования в таком селении, как Поллен. Домов и прочей недвижимости у банка, конечно, хватает, но чтобы деньги... Да и у кого они есть? Ну, немного у вас, Габриэльсен, да ещё у старого Каролуса, ну у Поулине и таких, как она... Но чтобы деньги вообще... Денег нет и не будет, пока фабрику не доведут до ума, чтоб она начала работать. А вот тогда вы посмотрите! Да, кстати, вы не хотели бы купить акции фабрики по производству рыбной муки?

— Вот уж нет... К сожалению, средства не позволяют...

— Вам и не позволяют?! — Августу просто смешно это слышать. Все трое — состоятельные люди: уголья, земля, шхуны, кошельковые неводы, банковские акции... и ещё много всякой всячины!

— А что это за фабрика такая? — спросил Людер Мильде, который был молодой и потому любопытный.

— Я же сказал, фабрика по производству рыбной муки. В Поллене будет своя промышленность. Ведь только промышленность может приносить деньги. Покойник Оттесен, так тот в своё время по первому же слову приобрёл акций на пятнадцать тысяч...

— На пятнадцать тысяч?! — восклицает хозяин шхуны Иверсен.

— А разве не на пятнадцать? Их было так много, что я уж и не помню точно. Но вы хорошо знаете, что Оттесен был человек сведущий, во всём хорошо разбирался, и если уж он соглашался в чём-то участвовать...

Они сказали, что подумают, и с тем направились к выходу.

— Подумайте, подумайте! И не мешкая известите меня, сколько акций вы желаете приобрести. Эдеварт, ты не попросишь Поулине как можно скорей прийти сюда?

Вошла Поулине.

Глядя ей прямо в глаза, Август сказал:

— У меня такой вопрос: не принесёшь ли ты двести норвежских крон, которые я задолжал этим господам?

Поулине только собралась резко отказать ему, как Людер Мильде сказал, что насчёт денег — это вообще не к спеху.

— Да, я знаю, — промолвил Август, — вы не из тех людей, которых подпирает нужда. Но мне не нравится должать какие-то кроны и эре, тем более что у Фуглё я поставил невод, который запер косяк сельди. Уж с этого-то я наверняка поимею несколько тысяч.

Словом, Поулине получила своё! Она тотчас ушла и вернулась, принеся деньги, право же, она вернулась с деньгами.

— Большое тебе спасибо, Поулине, — сказал Август, снова чувствуя себя начальником, который знает, что делает, после чего продолжил, обратясь к своим собеседникам: — Я связан по рукам и ногам, пока не выздоровею окончательно и не смогу съездить в Норвежский банк. Но до тех пор Поулине предоставляет мне кредит в норвежской валюте.

— Что ты этим хочешь сказать? — процедила сквозь зубы Поулине и добавила: — Лично мне об этом ничего не известно.

Август подмигнул гостям, пусть, мол, они воспримут её выпад как обычную шутку и посмеются вместе с ним. Поулине в ярости покинула комнату.

А шкиперы сидели, каждый с большой красной ассигнацией в руках, и чувствовали некоторое смущение. Они вовсе не требовали, чтобы им срочно вернули деньги, право же, не требовали. Но зато они не могли не признать, что им ещё никогда не доводилось видеть столь чёткую и незамедлительную выплату наличными. Никаких попыток уклониться! А ты слышал, Иверсен, что Август выторговал десять крон?

Иверсен не унимался:

— Я своими ушами слышал, как он приказал заплатить!

— Дело есть дело! — изрёк Август. После чего с превеликой охотой принялся наставлять всех троих, желая залучить их в свои сети, и наставлять таким тоном, словно он старый друг их семей. Август не возносился в небеса, нет, он обрёл твердую почву под ногами, он был начеку и преподносил им одну выдумку за другой, сообщал им цифры и расчёты — чудеса дрессировки, перлы бесстыдного обмана, — но при всём при том оставался искренним в своих замыслах. Да, да, он оставался искренним, ибо верил в свою высокую миссию, ибо лгал от чистого сердца — и для их же пользы.

Он сидел на своём стуле, хворый, изолгавшийся, — символ времени и прогресса.

— Фабрика вот-вот начнёт работать, — говорил он. — У пароходной пристани лежат мешки с оплаченным цементом, осталось только привезти их сюда. Участок под застройку не будет ничего стоить, мы возьмём его поближе к морю, чтобы он спускался по крутому берегу и заходил на глубоководье, тогда суда смогут приставать прямо к фабрике. Как только мы выведем стены, к нам пришлют машины точно по заказу. Я не считаю себя профаном в этом деле, мне уже доводилось строить и фабрики, и мельницы, а Эдеварт, вот он, сидит с нами, строил в Америке даже церкви и корабельные причалы.

Эдеварт поднимается с места, тяжёло шагая, уходит в свою комнату и начинает смотреть в окно. Спина у него сгорбилась, но, когда он поднимает голову, ему удаётся поглядеть через верхние стёкла, такой он вырос высокий, Эдеварт, старший брат.

А остальные продолжают свой разговор. Август уже сроднился с идеей строительства фабрики: первый, кто приобретёт акции, станет и первым, кому выдадут льготные акции. Первичный взнос не так уж и страшен: сначала десять процентов, а остальное — по мере надобности. Всё подсчитано до последнего: фабрика будет перерабатывать сельдь и давать шесть и девять десятых процентов дохода.

— Шесть и девять десятых?! — восклицает Иверсен.

— Ну, это если будет сельдь, — говорит Габриэльсен. — Чего-то она не заглядывает к нам в бухту.

Август с улыбкой:

— Не заглядывает? Да есть же в море сельдь, вы только поглядите на Фуглё. Я прямо так и сказал ребятам: выходите в море и ставьте загородь, хоть большую, хоть малую. Так они и сделали.

Людер Мильде:

— Если дело обстоит, как ты говоришь, тогда акций должно быть на несколько тысяч, а у меня, между прочим, нет денег и на первый взнос. А у тебя как, Иверсен?

— Да так же, — только и говорит Иверсен.

Впрочем, Август знает выход из положения; он хочет подсобить им с первым взносом, делая вид будто они оказывают ему услугу.

Дело в том, что эта фабрика давно уже занимала его мысли и он стремился как можно быстрее приступить к её строительству. Не могли бы двое из них сходить морем до пристани и привезти сюда цемент? Один — на яхте, другой — на своей большой шхуне, чтоб сразу забрать весь груз? За это каждый из них получит ещё по сто крон.

Ловушка немедля захлопнулась. Ведь в конце-то концов это всего лишь небольшая ходка, из-за неё они ничего не прозевают, а заработать заработают. Удивительный человек этот Август, вот сумел же он и здесь найти выход.

И тут Август нанёс завершающий удар.

Он бы и не торопился и не посылал бы их так спешно, когда бы вся полленская община и нурланнская управа не ждали с великим нетерпением, когда поступят в продажу акции. И если эти крупные заказчики опередят остальных, то о бесплатных акциях для простых людей можно будет забыть. А это немало значит.

Какие такие бесплатные акции?

— Акции, которые человек получает в подарок, просто личный подарок, вот и подумайте об этом.

После таких слов они и поставили свои подписи, все трое поставили. Да и как же иначе? Получилось так, что они пришли требовать возмещения расходов, а в результате сами же остались должны крупную сумму. Двое были с Вестеролена, имели там по небольшой усадьбе каждый, а при ней по четыре коровы и лошади. Третий же, Габриэльсен, был из торгового сословия и подписался как новосёл Поллена. У него был роскошный дом и кошелекковый невод, но, в отличие от главы банка Роландсена, он ничего не задолжал банку. Зато он был должен в лавке у Поулине — и немало. Перед тем как уйти, он сказал с беззаботной улыбкой:

— Я, собственно говоря, пришёл, чтобы расплатиться с Поулине, а теперь мои денежки тью-тью.

— Ну, там, где вы их взяли, ещё немало осталось, — сказал Август и тем весьма ему польстил.

Наконец-то Август смог облегчённо вздохнуть. Не то чтобы он сделал такое уж великое дело, но фабрике это принесло дополнительные шесть тысяч, и он был вполне доволен собой.

— Большой помощи от тебя не было, — сказал он Эдеварту, когда они остались вдвоём. — Ты даже кивать не кивал. Или может, всё-таки кивал?

Эдеварт не отвечает.

— Я уж чувствую, что-то не по тебе, в глубине души ты, верно, сердисься. Может, потому, что речи мои недостаточно правдивы для такого богобоязненного господина и отца семейства, как ты! Между прочим, я буду очень рад, если ты мне ответишь.

Эдеварт молчит.

Возможно, Август ждал слов признательности, ждал похвалы, но никто не пожелал разделить его радость, и потому он пришёл в ярость:

— Может, объяснишь мне, что я сделал не так? Разве я не должен был всё растолковать, чтобы убедить их? Ты, верно, думаешь, я не верил во всё то, что говорил им? Нет, уж этого греха я на душу не взял. Господь глядит мне в сердце и видит, что я не так уж очерствел. Ладно, как бы то ни было, теперь у нас есть деньги, чтобы построить фабрику.

Наконец Август перестал взывать к своему другу, отвернулся и умолк.

Тут Эдеварт вдруг отверз уста и произнёс слова, которые накопились у него в груди:

— Да, Август, у тебя и впрямь есть воля к жизни!

И он был прав: Август сохранил прежнюю волю к жизни. Здоровье у него с каждым днём становилось всё лучше и лучше, и в один прекрасный день он надел две куртки, одну поверх другой, и снова вышел в привольный мир. Поулине украдкой поглядела на него, когда он проходил мимо.

Земля ещё не успела как следует оттаять, а он уже приставил к работе людей и лошадей: мешал цемент с камнями и песком, огромным количеством камней и песка, так что все только диву давались; настелил площадку, замерил её, считал, пересчитывал, отливал бетонные блоки, давал им подсохнуть, а потом опускал в море, чтобы положить их в основание стены. Можно было залюбоваться, до чего быстро всё продвигалось, впрочем, и народу на строительстве было изрядно. Эдеварт — за начальника, почтарь Родерик — его правая рука. А уж над ними над всеми стоял Август,

хотя он и сам был усердным строителем, первым прыгал в воду, когда следовало поставить на место бетонный блок. Словом, теперь он стал таким, каким был прежде.

Тем временем прошло несколько недель, по субботам Август платил людям за работу и за лошадей, причём платил охотно — пока у него были деньги, а когда артель с неводом вернулась с Фуглё, он взял изрядный куш в общинной кассе, чтобы заплатить и артели. Всё, что он только мог наскрести, ушло на выплаты.

Зато с оплатой самого невода дело не заладилось. Каролус свою долю выплатил, староста Йоаким тоже, но остальные совладельцы уклонялись. Что тут оставалось делать? Август начал испытывать острую нужду в деньгах, он уже зашёл довольно далеко, несущие стены теперь даже во время прилива поднимались над уровнем воды, но фундамент следовало укрепить ещё и стальными балками, а между ними поставить связку из трёх железных балок сечением в три восьмых дюйма — всё уже привезли, вот только платить нечем. И Август с горя пошёл к Каролусу.

Поход его оказался не напрасным. Каролус, как человек чести и в душе матадор, пообещал выкупить все неоплаченные доли невода; было бы стыдно, если бы он, располагающий достаточными средствами, вдруг уклонился.

— Пошли, — сказал он Августу, — поговорим с Поулине.

Предстоял разговор с Поулине, но Поулине с недоверием относилась к строящейся фабрике, а потому сказала:

— Я была бы очень рада, надумай такой человек, как ты, потратить свои деньги более разумно.

— Это как так? — спросил Каролус.

— И я могу сказать тебе это прямо в лицо!

— Августу нужны деньги для строительства, это его собственные деньги за невод, что ж тут дурного?

Поулине, с ожесточением:

— Ты разве сам не видишь, что он доработается до смерти? Он прыгает в воду среди бела дня и кладёт камни в эту драгоценную стену, а вечером, промокнув насквозь, возвращается домой, с него течёт, и, когда он садится за стол, под ногами у него разливается целое озеро!

— Ты что, совсем глупый? — спрашивает Каролус у Августа отеческим тоном.

— Да, вот такой он у нас здоровый и вообще незаменимый человек!

Август, кротко:

— Но теперь мы вывели стены выше уровня моря, и никто больше мокнуть не будет. Уж поверьте мне!

— Каролус, ты только послушай, что он говорит! Думаешь, он не станет больше кривляться и дурачиться? Было бы лучше, если б ты помог ему убраться подальше отсюда, не то он загонит себя до смерти. Весь день насквозь мокрый, словно возводит святые стены Соломонова Храма. Мне-то в общем наплевать, но просто зло берёт, когда на всё это смотришь.

Каролус не может с ней не согласиться, он говорит:

— Пообещай мне не разгуливать в мокром виде, обещаешь?

— Обещаю, — отвечает Август, он вынужден подчиняться, ведь ему нужны деньги.

— И это ещё не всё! — неумолимо продолжает Поулине. — Он угрожает в эту стройку всё, что у него есть. Говоришь, собственные деньги? Как бы не так! Он зарабатывает где только может, и всё уходит на эти стены! Поистине это цена крови, потому что он с мясом отрывает эти деньги от себя, и у него не остаётся даже такой малости, чтобы купить себе рубашку.

— Ты что, совсем глупый? — снова спрашивает Каролус.

— Ерунда всё это! — отвечает Август и достаёт свой бумажник. — Просто Поулине не понимает, что мне надо съездить в Норвежский банк с ценными бумагами.

— Врёт он всё! — вырывается у Поулине.

— А ну, дайте мне посмотреть! — говорит Каролус и начинает изучать Августовы бумаги со множеством печатей и цифр. Большие числа производят на него впечатление, и побеждённый Каролус говорит: — Ну, Поулине, веди себя разумно, я не могу прочесть ни одной из этих бумаг, а стало быть, ему нужно съездить с ними в Норвежский банк, в Тронхейм. Вряд ли такие бумаги примут к оплате в Будё.

— Ну, что же — говорит Поулине, — пусть он едет в Тронхейм и закончит эту историю.

Август:

— Будь у меня время, я бы поехал прямо сегодня.

— А времени у него нет, — поясняет Каролус и покачивает головой. — Значит, так, Поулине, только будь, пожалуйста, поговорчивей: ты выдаёшь мне из банка столько, сколько нужно Августу. И нечего больше об этом говорить. Потому что я не желаю находиться в одной компании с людьми, которые несправедливо к нему относятся...

С помощью этих денег Август оплатил счета за железо и сталь, а заодно заказал гофрированную жель для большой крыши. Но денег опять оказалось недостаточно для выплаты еженедельного жалованья. Август пытался нажать на Габриэльсена и вырвать у него очередной взнос за акции, Габриэльсен в свою очередь обратился за помощью к родственникам-торговцам и принёс от них несколько сотен.

— Спасибо! — сказал Август. — Но этого мало.

Он понимал, что через короткое время снова останется без денег, и отбил телеграмму акционерам в Вестеролен — Людери Мильде и Иверсену, хозяину невода. Ни ответа, ни привета. Ещё одна телеграмма, и наконец пришло письмо от них обоих, где они сообщали, что денег у них нет. Август схватился за голову и отправил третью телеграмму, на сей раз уже с угрозой, в ответ же ему сообщили, что они никоим образом не могут продать своих коров на подходе лета, когда скотина сама находит себе корм и даёт много молока. Ну и положение! Какое, скажите на милость, дело Августу до коров и молочных продуктов? Деньги! Нужны деньги!

Он пошёл к Поулине и потребовал, чтобы ему выдали пять тысяч крон хозяина невода Оттесена, которые были вложены в банк с вполне конкретной целью: строительство фабрики. Поулине в ответ решила созвать совет из жестокосердных и несговорчивых людей, пусть, мол, они обсудят это дело. На совет пришли глава банка Роландсен, Каролус, Поулине ну и, наконец, сам Август. Роландсен отыскал в протоколах запись, где говорилось, что пять тысяч Оттесена, а то и больше необходимо сохранить для покрытия многочисленных поручительств Августа. По сути, Августу было бы всё равно, доведись ему сейчас получить наличные. А так он сел на мель. Поулине вела себя крайне несговорчиво, а бедный Роландсен со своими изуродованными ногтями сидел и поддакивал, потому что сам

задолжал и в лавке, и в банке. Мелочное хозяйство, ограниченный подход, то ли дело в Мексике или на Суматре, где всё поставлено на широкую ногу...

— Тебе сколько надо? — спросил Каролус.

— Шестьсот крон, — ответил Август, — просто чтобы обернуться, пока я поменяю свои бумаги.

Шестьсот — это очень немного, можно сказать, вообще ничего, но Август не посмел назвать большую сумму. Да и то Поулине удалось сбить её до половины. Словом, Август вышел из банка, имея при себе всего лишь жалкую недельную выплату.

Он попытал счастья и в других местах, позаимствовал деньги у Эдеварта, а когда всё израсходовал, то посулил своим рабочим вскорости расплатиться. Так он перебивался из недели в неделю, а сам всё строил фабрику. Четыре стены поднимались кверху, свидетельствуя о нескончаемых усилиях.

А тем временем наступила пора дождей, весенние дожди лили не переставая, работу пришлось приостановить. Август хватался за голову, видя такое промедление. Так прошла бесконечная неделя, а за ней снова появилось солнце, задул ветер с востока, и Август снова кликнул строителей. Новые трудности: люди хоть и пришли на зов, но за неделю безделья они совсем разболтались и больше не желали работать под честное слово. «У вас что, есть другая работа?» — спрашивал Август. Другой работы у них, правда, не было, но вообще-то они не могли себе позволить работать в кредит. «Неужто вы может просто так слоняться без дела?» — спросил у них Август.

Словом, на строительстве осталось лишь два человека, он да Эдеварт. Когда почтарь Родерик бывал дома, он тоже приходил к ним. Тогда их становилось трое. Дюйм за дюймом росли стены, друзья уже добрались до чердака, где тоже следовало положить стальные балки и настелить пол, но тут снова зарядили дожди, и Августу пришлось умерить свой пыл.

В эту пору он много бродил по окрестностям, бродил, размышлял, беседовал сам с собой и охотно навещался в лавку. Поулине не без ехидства заметила, что теперь он может воспользоваться благоприятной возможностью и съездить наконец в Норвежский банк. Август сделал вид, будто размышляет над её предложением, потом, однако, отрицательно помотал головой и

сказал, что не рискует оставлять стройку, когда она в таком состоянии. «Ты, никак, боишься, что мы растащим твою фабрику, пока ты будешь ездить?» Он отвернулся и промолчал. Что такое — неужели он плачет? Поулине в мгновение ока сменила гнев на милость, в волнении она прижала руки к груди. Возможно ли, чтобы Август стоял и плакал? Уж верно, он попал в жестокие тиски, а вдруг у него и денег-то нет, чтобы съездить в Тронхейм...

— Я могу дать тебе денег на дорогу, — сказала она.

— Да, — отвечал он, не поднимая глаз, — можешь дать мне те три сотни, которые ты вычла из Каролусовых денег.

Бедняга, вероятно, сказал так, чтобы не выпядеть уж очень жалко. Она открыла большой сейф, достала оттуда купюры и выложила их на стол. Теперь они лежали на столе.

Август обернулся, взял деньги и сказал:

— Большое тебе спасибо, Поулине, я всегда знал, что ты человек разумный. У меня сейчас тяжёлое положение. Не могут три человека положить тяжёлые балки, нас требуется по крайней мере шестеро.

Он подошёл к двери. Совсем не похоже, что этот самый человек недавно плакал.

В тот же день, после полудня, Поулине увидела на строительстве шесть человек. Они поднимали здоровенные стальные балки и делали перекрытие на втором этаже. Ни дождь, ни ветер им не мешали.

Вечером Поулине сказала Августу:

— Теперь ты израсходуешь и дорожные деньги на свою стройку?

— Нет, откуда ты это взяла? — отвечал он. — Просто я должен был положить эти балки, а их всё равно когда укладывать — в дождь или в ведро. Нет и нет, Поулине, ты глубоко ошибаешься. На дорогу мне хватит и ещё останется.

Но балки, и связки, и настил, и тысяча других мелочей заняли так много времени, так много, что непогода вновь закончилась и засияло солнце. Что тут оставалось делать, кроме как отложить поездку в Норвежский банк и продолжать строительство вшестером до тех пор, пока не кончатся деньги?

А деньги и впрямь кончились, и трое рабочих ушли восвояси. На стройке остались только Эдеварт, Родерик и Август, но даже им пришлось сделать передышку из-за непогоды.

Это была, можно сказать, благословенная непогода, дождь, который смыл и унёс все остатки снега и разморозил все скованные льдом ручьи. Но для Августа это было время, за которое предстояло очень много сделать, словом, малоприятное.

Он был не просто перелетной птицей и авантюристом, у него случались и серьёзные периоды жизни. Скажем, он не всегда был надёжным человеком. Пусть так, но зато был вполне бескорыстным, работающим как муравей, хоть у него далеко не всё получалось, тощий, нетребовательный и проворный, как мало кто из них. А мог ли хоть один сравниться с ним, когда речь шла о том, чтобы сдвинуть какое-нибудь дело с мёртвой точки? Ненадёжный? Тут уж ничего не скажешь, было у него такое свойство, впрочем, вполне естественное, ведь не мог же человек, который так много обещает, всегда, денно и нощно, держать слово и выполнять свои обещания.

Возьмём, к примеру, ту же фабрику рыбной муки. Фабрика — вещь, несомненно, полезная, спорить с этим никто бы не стал, но в строительстве этой фабрики он был совершенно одинок. Прибыли для крыши листы оцинкованного железа, было куда как приятно поднимать эти листы и с грохотом ронять их. Но ему по-прежнему требовалось превеликое количество всяких других вещей: окна и двери, фронтоны, балки, водосточные трубы, мешки и бочки для готовой продукции, тачки, лебедка со стороны моря, цепи для лебёдки, — словом, ещё много чего недоставало. К примеру, мельницы для производства муки. Идём дальше: чем приводить в движение мельницу, руками, что ли? И речи быть не может. Значит, у него есть уголь либо электричество? Ни того, ни другого. Тогда, может, у него есть собственный водопад? И водопада нет!

— Нет! — воскликнул Август, обращаясь к себе самому, когда бродил и предавался размышлениям. — Но подождите! Ведь придут же когда-нибудь люди, придут толпами и купят акции!

Во всяком случае, он не желал, чтобы над ним подшучивали, ни у хозяина невода Иверсена, ни у Людера Мильде из Вестеролена даже мысли такой не должно было появиться. Дело есть дело. Он вызвал обоих акционеров. Он решил хоть раз в жизни показать им зубы.

Потому что это последнее ненастье привело его в ярость, сбило его с пути, не давало продвигаться вперёд. Разве он это заслужил? Всего бы лучше надеть шапку набекрень да засвистеть песенку! В него начинал проникать весенний дух, он расцветал. Эдеварт не без удивления наблюдал, как Август прочистил свою пенковую трубку и отправился на прогулку с тросточкой, как речи его становились всё более легкомысленными — плевать и хотел на вас на всех! Полленская молодёжь — ну и престранный же это народ: пыл в них угас уже к тридцати годам, взгляните только на Эдеварта Андреасена! А вот он, Август, хотя и лил дождь, начистил ботинки, отряхнул щёткой свою одежду; он прихорашивался, он расчесал волосы и бороду, он начал из чистого важничанья ложиться спать после обеда, словно знатный барин, которому нужен отдых. Эдеварт смотрел на него с великим удивлением — подумать только: Август спит после обеда!

— Так и надо делать, я к этому привык, когда был начальником на серебряных копиях, — пояснял Август. — А вообще-то не грех бы и тебе почистить ботинки, Эдеварт! Ты когда-нибудь видел, чтобы я ходил свинья свиньёй, а я ведь много старше тебя.

Так оно и есть — в Августа проник весенний дух, и он прихорашивался, как только мог. Он не мог долго пребывать в скорби, не важно из-за чего. Солидности в нём, конечно, не было, это правда, и чувства ответственности тоже, зато и никакой тяжести. Он был такой же лёгкий, как бывают лёгкими деньги, механика, торговля, промышленность и вообще любое развитие.

Как ни странно, но именно дождливая погода и безденежье развязали ему руки. Август опять стал беззаботным, он забыл то, что обещал доктору, и по ночам где-то шатался и принохивался. Возвращаясь на рассвете домой, он выглядел как мокрая ворона. Этот скоморох и бродяга без малого пятидесяти лет от роду вовсе не был счастливым, и не так уж много радостей жизни выпало на его долю; по его же словам, ему вечно что-то мешало. Разве он это заслужил? Единственное, что ему доставалось, — это рискованная удача матроса и бродяги.

Эдеварт ни слова не говорил по поводу его ночных походов, но Августа самого слишком занимали его дела, чтобы он мог промолчать.

— Ну, слышал ли ты что-нибудь про миссис Эндрюс? — спрашивал он.

— Нет.

— Она небось живёт одна?

— Я не ответил ей на три письма, — сказал Эдеварт, как бы желая оправдать жену. — Видно, я сам виноват!

— Вот будь я на твоём месте!..

— Как-то не получилось у меня ответить, — продолжал Эдеварт, — а теперь уже вроде и незачем.

Август:

— Тогда немедленно отправь ей телеграмму!

Эдеварт промолчал.

— Вот если б ты отправил ей тогда телеграмму, она бы давно была здесь.

Эдеварт:

— Уж и не знаю. Может, её просто не хотят здесь видеть.

— Этого ещё не хватало! — высокомерно промолвил Август. — Она твоя законная жена, а других это не должно касаться.

Эдеварт хочет переменить тему, он выглядывает в окно и бормочет:

— А погода вроде стала лучше.

— Не понимаю, как ты можешь обходиться без неё, — замечает Август.

— Да тут и говорить не о чем.

— То есть как это не о чем? Разве ты не женатый человек и всё такое прочее? Что до меня, то здесь всё по-другому. Мне много не надо, я люблю, когда можно подурачиться либо наделать кой-каких глупостей; по вечерам я выхожу из дому и порой бросаю камешек в чьё-нибудь окошко. Иногда из окошка выглядывает личико, чтобы поглядеть, кто это там, но дальше дело не заходит, однако если я подхожу поближе, то вижу: она стоит и придерживает дверь рукой. Но дело вовсе не в том, да и она мне без надобности. Я как-то вечером наведалься в Нижний Поллен. Там есть место, где я бывал в прежние дни, но теперь... Ты, верно, и сам туда наведываешься?

— Нет!

— Ну, стало быть, ты умер. Вы скоро все здесь вымерете до единого, и в Нижнем Поллене все вымерли. И Теодорова Рагна тоже.

— Ты её видел? — спрашивает Эдеварт.

— Ещё бы не видел! Но она стала глупая и какая-то неживая. Вот я и ушёл прочь.

Нет и нет, он явно потерпел неудачу у Теодоровой Рагны и даже не пытался скрыть это, он рассказал о своём визите и от злости не упустил всё, что можно о ней сказать худого. Ему хотелось предостеречь друга, оградить его от этой женщины, стереть саму память о ней. Почему это произошло? Возможно, она ещё не до конца оставила свою набожность, а возможно, посчитала старого холостяка смешным и не пожелала иметь с ним дело. Он, правда, разошёлся тогда вовсю и поведал ей множество презанятных историй о своей жизни среди цветных, но её это ничуть не увлекало, она лишь спросила, какой веры были эти цветные, христиане или язычники? Опять эта её набожность. Тогда он выдернул стилет из своей трости и показал ей, как сражался однажды с этим стилетом за себя и за свою даму, которая его любила. Но маленькая Рагна просто плядела на него, не удостоив даже улыбки. А ведь раньше у неё был такой красивый рот, когда она улыбалась! Нет и нет, она стала глупая и неживая. Тогда он принялся разговаривать со своей тростью, поглаживать её, говорить, что она — его спасительница и посох Божий в случае опасности, что он никогда с ней не расстанется и вообще в своё время эта трость принадлежала некоему Наполеону...

— Наполеону? — переспросила она, словно очнувшись. Ну, подумал он про себя, наконец-то рыбка заплотнула наживку. Но тут выяснилось, что слово «Наполеон» просто связано у Рагны с детским воспоминанием, она сказала: — Я однажды видела в шарманке фигурку, которую звали Наполеон. И это было так красиво. С тех пор прошло много-много лет, я была тогда совсем маленькая, помню ещё, как я потеряла в снегу блестящую пуговицу.

Ну конечно же Август не мог ей много поведать о Наполеоне и тем растопить её сердце. Он взял её за подбородок, она стряхнула его руку, он пощекотал её — но нет, она была словно мёртвая. Тут он устал от своих усилий расшевелить её, ему сделалось скучно, и он сказал ей: «До свиданья». — «До свиданья!» — ответила Рагна.

— Нескладная она какая-то, — завершил своё повествование Август. — Так что не думай больше о ней.

Товарищ ответил:

— А я о ней вообще не думаю.

Вернулась хорошая погода, но Август больше не ходил на стройку. Ему теперь хотелось бродить, и дурачиться, и выставять себя на потеху. В воскресенье, когда народ возвращался из церкви, ему принесли письмо из Верхнего Поллена. Увидев, что штемпель на письме не заграничный, он равнодушно сунул его в карман. Лично он всё воскресенье дурачился, побывал у портного, играл там в жмурки, молодёжь посмеивалась над ним, изо всех сил толкала его на стены, а завершил он свой поход в Нижнем Поллене, где нынче были танцы и где он, как обычно, хотел покрасоваться, но молодые девушки не желали с ним танцевать. Наверно, потому, что тоже были неживые. Вернувшись домой, он тотчас лёг в самом скверном расположении духа.

Утром Эдеварт завёл речь о стройке: мол, не пора ли им взяться за работу. Август отвечал, что готов послать к чертям всё это строительство. Какая уж тут работа, когда на весь большой дом три человека. И вообще ему здесь всё надоело. Вот он, к примеру, побывал ночью в Нижнем Поллене, и там было хорошее гулянье с танцами и с молодёжью, но его, Августа, все эти люди не ставили ни в грош. Как Эдеварт может это объяснить? Нет и нет, такому человеку, как он, здесь делать нечего, кругом лишь бедность и нищета, девушки выпрашивали у него каждый шиллинг для шарманщика. «Вот погляди! — И Август вывернул карманы. — Ни единого эре!» При этом он обнаружил в одном из карманов письмо и бросил его на стол.

Эдеварт:

— Ты что, получил письмо?

Ему это письмо дали люди, которые шли из церкви. Привет шиллингам, истраченным на шарманщика. Такому человеку, как он, нет дела до шиллингов, об этом он даже и говорить не желает. Но может, люди захотят купить акции фабрики? Он вообще перестал их понимать, людей-то. А вот Эдеварт их понимает? И девушек, этих бедняжек, всех скопом? Да он мог бы каждой закупить платьев и повесить каждой на шею золотую цепочку, но разве хоть одна пожелала с ним танцевать? Они его, видите ли, называли дедушкой! Да они бы уморились танцевать со мной, но я слишком стар для них.

— И тебя это огорчает? — спросил Эдеварт.

— Слишком стар! — продолжал Август. — Это не я слишком стар, это они сами такие. Доходит до того, что даже Ане Мария не понимает, когда её хотят пощекотать, только кричит «отстань!» и вздрагивает.

Он что же, и с Ане Марией поговорил?

— Да, я говорил с ней, мы с ней так хорошо побеседовали. Но и она ничуть не лучше остальных. Она заполучила этих двух приёмшей, любит теперь только их, а больше ей ничего не нужно. Тьфу! До чего ж она стала плупая и старая!

Эдеварт:

— А от кого у тебя письмо?

— Вот уж не знаю. Нет, Эдеварт, не пойду я на стройку, наверняка опять зарядит дождь. Лучше полежать в постели.

— Ты всё ж посмотрел бы, от кого это письмо.

— Ну, из Верхнего Поллена. Пишут и пишут и всё никак не уймутся. Верно, насчёт налогов.

— А может, кто-нибудь там хочет купить акции? — предполагает Эдеварт.

— Ты думаешь?! — восклицает Август и вскрывает письмо. — От доктора, — бормочет он и хмурит лоб. — Пишет, чтоб я немедленно пришёл к нему. И на кой я ему понадобился?

— Может, он прослышал, что ты гуляешь по ночам?

— А ему какое дело? У меня всё в порядке, и я плевать хотел на докторов.

— А разве он не пригрозил, что вывесит какое-то объявление? — спрашивает Эдеварт.

Август, задумчиво:

— Да, пригрозил. Но ведь не станет же он... Ты как думаешь?

Август явно перепугался и решил посоветоваться с другом, как в те времена, когда лежал больной. Храбрый на свой лад, порой даже отчаянный, смелый до дерзости в делах, но несолидный и неуравновешенный, он был, по сути, робок и суеверен. Он сразу съёжился, ослабел, начал что-то жалобно бормотать, словом, ему была нужна поддержка.

— Я сейчас прямиком отправлюсь к нему, — сказал он.

— Вот и хорошо, — ответил Эдеварт.

— Да, так что я хотел сказать? У тебя никаких дел нет в Верхнем Поллене?

— Я и так могу пойти с тобой.

Август, приободрившись:

— Вот и славно! Не то чтобы я боялся доктора, я просто хочу ему сказать, чтоб он не слишком заносился.

Верхний Поллен.

Они уговорились, что Эдеварт будет держаться где-нибудь поблизости, покуда друг уладит свои дела с доктором. «Я там не задержусь», — сказал Август.

Вошёл он с чёрного хода. Дома ли доктор? На редкость привлекательная девушка Эстер, но он слишком занят сейчас своим делом, чтобы отдать должное её красоте, а потому всего лишь передаёт приветы из дому и сообщает, что мать и все остальные поживают хорошо.

— Входи, — говорит доктор, появившись в дверях.

Август входит с улыбкой, здоровается, он настолько, до смешного, пронизан страхом, он такой жалкий, но вдруг, в мгновение ока, его страх сменяется наглостью, причём он говорит так, чтобы Эстер его слышала:

— Хорошо, что я получил письмо от господина доктора, надеюсь, это означает, что господин доктор хочет приобрести несколько акций моей фабрики.

Они вдвоём в комнате.

Доктор смотрит на него и хмурит лоб:

— Акции? Вот уж не думаю.

После чего он без перехода начинает говорить о скитаниях Августа по Поллену. Да, его все видели, он нарушил своё обещание, а срок ещё не кончился, вот поглядите, мой дорогой, объявление-то уже готово, осталось только повесить его.

На подбородке у доктора рана, совсем свежая и красная, она полукруглой формы, словно после укуса.

Август не считает себя виновным, он спрашивает, кто мог так позорно оклеветать его, кто это мог быть? Он не выходил из дверей своего дома, погода в Поллене была ненастная, дождь лил днём и ночью две недели подряд, а господин доктор сам знает, что Август лежал при смерти и принимал капли. И надо сказать, капли эти

просто чудодейственные, словно он с этими каплями по ложечке вливал в себя новую жизнь...

Всё так. Но едва он смог подняться с постели, как тут же отправился на поиски развлечений — это с его-то здоровьем!

Интересно, что господин доктор имеет в виду? Август, конечно, не станет отрицать, что в свои молодые годы был гуляка хоть куда, первый номер в любой компании, и в Америке, и в тропиках он трудился не покладая рук...

Доктор, нетерпеливо:

— Я имею в виду, что ты встал с постели, и гонялся за всеми юбками, и не сдержал своё слово!.. Тебя вполне можно засадить за такое поведение!

Август, находчиво:

— Там ждёт меня Эдеварт Андреасен. Прикажете позвать его?

— Это ещё зачем?

— Он из породы людей богобоязненных, он и сам на редкость благочестив. Мы живём с ним сейчас в одном доме, и он знает, что я больше не общаюсь с женщинами. Довольно с меня — в моём-то возрасте! А коли прикажете, я готов ждать и шесть лет, прежде чем отправиться на танцы. У меня бывали задачи и потруднее. А извините за любопытство: это уж не собака ли вас укусила?

Доктор ещё сильнее хмурит лоб, толкует что-то про долг и ответственность, про опасность и несчастье. В конце концов, человек в таком возрасте может и оставить глупости...

— Да, шестьдесят годков! — говорит Август себе самому и покачивает головой.

Доктор листает свои записи:

— Ну, здесь есть небольшое преувеличение, впрочем, это не так уж и важно. И старый вертопрах должен зарубить себе на носу, что за это полагается штраф, если человек, как вот ты сейчас, пренебрегает докторским запретом.

В ответ длинная тирада Августа.

Ему и в голову никогда не приходило... это ж надо! Он просто никогда ещё не жил столь безгрешно, как нынче... А вообще-то на улице его ждёт Эдеварт Андреасен.

Доктор отказывается слушать этого свидетеля и в свою очередь спрашивает:

— Разве тебе пойдёт на пользу, если в эту тайну будет посвящено много людей?

На редкость милый человек этот доктор, он желает добра своим пациентам, Август явно растроган и благодарит, он подаёт доктору руку, он обещает...

— А что толку в твоих обещаниях?

Август:

— Не прогневайтесь, если я задам такой вопрос: верит ли господин доктор в Святое причастие?

Доктор глядит на него непонимающим взглядом.

Если да, тогда он, Август, пойдёт к причастию и принесёт клятву сдержать своё обещание.

Доктор обводит глазами стены и потолок, он несколько смущён.

— Делай как знаешь.

— Вы, значит, не верите? Вот и я тоже.

— Верю, не верю — всё это не играет роли. Просто человек должен быть хозяином своего слова.

— Точно! И все, кто меня знают, знают также, что, если я что-то пообещал, значит, так оно и будет.

Доктор понимает, что ему ничего не остаётся, кроме как удовлетвориться новым обещанием.

— Попробую ещё раз тебе поверить, — говорит он.

Август снова растроган.

Господи, до чего ж славный человек этот доктор! Разве он уже при самой первой их встрече не доказал свою доброту? «Эх ты, бедняга!» — помнится, сказал он Августу. Потом между ними установились вполне доверительные отношения, они шутили, доктор смеялся и явно получал удовольствие от общения с моряком. Единственным предметом несогласия между ними было время, некий срок, из которого доктор не желал уступить ни одного дня. Интересно, а нельзя ли продать этому человеку акции?

Август делает первый заход:

— После того как господин доктор так великодушно обошёлся со мной, не пожелает ли он купить акции моей фабрики?

— Нет, — отвечает доктор, мотая головой. — Что это вообще за выдумка — акции?

— Ведь вы покупали у меня осенью ёлочки. И это принесло мне удачу, потому что торговля пошла куда быстрее.

— Ну, то ёлочки, — недовольным голосом отвечает доктор.

— Нет, нет, я понимаю, — сдаётся Август, — этого и требовать нельзя, право слово, нельзя. — У Августа делается несчастный и подавленный вид.

— Чего ради ты вечно занимаешься такими делами? — спрашивает доктор.

— Ну, — отвечает Август, — просто никто больше не желает этим заниматься. Разве нам не надо идти в ногу со временем, развивать торговлю и промышленность, строить фабрики и тем зарабатывать деньги, как это делается всюду? И всего-то разговору о парочке акций.

— Нет, уж лучше попроси меня о чём-нибудь другом; акции и всё такое прочее — это не для меня. Надеюсь, мы не поссоримся из-за этого. Я бы против тебя ничего не имел, если б меня не пугала мысль, что ты вот так везде разгуливаешь.

Август, уклончиво:

— Вам больше нечего бояться!

— Ну и пройдоха же ты, просто не верится, что ты в твоём возрасте... Тебе хоть спасибо за это скажут?

Август с готовностью отвечает на этот вопрос: о его возрасте речь сейчас вообще не идёт, он поставил себе целью помогать людям всюду, где бы он ни очутился, и тому подобное.

Доктор благосклонно внимает его речам и время от времени кивает. Но разговор уходит всё дальше и дальше от акций.

Август хитёр, как сатана, он всё прикинул и всё сказал, для него все средства хороши: рана на подбородке у доктора вполне могла быть от зубов, крепких, белых зубов, которые привыкли грызть древесный уголь. Может, эту рану нанесли в пылу борьбы, может, кто-то пустил в ход зубы?

Августу становится жаль этого симпатичного человека, которому не повезло в схватке. Когда б его самого не ввергали так много раз, вынуждая к постыдному отступлению... Он хочет сделать кое-что, хочет помочь... И Август говорит:

— Нет, нормальный человек не мог так укунить доктора! Не то уж я сказал бы пару ласковых этому человеку!

Доктору ужасно неудобно, он встаёт, Август продолжает сидеть с невинным видом. Он не понимает, что ему надо уходить, или, напротив, слишком хорошо понимает.

— Как я уже сказал, — бормочет доктор, — нам, может, вовсе и не понадобится это объявление. Кстати, у тебя не так уж и много осталось недель. Но я настаиваю, чтобы этот срок ты выдержал неукоснительно, таково требование моего старого, известного профессора. Ты можешь выйти здесь. — И с этими словами он распахивает перед Августом парадную дверь.

Август медленно поднимается с места:

— Я лучше пройду через кухню, если вы не возражаете. Хочу перекинуться парой слов с Эстер. Она ведь тоже из Поллена, мы хорошо знаем друг друга, и я должен передать ей приветы от семьи.

— Как пожелаешь, — говорит доктор. Потом он вдруг задумывается, смотрит в пол, моргает. — Да, так что у тебя с этими акциями? И что за фабрику ты хочешь построить?

— Фабрику рыбной муки. Это нам сейчас нужней всего, потому что она намелет нам много денег. Благослови вас Господь, ведь уже до последнего шиллинга подсчитано, что она будет приносить сто девяносто восемь процентов дохода. В общем, решайте сами.

— Выходит, купить эти акции — великая удача?

— Таковы были и последние слова Оттесена, владельца невода, прежде чем он покинул этот свет. Он взял акций на пятнадцать тысяч.

Ну, таких денег у доктора не водится.

— Сколько стоят твои акции?

— Пятьсот крон. А фабрика уже построена, осталось только подвести её под крышу, но крышу мы настелем скоро, нас всё время работает шесть человек.

Доктор отходит к окну, бросает взгляд в зеркало, трогает рану на подбородке и говорит:

— Это ж надо, какой лишай ко мне прицепился, зуд прямо как при чесотке. — Потом, отвернувшись от зеркала, произносит: — Ну ладно, поверю тебе, возьму акцию.

— Вот и прекрасно! — восклицает Август и, видя, как доктор отсчитывает красные купюры, умолкает. Наличными вносится вся сумма.

— Жаль, — говорит доктор, — у меня всего четыреста крон.

Август:

— Это ничего не значит, равным счётом ничего.

Доктор задумывается, садится к столу и быстро что-то пишет.

— Ступай с этой запиской к купцу, он мне одолжит для тебя сто крон.

Словом, всё получилось так, что лучше и не надо.

Август проходит через кухню, ему хочется пошутить с Эстер, но он не желает попусту тратить время, да и доктора не хочет сердить. Он во весь голос хвалит доктора.

— Надо же, купил акцию, словно это какой-то пустяк. А как вообще дела? — спрашивает он. — Того и гляди, между тобой и доктором дело сладится.

Эстер, со смехом:

— Это ж надо придумать такую глупость!

— В Поллене ходят такие разговоры. Но, прости меня, Господи, до чего ж у тебя красивые зубы! Я стою и просто люблюсь, когда ты смеёшься. Но мне очень бы не хотелось, чтобы такие зубки меня укусили.

Лицо Эстер заливает румянец, и она торопливо оборачивается к плите, словно там у неё что-то выкипает.

— Ну, — говорит Август на прощанье, — твоим-то передать привет?

— Да, — отвечает она, — а ещё скажи всем, чтоб не болтали про меня что попало.

Она стоит перед ним молодая, красивая, милая. И никаких изъянов, вот и зубы у неё отличные.

Август выходит к Эдеварту и тотчас принимается рассказывать о встрече с доктором:

— Одну акцию он взял. Я уступил её за полцены, потому что он сразу расплатился. А теперь пошли к здешнему купцу с запиской.

— А с объявлением как дела? — любопытствует Эдеварт.

— А про него он даже и не говорил.

Они направляются к купцу. Август передал записку и получил деньги. Завязывается разговор, причём у Августа и в мыслях нет скрывать от этого человека свои планы насчёт фабрики, не такой уж он недотёпа.

— Вот поглядите, доктор тот сразу же купил акцию, вам бы тоже следовало так поступить.

— Да, я слышан, что вы строите фабрику, но больше я об этом ничего не знаю.

— Фабрика рыбной муки. Хватит уже кормить скотину селёдкой.

— Да, вы теперь у себя в заливе станете важными господами, нам в Верхнем Поллене и думать нечего с вами тягаться. А по какой цене идут эти акции?

— Пятьсот, если сразу наличными.

Купец отнюдь не лишается дара речи, когда слышит про такую сумму. Вот и у них в Верхнем Поллене деньги в голодную пору утратили свою ценность, за них ничего нельзя было купить, они вышли из употребления, и к ним теперь не относились с прежним уважением. Уж наверняка у купца лежали где-нибудь припасённые красные купюры, а потому он с превеликой охотой дал доктору одну из них займы и не менее охотно приобрёл бы несколько акций. А почему, собственно, и нет?

Они потолковали о деле, Август доложил все расчёты, рассказал о том, что здание уже почти готово, фабрика принесёт сказочный доход.

— А если сельди не будет?

Это почему же не будет, вымерла она, что ли? Или море обезрыбело? Вот и в Поллене говорили то же самое, и тогда он, Август, послал артель со своим неводом, и они заперли косяк у Фуглэ.

Купец вполне мог взять одну акцию, для него это важности не составляет...

Август покидал Верхний Поллен с чувством исполненного долга.

— Вот погляди, — сказал он Эдеварту, — сейчас ты получишь обратно те деньги, которые я брал у тебя займы.

И бродячая жизнь Августа вдруг разом закончилась. С жаром он вновь набросился на работу: оштукатурил до самого верху фабричные стены, осталось только поставить стропила и сделать крышу.

Но тут случилась заминка: стропила прибыли, их выгрузили у паровой пристани, но произошло это в высшей степени оскорбительным способом — их прислали наложенным платежом. Август не смог выкупить товар, и Эдеварту ещё раз пришлось давать Августу займы те самые деньги, которые тот ему только что вернул.

Интересно, как это всё следовало понимать? Может, заведение, торговавшее строительным материалом, усомнилось в его финансовых возможностях? Пылая гневом, он самолично съездил на пристань и спросил, в чём дело? Что это всё значит, чем Август плох? Пусть они не слишком-то заносятся, эти лесоторговцы, он видывал на своём веку леса в тысячи квадратных миль, мало того, у него был и собственный лесок на Аляске, в несколько сот миль. Можете отправить груз обратно в Намсен.

Тогда они спросили его, не всё ли ему равно, заплатить сейчас или позже? Или сейчас он не может?

— Это я-то не могу, сопляки вы эдакие! — И он достал из кармана свой бумажник и помахал перед их носом заграничными ценными бумагами. — Да я могу скупить пятьсот раз всю эту жалкую лесоторговлю и при этом не стану банкротом. Можете отправлять свой груз обратно!

Интересно, а чем это он махал? Похоже на лотерейные билеты. А настоящих норвежских денег у него нет?

— Ну, ребята, есть и настоящие, вот пляньте-ка! Но всё равно, можете отправлять груз обратно, я уже сказал вам!

— Почему же? Давайте поговорим спокойно.

Они небось боятся потерять проценты! И ещё спрашивают почему! Да потому, что Август не привык, чтобы какая-нибудь наглая лесоторговля, в какой бы части света она ни находилась, обращалась с ним подобным образом. Он никогда с этим не смирится. Да и то сказать, цена совершенно безбожная!

Они все вместе проверили счета; Август, который выстроил в Поллене множество домов, знал цены на строительный лес лучше, чем кто-либо другой. Если получатель откажется от груза, это чревато великими сложностями. Во-первых, придётся платить за обратную доставку, да и возможная тяжба тоже будет стоить денег, короче, комиссионер начал рассылать телеграммы. В первом же ответе цену значительно снизили. Но Август держался неумолимо. Людям с юга только пойдёт на пользу, если они получают свой груз обратно. В очередной раз обменялись телеграммами.

Кончилась эта история тем, что Август получил стропила и балки по бросовой цене. Так этим лесоторговцам и надо! И хватит об этом!

Август начал предлагать свои акции. У него осталось всего две штуки, и он готов их продать. Но здесь, у большой корабельной пристани, с телеграфом, и пароходами, и оживлённым сообщением, люди были ближе к жизни и ко всему миру. Зимой им не пришлось так голодать, поэтому у них деньги до сих пор были в чести. Август разливался соловьём, но его частенько прерывали вопросом: а кто доверители в этом акционерном обществе? А нет ли у них настоящих акций? А ведут ли они протокол? Август просто корчился от подобной мелочности, он был оскорблён до глубины души и в ответ лишь говорил, что не в его привычках повсюду таскать за собой протоколы и доверенных лиц. Да и вообще его слово само по себе дорогого стоит.

Но нет, здесь Август не добился успеха.

Однако тут оказались два лоцмана, которые проявили куда больше понимания, тоже два старых морских волка. Август завёл с ними разговор, и каждый из них взял по одной акции, причём каждый за полную стоимость, а предварительный взнос — десять процентов. Вот и это дело улажено!

Да, для Августа поездка на пристань себя оправдала.

XXI

Они настелили чердачные перекрытия, положили кровельное железо, и наконец-то перед ними стояло готовое здание, воздвигнутое с помощью угломеров и отвесов. Монумент в честь преодолённых трудностей.

А на дворе был май, светлые ночи и солнечные дни, зелёная трава и жёлтые одуванчики, молодая листва и птичий гомон, подножный корм для всей, недокормленной за зиму скотины.

Впрочем, в Поллене скотины почти не осталось. Правда, в лавке у Поулине до сих пор были развешаны по стенам всевозможные коровьи колокольчики, те, что она продавала полленцам, когда те ещё держали скот. А теперь лишь у старосты Йоакима осталось несколько коров, да в Новом Дворе, у Осии и Ездры, было целое стадо, но в самом Поллене — хоть шаром покати. Странно это выглядело и мрачно: на пастбище зелёная трава, а никто эту траву не ест. Везде, до самого Нижнего Поллена, где прежде весело звенели колокольчики, теперь не было слышно ни звука. Даже птицы и те больше не пели, потому что

птицы всегда летали вслед за стадом и перекликались с колокольчиками, теперь же они улетели в другие края.

Для Эдеварта, который слоняется по воскресеньям без дела, это великая потеря. Он то посидит возле пяти осин, то опять начинает ходить. Тишина действует на него словно затычка в ухе, ему всё кажется, будто он что-то позабыл или будто время остановилось. Так странно, так пусто, забытая Богом местность.

Эдеварт, высокий и крепкий, из себя красивый и спокойный от полного равнодушия. Порой он мотает головой, будто задал самому себе какой-то вопрос и отрицательно на него ответил. В голове у него роится тысяча мыслей, но он не в силах понять их. Так он и ходит с каким-то душевным изъязном, и каждый вечер ложится в постель, и каждое утро встаёт с тем же изъязном, не пытаясь от него избавиться — настолько он оступел. Да что ж такого особенного с ним приключилось? Он подавлен, больше, собственно, по нему ничего не видно. Может, другой на его месте не изменился бы? Даже если все его жизненные устои зашатались, что с того? Он мог продолжать ту же жизнь, ведь живут же другие, те, что когда-то уехали из этой страны. Эка невидаль! И что ж тут такого, если человек лишился родины?

Итак, в голове у него роится тысяча мыслей, у него болит душа, но он ничего не может себе объяснить. Другие, те в полном ладу с самими собой, Август, к примеру, не может жить без какого-нибудь дела, у него есть тяга к жизни. Но он, Эдеварт, ничем не занят, нет для него такого дела, которое должно получиться, ему вообще на всё наплевать. Он вполне может сесть на холмик да так и сидеть безо всякого. Это ему по душе. Ему и вообще всё по душе, и хорошая погода и плохая, ему по душе тяжкая работа и праздность тоже, так же терпимо относится он и к людям, всё равно как к обеду, или к песне, или к прогулке в лес, терпимо — это значит равнодушно. Порой он улыбается — когда у него возникнет новая идея. Это он угадывает по собственному пульсу. Пульс бьётся. Он плядит на свои ногти, они стали такие длинные. Так что ж ему мешает жить? Разве он меняется в лице от какого-нибудь вопроса, или подарка, или новости? Вот как в тот раз, когда он вскрыл конверт, а там лежала двадцатидолларовая бумажка. Вот тогда он высоко поднял брови и прошептал что-то.

Возможно, он несколько раз шептал эти слова по ночам, а утром поднимался, и был такой же вялый, и ни о чём не тревожился, и даже не ответил на письмо, и даже не плюнул на себя самого.

Август с искренним и неизбывным интересом глядел на всё, что происходит в мире, для Эдеварта же гибель и процветание, смерть и жизнь были одинаково безразличны, ничто больше не имело смысла, и будьте здоровы.

Однажды он покинул страну и не вынес разлуки, не мог так же легко, как другие, относиться к резкому повороту судьбы. А воротясь в Поллен после своего пребывания за границей, он и здесь почувствовал себя таким же чужим.

Теперь у него наверняка родилась новая идея, потому что он улыбнулся, ещё раз глупо улыбнулся и прижал руку к сердцу. Бьётся, да-да, оно бьётся. Внутри, там, где сердце, тепло, от этого и рука становится тёплой, сердце — оно ведь не бывает холодное. Он вспоминает, как обходилось с ним это сердце давным-давно, в заброшенном местечке, которое зовётся Доппен. Это был такой зелёный залив, а на берегу маленькие домишки, и двое детей, и молодая женщина по имени Лувисе Магрете. Вспомнив это, он говорит: «Нет, нет» — и словно от боли качает головой. Он снова посылает туда свою любовь, он до сих пор не в состоянии до конца выбросить из головы это чудо, такое редкостное, проникающее до глубины души, где воедино смешались слёзы, и блаженство, и буйная сладость. Давным-давно это было, ах как давно! А сердце его бьётся до сих пор, оно тёплое, но любит оно только воспоминания.

И ладно. Если вдуматься, это была вполне обычная история, он и не считал её чем-то особенным, молча носил её в себе, ложился по вечерам, вставал на рассвете, а душевный изъяс так и оставался при нём. В том, что с ним произошло, не было ничего особо примечательного.

Посидев долгое время и вроде как отдохнув, Эдеварт, всё такой же усталый, встал с места и отправился домой. Он наловчился избегать встреч с людьми, которые ходили в церковь послушать проповедь нового священника.

Вообще-то не играет особой роли, встретил он толпу прихожан или не встретил, но зато, избегая встреч, он избавляет себя от необходимости открывать рот для приветствия. Ему, пожалуй, следует

пойти домой и пообедать, отчего же не пойти, но уж после обеда он засядет у себя в комнате и не будет заниматься решительно ничем. Вообще-то Август прав, когда говорит ему, что он умер, ну и что с того? А если Август очень даже живой что с того? Ни живому, ни мёртвому не принадлежит последнее слово...

За обеденным столом собрались все четверо. Йоаким побывал в Новом Дворе, Поулине — в церкви, каждый из них занят своими мыслями. Поулине прихватила с собой телеграмму от Августа, где речь идёт о станках для фабрики, и как можно скорей, длинную, важную телеграмму насчёт габаритов и лошадиных сил, а к тому же — насчёт ещё одной, очень нужной машины, которая будет перерабатывать отходы производства в жир, рыбий жир. Август своими глазами видел такие машины на Нью-Фаундленде и поставил себе целью внедрять их всюду, где только можно, он возлагает на них большие надежды. Лишь бы машиностроительный завод понял смысл его телеграммы. Но вот ты, Поулине, ты ж её читала и всё поняла? Да, отвечает Поулине. Но между прочим, она так и не отправила телеграмму. Вернувшись домой, она сожгла её в печке.

Эдеварт сидит за столом молча.

— Ты где был? — спрашивает у него Поулине.

— Нигде, — отвечает он, — немножко погулял по выгону.

— Трава там, наверно, поднялась высоко-высоко.

— Да, но вот скотины там нет и колокольчиков тоже.

— Стыдобушка-то какая! Скотины, говоришь, нет?

— А стоит ли вообще держать скотину? — спрашивает Август.

Поулине, с внезапной яростью:

— Да уж лучше держать скотину, чем гноить траву!

— Всё равно не стоит, — утверждает Август, — вообще ничего не стоит, кроме заводов и фабрик.

— Было время, — говорит Поулине, — когда в Поллене слыхом не слыхали про голод. У нас все держали по нескольку коров, овец я уж и не считаю, а у некоторых, как, скажем, Каролус и Ане Мария, у тех и вовсе было четыре коровы. Но таких убогих семей, чтоб ни одной, — таких не было. Ну или, скажем, не корову, а четыре дойные козы. Было время, когда мы в Поллене не знали голода, а теперь...

В комнате воцарилась тишина, и дальше обед проходил в полном молчании. Йоаким хочет, чтоб ему передали миску с картофелем, но

молчит, не просит, ждёт, когда кто-нибудь сам догадается.

На Поулине нахлынули приятные воспоминания.

— А ты помнишь, братец, как мы с тобой радовались в детстве, когда приходила мать и рассказывала, что корова отелилась?

Эдеварт:

— Помню.

— А ты, Йоаким, помнишь?

— Помню.

— Получался вроде как праздник. Мы тогда радовались куда больше, чем сейчас, хотя теперь у нас целых восемь коров и лошадей. Когда приходила мать и говорила нам про это. И на столе появлялись молоко и творог, и вообще молока для всех было сколько хочешь. А теперь похоже, что не так-то и важно, если у кого корова отелится. Уж и не пойму, но что-то здесь неладно.

Август:

— Если б всё это имело смысл, тогда бы на каждом дворе было много коров и можно было завести здесь и молочную ферму, и сыроварню, и сбивать масло, и вывозить молоко, масло и сыр. А всё остальное — это только чтобы набить собственную утробу, и вообще мелочь.

Поулине не сдаётся:

— Но в былые дни мы не знали нужды. У нас были и зерно, и картофель, и молоко, а во время путины мужчины выходили в море и привозили домой рыбу. Мы так хорошо жили, мы все, что не уставали каждый день благодарить Бога. А теперь!..

— Да-да, — говорит Август, — ты судишь на свой лад, каждый из нас судит на свой лад, а если, к примеру, взять меня, то я немножко больше повидал на этом свете, чем ты. И могу сказать тебе, что, если бы сюда приехал какой-нибудь иностранец, который побывал во многих странах, он бы только посмеялся, увидев, как вы тут сидите и доите двух своих коров или как вы прядёте пряжу из овечьей шерсти, вместо того чтобы сдать эту шерсть в факторию и получить взамен готовую ткань.

— Значит, твой иностранец посмеялся бы?

— Да ещё как!

— А мне надо о том горевать?

Август не сразу ответил. Но Поулине ничего не поняла, ни капельки. Она ещё пуще его раззадорила, продолжив свои речи:

— С чего это я стану думать о твоих иностранцах? Вот вы испугались бы его? — спрашивает она у братьев.

Йоаким хочет прекратить спор. Он уже и раньше слышал всё, что эти двое могут сказать друг другу.

— Ты не передашь мне миску с картофелем? — спрашивает он.

— Дело в том, — примирительно говорит Август, — что нам следует брать пример с заграницы. Другого пути нет. Мы должны брать пример, а не болтаться где-то в хвосте. Ты хочешь, чтоб мы были единственным народом, который ничему не может научиться?

— Мать научила меня прясть, — говорит Поулине, упрямо кивая головой.

Август:

— Ты говоришь точь-в-точь, как твоя сестра. Осия вот тоже сидит и ткёт материю на бельё. Это ж надо — будто ей больше делать нечего! Я ей посоветовал наведаться в лавку к родной сестре и купить готовое.

— А она что ответила?

— Ответила, что покупное бельё никуда не годится, и не ноское оно, и слишком много в нём бумажной пряжи.

— Это она правду говорит, — подхватывает Поулине, — я тоже вскорости натку тебе материи на бельё, слышишь, Эдеварт? Вот это будет материя так материя!

Эдеварт на мгновение поднимает голову и снова опускает её.

— Ничего мне не надо, — говорит он.

Август слоняется по всей округе. Делать ему особо нечего, но тем не менее он доволен собой, потому что фабрика уже готова. Правда, кой-какие недоделки ещё остались и не хватает кой-каких машин, которые вот-вот придут.

Доволен он и тем, что ему удалось довести строительство до конца, не ограбив при этом двух акционеров из Вестеролена. Он не кровопийца какой-нибудь, напротив, он доброжелательный и отзывчивый человек, а для Иверсена, хозяина невода, и для Людера Мильде и впрямь было бы ужасно, если б этим беднягам пришлось расстаться со своими коровами. Правда, дойди дело до крайности, Август не побоялся бы их пристрелить, а потому, отыскав

недостающие средства в других местах, он оказал им, можно сказать, большую услугу.

Август бредёт к Каролусу. Он не прочь покалякать о том о сём с этим престарелым рыцарем, хотя его жена Ане Мария давно уже не та, какой была прежде. Она заполучила своих приёмышей и вполне этим удовольствовалась. Просто удивительно, до чего изменилась столь мужелюбивая и лихая женщина. Верно, всю свою жизнь она тосковала оттого, что нет у неё детей. Она явилась на свет, чтобы стать матерью, а жизнь её обманула.

Ане Мария сидит и читает газету, которую недавно начала выписывать. Муж её тоже чем-то занят, но кивает Августу и приглашает садиться.

— Не стой в дверях, сдаётся мне, стульев у нас хватает.

— Да уж, — льстит ему Август, — стульев здесь хватает не только на двоих. Бог вам в помощь!

Каролус сидит и играет с мальчиками в разные игры. Его это занимает не меньше, чем самих ребятишек, он потихоньку впадает в детство, хотя ему навряд ли больше шестидесяти. С лукавой улыбкой Каролус прячет грифель в своих тяжёлых руках, но мальчики уже изучили все его фокусы и уловки и находят то, что он спрятал; все трое весело смеются, вытирают доску и затевают новую игру. Так они уже играют довольно долго.

— Пора кончать! — говорит Ане Мария. Она складывает газету и обращается к Августу: — Ну, Август, какие новости ты нам принёс?

— Чтоб не врать, никаких! — И тут же добавляет: — Вообще-то в море видели косяк сельди.

— Ах, если бы на самом деле так!

— Я и не сомневаюсь, что он придёт. После недавнего шторма сельдь пошла между Гренландией и Норвегией и должна в конце концов зайти к нам в фьорд.

— Да перестаньте же вы играть! — нетерпеливо говорит Ане Мария. Ей не по душе, что мальчишки не обращают на неё внимания, обычно они держатся за её подол.

— Это что ещё такое? — спрашивает Каролус. — Я что, не имею права поиграть с детьми?

Она снова обращается к Августу:

— Ты, значит, достроил свою фабрику и привёз всё, что к ней полагается? Солидное такое здание получилось.

— Да, есть на что посмотреть.

— Наверно, скоро про неё напишут в газете. Я как раз смотрела, нет ли чего.

— Да, — соглашается Август, — газета пишет и про более незначительные вещи.

— Ах, Август, Август, как это ты всё умеешь и всё тебе удаётся!

Раньше, когда, бывало, Ане Мария так говорила, это кое что да значило, и она сопровождала свои слова нежным взглядом. Теперь же она говорит только по необходимости, а вдобавок смотрит на Августа открыто и прямо, без малейших признаков нежности. Нет, она уже давно стала не такой, как раньше. Но чёрт его подери, если её и теперь нельзя пробудить к прежней жизни!

— Пошли, мальчики, помогите мне, — сказала она, поднимаясь со стула. — Нам надо сварить кофе.

Пришлось Каролусу прервать эту идиотскую игру и отпустить детей.

— Так что ты сказал? — спросил он у Августа. — Что, показалась сельдь?

— Да вот, говорят, — отвечает Август и встаёт, собираясь уйти. — Это всё, что я слышал.

— Ну, не так уж позарез нам нужна сельдь, я ж совсем недавно купил её на Сенье.

— И запирал у Фуллё, — напоминает Август. — Но если придёт сельдь, она понадобится и для фабрики тоже, а вот это нам нужно позарез. Будет сельдь, будут и заработок, и деньги, и работа для всех.

— А что ты стоишь? Уж не хочешь ли ты уйти? Выпей с нами кофе! Да, заработки — это для многих хорошо, особенно для бедняков, у которых каждый шиллинг на счету. Но что до меня, то я не могу взвалить на себя больше дел, чем у меня есть. И чего ты так спешишь? Вернись и сядь, — говорит он стоящему в дверях Августу.

Август проходит на кухню, без церемоний открыв дверь. Ане Мария поднимает глаза, сразу догадывается, зачем он пришёл, отступает назад и тихо спрашивает:

— Чего тебе здесь надо?

— Сама догадайся.

— Мальчишки вышли принести дров и сейчас вернутся, — говорит она.

— Не вернутся! — Он ничего не видит и не слышит, он обхватил Ане Марию, хочет бросить на кучу хвороста, но встречает сопротивление.

Ане Мария говорит самым решительным тоном:

— А ну, убирайся отсюда! — На него это не действует, и она с силой толкает его к стене. Но поскольку именно в эту минуту возвращаются мальчишки и глядят на них во все глаза, им обоим приходится рассмеяться и сделать вид, будто они так шутят.

— Чёрт подери, до чего ж ты сильная! — говорит Август.

— Да не жалуясь! — отвечает Ане Мария. — А вы молодцы, ребятки, что принесли так много дров, больше не надо, теперь можно сварить кофе, — говорит она и водружает котелок на треногу. Возможно, ей жалко Августа, гостя, который стоит у дверей и собирается уходить, о, Ане Мария вполне понимает, что творится у него на душе, она сочувственно улыбается и снова качает головой. — Поздно уже нам с тобой, — говорит она, — не надо выставлять себя на посмешище.

Август:

— А осенью, выходит, было ещё не поздно?

— Осенью? А где ты, спрашивается, был осенью? В отъезде. Оно и хорошо, потому что у меня появились другие заботы. Дело в том, что мы с тобой больше не годовалые телята. Наше время прошло. А теперь вернись в комнату и выпей с нами кофе. Кофе весьма полезен для людей в нашем возрасте.

Ну что тут оставалось делать? Он и пошёл вслед за ней, но по пути успел шепнуть:

— Ничего, я ещё с тобой совладаю.

— Даже и не пытайся! — отвечала она.

Впрочем, он и сам понимал, что она для него потеряна. Ане Мария сгорбилась и потому ходила теперь, задрав голову. Она была женщиной, которая осмелилась не торопиться с помощью человеку, увязавшему в болоте, и человек этот ушёл на дно. И она же приняла приговор, вынесенный судом и людьми.

Воротясь в комнату, мальчишки рассказали, что мать боролась с Августом на кухне и одержала победу.

— Да, я видел, — сказал Каролус, — и ей удалось снова затащить Августа в горницу.

Он был доволен, что Август вернулся, и завёл с ним разговор о том, как он закупал сельдь на Сенье:

— Господи помилуй, две четырёхвёсельных лодки, сперва одна, потом другая, и обе полны доверху, отборная сельдь, сельдь первого сорта, и плевать, во что это мне обошлось!

Разговоры, пересуды, но Август слушал, не забывая при этом о своём. Вообще-то он пришёл, чтобы опять просить Каролуса о помощи, маленькая интерлюдия на кухне была всего лишь дурацкой выходкой, чтобы потешить себя, и не имела ни малейшего отношения к делам.

Он получил даже несколько чашек кофе и в придачу — долгий разговор, он кивает на всё, что ни скажет Каролус, и проявляет большое уважение, Каролус со своей стороны не может отказаться от такого внимательного слушателя.

— Чего это ты сидишь на табуретке? Сядь в кресло! — говорит он, и Август пересаживается в единственное кресло и всё слушает, слушает...

Наконец он тоже берёт слово.

Дело обстоит так, что до сих пор Каролус был главным помощником при строительстве фабрики. Если вдруг снова понадобится его поддержка, можно ли надеяться, что он обратится в банк ради нескольких норвежских крон и эре? Всего лишь до тех пор, когда акционеры полностью внесут свой капитал.

— А за цемент разве ещё не уплачено? — спрашивает Ане Мария.

Откуда она это взяла? Да давным-давно уплачено. У него затруднения с некоторыми мелочами, которых пока недостаёт: ну, двери там и окна, машины, мешки и бочки под муку, лебёдка, канат. Короче говоря, сущая малость, но без чего всё же нельзя обойтись. Так вот, не пожелает ли Каролус замолвить одно-единственное слово?

Каролус задумывается, потом отвечает: «Да». Он готов это сделать. Фабрика — настолько важное дело для бедняков, настолько необходимое, что он даже и не подумает говорить «нет».

Ане Мария:

— Смотри, Каролус, не наобещай слишком много.

Каролус, с достоинством:

— Думаю, что это я ещё смогу потянуть.

Ане Мария спрашивает:

— А Поулине на днях тебя, случайно, не предостерегала?

Каролус, растерянно:

— А ты откуда знаешь?

— Она и мне про это сказала.

Её слова заставляют Каролуса задуматься.

— Значит, тебе она тоже сказала? — спрашивает он с оскорблённым видом. — Уж и не знаю, зачем она это сделала. Незачем Поулине трезвонить об этом на весь Поллен.

Вмешивается Август:

— Поулине, она вообще с каждым днём глупеет. Послушали бы вы, как она говорит мне, что я рано или поздно попаду в богадельню и что у меня не хватит денег на собственные похороны.

— Но у Поулине все деньги и все записи, — говорит Ане Мария, — она знает, как обстоят дела у каждого из нас.

— Я тоже это знаю. Я и сам сижу в банке и каждый раз ставлю свою подпись, — говорит Каролус. — Словом, будет так, как я сказал: я помогу тебе, Август, раз ты нуждаешься в помощи.

Август благодарит, он знал это с самого начала, потому что людей, подобных Каролусу, в Поллене вообще нет. И подобных Ане Марии — он, не таясь, это скажет: она была именно тем человеком, который с первых же дней понял, сколько денег может принести строительство.

— Деньги, — тихо говорит она, — деньги приходят и уходят.

Каролус на это:

— У нас по сю пору есть всё, что нам нужно.

Август громко хохочет:

— Да уж!

У него легко и радостно на душе. Он добился всего, чего хотел, а теперь вот пьёт кофе, размахивает руками и называет мальчиков принцами. Прежде чем он уходит, его фантазия переносится на другую сторону земного шара и одаряет слушателей удивительным приключением.

Поулине снова даёт Августу понять, что недовольна его поведением, она ворчит, что его вечно где-то носит, и вроде бы слегка

ревнует. Она может, к примеру, сказать такое: «Не пойму, чего это ты слоняешься по чужим комнатам и закоулкам?» Услышав в ответ, что он ходит встречаться и разговаривать с людьми, она могла фыркнуть и произнести: «Не иначе ты встречаешься с людьми вроде Теодоровой Рагны!»

Вот и теперь она спрашивает у него:

— Почему ты никак не съездишь в Норвежский банк и не поменяешь свои бумажки на деньги?

Август, в ответ:

— Разве время сейчас уезжать, если я жду, когда доставят машины?

Но вообще-то Август и сам был настроен довольно мрачно и чувствовал себя не слишком хорошо. Когда миновали две недели, он увидел, что с завода ему вообще не ответили, и счёл необходимым отправить ещё одну телеграмму.

— Я прихвачу её, когда завтра пойду в церковь, — сказала Поулине, взяла телеграмму и снова утаила.

Пока Август поджидал оборудование, он вынашивал множество планов, собирался, например, возродить идею номеров на домах в Поллене. До сих пор номер был лишь на большом доме Каролуса, причём номер один, но разве великолепные дома Роландсена и Габриэльсена не должны были соответственно получить номера два и три? И следующие номера — на маленьких домишках, которые тянулись до самых лодочных сараев. Смущал его только номер на доме Йоакима, старосты, ведь там располагались и банк, и лавка, и почта, и ещё много всякого, но, поскольку номер один уже был выдан, Йоакиму пришлось довольствоваться буквой «А». В любом другом городе улицы имели название, а дома номер, и зачастую даже не номер, а букву. Оставалось подыскать подходящего человека, чтобы изготовить номера, всего бы лучше это сделал сам Йоаким, но обращаться к нему конечно же не имело смысла. Йоаким плохо воспринимал новшества в своём родном Поллене.

Так прошла ещё неделя, а от машиностроительного завода по-прежнему ни звука. Что за чертовщина?! Август бродил по селению и проверял свои ёлочки, смотрел, пережили они зиму или нет. Перед каждым домом он напускал на себя важность; чтоб жители могли видеть его из окон, он становился на колени, втыкал в землю

деревянный метр и вообще делал вид, будто он что-то смыслит в этом деле. И впрямь в маленьких растеньицах теплилась жизнь, в этих крохотулечках, просто удивительно; они стояли в земле словно какое-то чудо из тёплых стран, словно проявление любви к человеку здесь, на севере. Убедившись, что ёлочки и впрямь живы, он вдруг растрогался. «Господи, какое диво дивное!» — бормотал наш моряк. В нём, должно быть, проснулись воспоминания детства, сладость, преклонение... Боже милостивый, с одной стороны, промышленность, бездушные предметы, с другой...

Полленцы прибежали к нему и попросили разрешения посадить картофель на его огороженном участке.

И речи быть не может!

Тогда они начали причитать, что вот, мол, нет у них ни пяди земли, ни клочка, чтобы посадить на нём шесть картофелин, как же им теперь жить-то, они такие бедные, а дома у них плачут малые детишки...

Нет и нет, на этом куске земли он хочет сам кое-что посадить, такое, чего они раньше и не видели.

Пропашее дело, говорили они, была у них возле дома земля, чтобы сажать картошку, а тут Август посадил осенью свои ёлки, вот земли у них совсем и не осталось, и теперь их одолела нужда...

— Подождите, пока заработает фабрика, — отвечал Август, — будете получать деньги и купите картошки, сколько вам понадобится!

И он ушёл, вот так взял и ушёл. Просто сил не хватало слушать все их причитания. Когда попрошайкам на островах Фиджи говоришь «нет», они сразу уходят. А как ведут себя в этом случае полленцы? Цепляются словно репы.

И они пришли снова, они были унижены, они терпели нужду. Полленцы теперь понимали, как худо им придётся осенью, когда картофель, привезённый с юга, уже съедят, а у них у самих ничего не будет посажено. Так нельзя ли каждому из них посадить хоть по полведра на его земле? С Божьей помощью это принесёт осенью пять ведер, если урожай будет сам-десять, и, мол, хорошо бы получить его к осени...

Август не решился больше мешкать с ответом, такие люди способны в один прекрасный день прибегнуть к насилию, как то было зимой; он вызвал Родерика и попросил его обработать участок. Землю

перекапывали, удобряли, проводили бороздки, разглаживали граблями, взяли у Йоакима займы решето, всё, готово. Какой у нас день? Четверг. «Тогда подождём», — сказал он Родерику. В пятницу он тоже не хотел. Настала суббота, под праздник, день особенный, вдобавок тепло, первый раз по-летнему тепло, морозящий дождик.

Август стоит с двумя фунтиками в руках, в одном — какие-то семена, в другом — древесная зола. Он старательно перемешивает семена и золу и говорит Родерику:

— Я буду сеять, а ты — насыпать сверху землю. Сними шапку! Ни с кем не разговаривай, если кто пройдёт мимо, и не отвечай никому.

Сказав это, он и сам снимает шапку и начинает сеять.

Родерик — парень неглупый, он сознаёт, что здесь совершается своего рода священнодействие, и сыплет землю во имя Отца, Сына и Святого Духа.

Разумеется, от жителей не укрылось, что вон там два человека ходят с обнажённой головой и что-то сеют на Августовом участке. Народ собирается, плазее. Приходит Теодор, подтягиваются люди из домов победнее. «Вы чего тут делаете?» — спрашивает Теодор и не получает ответа. Приходят другие, тоже спрашивают и тоже не получают ответа. Люди начинают перешёптываться между собой: «Что это за зерно такое? Тёмное совсем. Похоже на лебеду». — «Вы чего сеете?» — снова спрашивает Теодор. «Да помолчи ты!» — говорят ему люди. Поди знай, может, Август ходит под дождём с непокрытой головой и сеет таинственный порошок, скажем, такое зерно, которое потом накормит весь Поллен. Может, оно за три дня вызреет. Август — человек не такой, как все, и, если он что-то сеет и при этом молчит, значит, у него есть свои причины. Некоторые завидовали Родерику, которого назначили сыпать землю и при этом не раскрывать рта. «Нельзя мне войти и поглядеть?» — спрашивает Теодор, этот любопытствующий попугай. Как может посторонний человек думать, что ему дозволено заходить на участок в такую минуту? С него ещё станется не снять шапку, с этого дурня, впрочем, ограда из колючей проволоки не давала ему сделать это.

Зрители не уходили до тех пор, пока эти двое не надели шапки и не начали разговаривать. Но Август и тут ничего им не объяснил, он просто сказал, что, когда придёт срок, они сами увидят, какие ростки

повылезут из земли. «А когда же он придёт?» — спросил Теодор. Ох уж этот Теодор, ни малейшего чувства торжественности. Возможно, они совершали некую церемонию с освящённым зерном, но Теодор конечно же ничего не понял...

— Ну всё, — сказал Август Родерику, и оба сеятеля пошли прочь от зрителей, прочь от толпы зевак, которая так и осталась стоять на прежнем месте.

XXII

Почему он не едет в Норвежский банк? Поулине снова и снова доносила его этим вопросом. Ведь теперь-то он вполне мог бы съездить.

— Я тебе даже и отвечать не желаю, — сказал Август.

— Потому что всё это вранье и выдумки насчёт твоих иностранных бумаг, готова побиться об заклад, — промолвила Поулине, и навряд ли она могла задеть его сильнее.

Впрочем, Август не принимал её слова близко к сердцу. Мужчину он бы пристрелил на месте, от молодой красивой девушки ушёл бы с оскорблённым видом, но с Поулине ничего нельзя поделать, от неё нельзя избавиться: уж слишком у неё была большая власть.

Он всякий раз подкарауливал почту и спрашивал, нет ли для него письма. Пусть даже завод не ответил ему телеграммой, они должны были, по крайней мере, написать ему письмо и поблагодарить за большой заказ. «Тебе нет никаких писем», — едва достаивала его ответом Поулине. Правда, время от времени она вручала ему письмо из-за границы, такое бывало. На почтовом штемпеле стояло «Гамбург», «Мадрид» или «Копенгаген», и лежали в этих конвертах новые бумаги и чеки на крупную сумму, причём он отнюдь не скрывал, что это доход с серебряных копей в Боливии или деньги с виноградаря, который у него был в Канаде. А с завода всё не писали и не писали. «Как ты можешь это объяснить, Поулине?» — спрашивал он у неё.

Поулине держалась крайне недоброжелательно, она вовсе не пыталась его утешить, напротив, высмеивала, вообще же она была слишком занята. После зимнего голода в Поллене очень оживилась переписка, а некоторые жители даже начали выписывать газету.

Словом, у Поулине было много хлопот с почтой. Зато она знала все местные дела и могла о многом догадаться, разглядывая письма на просвет. Некоторые содержали такую глупую болтовню, что она едва удерживалась от искушения сунуть их в печь. Чего ради житель Верхнего Поллена затевал переписку с жителем Нижнего Поллена? Ничего, кроме любви, и поцелуев, и нежностей, и прочего свинства! Порой она роняла такое письмо на пол и совершенно нечаянно наступала на него разок-другой.

— Опять письмо главе нашего банка, — говорит она Августу. — Не иначе речь идёт о займах, которые он сделал на юге. Я, конечно, не хочу говорить лишнего, но он немало задолжал наличными нашему банку.

Август был на неё зол и потому ответил:

— Не совала бы ты нос в чужие письма. Тебя вообще не касается, что там написано. А Роландсен ещё в полном порядке, и дом у него отменный.

— Ну и дурак! Разве с отменного дома можно прожить?

— Да, он может получить кредит под залог дома. Только скажу я тебе, Поулине, в таких делах ты как женщина ровным счётом ничего не смыслишь. Ты не понимаешь, что во всём мире значит кредит.

Поулине, в ярости:

— Он больше не выманит у меня из банка ни единой кроны, уж тут я буду стоять насмерть.

— А вот это не в твоей власти.

Но во власти Поулине было не только это, но и ещё многое другое. Власть у неё есть, и очень даже большая. И Августу надо это понять. Ссора не прекращалась, и её начало не шло ни в какое сравнение с тем, что последовало дальше: Поулине отказалась признать поручительство Каролуса перед машиностроительным заводом.

— Это ещё почему? — спросил Август. — Ведь Каролус лично обещал мне своё поручительство.

Поулине:

— Но сдержать своё слово он не сможет. У него на счету больше ничего нет.

Услышав это, Август в недоумении уставился на Поулине, он счёл её слова глупой шуткой. Такой человек, как Каролус! Полленский

матадор!

Действительно, у Каролуса в своё время было много денег, признала Поулине, очень даже много, недостатка в деньгах не было. Но он не умел управляться с ними. Он был такой же, как и Август, ни один из них не умел толком считать и пересчитывать. А умели они только тратить. Но чему учит нас Писание? А Писание учит нас, что мы должны отдавать наш фунт в рост...

Август подумал-подумал, а потом спросил, что же сделал Каролус со всеми своими деньгами?

Промотал, как, впрочем, и Август, когда выступал поручителем по самым ненадёжным займам. А под конец его здорово обманули при покупке сельди на Сенье. Впрочем, она готова согласиться, что встречаются и умные мужчины.

— Он что ж, совсем обанкротился?

— В этом роде, — отвечала она. — А ту малость, которая осталась, возьмёт Ане Мария, чтобы как-то продержаться до осени.

— Но Каролус ведь получит деньги на станки?

— Ничего он не получит, — отвечает Поулине.

Она, значит, способна так подло обойтись с Каролусом, с таким человеком!

Август сам подлый!

Он взглянул на неё и промолчал, он просто кипел от негодования, но промолчал. У него, правда, мелькнула в голове мысль выбить ей передние зубы, тогда она не сможет распевать псалмы в церкви.

Глупость, конечно, он это подумал не всерьёз. Но осадить эту воинственную девицу, хоть немного осадить, следовало.

— Да, Поулине, всё так, только это ведь не твой банк, и ты не имеешь права передавать средства Каролуса его жене.

— Вот увидишь, как я не имею!

— Так было записано в уставе банка, который есть на руках у каждого члена правления, и нарушать его ты не можешь. Поостерегись, Поулине, не то я заявлю на тебя куда следует!

Поулине, вся побелев от ярости:

— Да на кого ты заявишь?! Те деньги, что вы мне вручили, у меня лежат в целостности и сохранности, и я готова отчитаться за каждое эре, можешь не беспокоиться. Но вот твой банк, как ты его называешь, это никакой не банк, он даже не записан у начальства, и Йоаким говорит,

что это всё вообще незаконно. Просто несколько человек собрали немного денег и передали их мне на хранение, а потом взяли несколько тысяч, и проценты на них начислять не надо, потому что это тоже незаконно, говорит Йоаким; а остатки этих денег я должна хранить у себя в сейфе, ещё говорит он; а если вам вздумается их пересчитать, можете прийти ко мне и спросить, какие цифры надо набирать.

— Стоп, стоп! — остановил её он. — Неплохо бы тебе перевести дух!

Август, конечно, держался вполне спокойно и разумно, но был крайне подавлен, и, будь она мужчиной, он пристрелил бы её на месте. Что у него осталось после всех трудов и усилий на благо Поллена? Всё пошло прахом. А разве он щадил самого себя, выбирал лёгкие пути или, скажем, придерживал собственные шиллинги? Нет, он высасывал из самого себя все соки. Может, он растратил деньги на выпивку и роскошную жизнь? Да и что может растратить человек, у которого только и есть, что чемодан, трость со стилетом и пенковая трубка, человек с пустыми руками? Всё заработанное благодаря страховке, неводу и строительной деятельности он тут же потратил на другие начинания, и каждый его день был борьбой с людьми и судьбой. Так неужели он заслужил Божий гнев и человеческую вражду?

Может, на него устремлён чей-то взгляд из Вселенной, сила, которая тем либо иным путём проведала о его трудах на службе отчаянному отрицанию? Он отстроил Поллен, где нечего было есть, и фабрику, где не было станков. Но разве у него были не самые лучшие намерения? Быть-то были, но труды его как посланца механики и промышленности оставались бесплодны. Уже его первые шаги в Поллене были бесплодными. Он приехал на корабле, полном бесполезной еды, мёртвой еды — консервов.

Осознал ли он это сейчас? Наверняка нет. Просто с ним обошлись несправедливо.

— Да-да, — вдруг сказал он и кивнул. Он был мрачен, он был зол и полон яда. — Все вы желаете погубить меня.

Поулине тоже утратила выдержку, его слова, его голос заставили её внимательно прислушаться, Август был не таким, как прежде. Она

отвернулась от него, окинула взглядом рулоны материи на полках и сказала:

— Я вовсе не собиралась тебя губить.

Август:

— Нет, собиралась и вела себя хуже всех.

— Не надо так говорить, я всегда хотела тебе добра. Я просила тебя проявить благоразумие и хоть самую малость позаботиться о себе самом. Ты ведь мог хоть немножко отложить из того, что заработал.

Август:

— Я не складываю деньги в чулок.

— А доктору ты заплатил?

Август, растерянно:

— Нет!

— А ведь он приходил к тебе два раза, когда ты лежал при смерти, и приносил много всяких лекарств.

— Зато я уступил ему фабричную акцию за полцены!

Если даже Поулине и улыбнулась его словам, то он этого не заметил.

— А ещё, — продолжила она, — ты вроде как и думать не думаешь о том, что всё это время не платил за уход и еду.

Он резко выпрямился и тотчас снова поник, вольная птица, он поник от стыда. Вообще-то всё, что говорила Поулине, было чистой правдой, и от этого было некуда деться. Ему доводилось много где жить и столоваться, жить, пока не вышвырнут на улицу, и он даже не представлял себе, что всё может быть иначе. Но здесь — это совсем другое дело.

— Подожди, пока я поменяю свои ценные бумаги, — сказал он.

— Я ничего с тебя не требую, — сказала она с чувством достоинства и сознанием собственной правоты. — Но нет ничего дурного в том, чтобы прикопить немного денег. Йоаким, тот ничего не говорил, он не из таких, и ты не должен рассказывать ему о нашем разговоре. А старший брат, он всё время платил за себя, пока ты не занял у него все деньги, хотя ему и без того всё принадлежит в этом доме.

Этот шалопай меньше всего на свете думал о собственных правах. Ему даже и в голову не пришло напомнить, что именно он

помог открыть почту в Поллене и тем самым обеспечил ей должность и твёрдое жалованье. Пока он не приехал сюда, она не заседала в правлении банка и не обладала никакой властью, она всего лишь стояла за прилавком, заворачивала товары и перевязывала пакеты бечёвкой.

— Подожди, пока я поменяю свои бумаги, — повторил он.

— Это не к спеху, — ответила она. Поулине тоже не была такой уж кровопийцей, просто она любила порядок и пыталась превратить этого сорвиголову в добродетельного полленца. Она была настолько далека от мысли о деньгах за стол и жильё, в её амбарных книгах часто встречалась запись «Долг, не поддающийся возврату». А разве эта взбалмошная особа не платила уже много месяцев за Августа из своего кармана, чтобы не уронить его в глазах Йоакима.

Словом, у обоих ещё имелись запасы доброты.

Поулине тем временем перешла к другой стене, окинула взглядом полки и заговорила, словно обращаясь к потолку:

— Нет, Август, я вовсе не хотела тебя погубить. Я, может, слишком желала тебе добра. Но не будем больше об этом.

Она молчала, и он тоже молчал. Возможно, она ждала, что он что-нибудь скажет ей, но он не воспользовался случаем.

— Ты был, на мой взгляд, слишком необузданный человек. Вот почему мне и хотелось наставить тебя на путь истины.

Август молчал.

— Ты мог отложить небольшой запасец, чтобы начать в Поллене всё заново и прожить жизнь по роду своему и в своём порядке, как сказано в Писании. Но ты не желал меня слушать.

Он молчал.

— Ну тогда больше и говорить не о чем, — сказала она, после чего нырнула к себе в контору.

Август сидел в своей комнате в полном одиночестве. Эдеварт работал в дровяном сарае. Старый бродяга препогано чувствовал себя в эту минуту, он боялся надвигающейся катастрофы. Внизу, у самого берега, он видел фабрику, которую построили с помощью угломера и отвеса, дом для машин, дом для промышленности, мельницу, чтоб молоть деньги, но машины отсутствовали, и потому всё заведение было обречено. Сам же он остался лишь при сомнительной славе

человека, который вдохнул жизнь в Поллен. Впрочем, у старосты Йоакима и того не было.

На Поулине, может, нечего сердиться, в конце концов она всего лишь женщина; эта ослица, эта дурында, наверно, не так уж и плохо о нём думала, но у него до сих пор гудела голова после столкновения с её несокрушимым чувством собственной правоты и бесконечно нудной любовью к порядку. Что она там бормотала? Что она слишком желает ему добра? Скотина, змея с лживым языком! Фабрика уже и сейчас могла бы молотить деньги, захоти этого Поулине! В сейфе у неё лежало пять тысяч крон на фабрику.

У Августа появилась новая идея: он считал, что будет в своём праве, если вскрыет этот самый сейф и возьмёт то, что ему необходимо. Это означало бы похитить свои же собственные деньги, вложенные в банк покойным Оттесеном на строительство упомянутой фабрики.

Но как открыть сейф? Надо, чтоб Поулине не было дома, значит, в воскресенье, когда она уйдёт в церковь, что даст ему по меньшей мере три часа. И чтоб Йоакима тоже не было дома. Он может, к примеру, отправиться на свою воскресную прогулку в Новый Двор, часа на два. Два часа это уже кое-что, этого больше чем достаточно, если использовать динамит, о котором он столько раз слышал, но так и не выучился с ним обращаться, — вот и ещё один изъян в его образовании, всё равно как неумение плясать на канате. Итак, сейф по причине этого изъяна придётся вскрывать с задней стороны, поработать топором там, где стенка у него самая тонкая, может, Родерик ему поможет ломом отодвинуть сейф от стены. Родерик — парень надёжный. Между ними и раньше бывали всякие тайности. Эдеварт мешать не станет, всё воскресное утро он просидит у пяти осин на лугу, погружённый в раздумья о своей судьбе...

А можно сделать и по-другому: под предлогом, что ему нужно съездить в Норвежский банк, он может побывать на фабрике, где делают сейфы, и заказать себе новый «ключ» — всего лишь бумажку с новым набором цифр. Вообще-то он должен в конце концов выучить эту несчастную комбинацию, за этим дело не станет...

Впрочем, до дела так и не дошло.

Как-то вечером он отправился в Новый Двор. Причин не было никаких, разве что предложить землевладельцу Ездру парочку акций

новой фабрики и таким путём спастись от полного разорения.

У Ездры вся семья была в сборе. После дневных работ Ездра сидел за столом и читал вслух газету, которую начал выписывать; обе женщины, Осия и старшая дочь, сидели за прялками. Усердие и семейная жизнь, благословение небес и повседневное довольство. Двое младших детей расчёсывали шерсть для пряжи.

Осия встала:

— Такой гость, такой гость! Садись, Август!

— Не стану я садиться, я просто так заглянул к вам.

— Ну, что скажешь? — спросил Ездра.

— Сдаётся мне, идёт сельдь.

— Вот бы хорошо!

— Для моей фабрики тоже бы неплохо. Я со дня на день жду, когда пришлют оборудование.

— Это ж надо, сколько ты можешь осилить.

Август тотчас подхватил:

— Видишь, у нас будет фабрика, Ездра, стало быть, ты мог бы взять парочку акций.

— Нет, это не по моей части.

— Просто ты не хочешь. А хочешь жить, как сейчас: что получил, то и съел.

— В чём-то ты прав, — соглашается Ездра.

— А вот я так не могу. И мне хотелось бы, чтобы ты взял две акции, это я говорю вполне серьёзно. Я и сам мог бы выложить деньги за станки, но у меня только и есть, что заграничные ценные бумаги, а их сперва надо обменять на деньги. Ты, верно, их видел?

— Нет.

— Жаль, что я не прихватил их с собой, тогда бы ты всё понял. Короче: две акции.

Ездра пропускает его слова мимо ушей.

— Первый раз, когда ты заявился к нам в Поллен, ты научил нас земледелию, научил осушать болота и ставить хорошие пристройки к дому. А теперь мы что-то больше ничего такого не видим.

— О-о! — стонет Август и хватается за голову. — На всё это я теперь махнул рукой, это не имеет смысла, это не приносит денег. А что делают в других местах, когда что-то не имеет смысла? Начинают новое дело. Не стоит ли нам взять с них пример и поступить точно так

же? Вот ты погляди на себя, Ездра, и ты на себя, Осия! Что вы зарабатываете при всём вашем трудолюбию, при всех хлопотах с землей и со скотом? Даст ли это приличный меховой воротник для вашей дочери, которая сидит за прялкой? Или у тебя есть деньги на хорошую «гавану», Ездра? Не в том дело, что всё это так уж необходимо, но разве нам не следует брать пример с других? Ни разу — выиграть в лотерею, ни разу — съездить в город, жить на выселках и умереть на выселках. А что бы вы подумали, доведись вам увидеть слона? Как вы ни трудитесь, как ни стараетесь, всё уходит на кашу к ужину и на налог для общины и короля. Разве я не прав?

— В чём-то прав, — соглашается Ездра.

Август продолжает рисовать свои картины. Его доверие к собственным словам не имеет границ, он не ведаёт сомнений, вера его исполнена дерзости. Состояние Поллена его удручает: ничто не двигается с места. Земля продолжает вращаться, а Поллен стоит как стоял. Вот поглядите, много лет назад он очистил площадки на скалах, что стоят перед Новым Двором. Ну и что же? Пользуется кто-нибудь этими скалами? Приходят ли рыбаки с Лофотенов, чтобы сушить на площадках свою рыбу? А ведь неплохой был источник дохода, женщины и дети зарабатывали свои шиллинги — а теперь скалы стоят голые и пустые. Или взгляните вот сюда, можете подойти к окну и бросить взгляд на здание, что стоит у воды. Оно выстроено по всем правилам: цемент, железо. Эта фабрика могла бы молотить деньги, как зерно, когда б её пустили в ход...

— А что на ней будут делать? — спросил Ездра.

— Рыбную муку. В огромном количестве. Работа круглосуточно. А главное — продажа муки. Это самое полезное, что можно сейчас придумать для Поллена, великое благословение, денег сколько хочешь, уровень жизни растёт, никаких налогов, потому что все налоги Поллена возьмёт на себя фабрика. Две акции, Ездра!

А уверен ли он, что сельдь будет всегда?

Так же уверен, как и в том, что сейчас сидит в этой комнате. Здесь ли, в другом ли месте — на побережье сельдь будет всегда. Не стоит рассказывать об этом Ездре, благо у того газета в руках и он может об этом прочесть.

Ездра робко возразил, что сельдь в Верхнем Поллене и сельдь в Южной Норвегии — это всё-таки не одно и то же для его фабрики.

Допустим, сельдь есть у Хагесунна, а доставка во что обойдётся? Или грузовые шхуны должны будут пересечь девять градусов широты к северу, пройти мимо сотни таких же фабрик на побережье, чтобы доставить свой груз именно в Поллен?

Август растерян. Здесь в общем-то тоже есть сельдь. Он видел это зимой, когда посылал Йоакима с неводом.

Но всё же в словах Ездры было что-то такое, чему трудно возразить.

Август забарабанил пальцами по столу и задумался, им овладело некоторое беспокойство. И вдруг этому человеку, который привык выкручиваться с помощью разных уловок, пришла в голову спасительная идея.

На тот случай, если здесь, на севере, не окажется сельди, всё предусмотрено. Лично он никогда не собирался заниматься только переработкой сельди. У фабрики два назначения: и второе — это крошить торф.

— Торф? — переспросил Ездра.

— Торф.

Он, Август, отнюдь не собирается рассказывать Ездре, как полезна торфяная крошка в сараях и коровниках и что от этого удобрения становится вдвое больше. Он-то хорошо знает такие фабрики, где производят рыбную муку и торфяную крошку, она будет десятой, которую он выстроил, ну, чтобы не преувеличивать, скажем, шестой или седьмой, если присчитать ту, которую он построил в Китае.

— Удивительно! — качает головой Ездра.

А ведь здесь бесконечные просторы глубоких торфяных болот, которые тянутся прямо до Верхнего Поллена. Вдобавок до него, Августа, дошли сведения, что весь остров Фуглё — это одно сплошное торфяное болото. И стало быть, удобрения можно получить столько, что на весь свет хватит.

— Удивительно! Но разве не лучше осушить все болота и превратить их в пашню?

Снова здорово! — восклицает раздосадованный Август. Пашня — это, конечно, очень хорошо, что и говорить, но ведь она не приносит денег. Вот у Ездры у самого сколько пахотной земли, но может ли он что-нибудь купить? Фабрика, которая превращает торф в крошку, это

ведь всё равно что серебряные рудники. Разумеется, большой объём производства, доставка на пароходах. И хорошо, что фабрика расположена как раз на крутом берегу. Тяжёлые суда смогут подходить прямо под лебедку и загружаться в любое время дня и ночи. Езра ведь часто говорит, что земли в Поллене совсем не осталось.

Ну и что? Фабрика превратит Поллен в портовый город, как, например, Роттердам в Голландии. Суда будут приходить и уходить, капитаны — стоять на мостике и звонить в колокол, офицеры и матросы — все на своих местах, команда «отдать концы!».

— Удивительно! — говорит Езра.

— Прошу! — говорит Осия и ставит перед ним стопочку.

— Боже праведный! — восклицает потрясённый Август. — Сто лет ничего подобного не видел.

— Это от нашего сына из Тронхейма, — гордо поясняет она.

Езра тоже поясняет, но более подробно.

Они отдали этого сына в большую усадьбу под Трэн-Делагеном, в ученье, чтоб он как следует научился земледелию, и садоводству, и кузнечному ремеслу, вообще хозяйству, а потом вернулся и подсоблял дома. Так вот, представьте себе, теперь он не желает возвращаться! Говорит, что, мол, чего он не видал дома? Разве это будущее для молодого человека? Сын перебрался в Тронхейм и хочет там остаться. Где он теперь работает, одному Богу известно. Может, перебивается случайной работой, один день в хлеву, другой — на фольварке, всё же не то, что здесь. А теперь вот прислал домой две бутылки «Люсхольма», ха-ха-ха!

Август выпил стопочку, ему налили вторую, и он снова начал воодушевлённо вещать; жизнь, эта благословенная Богом комедия, так безмерно его занимала, дух времени так вдохновлял его, что он вполне мог бы стоять посреди базарной площади и читать проповедь. Душевные тонкости были ему неведомы, зато он был наделён конкретными знаниями: производство и сбыт, цирк и театр, промышленность, забастовки, конгрессы и тому подобные акции международного значения. Так ли уж удивительно, что их сын пожелал остаться в городе? Но дело в том, что жить в городе желает куда больше народу, чем город может вместить, и как быть с появляющейся при этом жилищной нуждой? Да-да, государство

должно расширить старые города и построить новые. Вот именно! Хорошенькое дело, если люди не смогут жить там, где им хочется. Взять хотя бы Поллен: разве это чересчур, если здесь будут жить тысячи людей, тогда церковь и кладбище перенесут сюда из Верхнего Поллена, всякое там начальство, генералы и епископы будут жить здесь, каждый в своём большом доме. Фабрика рыбной муки? Ха-ха, стоит ли говорить об одной-единственной фабрике! Десять фабрик, множество фабрик, сотни станков, трубы и свистки и пароходные сирены по всей земле, по всему побережью...

Очередная стопка.

Ездра не перебивал эту болтовню, его она, верно, и не занимала. Он продолжал высмеивать своего осевшего в Тронхейме сына. Вишь ты, здесь ему недостаточно хорошо, жить не на что, никаких видов на будущее, он погаснет здесь, словно свечка, и до срока сойдёт в могилу.

Осия, примирительно:

— Да вернётся он! Пусть разок попытает счастья в покупных штанах!

Но Ездра продолжал:

— Жил однажды человек, которого звали старый Мартинус. Больно у меня дом низкий, говорил этот человек, и окно у меня всего одно, мне всю жизнь приходилось нагибаться, когда я хотел взглянуть через верхнюю фрамугу, а сев на скамейку, я мог плядеть через нижнюю. И всё же, говорил этот Мартинус, и всё же Господь Бог дозволил мне прожить на этой земле восемьдесят лет.

Для Августа не составляло, конечно, ни малейшего труда разнести в пух и прах и самого Мартинуса, и его образ мыслей, но он никак не мог собраться с духом; он ведь не был какой-нибудь там злодей и всем желал добра. Хорошее бы вышло дело, если б вы жили во времена этого Мартинуса, только и сказал Август, он бы скупал здесь собачьи шкуры, играл бы на гармошке и тем зарабатывал себе на соль для похлебки. А взять, к примеру, Августа. На свете почти не осталось места, которое было бы ему незнакомо. И он знает такой народ, который тоже не хочет двигаться вперёд и не хочет брать ни с кого пример, а живёт этот народ у Чёрного моря. Ну, Чёрное море — это тоже не великая находка для моряка, ничего особенного, так, озерцо, вроде жалкого Балтийского моря. А этот самый народ жил и умирал у Чёрного моря. Они там ходили, и щёлкали семечки, и

выплювали шелуху, а потом совали в рот новую порцию, и опять щёлкали, и опять выплевывали. Из рта у них вылетал целый фонтан шелухи. Но так нельзя жить в наше время, когда мы можем курить гаванский табак, который раньше был доступен лишь королям. Он до сих пор не забыл, как однажды подарил вождю на Малабарском побережье сигару «гавану», а вождь отдал его за это двумя из своих жён.

— Правда? Да быть не может! — восклицает Осия в полной растерянности.

Август поясняет, что не принял от вождя этот подарок. Взять двух жён за одну сигару? Неужто она считает Августа таким убогим? А вот вождь получил сигару совершенно бесплатно. Но здесь вы имеете дело с человеком, который хочет идти вперёд, хочет пользоваться всеми достижениями новой жизни. А теперь возьмём Чёрное море! Грязный народ, бездельники, ходят в шлёпанцах, бездельничают, обретаются в хижинах и без толку проживают жизнь. Разве Ездра такими хочет видеть полленцев? Но пока церковь и кладбище не перенесут в Нижний Поллен, люди будут у нас ходить словно конфирманты, которые и двух слов связать не умеют. Им приходится спрашивать в Верхнем Поллене разрешения, когда они идут в церковь, а после смерти они упокоятся в той же земле. Стало быть, у полленцев не будет даже права на своих покойников. Так помоги же, Ездра, с первой полленской фабрикой.

Осия положила перед ним красивую пачку — сигареты.

— Сигареты! — всплеснул руками Август. — Я уже и счёт потерял, что у вас тут есть!

— Сигареты тоже прислал сын, я совсем забыл, — пояснил Ездра с яростью в глазах. — Две бутылки «Люсхольма» и эту вот ерунду.

— Думаешь, мне можно выкурить одну?

— Выкури одну, выкури всё, можешь вообще забрать их с собой. Прошло немало дней с тех пор, как я был молод и курил папиросы.

И Август закурил, он оказался знатоком и похвалил сигареты, тонкий табак, дорогая марка, американские. Всё-таки есть разница — курить сигареты или плевать подсолнечной шелухой.

Он мог теперь говорить всё, что ему вздумается, затея с фабрикой потерпела неудачу. Ездра проявил упрямство и не взял ни единой акции. Нет и нет, пусть Август его извинит, у Ездры есть его Новый

Двор, усадьба принадлежит ему, он откупил её у Каролуса и поднял собственным горбом. Здесь его дом и двор, а если из трубы поднимается дымок, это тоже его заслуга, а вот красивый маленький ручей, который зимой и летом бежит мимо Ездриного дома, — об этом порадел Господь...

Август ушёл домой, попыхивая сигаретой, он ещё не совсем протрезвел от «Люсхольма», но не унывал. Фабрики, может, и не будет — с первого захода, но стоит ли принимать всё это близко к сердцу? Да пошли они... Зато он постранствовал по свету и много чего повидал, он знал, как всё пойдёт дальше. Вполне возможно, что и сельди не будет какое-то время, сельдь, она всё равно что каботажный пароход — возьмут и отменят какую-нибудь остановку. Но рано или поздно она снова придёт в Поллен, дома и строительные площадки подорожают вдвое, фабрика получит наконец свои машины, церковь покинет Верхний Поллен, и селение разрастётся. Ещё ничего не потеряно, всё идёт как надо. Дело кончится тем, что он начнёт разъезжать на шестёрке... ну, не будем преувеличивать... на четвёрке лошадей.

Он вдруг остановился и поднял руку, словно требуя тишины.

Дорогие мои односельчане, если весь мир идёт моим путём, уж верно, этот путь не может быть ошибочным. Поллен ещё склонится когда-нибудь передо мной.

И Август пошёл дальше, он вышагивал гордо и жалел, что нет при нём трости, он даже расстегнул куртку и упёр руки в бока. До чего ж забирает «Люсхольм» на свежем воздухе!

XXIII

Семена, посаженные Августом и Родериком, наконец-то взошли. И оказалось, что это такие крупные листья на мощном стебле, покрывшие зелёным ковром всю грядку, изысканный травяной покров, волшебный и на удивление многообещающий. Интересно, а что ж это такое?

Август каждый день приплядывал за плантацией, он отправлялся туда словно джентльмен, с тросточкой, дабы посмотреть на свои угодья, но, одержимый жаждой деятельности, вскоре отставлял тросточку и начинал холить и лелеять своих питомцев. Он то и дело

что-то выдёргивал, пересаживал, некоторым растеньицам помогал тянуться в высоту, обрывая листья у самого корня. Очень точная и тонкая работа, никак не сравнить с прополкой репы, какое там!

Август был горд своей плантацией и охотно её демонстрировал:

— А ну, взгляните, разве с ними хоть что-нибудь не в порядке? Может, они плохо растут или не кустятся, как им положено? О, эта плантация будет цвести и здравствовать.

Собирался народ, стоял, наблюдал Августа за работой. Август не ходил больше с непокрытой головой, но тем не менее никто не осмеливался подойти к нему слишком близко; на вопросы он не отвечал и вообще соблюдал дистанцию. Наверняка его манера напускать на себя таинственность не была простым дурачеством, просто он хотел оградить свои посадки от назойливых полленцев.

И тут пришёл Теодор. Он купил себе новую жёлтую зюйдвестку и хочет её всем показать. Он то отгибает поля спереди и снова опускает их, то отгибает поля сзади и опять опускает их, то он сдвигает шапку набекрень, то снимает её и сдувает с неё пыль. Господи, какой-то престарелый младенец, тщеславие, как у петуха, а больше за душой у него и нет ничего. Теодор так и не стал взрослым, но старается держаться как солидный человек. Ума на что-нибудь серьёзное у него не хватает, ему неизвестно, что может быть сказано за и против Бога, судьбы, жизни и смерти, обо всём этом Теодор ничего не может сказать, кроме несусветных глупостей. Зато он и не обижается, если собеседник не обращает ни малейшего внимания на его речи, право, ни малейшего. Кажется, будто в нём живёт глубокое убеждение, что он муравей, однако у некоторых муравьев есть крылья, и они умеют летать, а вот он муравей-пешеход, муравей-бродяга. Да, да, Теодор таков, каким его создала природа. Он выучился разбирать буквы и потому может совать нос в чужие письма, у него загребущие руки, и он наделён даром тащить всё, что плохо лежит, при всём при том его нельзя назвать обычным воришкой. Его вороватость ещё никогда не была вознаграждена большой добычей.

С людьми Теодор хорошо ладит. Когда он заявился в новой жёлтой зюйдвестке, движимый своим чисто женским любопытством, вид у него был такой, будто он пришёл к Августу за каким-то делом. Но Август его не понимал. Август разбирался только в механике, его

интересовали всякие другие современные штучки в человеческом обиходе, вот почему Теодор и был обречён на неудачу.

Он сказал, и сказал очень вежливо, обращаясь к Августу на «вы»:

— Мне бы хотелось узнать, что вы здесь посадили.

Никакого ответа.

— Может, вы не хотите, чтобы об этом знали все, а желаете, чтобы знал только я?

Август даже не слушает, что говорит Теодор, что говорит это ничтожество.

— Малость смахивает на картошку, — предполагает Теодор.

Молчание.

— Но может, это такой сорт репы?

Август вдруг, словно очнувшись:

— Нет, это картошка.

— Вот видите, я угадал! — восклицает обрадованный Теодор. — Я ж сразу увидел, что похоже на картошку. Значит, это какой-то новый сорт?

— Да.

Теодору явно мало, что ему вообще ответили, и, воспользовавшись случаем, он наговорил ещё много чего. Завершил же он свою речь словами:

— А нельзя узнать, есть уже клубни или нет?

Молчание.

— Вы не позволите мне зайти на участок и посмотреть на растения?

Какое-то мгновение Август стоит с растерянным видом, потом хватая свою трость, выбрасывает стилет и бросается на болтуна. Он преисполнен ярости и делает выпад. И кстати, хорошо, что он так разъярился: в его ударе не было силы и он не попал в Теодора. По мере того как Теодор пятится назад, Август выдвигает своё оружие всё дальше и дальше поверх колючей ограды, под конец он оставляет свои попытки и кричит:

— Только попробуй... только попробуй войти!

Теодор отправляется восвояси. Он не обижается, что его прогнали таким манером, подумаешь, прогнали и прогнали. Экий злюка! — верно, думает он про себя. А в трость у него вделан нож. Как бы то ни было, Теодор несёт в посёлок великую новость: Август

на своём участке посадил картошку, новый сорт картошки, семена у неё как порошок, и теперь до конца дня у него есть занятие — разносить эту новость по домам.

Жёлтая зюйдвестка и большая новость целиком заполнили мысли Теодора. Если и живут в Поллене несчастные люди, то это никак не Теодор.

А что делает тот, кто остался на участке? Может, Август у нас крылатый муравей и умеет летать, но позавидовать ему никак нельзя: он не летит на своих крыльях, он просто трепыхается, а трепыхаться трудно и утомительно, на это уходит много сил.

Август столкнулся с трудностями, и, не будь его дух наделён благословенной лёгкостью, он бы не смог всякий раз беззаботно петь песенку, когда требовалось проявить ответственность и заботу. Как-то раз перед Троицей ему довелось своими глазами видеть, как один человек выкапывал ёлочки перед домом. «Ты почему их выкапываешь, скотина ты эдакая?» — в полном ожесточении спросил Август. «А что ж мне ещё делать? — отвечал тот. — У меня всего-то и осталось земли, что эта полоска, вот я и хочу с Божьей помощью засадить её картошкой». — «Здесь было десять ёлочек, — сказал Август. — Чёрт меня дёрнул посадить их перед твоим домом!»

Но ту же самую картину Август увидел перед всеми домиками, стоявшими вдоль дороги, что вела к морю: люди, засучив рукава, выкапывали его ёлочки и сажали вместо них картошку. И это были те самые люди, которые видели, как, обнажив голову, он сыпал в землю священные семена, их не взволновала серьёзность минуты, они, верно, стояли вокруг него, исполненные подозрений, считая, что всё это — комедия и кривлянье. Даже дикарь из Патагонии смекнул бы, что здесь совершается священнодействие, он от почтения уткнулся бы носом в землю!

Разве ему было сладить с этими обитателями жалких домишек! Ну и ладно, им же хуже, верно, подумал он. А уж ёлочек они больше от меня не получают.

Теперь возьмём, напротив, муравья Теодора. Ему неведомы подобные неудачи, потому что у него нет планов на будущее. Ближе к вечеру Август вновь его встречает, Теодор ведёт себя как обычно: он ходит из дома в дом в своей зюйдвестке и разносит великую новость, бродячий муравей, который вроде как занят важным делом. Там и сям

его потчуют кофе, там и сям он кого-то подстригает, потому Теодор и думает, что он везде желанный гость.

Встречает Август и Эдеварта, но и Эдеварт не прибавляет ему бодрости духа. Эдеварт, покачиваясь, поднимается от лодочных сараев, где по поручению рыбацкой артели он должен следить за лодками и такелажем, а также чинить их.

— У тебя что, фабрика будет без трубы? — спрашивает он с места в карьер.

Август останавливается. Он уже загодя раздражён, и его легко вывести из себя.

— Что, труба? А ты только что догадался? Да, умом тебя Бог не обидел.

Эдеварт бормочет:

— Да я уже давно заметил, что она без трубы.

— И сразу подумал, что я про неё забыл? Как, по-твоему, мог я поставить трубу до того, как решил, чем буду её топить? Допустим, в один прекрасный день я решу, что фабрика будет работать на электричестве, потому что в этом я тоже разбираюсь. Тогда на кой мне нужна труба?

— Не нужна, — говорит Эдеварт.

— Вот видишь! А крыша на доме нужна обязательно, потому я и не прекращал работы, пока не подвёл дом под крышу. А ты, Эдеварт, решил, что про трубу-то я и забыл.

Эдеварт хочет идти дальше.

— Но без трубы мне не обойтись, — говорит Август, — и будет она в сто пятьдесят футов высотой.

— А топить чем будешь?

— Чёрт подери, откуда мне прикажете брать здесь электричество? Так что хочешь не хочешь, придётся ставить трубу. Но разобрать крышу — это такой пустяк. Об этом я вовсе не тревожусь.

Эдеварт ещё раз делает поползновение уйти.

— А топить я собираюсь торфом, — говорит Август.

— Торфом?

— Конечно. Ты, верно, думаешь, что дыму от торфа будет не меньше, чем от угля, но ты ошибаешься. От торфа из трубы будет подниматься замечательный столб дыма. Я всё подсчитал и прикинул: здесь будут огромные торфяные разработки, потому как болота

доходят до самого залива, а я ещё слышал и про другое болото, которое занимает половину всего прихода.

Эдеварт:

— А зачем тебе такое большое болото?

Август настроен миролюбиво. Раз ему удалось заставить Эдеварта раскрыть рот и задать пару вопросов, это чего-то да стоит, поэтому Август пользуется благоприятной возможностью объяснить решительно всё: по сравнению с поставленным на широкую ногу производством торфяной крошки рыбная мука покажется пустяком, даже в особенно удачные для промысла годы. Нет, торфяная крошка на экспорт — это ценный товар на мировом рынке, удобрений станет вдвое больше, гигантское производство, ни одного норвежского парохода, чтобы шёл порожняком. Ну-с, что скажет на это Эдеварт?

— Да, — говорит на это Эдеварт.

Август:

— Я построю небольшую железнодорожную ветку до Верхнего Поллена, может статься, и здесь не обойдётся без акционирования, тогда вся Норвегия обзаведётся такими акциями. Как по-твоему?

— Да.

Август был оживлён и доволен, наконец-то всё пошло как надо. Даже староста Йоаким, который всё время не верил ни в банк, ни в фабрику, даже Йоаким вдруг прозрел: каким покупателем торфяной крошки может, к примеру, стать Аргентина! Рыбная мука — вещь чрезвычайно полезная, иначе и не скажешь, но тогда коровам придётся до поры до времени продолжать есть цельную селёдку, как они и привыкли, а вот торфяная крошка стала бы спасением для хиреющего земледелия, ответом на призыв SOS со всего света. Кстати, что мешает Августу потом выстроить несколько фабрик по производству рыбной муки?

Август всё это время берёт свои сигареты и закуривал их, лишь когда вокруг никого не было. Теперь он закурил сигарету, потому что углядел у ручья Рагну, пришедшую за водой. У него тотчас поднялось настроение, он взмахнул тростью и двинулся вперёд!

Но очень скоро Август замечает, что, как он ни пыжётся, затея эта для него безнадежная. Рагна отворачивает лицо в сторону и вообще не проявляет ни малейшей радости, завидев его. Она просто наполняет

водой свои вёдра и собирается уйти. Что ему остаётся делать, кроме как изображать живое веселье и обычную развязность — ку-ку, малышка Рагна! — и никоим образом не выказывать серьёзные намерения прямо здесь, у ручья.

Рагна мало изменилась за это время, она всё так же убого одета, но тело у неё округлое, да и лицо красивое. Она вполне оправилась после зимних тягот.

— А у меня для тебя привет от Эстер, — говорит Август.

Рагну легко задобрить, достаточно просто произнести имя её дочери.

— Ты её видел?

— Как же не видеть! Я ходил туда, чтобы продать доктору несколько акций. Она была румяная и свежая, зубы белые, а глаза с поволокой. Я ещё не встречал таких красивых девушек, да я и сам был готов приударить за ней, когда она поглядела на меня. Такие у неё изумительные глаза. И она велела передать вам самые горячие приветы.

— А когда это было? Потому что я сама навещала её на прошлой неделе.

Август, с интересом:

— А доктора ты видела? Рана у него зажила?

— Рана? Я понимаю, к чему ты клонишь, но не болтай лишнего, — сказала Рагна и взяла вёдра, чтобы уйти.

— Рана от белых зубов. Говорят, она грызёт уголь?

Рагна снова поставила вёдра на землю:

— Это самая гнусная ложь, которую я когда-либо слышала. Она так же не грызёт уголь, как не грызу его я. Неужели девочку всю жизнь будут обвинять в подобной гадости?

— Да-а, — бормочет Август, — ровным счётом шесть передних зубов. Может, он хотел её поцеловать?

Рагна ищет глазами, чем бы ей швырнуть в Августа, и говорит с угрозой:

— Я сейчас опрокину тебе на голову ведро с водой.

Август:

— Что ни говори, а из них получится недурная парочка, по всему видно. Другой такой он не найдёт, я ему прямо так и сказал. Хорошо бы узнать, кто её отец.

— Можешь не сомневаться, ведро на голову тебе обеспечено!

Август закуривает сигарету:

— Само собой, это не Теодор, и не рассказывай мне, он на это не годится.

— А мы недавно получили портрет Иоганны, той, что уехала с пасторской семьёй на юг. Они с сестрой похожи друг на друга, как две капли воды, Иоганна такая же красивая.

— Значит, она от того же отца?

— Ну конечно, — говорит Рагна, — и перестань кощунствовать: у меня все дети от одного отца.

Август, улыбаясь:

— А с этим я и не спорю.

— Не желаю больше тебя слушать, — говорит Рагна и подхватывает ведро.

— Ну так как же? — спрашивает Август. — Значит, я получу Иоганну?

— Кто? Ты?

Август выбросил сигарету, хоть и не докурил её, и теперь закуривает новую, чтобы выглядеть эдаким важным господином. Перед ним стояла Рагна, и была она такая ладная и привлекательная, вот только замужем за придурком.

— А ещё, — говорит Август, улыбаясь, — в первую очередь я предпочёл бы тебя самое, потому что всю жизнь любил тебя. А ты убежала от меня и вышла за такого простофилю.

Рагна уходит.

Он идёт следом, идти-то идёт, но толку-то. У самого порога он говорит:

— А можно мне войти и взглянуть на портрет Иоганны?

— Нет, — отвечает она, — я дала его посмотреть Эдеварту!

И с этими словами Рагна закрывает за собой дверь...

Август идёт к себе домой, чувства у него в полном смятении. Значит, дала портрет Эдеварту — уж верно, не без причины. Но вот то, что она вошла к себе и захлопнула дверь, словно перед этой дверью никого не было... Убийство — это пустяк, если сравнить его с таким поведением. Он был ожесточён, он готов был скрежетать зубами и палить в белый свет. Разве он не становится то и дело жертвой несправедливости? Вон она разгуливает молодая, и здоровая,

и бойкая, и всё такое прочее, а в нём скрыты великие сокровища, он знает куда больше, чем многие другие, он жаждал жизни, он любил, и к чему всё это? Чего он только не сделал в Поллене, кто из здешних жителей более него достоин разъезжать четвернёй? Он не топтался всю жизнь подле двери своего дома, он, чёрт подери, был единственным полленцем, в чьих жилах течёт голубая кровь. Когда он болел зимой, то был самым важным пациентом во всём селении, таким, который держит в своих руках множество судеб; даже окажись в соседней комнате миллионер, он и то был бы меньше нужен людям. Ну и чем это всё кончилось? Эдеварт и по сей день может иметь её, когда пожелает, хотя на самом деле он мертвей, чем иной мертвец в гробу. «Вот, пожалуйста, портрет нашей Иоганны!» Понял ли этот дурень, зачем она пришла? «Вот я бы точно понял, — громко восклицает Август, подбрасывая в воздух свою трость. — Если б я был на его месте!»

Он пошёл к лавке, а куда ж ему ещё оставалось идти? Лавка в Поллене заменяла базарную площадь, где встречаются люди; покупателей в лавке хватало, но торговля не шла, а были здесь Кристофер, несколько женщин, ещё несколько мужчин стояли, навалясь на прилавок, и разговаривали, выспрашивая новости. Вошёл Август. Никто не подвинулся в сторонку, чтобы уступить ему место, они его знали, подумаешь, Август. Вот как они к нему относились — одни были за него, другие против, смотря по обстоятельствам. Но ведь он-то оставался всё тем же, даже когда у него дела шли плохо; какая-нибудь новая идея, новое озарение немедля сделали бы этот сброд покорным и кротким.

Вошёл Эдеварт, взял несколько листов бумаги и конверт.

— Будешь писать письмо? — спросил Август. — Дал бы лучше телеграмму.

На Кристофера никто не обращает внимания, он просто обернулся, чтобы поглядеть, кто это пришёл, после чего отвернулся снова. Он почти лежит на прилавке, курит самокрутку и разговаривает с парочкой женщин и парочкой мужчин, разговаривает и бранится. На великого путешественника Августа и вернувшегося из Америки Эдеварта он плевать хотел, для Кристофера, грузчика и забулдыги, они вроде пыли под ногами. Кристофер считает, что теперь ему сам чёрт не брат, раз за зимний грабёж со взломом в Новом Дворе

и за быка, украденного из хлева у старосты, на него не заявили ленсману — ясное дело, они его боятся, с таким, как он, не больно-то пошутить. Время от времени он мечет грома и молнии на общинный комитет призрения бедняков, на скудный весенний улов в Финмарке, на важных господ из Верхнего Поллена, и на бедного трудягу, на Господа Бога, который сидит у себя на небе и дёргает землю за кольцо в носу...

Поулине не любит, когда непочтительно говорят о Боге, который ниспослал такую благодать на её лавку, она гневно фыркает: «Трепло!»

Кристофер понял, что очень даже веселит присутствующих в лавке полленцев.

— Я трепло?! — переспрашивает он, восприняв это как поощрение к разговору. — Не пристало тебе, Поулине, так говорить, раз ты жируешь на бедняцких шиллингах, а деньги, которые ты высосала у нас и спрятала в своём шкафу...

Неожиданно его останавливает Эдеварт:

— А ну, заткнись!

После чего он снова обращается к Поулине и просит у неё ещё один конверт — на тот случай, если не сразу сумеет написать адрес.

Кристофер кривляется:

— Прощу прощенья, важный господин и президент Америки! А я и не знал, что мешаю тебе.

Полленцы злобно хихикают, их развлекает эта перепалка.

Но поднять голос против Эдеварта — это для Поулине всё равно что замахнуться на неё самое. Она рявкает:

— Убирайся к себе домой, Кристофер, мы за тобой не посылали!

— А вот домой я пойду, когда сам пожелаю, — отвечает Кристофер. Он увидел у Августа трость и покачал головой. — Август, ходок по земле и по морю, ты у нас и полиция и вообще начальство, смотри-ка, с тростью гуляешь.

Август не стал отвечать колкостью, он сказал:

— У меня нога болит.

— Всего одна нога? А у меня, бывает, везде болит, однако я не разгуливаю с тростью. А знаешь, что мы сделали с твоими ёлками? Мы их выбросили на помойку.

— И ты даже не посадил вместо них картошку?

— А чего мне сажать? Мы ведь съели всё, что оставили для посадки.

— Тогда зачем ты выдернул ёлки?

— Зачем я их выдернул? Могу сказать: я выдернул их просто потому, что разозлился на всю эту чепуху, которую ты устраиваешь! Вот зачем.

— Так-так, — сказал Август.

— Потому что все твои затеи в Поллене — это сплошная чепуха! Вот ты захотел повесить номера на наши дома. Предупреди только, когда надумаешь прийти ко мне, чтоб я смог как следует тебя встретить!

Несколько женщин и мужчин, собравшихся в лавке, теперь смеялись в открытую, хотя и прикрывали рот ладонью. Рабы веселились за спиной у господ.

Поулине, сердито:

— А между прочим, Август заплатил за быка, которого ты свёл у нас со двора.

— Не я один свёл, — отвечает Кристофер.

— Но ты был зачинщиком.

— Не думай, Поулине, что я тебя боюсь. Вы все так много о себе понимаете, так задрали нос, но меня вам не запугать. А ну, Август, покажи-ка мне свою трость!

Август чуть разворачивается и в то же мгновение выдёргивает стилет. Он бледен как смерть и вне себя, он словно потерял разум, он, который за всю свою жизнь не убил ни одного человека. Эдеварт перехватывает его руку.

В лавке никто больше не смеётся; Кристофер съёжился и побледнел, он хочет уйти отсюда! Подойдя к открытым дверям и увидев перед собой улицу, он кое-как собирается с духом и говорит, что здесь не место для приличных людей, что ноги его здесь больше не будет и что есть другие торговцы, у которых можно делать покупки, есть в Верхнем Поллене, есть и на пристани.

Остальные покупатели берут свои пакеты, свёртки и прощаются, смеяться больше не над чем, ждать развлечений тоже не приходится, но этот Кристофер хорошо им всыпал, он вообще никого не боится, хоть фогта, хоть кого другого.

Август стоит и помаленьку остывает после своего взрыва, он явно смущён, ему неловко, он обводит взглядом стены, разглядывает развешанные товары: железные ковши, галоши, колокольчики для скота, мотки ниток для сетей на треску. Снимает козий колокольчик, оглядывает его и вешает на прежнее место.

— Что это на тебя нашло? — спрашивает Поулине.

— Нашло? Да я просто хотел припугнуть его.

— Не похоже было, что ты шутишь.

Он надеялся, что Поулине не будет говорить об этом, ведь она встала на его сторону, напомнила, что он заплатил за быка, а теперь вот начала его допрашивать, и лицо её при этом было отнюдь не дружелюбным.

— Ты хотел его убить? — продолжает она.

— Да ты что, с ума сошла? За кого ты меня принимаешь?

— У тебя был такой вид, — стоит она на своём. — Ладно, Эдеварт, хорошо хоть, что мы теперь знаем, чего от него можно ждать.

— Он просто вышел из себя, — отвечает Эдеварт.

Август:

— Этого я и не отрицаю. А случись такое на другом краю земли!.. И что за чушь ты несёшь, Поулине? Я на такое не способен.

Поулине, передернувшись:

— У тебя были такие глаза...

— Просто бред какой-то, — перебил её Август, — и это обо мне, безгрешном человеке! — Он повернулся к Эдеварту: — Если хочешь знать моё мнение, Эдеварт, не надо тебе писать письмо, а всего лучше отправить телеграмму, тогда тут же получишь ответ, что она вот-вот приедет. А то будешь ходить и ждать дурак дураком.

— Зато он никого не пытается убить, — упорствует Поулине. Судя по всему, она хочет, чтобы он убрался как можно дальше и никогда не возвращался, до конца своих дней она вполне может обойтись без него. Какой бы жестокой Поулине ни была, но обуздать его и сделать добропорядочным полленцем ей так и не удалось. И голос её отнюдь не звучал как арфа; даже козий колокольчик, хоть и дребезжащий, был слаще для его ушей, и не нуждается он в благосклонности Поулине. Вот она стоит, принаряженная, с белым воротничком, с жемчужным кольцом — словно он не видал этих жемчужин тысячами. Она не выглядела ни полной, ни красивой,

скорее казалась ожесточённой, хоть и была какая-то милота у неё в лице, цветок — но из железа...

— Ты чего говорил? — спрашивает Эдеварт, чтобы переменить тему. — У тебя и в самом деле болит нога?

— Ничего у меня не болит, — отвечал Август, — я просто так сказал, чтобы не выхваляться своей тростью и не привыкать снова к выдумкам и хвастовству.

Поулине смягчилась.

— Хороший ты человек, — сказала она.

— Это почему же?

— Ты не стесняешься признать свою вину.

Возможно, сам Август не видел в этом ничего особенного, однако он не преминул воспользоваться случаем.

— Да-да, — сказал он, — вот так-то, пожалуй, лучше, чем обвинять в убийстве.

Поулине, женщина достойная и порядочная до мозга костей, обратилась к старшему брату:

— Как ты думаешь, Эдеварт, вот если бы ты не схватил его за руку, дошло бы дело до кровопролития?

Эдеварт:

— Нет и нет, он просто рассердился.

XXIV

С тех пор прошёл месяц.

В Поллене царила тишина, никакой деятельности, никакого движения, но маленькие лужки и пахотные земли старосты Йоакима выглядели отменно, а уж за селением вообще царила Божья благодать — зелёные поля тянулись от каждого дома до береговых скал. А что же такое было здесь, встречало лето, росло и вызревало? Ячмень, овёс, трава, репа и картошка, словом, достаточно еды для людей и скота.

Зажиточный земледelec не мог нарадоваться на своё хозяйство, он видел в этом Божье благословение своим трудам. Никто не умел быть так благодарен за уход и заботу, как земля, она с лихвой возвращала вложенное в неё, вознаграждала по-матерински, вознаграждала по-божески. А осенью у него было работы выше головы — всё время убирать и убирать. Не пшеницу, не кукурузу, нет,

Ездра и Осия признавали лишь тот хлебный злак, на котором росли и выросли и старый Мартинус, и все другие полленцы, выросли, и состарились, и дожили кто до восьмидесяти, кто до девяноста, а кто и до ста лет. Достигнув такого преклонного возраста, они имели полное право сидеть в сторонке и смотреть, как старятся другие.

Август-скиталец взывал к ним, толковал о промышленности и о финансах — но какое им дело до всего до этого? Пастору они платили сиклем священным и праведной мерой, королю и общине — телячьей шкурой, маслом, сыром и берёзовыми дровами, всего помаленьку, изредка быком — властям из Верхнего Поллена. И всё шло своим чередом, шло превосходно, на крестьянский лад. Август-скиталец в своё время многому их выучил, теперь он учил их другому: всё должно себя оправдывать в тысячекратном, в непонятно-сколькочкратном размере...

Август, видно, совсем отказался от мысли оборудовать фабрику машинами. На все телеграммы, которые Поулине доставляла на станцию, завод не ответил ни единым словом. Август обсудил это загадочное обстоятельство с Поулине, и никто из них не мог понять, в чём тут дело. «Может, они не верят, что ты заплатишь?» — «С этих придурков станется,— соглашался он. — Но почему они тогда не напишут и не попросят предоставить им гарантии? Им бы сразу всё стало ясно, ведь у меня есть ценные бумаги трёх или четырёх стран». Август бранился что есть мочи и обещал наведаться на завод и сказать им всё, что он про них думает, как только поедет в Норвежский банк, чтобы поменять свои бумаги. «А чего б тебе не поехать прямо сейчас?» — спрашивала Поулине, как обычно, невпопад. Да разве он может сейчас уехать от своей плантации, когда она вся стоит в цвету!

Август вообще был весьма занят своим участком. Просто чудо глядеть, как растут, кустятся и качают на ветру крупными листьями его питомцы. До сих пор Август никому, кроме Теодора, не говорил, что это у него такая картошка, но на простую, обычную картошку растения походили всё меньше и меньше, а походили они, по правде говоря, на свёрнутую трубку, и тогда спрашивается, что это могла быть за картошка? А ещё вот что занятно: Август понемножку обрывал самые большие листья со своих растений, дома клал их под пресс, а выжатому соку давал настояться и перебродить.

Эдеварт какое-то время работал у Ездры, они распахали новый участок, после чего он вернулся в свою комнату над кофейней, где, как и прежде, обитал вместе с приятелем.

Написать письмо он так до сих пор и не собрался, ссылаясь на то, что Август ему отсоветовал писать.

— А телеграмму ты послал?

— Нет, пока не послал.

Август за голову схватился:

— Ты что, совсем спятил? Вот отправил бы вовремя телеграмму, так и жена была б уже здесь, при тебе. Из чего ты, спрашивается, сделан? Из камня или из дерева? Господи, прости меня грешного!

Эдеварт сидит и размышляет над словами друга, моргает, предаётся раздумьям, он такой тугодум и такой бестолковый.

— Не так уж всё это просто, — говорит он, — у меня ведь совсем не было денег, пока я не получил немножко от Ездры.

Для Августа это не довод.

— У тебя что, не было денег на телеграмму? Поулине могла бы тебе одолжить.

— Я вообще не уверен, что мне следует это делать, — бормочет Эдеварт.

— Ах так, значит, ты не уверен, что тебе следует это делать!

Август был совершенно сбит с толку, он ещё никогда не слышал ничего подобного и не знал, что следует говорить в таких случаях: родная жена в другой стране, а муж здесь, и на кой она тогда ему сдалась? Он обсуждал это дело с самим собой, задавал себе вопросы и сам на них отвечал. Может, ему следовало самому отправить эту телеграмму как бы от имени Эдеварта и вызвать эту самую жену сюда для выполнения супружеского долга? А какой у неё адрес? Сделать так, чтобы миссис Эндрюс не позже чем через месяц появилась здесь, — это для него пара пустяков.

Эдеварт моргал и раздумывал. Потом сказал:

— Дело в том, что у тебя есть вкус к жизни.

— Что ж мне, по-твоему, надо иметь вкус к смерти?

Август снова делается словоохотливым, говорит горячо, говорит много, но ответа не получает. В конце концов ему становится ясно, что друга не так-то просто убедить болтовнёй, он подходит к печке и спрашивает:

— У тебя, часом, нет подозрения, что ты, может быть, не единственный, кто её домогается?

Эдеварт:

— Это как же? Нет, я ничего об этом не знаю.

— Ну вообще то это не моё дело, — говорит Август.

Но он явно угодил Эдеварту, этому жеребцу, в больное место. Тот смутился, поднял с полу какую-то щепочку и начал крутить её.

— Да нет, это и впрямь не моё дело, — повторяет Август и подходит к окну, — но сам я никогда не стану переживать из-за женщины.

Наверно, эти слова были сказаны в утешение Эдеварту, но бесполезно, тот всё ниже склонял голову, вертя подобранную с полу щепочку, и выглядел крайне подавленным. Может, его сердце терзали тревога и заботы? Или он просто делал вид, что испытывает эти чувства?

Август:

— Это, конечно, не очень хорошо. Но скажи на милость, что остаётся делать нам, морякам и путешественникам, кроме как войти в ближайшую гавань, а про старую забыть? Невелика радость вечно ходить и горевать.

— Дело вот в чём, — заговорил Эдеварт. — Сначала нас было только двое, она и я. Вот тогда мы не могли расстаться друг с другом, тогда любая близость казалась нам недостаточной.

— Так оно всегда и бывает! — воскликнул Август тоном знатока.

— Да, только мы начали не с той стороны, — продолжил Эдеварт, — ведь она и раньше была замужем и, наверное, не могла забыть первого мужа.

— Большой подлец был, как я слышал?

— Нет-нет, — ответил Эдеварт, — он был из её родных мест, он вырос на её земле, а я вырос в другом месте, и я был для неё чужой. Может, это сыграло свою роль, не знаю. Но он был побойчей меня, и ещё он был отменный любовник.

— Между прочим, ты тоже не ударял в грязь лицом.

— Я сам, — мечтательно сказал Эдеварт, — я сам был очень молод, я не умел ни играть на гармошке, ни пить, ни ухаживать за другими девушками. Для меня существовала только она. А он выучился на жестянщика и умел делать множество хороших вещей:

сита, и ковши, и вёдра. Вот он и был для неё первым номером. С ним она и поехала в Америку.

— А разве он не мог поехать туда один?

— Не думаю, что она хотела этого, ведь она осталась с ним, а немного погодя он где-то сгинул, в этой самой Америке...

— Да плюнь ты на него, — перебивает Август, — в конце концов мы говорим не о нём, а о ней.

— Верно, но никто не знает, что с ним случилось, умер он или просто сбежал.

— Он сбежал, — воскликнул Август, — просто-напросто сбежал, на него это похоже! Не подумал ни про жену, ни про детей. — Августу была непонятна дурацкая беспристрастность друга. Он яростно фыркнул. Тоже мне ревность называется! Август, тот разорвал бы своего соперника в клочья, чести ни на грош, и вообще как-то всё не по-людски. Подлая скотина, арестант и всё такое прочее. — Тебе, Эдеварт, следовало покрепче держать её на привязи, она не видела у тебя серьёзных намерений. Вот будь я на твоём месте!..

— Да всё было хорошо, пока она не начала разыскивать его. И с тех пор я превратился для неё в ничто.

— Она что, ищет его? Так ведь он же умер. Я никогда не думал, что он задал дёру, хотя это вполне на него похоже, нет и нет, он умер, отдал концы, и не на самый приличный манер: то ли в железнодорожной катастрофе, то ли прыгнул прямо в реку Гудзон. Будто я не знаю кучу людей, которые так поступали! Какого же чёрта она мечется и разыскивает покойника! Уж я-то сказал бы ей пару ласковых!

— Она и детей заставила его искать!

— В жизни не слышал ничего глупее: искать покойника!

— Если бы она знала это наверняка!..

Возбуждённый Август снова подходит к печке:

— Я просто диву даюсь, как спокойно ты об этом рассуждаешь! Разве она не твоя законная жена? Чего ради ты так себя ведёшь, дурень ты эдакий, у тебя что, голова не в порядке? Ты и про её жестянщика говоришь так, будто он не жестянщик, а золотых дел мастер. Дай мне лучше посмотреть её письма.

— Письма? — переспросил Эдеварт. — Чего вдруг? Да и не думаю я, что они у меня есть.

Стало быть, у Эдеварта не было писем, он не хранил эти столь дорогие для него строки. Возвратись после долгих странствий, он, может, даже не прочитал их внимательно. Как-то странно выглядела вся его любовь, хоть он и сидел и рассуждал о ней. И вся его ревность тоже была чистой воды выдумкой.

— Ты должен дать эти письма мне, чтоб я мог их прочесть, — приказал Август, — потому что я знаю, как нам следует поступить.

Эдеварт с досадой встал:

— Зачем тебе эти письма? У меня, может, только и осталось, что последнее!

Он поискал в кровати — нет! Он поискал во всех карманах, поискал даже в карманах своего воскресного костюма, который висел на стене.

— Может, его кто-то взял? — сказал он. Вот вам большая и пылкая любовь!

Наконец он нашёл письмо на полу, оно выпало из постели.

Письмо было написано прошлой осенью и ничего особенного собой не представляло: мол, пишет она в вечерний час и думает, что он скоро к ней приедет. У неё всё очень хорошо: она сняла шесть комнат, а потом сдала их людям с железной дороги, некоторым с boarding'ом. Брови, о которых он так часто говорил, она каждый вечер смазывает кокосовым маслом из аптеки, вот ему доказательство, что она его не забыла. Вообще же она собирается в следующий раз доехать до Фриско, но на пороге зимы, да ещё при полной неизвестности, это слишком долгое путешествие. Впрочем, в платьях у неё недостатка нет, и ещё у неё есть новое пальто с воротником и манжетами из скунса. Она просит его написать, как ему живётся, и не забывать про неё. Под конец она передавала приветы от нашей дочери миссис Адамс, которая вообще не помнит больше ни единого слова по-норвежски, а знает только по-английски...

Эдеварт сидел и внимательно слушал, кое-что для него прозвучало как новость. Он поднял глаза и сказал:

— Значит, в следующий раз она намерена добраться до Фриско? Ну прямо как ищейка, всюду ездит и всюду приспособливается.

Август был недоволен и заявил тоном превосходства:

— Ничего худого я про это письмо не скажу, но это ни то ни сё. Ты ни в чём не можешь упрекнуть её, она изменилась в лучшую

сторону. И ты должен был немедля ответить ей, что, мол, разрешаешь своей жене поступать, как ей заблагорассудится, уезжать, приезжать и командовать вами обоими, — вот что я бы сделал на твоём месте. А сейчас мы отправим телеграмму, это решено. — Август диктует: — Исполни свой долг и приезжай немедленно. Я при смерти. Наследство будет разделено...

Эдеварт глядит на него, разинув рот.

— Спору нет, здесь есть некоторое преувеличение, — говорит Август, — но разве я не был долгое время при смерти? И об этом мы тоже скажем. Я всё сформулирую как надо. В конце концов, мы дадим телеграмму на норвежском языке, так что ещё вопрос, дойдёт ли она.

— Не дойдёт, — сказал Эдеварт, покачав головой.

Август, нимало не смутясь:

— Так мы и сделаем. Главное, чтобы она перепугалась. Я при смерти... Наследство будет разделено...

— Какое такое наследство?

— Ну, здешнее. И не думай, что, если бы ты сейчас умер, у тебя не осталось бы никакого наследства. Ты не можешь оставить всё брату и сестре. Не то тебя задержат и посадят, потому что у тебя есть и прямые наследники — я уж не говорю про всех твоих внебрачных детей. А когда она вернётся и предстанет перед нами, вот тут-то я с ней и поговорю.

Эдеварт покачал головой, всего лишь покачал головой.

Август:

— Ответь мне, пожалуйста, на один вопрос: она после твоего отъезда отыскала своего мужа или нашла себе кого-нибудь другого?

— Ты это про что? Разве я могу это знать?

— Не можешь. Но ты должен дать ей, как это называется, шанс и залучить её домой. Я помогу тебе написать это в письме. А когда она появится здесь, в этой комнате, то, уж поверь, начнёт плясать под твою дудку. Хватит ей рыскать по всей Америке в поисках покойного мужа. Я знаю, как с ней надо обращаться, потому что и сам ездил в Америку по такому же вопросу.

У Августа выдался очередной звёздный час. Возможность возглавить и это дело привела его в отменное настроение. Его не смутило недовольство Эдеварта, он был такой же пылкий и бесшабашный, как и прежде. Он набрасывал план действий,

разливался соловьём, давал волю самой необузданной фантазии и вообще чувствовал себя, как в гостинной Йоакима, когда сочинял самые неправдоподобные истории. Он испытывал наслаждение, получив возможность что-то выдумать, его светло-голубые глаза становились всё больше и больше, словно он не верил собственным словам. Как лихо он фантазировал, какое проявлял бесстыдство, порой даже испорченность, во всяком случае, нечто нездоровое и порочное. Но у него были самые лучшие намерения, он никому не желал зла, напротив, сейчас он просто от души хотел помочь приятелю, хотя, как всегда, упускал из виду первоначальную цель и избирал произвольное направление мысли — направление в никуда.

Ну конечно же речь пошла об одной даме — или сразу о двух, из которых одна была, по его словам, «дочерью генерального президента», так что, если вернуться к миссис Эндрюс, она должна понять, что другие знатные дамы, не ей чета, тоже должны были, вступив в брак, подчиняться воле мужа...

Но что, спрашивается, знал о браке сам Август? Да, он был некогда женат на одной, не сказать, чтобы долго, но женат самым настоящим образом, без преувеличений. Вот пусть теперь Эдеварт его послушает!

Он тогда ходил на танкере, который возил нефть; куда шла погрузка, команда жила на берегу, потому что такая погрузка — дело опасное и никто из белых этим не занимается. И познакомился он тогда с одной девушкой, из местных и довольно темнокожей, с просто фантастической фигурой, а волосы у неё были как у изрыгающего огонь льва и окружали её голову, словно колесо. Но, прошу прощения, она хотела выйти за него, непременно выйти, и не оставляла его в покое; они-де заведут свой дом, говорила она, а по-другому она не желала иметь с ним ничего общего. Говорить с ней было без толку, потому что в таких случаях она просто уходила и начинала приставать к другому, а на это Август тоже не мог спокойно смотреть. Он раздумывал, не стоит ли ему прихватить её с собой в Штаты и там её показать всем, но этого она не хотела, потому как не желала покидать свою страну, она была согласна только, чтоб они поженились и жили у неё, ведь у неё здесь были дом и плантация. Но что это, спрашивается, было за жильё и что это за плантация для человека, который привык к лучшему: бамбуковая крыша прямо с листьями, а

стен никаких — нет уж, не взывайте! Хотя в тех местах далеко не все женщины имели даже приличную крышу, а ей крыша досталась от мужа, который сбежал — всё равно как жестянщик миссис Эндрюс, который тоже сбежал или почему-то умер.

Август только тем и спасался, что играл ей на гармошке и таким образом отшил соперника, а уж она танцевала до упаду. Потом он спросил у неё: «Ну, хочешь со мной?» Оказывается, не хочет, оказывается они должны сперва пожениться. «Как, сейчас? так сразу?» — ответил Август и ушёл своей дорогой. По какой такой причине она не желала вступить с ним в отношения? Ведь в тех краях женщины вовсе не так строги на этот счёт. Просто она до того была в него влюблена, что желала всю жизнь держать его при себе, не могла без него жить, это он и сам прекрасно понимал. Но раз так — счастливо оставаться, и он ушёл.

Прошагав несколько часов, он оглянулся. Она шла следом. Это как же так? Да-да, шла следом. Шла, и любила его, и проливала горькие слёзы, и не могла забыть, до чего прекрасно он играл на гармошке и до чего он красив со своими золотыми зубами. Но он ни капельки не жалел её, он знай себе шагал дальше. Трое суток она следовала за ним, потом повернула назад — дальше идти она не посмела, потому что здесь начинались владения генерального президента.

Август надолго задержался в тех краях; везде, в самых знатных семьях его принимали как нельзя лучше, а народ падал перед ним ниц, потому что он был белый и с золотыми зубами. Ему хорошо там жилось, он женился на президентской дочери и жил во дворце, перед входом в который стояла стража, и у него в личном распоряжении были целых четыре врача, на случай, если он, к примеру, заболит, ну и ещё много всякого: пароход для увеселительных прогулок по озеру, плантации, множество рабов и слоны, целых семь слонов для верховой езды, чтобы каждый день недели ездить на новом.

Август прервал своё повествование и покачал головой. Вся глупость была в том, что сам он действовал опрометчиво и не увидел даму, пока не женился, впрочем, у кого могли бы возникнуть подозрения в адрес такой высокопоставленной персоны? А теперь пусть Эдеварт слушает внимательно.

Была ли она хороша собой, как она выглядела? Грех так говорить, но изображение Девы Марии было ничто по сравнению с ней, не то

Август ни в жисть бы на ней не женился. Но что толку в этой красоте, когда она даже и слышать про него не желала! Понять и объяснить это было невозможно, но она спокойно разгуливала и была очень красива, но не желала его ни днём, ни ночью. Ну, конечно, они могли порой обменяться поцелуем, но и тогда в ней не было никакой страсти. Что ему оставалось делать с такой женой? Она носила имя, которое невозможно выговорить по-норвежски, у них там не такие буквы, как у нас, и были они такие тонкие, что всякий раз, когда Август подзывал её, буквы пропадали, и ей приходилось брать для своего имени новые. Но когда женщина становится такой изысканной и тонкой, какая из неё жена для человека, который хотел бы кое-что от неё получить? Август спросил, не больна ли она? О нет, нет! И она показала ему четырёх детишек и сказала, что это её собственные дети, так что по этой части у неё всё было в порядке. Ну и пусть тогда катится! Август позвал её к себе и хотел получить от неё что-то силой. Он в жизни не забудет этот случай, пусть теперь и Эдеварт о нём узнает: она была гермафродитом!

— Ты это серьёзно? — с трудом выдавил из себя Эдеварт.

У Августа и у самого глаза как-то странно застыли при этом удивительном признании. «Гермафродит!» — повторил он. Впрочем, он должен был всё пережить, всё повидать на этой земле! И это тоже. А дальше история развивалась так, что он, Август, немедля покинул свою жену и свой замок, и сбежал, и промчался, будто за ним гонятся, через всю страну, и снова добрался до моря. Он считает, будто ни один человек не посмеет упрекнуть его в том, что он покинул такую жену, а четверо приبلудных детишек, которых она ему показала, наверняка были пустое хвастовство.

Судно его закончило погрузку и должно было отвалить завтра утром. Теперь каждый сопливый юнга знает, как это опасно идти в жару с грузом нефти. Давление приподнимает люки, и через несколько часов судно взлетает на воздух вместе с командой. Но Август был готов на всё, лишь бы не оставаться мужем дочери генерального президента, чёрт её подери! А Эдеварт явно не представляет, каким отвратительным был его брак с этой самой дочерью. На молу стоял человек и раскуривал сигарету, а спичку он бросил в воду. Что после этого произошло? Верно, вода воспламенилась. Вокруг судна загорелась нефть, которая вылилась из

корабельных танков. Август понял, что это неминуемая гибель — выходить на таком пожароопасном судне в море, но ему хотелось поскорей уехать отсюда. Вот чертовщина!

В последний вечер он снова сошёл на берег к той девушке с львиной гривой. Ах, какие разные бывают женщины! Здесь и речи не было о том, что чего-то не хватает, но она, прошу прощения, снова захотела за него замуж. Неужто каждый раз что-то должно вставать ему поперёк дороги? Жениться? С какой стати? Но она была редкостная, несравненная девушка и возложила ему на голову венок из листьев, всячески наряжала его, сама же повязала вокруг бёдер жалкую крохотную юбчонку, а другой одежды на ней вовсе и не было — при такой-то жаре!

Август снова замолкает и покачивает головой: когда он вспоминает про тот вечер, у него до сих пор дух захватывает. Она принесла какое-то вино, которое они выпили вдвоём, вообще-то это было не вино, а молоко кокосового ореха, которое перебродило в скорлупе, но они оба слегка захмелели и потеряли разум и начали петь и обниматься под бамбуковой крышей, и он лёг на неё и уже не выпускал из рук. «Не хочу, — сказала она, — потому что завтра базарный день и там я увижу его». Голос у неё был таким приятным, что его охватило пламя. Тут Эдеварт должен учесть, что он вполне мог её убить, но он пощадил её, он подарил ей жизнь. Впрочем, она, может, вообще не верила, что у Августа честные намерения, но она ударила его коленом, причём ударила изо всех сил. «Ведьма ты! — сказал ей Август. — Как ты можешь так поступать!» Она снова ударила его коленом, причём снова попала в самое чувствительное место. «Ты думаешь, так можно себя вести?» — спросил он. «Я завтра увижу его!» — повторила она. Вот тут-то он её и ударил, именно сейчас ударил кулаком, отчего она сразу присмирела. «Теперь лежи спокойно», — сказал он ей и для верности хотел добавить ещё и даже занёс руку, но потом опустил её, она, может, и без того была при смерти, и, значит, новый удар оказался бы совершенно лишним.

Но где это слыхано, чтоб встречались такие чёртовы бабы?!

Август оставил бамбуковую крышу и покинул эту женщину, он направился к своему кораблю, малость шатаясь и бранясь. А она вдруг неожиданно появилась позади него. «Ты что, хочешь сегодня уйти в море?» — спросила она. Именно этого он и хотел. «Идём», — сказала

она и подала ему знак. Они снова вошли под бамбуковую крышу, она отыскала уютное местечко, устланное листьями, и сбросила с бёдер коротенькую юбочку.

А теперь пусть Эдеварт слушает внимательно: она стала такая ласковая и прямо не знала, чем ему ещё угодить, и продержала его под своей крышей до последней минуты, и, когда ему хотелось ещё раз, она хотела того же. У неё осталось несколько синяков на лице, но это ничего, говорила она, а потом привела в порядок его венки и вплела в него несколько новых листьев, перед тем как ему уйти на корабль.

А венок он спрятал, поначалу ради смеха, а потом уже с превеликой заботой: в нём было много полураскрытых коробочек с семенами на длинных стеблях, и тут у него возникла мысль, что это, может быть, редкие и драгоценные семена, которые мало у кого есть. И он оказался прав!

Август перевёл дух и продолжил:

— Вот эти семена я и посеял на своём участке.

— Так-так, — сказал Эдеварт.

— Что ты всё твердишь: «так-так»! Знай, эти семена могут накормить весь Поллен и всю округу. Что ты на это скажешь?

— А разве это не табак? — спрашивает Эдеварт.

Август так и взвивается:

— А откуда, чёрт подери, ты это знаешь?

— Так мне кажется.

— Ты ведь, помнится, зимой говорил, что никогда не видел табачной плантации.

Эдеварт отвечает, что, может, видел, а может, и нет, точно он сказать не берётся.

— Я не стал это рассказывать, потому что тогда они припрутся вместе с Теодором и запакосят мне все посева, а потом соберут весь урожай. Как хорошо, что до этого додумался ты, а не кто-нибудь другой, потому что ты молчишь по полгода, может, и до самой зимы промолчишь, а зимой полленцы, так и быть, пусть узнают об этом. Да, так что я хотел сказать? А что, если теперь во всей округе начнут выращивать табак? Фабрика тут есть, и мы могли бы делать жевательный табак, сигары и сигареты, молоть нюхательный табак. Со сбытом никаких проблем не будет, а оборудование я куплю, как только выберусь на юг. Ну, что скажешь?

— Да, — говорит Эдеварт, — может, это пойдёт не хуже, чем все остальное.

— Вот именно! Фабрика есть, а она должна работать на нас. Зимой люди ходили голодные и распевали псалмы, потому что думали только об одном: где бы им раздобыть картошку, они не понимали, что Поллену нужны промышленность и деньги, но они говорили, что деньги — это не еда. А деньги-то и есть еда! Будь у нас зимой довольно денег, мы бы одолели этот американский *corner* и получили еду.

— А что было дальше? — спрашивает Эдеварт. — Вы взлетели на воздух со своим танкером?

— А как же иначе?! — отвечает Август. — Что до меня, то я лишь сумел спасти собственную жизнь и семена. Но разве не волею Провидения она надела мне на голову венок?

— Я думаю, она просто тебя любила.

— Уж и не знаю. Хотя да, очень любила. Но она была колдунья и оставила мне кое-что на память.

Август остыл, он довёл до конца своё повествование и как-то выдохся. Заметив, что всё ещё держит письмо Лувисе Магрете, он пытается приделать к своей истории назидательную концовку:

— Вот видишь, Эдеварт, не начни я с ней дело всерьёз, так ничего и не добился бы. Все женщины одинаковы: им нужна основательность. Да виданное ли это дело, чтобы им принадлежала власть? Не мы должны плясать под их дудку, а они под нашу. И раз я сам был женат, а от жены ничего не получил, то имею право сравнить её с миссис Эндрюс, которая сейчас в Америке, а ты здесь. Вот почему я и рассказал тебе об этом. А теперь пусть дорогая миссис Эндрюс изволит приехать домой, а ты можешь ненадолго выйти прогуляться, потому что я хочу хорошенько обдумать телеграмму.

Час спустя он приносит телеграмму Поулине, просит уплатить за него, а саму телеграмму отправить в ближайшее же воскресенье. «Да-да», — с готовностью кивает Поулине, словно и сама заинтересована в том, чтобы миссис Эндрюс как можно скорей объявилась в Поллене.

До сих пор дела у полленцев обстояли вполне прилично: они подъедали провизию, привезённую с юга, и сельдь, пойманную у островов Сенья и Фуглё, — так проходили дни, и люди были вполне довольны. Но все они ждали, когда придёт сельдь, ведь как ни крути, а настоящей жизни без того, чтобы самим запереть косяк, не получалось. Йоаким выходил в море со снастями, но ему пришлось вернуться с полпути ко дню святого Олафа, ради сенокоса. Так вот: никакой сельди он не заметил. Несколько шхун из Нижнего Поллена выходили с сетями, но тоже не поймали ни одной рыбки.

— В море полно рыбы, — говорил Август, — вот будь у меня время, я и сам бы с вами вышел.

Оно, конечно, хорошо, сельдь в море, но Йоакимова газета ни словом не упоминала о том, где её искать. Даже возле Хёугесунна и берегов Западной Норвегии она исчезла. Словом, всё выглядело донельзя уныло, у Поулине плохо шла торговля, а банк, тот, можно сказать, вообще закрылся. Время от времени приходил Каролус в своих галошах и спрашивал, не пора ли провести собрание вкладчиков, но, поскольку ни глава правления Роландсен, ни Август не пошли навстречу его пожеланию, из этого так ничего и не вышло. Август с раннего утра и до позднего вечера был занят своим таинственным земледелием, а Роландсен, тот вообще уехал за помощью к каким-то родственникам. Словом, всё шло наперекосяк. Каролус слонялся повсюду, не понимая в своей простоте и дряхлости, что миновали те времена, когда он считался богачом и матадором, и что от его средств ничего не осталось. Он не расхаживал больше с купюрами, но, поскольку был человеком порядочным, не набивал карман обёрточной бумагой, чтобы тот оттопыривался. Такие уловки ему и в голову не приходили, уж слишком он был подавлен.

Однако Каролус ещё мог как-то жить в Поллене, правда, народ относился к нему далеко не с прежним почтением, но и зла на него никто не держал. Зато Ане Марию люди не щадили. Какая огромная разница между тем, что было, и тем, что стало! Разве не приходила она прежде в лавку и не покупала целый фунт кофе и сперва нюхала, чтобы определить, какого он урожая, зато теперь всё выглядело по-другому: четверть фунта и большое вам спасибо. А раздражала она людей тем, что не ходила, опустив голову, и, стало быть, позволяла каждому, кто ни пожелает, смотреть себе в лицо. Ей скорей пристало

бы идти впереди толпы людей, согнувших спину и опустивших очи долу, толпы рыдающих и не внимающих словам утешения. Причём это ей вполне пошло бы: у неё и фигура подходящая, и лицо, так что скорбная мина была бы вполне уместна. Но Ане Мария не понимала собственной выгоды и держалась так же гордо, как и прежде. А разве этим можно завоевать человеческое уважение и получить небесное блаженство?

Вот они взяли двух мальчиков из Верхнего Поллена, и раздели их, и кормили, и содержали, как принцев, словно у них были королевские средства, но высокомерие всегда предшествует падению. Куда это, скажите на милость, годится, чтобы две ангельские души попали в руки женщины, которая убила шкипера и за это угодила в тюрьму? Начальство и пастор должны были сказать своё веское слово по этому поводу. Испорченная женщина, нечистое животное — прости меня, Господи! Дети должны уйти от неё и обращаться к ней на «вы», как к чужой, вот так-то оно будет лучше! Но люди всегда будут злиться на неё: это ж надо, табличка с номером «один» над её дверью, а вокруг дома посажены ёлочки, на окнах висят гардины, в комнате стоит кресло, всего просто и не упомнишь. Впрочем, не так уж и много сыщется людей, которым живётся хуже, чем ей: дом без участка, без коров и лошадей, даже козы нет, чтобы хоть самую малость забелить кофе; как печальный остаток былого процветания она всё же сохранила небольшой лужок. А к чему ей, спрашивается, этот лужок, когда на нём всё равно некому пастись?

Поулине стоит за своим прилавком и внимательно всё это слушает. Она не испытывает особо тёплых чувств к семейству Каролуса, но воспитание и набожность удерживают её от подобной борьбы за справедливость.

— Что вы там ни говорите, а люди они хорошие, — сдержанно говорит она.

— Ну, — отвечают полленцы, не смея открыто перечить ей, своему продавцу и кредитору, и всё же не соглашаясь, — ну, Каролус, это ещё куда ни шло, а вот Ане Мария...

У Поулине даже щёки зарделись.

— Было бы неплохо, если б мы так же хорошо обходились с другими людьми, как обходятся эти двое. Что-то мне ни разу не

доводилось слышать, чтобы кто-нибудь из них, придя ко мне в лавку, поливал помоями остальных, как это делаете вы!

— Дорогая, любезная Поулине! Мы люди бедные, неучёные, но честные, мы ползаем по земле под Божьим покровом...

— Вздор! — прерывает Поулине. — А кто, спрашивается, пришёл с Сеньи и привёз вам сельдь? Сперва — одна ходка, потом другая. Ради этого он забрал из банка свои последние шиллинги!

Они снова заводят своё:

— Да нет, про Каролуса мы ничего худого не скажем, но вот Ане Мария...

— А она что вам сделала?

— Нам? Ничего. Только разве вы забыли, как она стояла на кухне, словно какое начальство, и раздавала всякую еду и картошку, которую привёз Езра? А когда дело шло к Рождеству, она точно так же раздавала ваши товары, благослови вас за это Господь! А вы знаете, как она делила? Мы про это всякое слышали!

— Перестаньте нести околесину! Ни единый коржик, ни единая изюминка не попали к Каролусу и Ане Марии сверх того, что им полагалось!

Молчание.

Теперь они начали шушукаться между собой.

— А ты помнишь, как она стояла в конторе и писала всякие бумажки на перевёрнутой бочке, словно важный начальник? И не стыдно ей было?

— Вы уже всё купили? — спросила Поулине. — Тогда я закрываю лавку. Мне пора в хлев.

К ней подходит какой-то мужчина, наклоняется, смотрит искоса, голова прижата к одному плечу, держится подобострастно.

— Тебе чего?

— Мне бы полфунта маргарина. Я так, шиллингов у меня нет. Я знаю, что уже много должен. Но, надеюсь, вы меня хорошо знаете.

— Нет.

— Но нам нечего мазать на хлеб.

Поулине:

— Если бы ты пошёл к Ане Марии и попросил её, она помогла бы тебе, чем сумела. Она такая. А я нет.

— Ну, хоть четверть фунта.

— Нет, — отвечает Поулине и запирает дверь лавки.

И правильно сделала Поулине, заступившись за Каролуса и его жену, иначе всё пошло бы ещё хуже. Очень достойная черта в ней. А ведь это снова дала о себе знать её любовь к порядку, её нудное, но и благословенное чувство справедливости: тот человек должен понести наказание за свой длинный язык, не получив полфунта маргарина.

Идти в хлев ей было незачем. Она села с банковскими бумагами и счетами и решила привести всё в порядок. Спору нет, полленский банк приказал долго жить, ни новых дел, ни новых поступлений ждать не приходится. Она посоветовалась с братом Йоакимом, и оба они решили, что банк надо ликвидировать.

Нигде и ни у кого банковские дела не были в таком порядке, как у неё: за всякое сомнительное поручительство, которое давали Каролус и Август, она без промедления расплатилась их собственными акциями либо вкладами.

— Всё очень просто, — сказала она не без злорадства, — таким образом к вам перешли те гарантии, которые должен был получить банк от разорившихся хозяйств и новостроек! По сути, банк просто лопаётся от денег, провалиться мне на этом месте, если это не так.

Поулине могла гордиться своим мудрым управлением. Она не вела банковских книг с путаными записями, никакой ренты, никакого дисконта, никаких других сложностей, никакого жалованья — только в самом конце список всех акций, вверенных её попечению: они должны быть помещены в сейф, «который впредь до особого распоряжения продолжает стоять у меня в конторе».

Потом она начала писать короткие и длинные письма акционерам с отчётом. Наверняка люди будут рады получить обратно почти все свои деньги, причём получить совершенно неожиданно. Плохо обстояло дело с банковским главой Роландсеном, он был слишком благородный и не хотел ничего предпринимать, но, если теперь вычесть все его займы и все долги в лавке, от его тридцати акций почти ничего не останется. Положение Габриэльсена, хозяина невода, было лучше, потому что он получил кой-какую поддержку от своих родственников-торговцев. Вообще-то у каждого из этих двоих до сих пор оставались в собственности их роскошные дома, которые сами по себе были достопримечательностью Поллена, хотя один Бог знает, является ли Роландсен по-прежнему хозяином своего дома. Если

судить по сведениям, которые Поулине могла почерпнуть из писем, проходивших через почту, дом Роландсена был заложен под некий заём в Будё.

И всё это Поулине держала в голове. Она точно, в эре и кронах, подсчитала, как велика её доля и доля её брата Йоакима, и лишь после этого из сейфа были изъяты остатки их пятнадцати акций. Получались неплохие деньги, но больше всего порадовало эту нудную женщину, проявлявшую смешную аккуратность во всех делах, что она может переслать изрядную сумму Иверсену, владельцу невода, и Людери Мильде, за одного она порадовалась, потому что ему наверняка нужны были деньги, за другого — потому что он был такой молодой и красивый и так модно одевался. Ох, Поулине, Поулине, никто никого до конца не понимает, и надеяться тут нечего. Не в том дело, она ничего не берёт себе за свои труды в банке — но у этих двух вестероленцев она вычла деньги за доставку, за конверты, за сургуч и составление счёта. Здесь она их не пощадила. А кроме того... кроме того, Поулине тешила себя надеждой, что рано или поздно ей задёшево достанется этот сейф.

В ночь на воскресенье произошло нечто ужасное: на Августовой плантации побывали люди, они уничтожили все растения, выдернули их из земли и растоптали. Кому могло доставить радость это чёрное дело? Август увидел всё лишь днём. Он воздел руки к небу, и уронил их, и стоял, как потерянный, и не произносил ни слова.

Наверняка всё это натворил Теодор, кто ж другой? Может, он по дурости своей хотел накопать картошки? Август выдёргивает стилет из своей трости, осматривает его, снова прячет. Он просто не знает, как ему быть. Надо было ночевать здесь и караулить, а он этого не сделал, он понадеялся на шесть рядов колючей проволоки. В Пуэрто-Рико хватило бы и одного-единственного ряда, но поди знай, что на уме у этих полленцев. Разве у них есть совесть? И представление о том, как надо себя вести? Разве у этого сброда есть чувство ответственности?

Поразмыслив над случившимся, Август понял, что это навряд ли мог быть Теодор. Тот бы выкопал пару кустиков, увидел, что никаких картофелин на них нет, и ушёл бы своей дорогой в полном разочаровании. А здесь похозяничал не просто вор, а разрушитель, здесь топтали и уничтожали, здесь перемесили всю зелёную листву.

Может, это какой-нибудь зверь проник за изгородь? Едва ли. Зверь... зверь... Август переводит дух, в голове у него забрезжил какой-то свет, мелькнула молния!

Он снова достаёт стилет, оглядывает его, ощупывает острие. Хорошее оружие, трёхгранное и опасное. Если как следует ударить, убьёшь. А если ударить несильно, то останется рана, которая не сразу заживёт. Август размышляет, снова прячет стилет, но не потому, что он смирился, нет и нет. Там вдали стоит, притаившись, человек и следит за ним от одного из домишек на самом берегу, вот Август и хочет, чтобы этот человек считал себя в полной безопасности.

Он идёт домой. Ему очень хочется поговорить с Эдевартом, но Эдеварта нет, вообще никого нет: дом по-воскресному пуст. Поулине в церкви, Йоаким на новостройке, а Эдеварт у своих пяти осин на выгоне. Август глядит на маленькие листочки, которые собрал со своей плантации и которые лежат теперь под прессом, с ними всё в порядке, вот только семян теперь у него нет.

По правде говоря, он изрядно попотел на своём участке, каждый день, каждую свободную минуту любовно обихаживал растения. Жаль только, что не караулил их по ночам. Он ходил и с нетерпением ждал, что коробочкам с семенами достанется хоть несколько солнечных дней, пока они не раскроются, — тогда у него будут семена на будущий год и он сможет посадить большую плантацию. А теперь всё уничтожено. Кто-то встал ему поперёк дороги.

Покоя в душе нет, Август снова подошёл к своей плантации, стал у ограды, огляделся. При этом он сделал вид, будто смотрит на загубленный участок, но на самом деле он искоса глядел на дорогу. И тот же самый человек, который давеча выплядывал из-за угла своего дома, оказался на прежнем месте. Не иначе ему приятно видеть чужую беду.

Август идёт домой. Он места себе не находит, он то бродит между домами, то останавливается, он готовится к бою. Против него совершены великий грех и несправедливость, но он так этого не оставит, можете не сомневаться. И Август идёт на свою плантацию в третий раз, теперь он в ярости, и лучше ему не попадаться. А тот человек так и стоит на своём наблюдательном посту, видна только его голова. Август делает вид, будто снова уходит домой, а сам делает большой крюк...

Примерно час спустя, уже на пути домой, он сделал, что хотел, он ударил этого человека. Ярость не дала ему сразу как следует прицелиться, пришлось ударить второй раз, он услышал крик, а после этого ополоснул стилет в ручье и вытер о собственный рукав. Дело шло к обеду, из трубы валил дым, Поулине уже вернулась и стряпала.

Когда он вошёл, все сидели за столом. Их занимала новость, услышанная в церкви, великая новость: сегодня огласили предстоящее бракосочетание между не состоящим в браке доктором Карстеном Тессесеном Лундом и девицей Эстер, дочерью Теодора, проживающего в Поллене

— Как, как? — спросил Август. — Так быстро?

— В церкви стояла мёртвая тишина, — рассказывала Поулине, — впрочем, ничего удивительного в этом нет.

— Кто-то сегодня ночью с корнем вырвал все растения на моей плантации, — сказал Август.

— С корнем?

— Все посева. Там теперь ни одного целого листочка не сыщешь.

— Боже правый! Может, зверь там похозяйничал?

— Да уж, похозяйничал. Человек.

Однако новость, принесённая из церкви, занимала их больше. Они, конечно, сочувствовали Августу, но думали о другом, весь Поллен словно накрыла лавина. Подумать только, Теодорова Эстер заполучит в мужья доктора. Она выросла здесь, среди нас, была такая жалкая и оборванная, хотя и красивая, глаза приятные, она бойко читает и похожа в этом на свою мать...

— Она чертовски хороша, — подтвердил Август.

Остальные с ним согласились: и красивая, и работающая, словом, девица без изъяна. Говорят, правда, что она грызла уголь, но статочное ли это дело? Доктор тоже всем взял, вот только он лет на десять старше Эстер.

— И знатные барышни из Верхнего Поллена, что учительша у пастора, что дочь торговца, наверняка не пришли в восторг, — сказала Поулине. — Они обе были в церкви и всё слышали своими ушами.

Новость обсудили наиподробнейшим образом, и Август не отставал:

— Для меня это в общем-то никакая не новость. К тому всё шло. Просто доктор не мог заполучить Эстер, кроме как женившись на ней,

а то она кусалась.

— А ты откуда это знаешь? — с досадой спросила Поулине.

— Он мне сам рассказал.

— Так мы тебе и поверили!

Август:

— А кроме того, я угадал это, когда увидел их вместе, я ведь хорошо с ними знаком, доктор по сю пору должен мне пятьсот крон за акцию.

Поулине встала, убрала со стола и принялась мыть на кухне посуду. Мужчины остались сидеть за столом, Август завёл речь про свою плантацию: целиком уничтожен прекрасный урожай, великой ценности, тысячи...

Йоаким спросил:

— А что у тебя там росло?

Август:

— Теперь я могу сказать, потому что всё пропало: там рос табак.

Йоаким, разинув рот:

— Табак? Настоящий?

Август усмехнулся и покачал головой:

— Господи Иисусе! Да там была «Вирджиния» лучшего сорта, «Суматра», настоящая «Гавана», впрочем, чего тут считать! И всё это уничтожено одной нелюдьёй, которая ночью вытоптала мою плантацию.

Медлительный и терпеливый Эдеварт вдруг спросил:

— А ты знаешь, кто это сделал?

— Да, — ответил Август.

— Я мог бы сходить к нему, — предложил Эдеварт.

— Не надо. Я уже сам к нему наведалься.

— Табак? — повторяет Йоаким и задумывается. Ему доводилось видеть это чужеземное растение на Августовой делянке, но он не признал его и не пожелал спрашивать, а вдруг это и в самом деле был табак. — Разве табак может здесь расти? — интересуется он.

Август:

— Вот я и попробовал, и теперь пусть все знают: у меня под прессом лежат листья с моего поля, а если кто-то потребует документы, я могу их предъявить. Нет человека, который мог бы рассказать мне что-нибудь новое про табачную промышленность,

потому что я и сам знаком с этим делом, как-то раз в Вест-Индии я управлял округом, где нельзя было ступить ни шагу, чтобы не наткнуться на табак. У меня под началом было семь тысяч человек. А вот за собственным участком я не уследил.

Эдеварт:

— Всё-таки будет лучше, если я к нему схожу.

— Не надо, — повторяет Август, — я уже сам к нему ходил.

Йоаким больше не принимает участия в их разговоре, он прислушивается к каким-то звукам со стороны кухни, после чего удивлённо замечает:

— Что там происходит? Плачет кто-то, что ли?

— Да, кто-то плачет, — говорит Август и встаёт, чтобы посмотреть, в чём дело.

Но в это же мгновение Поулине распахивает дверь и спрашивает:

— Ты что, ударил ножом Кристофера?

Август не отвечает.

— Я тебя спрашиваю.

— Да, — говорит Август, — я его ударил ножом.

Поулине всплескивает руками:

— Помилуй тебя Бог, Август!

В дверях появляется смятенная и простоволосая жена Кристофера. Она простирает к нему руки и вопит:

— Ах ты убийца! Но я тебя ни капельки не боюсь, я сейчас пойду и заявлю на тебя, и ты оставишь голову на плахе, проклятый грешник, не сойти мне с этого места!

— Вздор! — говорит Август.

— Вздор? — Она поворачивается к остальным: — Он два раза ударил его своим длинным ножом. И ведь драки между ними никакой не было, он просто ткнул его ножом в бок два раза и прямо чуть не убил...

— Значит, он жив? — спрашивает Август.

— Жив? Ты что такое говоришь! Да-да, он был жив, когда я уходила. А теперь беги за доктором, подлый убийца, тогда все поймут, что это сделал ты, и тебя закуют в кандалы!

Август задумывается.

— Ну что ж, и схожу, тем более у меня есть дело к доктору, насчёт акций.

— У тебя, значит, дело? — кричит Поулине. — Стыдно слушать! Человек, может, сейчас умирает! Кстати, а ты чего здесь стоишь? — обращается она к жене Кристофера и подталкивает её к выходу.

Но женщина не желает уходить, она продолжает причитать:

— Добро бы в драке! Длинный такой нож, и два раза ударил, мне Кристофер говорил, что они даже слова друг другу не сказали!..

Поулине стоит, словно на иголках:

— Ты разве не говорила, что он лежит в крови и ему нужна помощь?

— Да, — отвечает женщина, — но Теодор уже побежал за доктором.

— Вот это здорово! — восклицает Поулине. — А ты, вместо того чтобы приглядывать за ним, торчишь здесь!

Наконец женщина уходит, и становится тихо.

— Да, Август, хороших ты дел натворил! — говорит Йоаким, вспомнив, что староста и вообще начальство.

— Почему? — спрашивает Август. — А ты бы что сделал, если б кто-нибудь вытоптал ночью твоё картофельное поле?

— Я бы сделал всё по закону.

— Это с Кристофером-то? Как бы не так!

Вечером, когда Август разгуливал по городку со своей пенковой трубкой и тростью, в которой прятался стилет, Эдеварт окликнул его и попросил вернуться: пришёл доктор и хочет поговорить с ним.

— Наверно, хочет отдать долг за акцию, — смекнул Август. — На редкость достойный человек. Зато теперь ему и жена достанется хоть куда. Это для нас такая честь, что, думается, мы могли бы сыграть свадьбу здесь, в Поллене. И скажу тебе, Эдеварт, что из всех твоих внебрачных детей — не будем называть Йоганну — эта...

— А ну, заткнись, — говорит Эдеварт.

В комнате сидел доктор. Ему подали кофе с пирожным, он сидел, разговаривал и курил.

— Добрый вечер, Август! — сказал он. — Я слышал, ты опять ввязался в какую-то историю.

— Да, — ответил Август.

— Я как раз пришёл от Кристофера. Он говорит, что никакой драки между вами не было.

— Драки? Не было.

— Он говорит, что ты подкрался к нему?

— Подкрался? Нет. Я подошёл к нему сзади, но он всё-таки увидел меня. Просто мне не хотелось спугнуть его.

— Он тебя чем-то обидел?

— Да, он стоял и назло мне не уходил.

— И тогда ты взялся за оружие?

— Нет. Это он сказал, что хотел бы поглядеть на мою трость, ну я и показал её.

— А он что сказал?

— Чего не знаю, того не знаю. Понимаете, Кристофер всем известен как первостатейный лжец, который не в состоянии сказать хоть одно правдивое слово, вот я и не захотел разговаривать с таким человеком.

— И тогда ты ударил его?

— Да. Он уничтожил ночью всю мою плантацию.

— Это я уже слышал, — сказал доктор. — Ещё он говорит, что ты ударил его два раза, но на нём всего одна рана.

— Вот и это тоже враньё. Первый раз я просто промахнулся, потому что стоял ниже, чем он. Да и практики у меня давно не было.

— То есть как? Значит, обычно ты практикуешься?

— Нет. Но в Южной Америке и вообще в тех краях у нас это получалось с первого раза. Никто не промахивался.

— Значит, никто не промахивался.

— Ну это не совсем так, — поспешно добавил Август. — Что касается меня, то я ни разу никого там не ударил. Но много слышал о таких случаях.

Тут доктор сказал:

— Я, в конце концов, не полиция и не имею к ней никакого отношения. Но, как я понимаю, Кристофер на тебя наверняка заявит.

— Да, — сказал Август, — но он вытоптал мой табак, а там его было на несколько тысяч крон.

— Ты что, понимаешь в этом деле?

Август улыбнулся, услышав столь наивный вопрос:

— Господи Боже ты мой, господин доктор, мне ли не понимать, когда у меня была табачная плантация в голландской Ост-Индии, а под началом у меня ходило семнадцать тысяч работников. Но это

считалось немного, потому как на соседней плантации их было и вовсе тридцать пять тысяч. Поверьте, я ничуть не преувеличиваю.

— Так-так, — промолвил доктор, — я ведь сказал тебе, что не имею никакого отношения к полиции. Я просто хотел узнать, что случилось, ты ведь как-никак мой пациент.

Август:

— Да, господин доктор дал мне превосходные капли...

— Нельзя ли мне посмотреть твою трость?

Август протянул трость с гордым видом:

— Сделано на заказ.

Доктор рассматривает стилет.

— Нож оставляет резаную рану, — говорит он, — а эдакий штык оставляет дыру, которая плохо заживает. Да ещё ты повернул его.

— Так положено.

Доктор опускает глаза, вид у него серьёзный. Потом он говорит:

— Я слышал, ты помог этому Кристоферу деньгами на строительство дома?

Август, судя по всему, не помнит об этом, он бросает взгляд на Поулине и спрашивает:

— Это правда?

— Правда, — отвечает Поулине.

Доктор говорит, что Августа, значит, хорошо отблагодарили за помощь.

— Зато в Поллене стало одним домом больше, — говорит Август, нимало не сокрушаясь о выброшенных деньгах. — Да и навряд ли я так много истратил, — добавляет он. — Когда я снова отправлюсь бродить по белу свету, денег у меня будет сколько надо. Уж я-то знаю, где их взять. Займусь, например, шелководством в Китае...

До сих пор староста Йоаким слушал молча, но тут он вдруг взрывается и хочет, возможно из доброго расположения, удержать Августа, не дать ему снова уплыть отсюда.

— Да-да, Август, — говорит он, — доктор принёс радостную новость, он говорит, что рана Кристофера не опасна для жизни.

— Угу, — говорит Август.

— Да, — подтверждает и доктор, — всё обошлось удачно, удар пришёлся в ребро.

— А всё потому, что я стоял ниже его, — оправдывается Август.

— Но если Кристофер обратится в полицию, — продолжает доктор, — тебя всё равно посадят. Этого никак не избежать. И ещё тебе придётся возместить убытки.

Август пропускает мимо ушей это предупреждение, как мелочь, недостойную внимания:

— Навряд ли с меня так уж много возьмут. Кстати, мне он нанес убытка на несколько тысяч, я заставлю их оценить мою плантацию.

— Ну что ж, возможно, это неплохой выход, — говорит доктор. — Но знаешь ли ты, что тебя могут осудить за попытку убийства и посадят в тюрьму на много лет?

— Нет у меня времени сидеть в тюрьме, — говорит Август.

— А я думаю, посадят.

— И речи быть не может! — решительно восклицает Август. — Посадят, говорите? А что ж тогда будет со всеми моими делами, с моим заграничным предпринимательством? Нет, нет, для этого у меня нет времени.

— А вообще, ты в хороших отношениях с ленсманом?

— С ленсманом? Н-нет!

— Это могло бы иметь значение, если он придёт.

— Я ничего не намерен объяснять этому идиоту, уж лучше я тогда схожу к амтману и буду держать ответ перед ним. Он меня хорошо знает.

— Вот и славно, если у тебя есть такая возможность, — сказал доктор, вставая с места. — Насколько я понял, Кристофер хочет заявить на тебя сегодня же.

Август обращается к присутствующим:

— Теперь вы видите, что это за человек! Я предоставил ему участок для застройки, я дал ему большие деньги на строительство дома...

— И ещё заплатил за быка, — не могла удержаться Поулине.

— Да, и ещё заплатил за быка, которого он украл из хлева у самого старосты. Короче говоря, я всегда благородно себя вёл по отношению к этому подонку, а он теперь, видите ли, хочет заявить на меня из-за какой-то ерундовой дырки в груди, о которой и говорить-то смешно...

Доктор, покачивая головой:

— Ну, не такая уж она и ерундовая!

Август, с живым интересом:

— Может, он умрёт от неё? Впрочем, всё это пустяки, я и сам за свою жизнь получил шесть колотых ран, да и сейчас у меня куча пуль в теле. Да-да. Мне даже один раз не разрешили лететь на Барбадос, до того я был наштигован свинцом. Вот так-то. А разве я заявлял хоть на кого-нибудь?

— Послушай, Август, — сказал ему на прощанье доктор, возвращая трость, — на твоём месте я не стал бы разгуливать с этой игрушкой до тех пор, пока снова не окажешься в Южной Америке. Так что ступай и поставь её в угол.

XXVI

Август собирался уехать в этот самый воскресный вечер, но почему-то не спешил, всё откладывал и откладывал.

Поулине подгоняла его, просила поторопиться, не то с ним опять может приключиться что-нибудь.

В ответ он заявил, что ему нужно сперва доделать кой-какие дела.

Поулине сказала, что он всё сочиняет, чтобы не выглядеть трусом.

Август оправдывался:

— Во-первых, мне надо отжать сок из моих листьев, которые лежат у меня под прессом, потом мне надо повесить колокольчик на дверях твоей лавки, как это делается в городах.

— Колокольчик?

— Чтоб тебе не надо было пользоваться замком и всякий раз запираеть дверь.

— Уж ты придумаешь! Но это не к спеху...

— А ещё я хотел спуститься к берегу и поглядеть на свою фабрику, хорошо ли она там подсыхает, или мне надо ещё какое-то время её поливать.

— Чепуха какая, — сказала Поулине.

— Ничего не чепуха. Да, и ещё один важный вопрос: какое у нас сегодня число?

— Семнадцатое.

— Как раз! А я нарочно следил. Ты хоть раз видела, чтобы я отправился в путешествие восемнадцатого, а восемнадцатое как раз завтра. В этом я поклялся великой клятвой белому ангелу на небе в ту

пору, когда был миссионером. Один раз я пытался нарушить эту клятву и восемнадцатого марта вышел в море на танкере, но больше никогда этого не сделаю. Меня укусила тогда ядовитая муха, и я много лет проболел.

Поулине было неловко за него, и потому она сказала:

— Как тебе не стыдно нести такую околесину! Ты дождёшься, что придёт ленсман. Он ведь твой лучший друг!

Август:

— Я уеду послезавтра.

— А вдруг это будет на день позже, чем надо...

Тем временем в Поллене происходили всевозможные события, которые отчасти рассеяли страхи Поулине и перевели её размышления в другое русло. В понедельник по селению прошёл слух, будто из Верхнего Поллена с утра пораньше заявила кузнецова жена, чтобы забрать домой своих мальчиков. Видно, она не могла больше сносить попреки соседок.

Всё получилось так, как и предсказывала Ане Мария: за год может всякое случиться, и потому, если она хочет взять на воспитание детишек, ей нужно поторапливаться, пока она занимает видное положение и располагает средствами. Теперь же это миновало, потому что дела у Каролуса и Ане Марии шли всё хуже и хуже. А мальчики были сыты и довольны, всегда чисто одеты, обуты в ботинки, они и читать выучились немного по новой азбуке, и вообще выглядели настоящими принцами, если вспомнить, как они жили прежде.

Ане Мария была глубоко удручена. Не в этом дело, она, как разумная женщина, сознавала, что рано или поздно час разлуки наступит. Она сказала себе, что в такие времена, как нынешние, у неё не хватит денег, чтобы содержать своих принцев как следует. Но беда в том, что она привязалась к этим мальчикам, она пекла им вафли, совала всякие лакомства, брала у Поулине молоко и благословляла каждый день, который они проводят в её доме.

А теперь всё миновало.

Мать была не слепая, она сразу смекнула, что дома её сыновьям будет гораздо хуже.

— Не похоже, чтобы они терпели у вас нужду, — сказала кузничиха благодарным тоном. — Но теперь у вас только и хватает,

что на самих себя.

Каролус, как человек тщеславный, чувствует себя уязвлённым.

— А кто это вам сказал?

Кузнечиха слышала это с разных сторон, а последний раз — нынче в церкви.

— Да пусть говорят, что хотят, — отвечает Ане Мария, — пока у нас достаточно денег и для себя, и тем более для мальчиков.

Женщина начала колебаться, вообще-то она не настаивает, и необязательно забирать детей именно сегодня.

— Ну уж нет, — говорит Ане Мария, — раз ты пришла за ними, так и бери их. А вы сами-то как живёте? У мужа есть работа?

— Да, от случая к случаю.

— Сколько ж вас всего едоков?

— Семь — со всеми детьми. Правда, нам малость помогает община.

— Ну, много она напомогает, — бормочет Каролус и задумчиво качает головой. — Небось приходится считать каждый шиллинг.

Ане Мария встаёт и ставит на стол молоко.

— Попейте молока, ребятки, — говорит она, — у вас впереди долгий путь.

Мальчики радостно возбуждены: им предстоит идти с матерью. Как и все дети, они любят перемены, теперь они снова вернутся домой посмотреть, как оно всё там. Но поскольку Ане Мария такая грустная, не смеётся и не шутит, дети тоже ведут себя очень сдержанно.

— Поблагодарите за молоко и за всё хорошее, попрощайтесь, и пошли, — наставляет их мать.

Эти маленькие ручонки хватали её за нос, теребили её волосы, щекотали её шею... И с Каролусом они проделывали то же самое: теребили его за бороду, дёргали за уши, рылись у него в карманах в поисках шиллингов — но ведь совсем другое дело, когда эти же самые ручонки протягиваются к тебе, чтобы попрощаться.

— Приходите снова, хоть ненадолго, чтобы провести нас. Мы с вами поиграем в разные игры, — говорит Каролус.

Ане Мария начала спешить.

— Да-да, мальчики, конечно, а вот и ваши вещички, — говорит она матери, указывая на узелок.

— Боже милостивый! — восклицает та.

Не так уж и много было у неё причин всплескивать руками, но всё же в узелке лежала нарядная одежда, повседневная одежда, ещё смена, вдобавок букварь с петухом и аспидная доска с привязанным на шнурке грифелем. А сверх того гвозди, и камушки, и спички, и осколки стекла, словом, всё, что мальчишки таскают в карманах. Но свои маленькие топорики мальчишки должны были нести в руках.

Из дома вышли все вместе, и Ане Мария решила немножко проводить их. Но и Каролус хотел того же, он был крайне обижен и сказал ей:

— Разве только тебе хочется проводить мальчиков, разве я тоже не могу немножко проводить их?

Поулине из своей лавки видела, как уходят пять человек, а возвращаются лишь двое. Она сразу поняла, в чём дело. До Августа ли, когда в Поллене происходит так много всякого...

Прошёл слух насчёт сельди в Эйд-фьорде. Возможно, это был всего лишь слух, новая робкая надежда, но вообще-то Эйд-фьорд издавна славился косяками сельди, так что всё это могло и оказаться правдой. А если слух окажется правдой, как поступить хозяевам невода Роландсену и Габриэльсену — снова уехать из Поллена, продав свои роскошные дома, на которые, кстати сказать, никто не зарился? Или вернуться в свои прежние дома на Вестеролене, которые принадлежали теперь другим людям?

Возможно, они вообще совершили большую глупость, перебравшись из одной бухты в другую. Ничего не скажешь, сельдь — это всё равно что рейсовый пароход, он ходит много лет, по два раза в году. Но однажды возьмёт да и не явится, пройдёт мимо пристани. И тут уж ничего не поделаешь, это судьба. Тогда на Поллен опускалась тьма, никакой жизни, никаких шуток, нет чаек, нет крачек, скудный дымок над крышами, полленцы смотрят в землю, а земля вся занята под городские дома.

У Габриэльсена дела обстояли ещё не так худо. У него была большая шхуна с неводом, он мог с одним лишь помощником дойти на парусах к безлесным Лофотенам, доставить груз жердей и наколотых дров и заработать себе там на жизнь. Вдобавок Габриэльсен был молодой и проворный, и голова неплохая, не говоря уже о том, что гувернантка обучила его немецкому языку.

Вот с бывшим главой банка, Роландсеном, дело обстояло много хуже. В лавке рассказывали, что несколько дней назад он вернулся с юга и с тех пор прятался от людей и никуда не выходил. Не иначе родственники бросили его в беде и вдобавок запугали чем-то. Но ещё до обеда в понедельник прошёл слух, будто Роландсен надел свой будничный костюм, зюйдвестку и направился в Северный посёлок в надежде подрядиться на чью-нибудь шхуну, чтобы идти на Лофотены за сельдью, — такое с ним было в первый раз.

— Быть того не может! — недоверчиво воскликнула Поулине.

Одна из женщин клянётся и божится, что собственными глазами видела его в этом облачении, когда он направлялся в Северный посёлок.

— А ведь какой был благородный!

Староста Йоаким, который читал всё подряд, вычитал в газете: «Хозяйственный упадок не всегда служит плохой школой, бывает и так, что сей упадок делает дураков настоящими мужчинами».

То одно, то другое, в этот понедельник посёлок просто бурлит от новостей и событий, и в лавке полно народу, который затем и собрался, чтобы нести эти новости дальше. Конечно, главной темой было вчерашнее оглашение с амвона: Теодорова-то Эстер заполучила доктора.

Полленцы от всего сердца желали ей счастья, она унаследовала от матери многие черты, её любили, девушка без изъяна, работающая, за что ни возьмётся, самая красивая девушка к северу от Будё...

— Ну уж, ну уж! — замечает кто-то.

Да, все готовы это подтвердить!

— Никто из нас не знает, что там есть к северу от Будё.

— Любой с этим согласится, стоит только взглянуть на неё.

Женский голос:

— А говорят, она ест уголь.

— Быть того не может.

— Может, — говорит женщина, — как ни жаль, а это так.

Поулине спрашивает:

— А ты сама это видела? Она что, приходила к тебе домой и ела твой уголь?

Женщину поддерживает другая:

— Спокойней, Поулине, спокойней. Такое про Эстер знают многие, не мы одни.

— Знают они! — злится Поулине. — А если бы такую гадость сказали о твоей дочери? Одна только зависть, и ничего больше. Это выдумали некоторые девушки, чтобы отомстить Эстер за то, что она красивее их.

— Про Эстер много лет такое говорили, — стоят на своём женщины.

— Ну и что? — разгорячилась Поулине. — Сперва она служила у Осии, так ведь? И Осия говорит о ней только хорошее, и Ездра тоже. Они не говорят, что она ела у них уголь.

— Да уж, эти гномы тебе скажут правду... — шепчет одна женщина другой, и обе криво улыбаются, опустив глаза в землю.

Затем разговор переходит на Кристофера и его раны. А за это полагается суровое наказание. Конечно же Кристофер поступил подло, выкопав картошку у Августа, которая так замечательно взошла, но чтобы ударить человека в грудь длинным-предлинным ножом — так может поступить только бандит и убийца. Августа следовало немедленно арестовать.

— А вы знаете, что у него росло на картофельном-то поле? — спрашивает Поулине.

— Разве не картошка? Особый сорт?

— Табак.

Тут все разинули рот:

— Табак? Это как же?

Но когда они узнали, что это и в самом деле был табак для полленцев, настроение у них круто изменилось, и они признали, что Кристофер вёл себя как подлая скотина. Но может, он не знал, что это табак? Подумать только, табак. Август вполне мог собрать урожай табака! Престранный это был тип в Поллене...

Пришёл Август, чтобы прикрепить колокольчик над входной дверью. Поулине заметила, что в последний вечер у него есть дела и поважнее, но, поскольку он, не пускаясь в споры, присмотрел козий колокольчик из тех, что висели на стенах лавки, а вдобавок у него была готова дужка, на которой этот колокольчик должен был раскачиваться, она не стала его удерживать от этой, последней

глупости. Август управился быстро; колокольчик опробовали, громкий и предостерегающий звон разнёсся на весь дом.

— Ну что ты теперь скажешь? — спросил он. — Прямо как в больших городах!

Благодарности он не дождался.

— А не пора ли тебе собираться, чтобы не прозевать почтовый пароход сегодня вечером? — спросила Поулине.

— Сегодня вечером? Ни за что. Ведь сегодня восемнадцатое.

— По-моему, ты совсем рехнулся! — воскликнула она. — Как же ты тогда попадёшь на пароход?

— Не волнуйся, попаду, — отвечал он, — ты за меня не тревожься! А теперь, Поулине, будь так добра, дай-ка мне немного твоих специй.

— Можешь делать всё, что тебе заблагорассудится, меня это не касается. Но завтра поутру, часов эдак в семь, за тобой придёт ленсман.

— Поутру в семь часов я уже буду далеко-далеко, — сказал Август. — Когда часы покажут двенадцать часов и одну минуту, я уйду. Это уже будет девятнадцатое.

Загадочная болтовня, таинственное дурачество, и образумить его нет никакой возможности.

— Ну, так можешь ты мне дать немножко специй?

— Специй? А зачем они тебе понадобились?

— Для моих табачных листьев. Я готовлю на кухне отвар.

Он получил от Поулине соль, сироп, селитру, уксус и другие специи, всего понемножку, перемешал всё.

— А теперь пусть целый час ко мне никто не заходит и не беспокоит меня, — сказал он и удалился.

Дверь своей комнаты он закрыл на замок, снял шапку с головы. Интересно, он вытворял все эти фокусы ради собственного удовольствия? Сняв шапку, он заботливо обмакнул в раствор каждый лист, держал себя почтительно и благоговейно и всё время молчал. Последний лист Август поджёг и напустил в комнату дыма.

А к чему всё это? Может, дикие люди на родине табака внушили ему веру в святость этого растения? Может, к такому почтению принуждала его мысль о таинственной связи между нечистой силой и

восемнадцатым числом? У Августа в голове было много всякой всячины...

Потом он пришёл к Поулине с документом, подписанным им лично и двумя свидетелями. Эдеварта и Йоакима он попросил присутствовать, когда бумага будет зачитана: это оказалась доверенность на имя Поулине, каковая давала ей право получать, использовать и распоряжаться всеми извещениями и всеми денежными суммами, которые могут поступить на его имя из-за границы. Вдобавок он вручил ей запечатанный конверт; Поулине, можно сказать, пришла в отчаяние от того, что до последней минуты он занимается подобной ерундой, без всякой благодарности приняла и доверенность, и запечатанный конверт и отложила их в сторонку. Ох уж эти дела за границей! Да она слышит о них с первого дня пребывания Августа в Поллене, теперь же, оказывается, они будут её преследовать и после его отъезда. Йоаким, напротив, держался очень серьёзно и всё время смотрел в пол.

Август ушёл с таким видом, словно обошёлся со всеми по справедливости и заплатил все свои долги до последнего эре. А братья и сестра так и остались стоять в недоумении. Йоакиму, скорей всего, было не до смеха, однако он подал Поулине руку и сказал: «Поздравляю! Он назначил тебя единственной наследницей даже своего заграничного имущества!»

Поулине гневно оттолкнула его руку:

— Вот обезьяна! А почтовый пароход тем временем ушёл, и Август на него не поспел. Что он теперь будет делать?

— А может, у него есть собственный пароход.

— Да оставь ты его в покое, — вмешался Эдеварт, — уж верно, он знает, что делает.

Подобные слова, возможно, доставили бы радость Августу, только услышать их он не мог, потому что ушёл. Ушёл и не вернулся. Уже был готов ужин, но он не явился и к ужину. Они говорили об этом, удивлялись, они выспрашивали всех, кто проходил мимо, — да, один парень видел, как Август шёл по берегу с ведром в руке, но было это с час назад. Может, он решил взглянуть одним глазком на свою фабрику, как и собирался? Они подождали, сели ужинать, говорили о нём, но он всё не приходил и не приходил. Поулине начала тревожиться.

Йоаким пошутил:

— Вот увидите, он вышел в море!

Поулине вскочила и выбежала из комнаты. Она тенью промелькнула мимо окон и побежала по дороге к морю, она неслась со всех ног. Что это такое стряслось с Поулине из лавки? Никак, ей в ухо залетела оса. Эта сухопарая женщина бежала, словно спасала свою жизнь, она рассекала воздух, высоко закидывая на бегу ноги. Это ж надо так бежать! Йоаким как-никак приходился ей братом куда больше тридцати лет, но никогда он ещё не видел её в таком волнении.

Поулине спустилась на берег и начала звать Августа. Потом она подошла к фабрике и изо всех сил выкрикнула его имя. Она явно кричала слишком громко, во всяком случае, он вынырнул из-за тёмного угла и уставился на неё в немом изумлении.

— Ой, — шепнула она, — это ты!

— А в чём дело? — спросил он.

— Как в чём дело? Где ты пропадал?

— Я опрыскал полы в здании. Особой надобности в этом не было, но я всё-таки решил попрыскать, потому что сегодня восемнадцатое. Впрочем, я уже кончил.

Поулине опустилась на голый камень:

— Я боюсь... я боялась за тебя... что ты что-нибудь над собой сделаешь.... прости меня, Господи.

Август ещё пуще изумился:

— Что-нибудь над собой сделаю... это я-то?

— Ты так странно говорил сегодня... про восемнадцатое и девятнадцатое... да ещё заявился ко мне с доверенностью...

— Доверенность, — с достоинством сказал Август, — это был мой долг перед тобой — вручить её тебе перед самым отъездом. Чтобы в будущем у тебя было хоть что-нибудь, на что ты можешь рассчитывать.

— Ну и тип же ты! Будущее? Ты вполне мог бы остаться в Поллене, зарабатывать себе на хлеб и жить нормальной жизнью. Ну не странно ли, что тебе обязательно надо куда-то бежать?

— Такая жизнь не для меня, — уклончиво сказал Август. — А вот чтобы зарабатывать себе на хлеб... но ведь я уже много чего здесь сделал и много чему вас научил, однако благодарности ни от кого не дождался, и брать с меня пример никто из вас не захотел. Похоже, Поллен не то место, где может действовать такой человек, как я. Но

уж поверь мне, Поулине, что в конце концов победит моя правда, раз весь мир идёт тем путём, который я указал вам. Вот эта фабрика — она пустует, никто и думать про неё не желает, но, когда придёт очередной косяк, ты услышишь, что фабрика заработала. В Поллене настанут новые времена, и жизнь закипит вовсю, здесь будет много фабрик, появятся большие предприятия, прядильни, прессовочные цеха, мастерские, летательные аппараты, деньги и ещё раз деньги, миллионы, а домики вдоль побережья вырастут в цене в два раза...

— Да-да, — перебила его Поулине, — только я не об этом.

— Но ведь это тот путь, по которому идёт весь мир...

— Я о том, что тебе следовало бы осесть здесь и жить достойно, как живём мы все, и не пускать на ветер деньги, которые ты заработал...

Август покачал головой.

— Я ведь кое-что скопила, — сказала Поулине, — мы могли бы помогать друг другу.

— Мы? Да ко мне никто не относился хуже, чем ты!

— Не надо так говорить, Август!

— Получи я тогда те пять тысяч на фабрику, она б уже давно была готова.

От их разговора было мало толку, она говорила про одно, он про другое. Поэтому Поулине поднялась с камня и сказала:

— Пойдём, тебе надо поужинать.

Но этот бесприютный летун не пожелал опускаться на ветку, его пожирало внутреннее беспокойство, он опять хотел улететь в дальние страны. А разве он не сватался к ней однажды, хоть и на свой лад? Так-то так, но сватался он лишь затем, чтобы заручиться поддержкой для своих проектов.

Они прошли мимо Кристоферова дома, множество лиц выглядывало в окно.

— Как по-твоему, что они про тебя сейчас думают? — спросила она.

— А ты полагаешь, меня интересует пыль на подмётках моих башмаков? — ответил он вопросом на вопрос. — Да, так что я хотел сказать? У меня сегодня вечером много дел, надо побриться и вообще привести себя в порядок.

— Сперва зайди и поешь.

— Нет, — сказал он, — оставь мне еду. Я поем ночью перед отъездом.

Он спустился из своей комнаты в половине двенадцатого, с тростью и пенковой трубкой, а больше никаких вещей у него не было, если не считать, конечно, того, что на нём надето. Эдеварт пошёл вместе с ним.

Ни скорби, ни уныния в нём не было, просто он уезжал, и всё тут. По правде говоря, он потерпел в Поллене поражение по всем статьям, но всё же не потерял присутствия духа, а кроме того, он чувствовал, что действовал правильно. Он не была разорён, он был вынослив, и, покуда при нём оставались его трость со стилетом, пенковая трубка да связка ключей числом восемь штук, сам чёрт был ему не брат.

Йоаким, лежавший в комнате, тотчас вскочил, едва туда вошли оба приятеля.

— Лежи, лежи, — сказал Август, — я скоро уйду.

Он сел за стол и начал есть. В комнате стоял полумрак, тем не менее Йоаким заметил, что Август сбрил бороду — поди знай, зачем он это сделал.

Вошла Поулине, хотела зажечь лампу.

— Почему ты ешь в темноте? — спросила она.

— Не бойся, не подавлюсь, — ответил он.

Вот и Поулине тоже заметила, что он сбрил бороду, она и узнала-то его только по голосу.

Не так уж много он и съел, но за столом просидел долго, поглядывая одним глазом на висевшие на стене часы. Ел он плохо и даже не скрывал, что аппетита у него в общем-то нет. Покончив с едой, он не стал рассиживаться, похлопывая себя по набитому животу, а сразу же встал, схватил свою шапку и начал прощаться:

— До свиданья, Поулине, до свиданья, Йоаким.

— Куда ты теперь пойдешь? — спросила Поулине.

— Не тревожься за меня, — ответил он.

Когда часы показали одну минуту первого, он вышел из комнаты. Эдеварт последовал за ним.

Друзья направились к пристани, но, едва они отошли от полленских окон, Август повернул и сделал большой крюк. Он всё заранее продумал.

— Ты двинешься на север, — догадался Эдеварт.

— Да, для начала. Два-три месяца проведу на севере, потом — на восток. Дорога-то неблизкая.

Эдеварт кивнул.

Тут два друга завели прощальный разговор, и шёл этот разговор без причитаний и без торжественности. Стояла ночь, было тихо, они шли по тропинке вдоль берега, и стало уже настолько темно, что они плохо видели друг друга.

— Возьми мой чемодан с табаком, — сказал Август, — через неделю ты достанешь листья и повесишь их для просушки, но делать это надо с умом. Ты прорежешь дырку в одном черешке и проткнёшь в неё другой черешок, чтоб два листа висели вместе, и так сделаешь со всеми листьями: всё время по два.

— Хорошо, — сказал Эдеварт.

— Когда они высохнут, ты аккуратно сложишь их в чемодан. Пусть полежат какое-то время. Желательно год, только приглядывай за ними, чтобы они не начали гнить. Тогда у тебя получится отменный товар. Кстати, миссис Эндрюс тебе ответила?

— Нет.

— Отправь ещё одну телеграмму. Непременно отправь. Очень жаль, что я ничем не могу тебе помочь. Но она так легко не отделается.

— Уж и не знаю, — неуверенно сказал Эдеварт...

— Вот то-то, не знаешь, ты вполне можешь обойтись без неё, потому что ты мёртвый.

— А деньги у тебя есть? — спросил Эдеварт.

Август, надменно:

— Деньги? Ты что этим хочешь сказать? У меня, что ли?

Далее следуют пространные и высокомерные рассуждения на тему: зачем ему вообще нужны деньги для этой поездки? Потом он вскользь замечает, что вообще-то у него нет ни единого эре.

— Вот, Поулине послала меня с этими деньгами, — говорит Эдеварт и протягивает несколько купюр Августу. — Она сказала, что это для тебя.

— Для меня? Ни к чему ей такие расходы. Поулине и банк должны мне пять тысяч, но ведь здесь меньше.

— Ты всё-таки возьми деньги, — говорит Эдеварт.

— И речи быть не может. Верни ей и скажи, чтобы она зачла это мне за еду и жильё. Деньги! — опять презрительно фыркнул он. — Да, вот ещё что. Доктор должен мне пятьсот крон за акцию, но я не решился потребовать их.

Немного погодя Эдеварт говорит:

— Ты, верно, опять поедешь в Америку?

— Можешь не сомневаться, — отвечает Август, — для такого человека, как я, это самая подходящая страна.

— Тогда возьми, пожалуйста, эти деньги для неё, — говорит Эдеварт. — Тут двадцать долларов, это её деньги, а я при всём желании не могу их потратить здесь.

— Да о чём речь! — вдруг восклицает Август, заплатавая наживку. — Это ведь совсем другое дело, такая бумажка мне может очень пригодиться во время путешествия. Я смогу показывать людям настоящие иностранные деньги, а не только ценные бумаги. Я возьму её у тебя?

— Господи, о чём ты спрашиваешь? Только этого так мало!

— Более чем достаточно. Кстати, я ещё должен тебе несколько сот крон, которые брал у тебя займы. Так вот, ты не тревожься из-за них, я их тебе вышлю.

— Да-да, — говорит Эдеварт. — А теперь я хочу тебе сказать, что... хочу признаться... не то у меня не будет покоя...

— Чего это ты несешь?

Эдеварт, запинаясь, признаётся, что не кто иной, как он, сказал доктору, что Август, мол, шляется по ночам и вообще...

Август, с искренним недоверием:

— Может, это был не ты?

«Я», — услышал он в ответ. Пожалуй, ничего хорошего в этом и нет, но он, Эдеварт, боялся за своего товарища и вообще за Поллен.

Август призадумался, но ненадолго, а потом разразился хохотом:

— Это ж надо, какой обормот! Ты небось боялся, что я отобью у тебя всех полленских женщин, точно, боялся! Причём кой-какие основания у тебя для этого были, потому как по этой части я всегда был на высоте! Никто не смог бы со мной потягаться!

Это своё утверждение Август подтвердил и расцветил некоторым количеством остроумных и ярких историй, он оживился, он блистал юмором, он чертыхался и всё убыстрял шаг.

Однако вдруг он остановился и сказал:

— А теперь, Эдеварт, поворачивай обратно, потому что отсюда я припущу бегом.

— Да, да, — ответил Эдеварт, — счастливого тебе пути!

— Надеюсь, ты не обиделся, что я так говорю, просто я могу не успеть, так что лучше я припущу бегом.

— Прощай и спасибо за дружбу!

И он побежал, побежал легко и быстро сквозь надвигающуюся темноту. Нести ему было нечего, он и сам-то ничего не весил.

XXVII

Нельзя было отрицать: Август оставил по себе пустоту. Эдеварту его недоставало, Поулине почувствовала себя ещё более одинокой и жалела, что не подарила ему на прощанье зонтик из своей лавки. В дороге зонтик очень может пригодиться.

Йоакиму она сказала:

— А ведь он расплатился перед отъездом.

— Это ещё зачем? — взорвался Йоаким. — Не надо было брать!

Поулине:

— Так я послала ему деньга обратно, а Эдеварт, когда вернулся, опять их принёс. Вот, погляди!

Йоаким покачал головой и ничего не ответил. Во всяком случае, по выражению его лица нельзя было догадаться, понял ли он, в чём тут дело, или нет.

Но чего стоила эта мелочь за стол и жильё, чего стоил зонтик против двадцати тысяч немецких марок?! Чего стоили вообще все они по сравнению с чудом? И чего стоили прочие чудеса рядом с ним?

Почта принесла письмо для Августа из некоего агентства в Тронхейме, письмо мало того что заказное, так ещё и с сургучной печатью. Августа не было, и Поулине, согласно доверенности, могла делать с этим письмом всё что вздумает. Она теребила письмо и так и эдак, она подержала его против света — ничего. Конечно, можно было бы вскрыть его с помощью вязальной спицы — она преуспела в этом искусстве, но письмо-то было запечатанное. Тогда она просто-напросто надорвала конверт.

Если бы вдруг в её крохотной конторе появилась лошадь, запряжённая в карету, Поулине и то не была бы так потрясена. Письмо сообщало о том, что Август выиграл в гамбургской лотерее двадцать тысяч немецких марок. «Наше представительство в Гамбурге — известная фирма — предлагает вам выплатить наличными от нашего имени и незамедлительно пятнадцать тысяч норвежских крон в качестве вашего выигрыша по предъявлении лотерейного билета номер такой-то и такой-то. Данные немецкого агентства прилагаются...»

— Йоаким! — возопила Поулине. — Эдеварт! — возопила она.

Созван большой совет. И очень хорошо, что Август в этот момент двигался к югу; управившись с амтманом, он наверняка поедет дальше, в Тронхейм, и сможет там самолично уладить свои дела.

Эдеварт молчал.

Поулине продолжала: мол, теперь, Йоаким и сам видит, что Август не лгал, когда говорил, будто у него есть дела за границей.

— Дела? — откликнулся Йоаким. — Ты говоришь, дела?

— Да называй как хочешь. Если б я могла сказать ему сейчас хоть несколько слов!

Йоаким, с важным видом как и положено старосте:

— Согласно его последней воле ты являешься его единственной наследницей во всём Поллене.

Поулине обратилась к Эдеварту:

— Как ты думаешь, если отправить телеграмму на адрес амтмана, она его застанет?

И тут Эдеварту пришлось сознаться:

— Он поехал вовсе не к амтману.

Вот это удар!

— Говоря между нами, он отправился на север. Я думаю, он просто сбежал.

Снова споры. Поулине совсем растерялась, а потому пребывала в отчаянии. Йоаким с сомнением отнёсся к агентству в Тронхейме и вообще ко всему этому чуду. Но оказалось, что коммерсант Поулине Андреасен знает это агентство по названию. А не может ли Габриэльсен прочитать немецкое письмо? Ведь про Габриэльсена говорят, будто он изучал с гувернанткой немецкий язык, но Поулине никоим образом не желала давать ему в руки всё письмо, чтобы

Поллен ещё до захода солнца узнал подробности. Вместо того она предпочла бы сходить к Габриэльсену и спросить у него: если, скажем, в письме, пришедшем из почтового управления, написано по-немецки сперва так, потом этак, а в самом конце вот как, что, по-твоему, всё это могло бы означать по-норвежски?

О, Поулине была достаточно хитра. И не потому, что она стремилась защитить Августово богатство, напротив даже, когда придёт время, она расскажет всем полленцам, каков он, этот Август, и что согласно одному только этому извещению он имеет пятнадцать тысяч норвежских крон.

Йоаким:

— Но только по предъявлении лотерейного билета.

— Ну билет-то у него наверняка есть. Он не какой-нибудь растяпа. Впрочем, получить своё богатство он обязан лично, а сам даже о том не догадывается. Да ещё и уехал. Просто голова идёт кругом.

Эдеварт предложил:

— Давай, я съезжу за ним.

Йоаким, поразмыслив:

— Всё равно ты его не догонишь. У него, сейчас прикину, часов девять форы.

— Пешком, конечно, нет, — сказал Эдеварт и улыбнулся, что было ему совсем не свойственно. — Я видел, как он припустил что есть мочи. Но я догоню его морем. Возьму почтовую лодку.

— Пожалуй.

— Да я его прямо сегодня вечером и догоню. Ветер-то хороший.

— Это какой же?

— Зюйд-вест.

— А я слышала, что зюйд-вест — самый скверный ветер, — сказала Поулине, — во всяком случае, не выходи в море один. Возьми с собой ещё кого-нибудь.

Но он вышел один.

В деле появляется новая заковка: а что, если Эдеварт вернётся с беглецом и того немедля арестуют? Конечно, Эдеварт человек неглупый, однако Поулине тревожится. До сих пор никакой помощи от брата не было или уж была самая маленькая, так что решение ей всегда приходилось принимать единолично. Да-да, пусть Август

приедет! Он непременно должен вернуться, он не смеет прятаться. Человек, у которого есть пятнадцать тысяч, говоря по совести, вообще не должен был уезжать, а уж коли уехал, должен непременно вернуться.

Кристофер? Ну конечно, Кристофер может заявить на него в полицию, но как бы ему самому это боком не вышло! Тогда на Кристофера надо будет заявить по поводу вытоптанной плантации, и ещё за взломы и грабежи зимой, за кражу быка, похищение овец, а свидетелей хватит!

Йоаким:

— А кто станет заявлять на такого пакостника?

— Староста, — отвечает Поулине.

— Я?

— Конечно, дело твоё, но тогда я приглашу Ездру за компанию и заявлю на него сама. Уж как-нибудь справлюсь.

— Ну и чёртова же ты баба! — пробормотал Йоаким.

Да, она приготовила всё для возвращения Августа, всё привела в порядок, сделала так, чтобы ленсман не смог тронуть ни единого волоска у него на голове, как сказано в Писании. У старшего брата должно хватить ума, чтобы вернуть беглеца с полпути. Иначе для чего он поехал за ним вслед? Только затем, чтобы лично сообщить новость? Не такой уж он глупый.

Ну и конечно, Йоаким тем же вечером пошёл к Кристоферу. Ещё не хватало, чтобы он откладывал свой поход до того дня, когда старший брат и Август вернутся в Поллен.

Итак, Йоаким пошёл. И застал Кристофера в мрачном настроении: да-да, он сегодня заявил на Августа в полицию, заявил на этого убийцу, дурак он был бы, если б этого не сделал, слава Богу, в стране ещё существуют закон и право.

Староста смотрел на это дело несколько иначе: оба виноваты. Вдобавок за самим Кристофером числится немало грехов ещё с зимы, так что он вполне может рассчитывать на встречный иск. И так далее и тому подобное. Ох и трудно же было Кристоферу уступить!

Спустя час он спросил у жены, побывала ли та в Верхнем Поллене у ленсмана с требованием арестовать Августа? Нет, жена, оказывается, отложила свой поход до завтра. «Так-так», — сказал Кристофер и задумался.

Тут староста сказал, что для обеих сторон, пожалуй, было бы лучше, если никто ни на кого не заявит.

И пришлось Кристоферу волей-неволей согласиться. Но только пусть Август на будущее поостережётся! И кстати, этому убийце не сносить бы головы, если бы сам он, Кристофер, снова не обратился к вере и благочестию. Он лежал эти дни и размышлял о своём спасении и понял, не будь ребра в том месте, куда его ударили, лежать бы ему теперь в гробу! И тут он понял: такова воля Провидения.

Ну и так далее...

Поулине устроила ради обоих друзей генеральную уборку в их комнатах, что над кофейней. Август оставил висеть на стене свою большую серую шляпу с пряжкой, в которой приехал; её он всё время носил, и у неё до сих пор был толстый шнур. Поулине почистила эту шляпу щёткой и повесила на прежнее место. Поискала она и окованный медью чемодан, чемодан был не заперт, а лежали в нём табачные листья, поди знай, может быть, очень дорогие листья, настоящий табак. Славный человек был этот Август: вот, табак в Поллене хотел выращивать.

День спустя она побывала у Габриэльсена и получила перевод отрывков из письма. Получилось довольно удачно, Габриэльсен знал множество немецких слов, и рука у него была счастливая насчёт того, чтобы поискать в словаре. Выяснилось, что предложение агентства выплатить всю сумму наличными продиктовано желанием избавить Августа от ненужных формальностей и хлопот.

Она мучительно задумалась над соотношением двух валют. А в самом деле, соответствуют ли пятнадцать тысяч норвежских крон двадцати тысячам немецких марок? Заплатят ли Августу столько, сколько положено, или обманут? Брат Йоаким пришёл ей на помощь; из опубликованного курса валют он выяснил, что Августу предлагают на три тысячи крон меньше положенной суммы.

— Это ещё почему?

— Агентство берёт процент за выплату наличными.

Поулине задумалась:

— Ну, это просто свинство прикарманивать столько денег.

— Ага, — сказал Йоаким, словно поддразнивая её. — Всё равно ты у нас станешь богатой девушкой.

Вот этого ему говорить не следовало. Поулине помрачнела и бурно возмутилась.

— У тебя доверенность решительно на всё. Ты можешь объявить об этом через тинг, — сказал Йоаким.

Поулине вскочила:

— Я и объявлю об этом, но только по-своему: я все эти хлопоты переложу на него, пусть только вернётся. — Она отыскала доверенность и запечатанное письмо, которые вручил ей Август, после чего сказала: — Здесь всё, что он оставил. Когда вернётся, может получить это обратно.

Йоаким:

— А что в письме-то?

— Не знаю, но пусть и его возьмёт обратно.

— Надо же сперва посмотреть, что там есть. Может, в этом письме он отзывает свою доверенность.

— Ну и на здоровье!

Йоаким вскрыл письмо. Лотерейные билеты.

Билеты, похожие на те, которые Август носил в своём бумажнике, заграничные, довольно много, среди них был и немецкий билет как раз с тем номером, с каким нужно, а ещё датские, мексиканские, испанские. Йоаким помог ей разобраться в них.

Поулине присела, и в голове у неё мелькнула мысль: ведь кроме того билета, на который упал выигрыш, были, может, и другие, которые ждали своей очереди. И стало быть, все его разговоры о делах за границей не были ложью. Славный всё-таки человек этот Август!

Время до возвращения двух приятелей затянулось. Возможно, Эдеварт не сумел так быстро напасть на след Августа, как предполагал.

В субботу вечером Йоаким пошёл в Новый Двор. Езра и Осия до сих пор ещё ничего не слышали о великом чуде. Они тотчас принялись толковать про Августа, сбежавшего от пятнадцати тысяч крон. Оба свояка имели по каждому вопросу собственное мнение и выражали его фразами, почерпнутыми из выписываемых ими газет. Староста Йоаким вдобавок многому научился из протоколов и официальных документов, а не считая всего прочего, что хоть в напечатанном, хоть в ненапечатанном виде попадало ему в руки, он ещё был очень смекалист, немного кумекал в политике, словом, государственный

деятель, и чёрт подери, если он не умел к тому же красно говорить. Он сказал про Августа, что тот видится ему своего рода агентом, посланцем времени и мира. Ещё он сказал, что Август — это символ, «представляющий собой аллегорическое воплощение или лозунг». В общем и целом Август был для него своего рода загадкой, Йоаким даже боялся его немножко, с недоверием относился ко всем его затеям, однако порой не мог не удивляться его познаниям в различных вопросах. Тут Ездра начал ехидничать, хотя и должен был как мало кто другой испытывать к Августу благодарность.

— Вот теперь Август вернётся в Поллен и станет куда богаче, чем был раньше. Поди знай, что он тогда выдумает! — сказал Йоаким.

— Какие-нибудь новые фокусы, — отозвался Ездра.

Осия сочла, что это не совсем справедливо. Август учредил в Поллене почту, раздобыл невод для общины, помог многим обзавестись своим домом.

— Да, — согласился Ездра, — но он и разрушил не меньше. Вот Каролус и Ане Мария скоро перейдут, пожалуй, на попечение общины. Просто стыд и срам.

Крестьянин Ездра ценил и понимал только одно: землю. Он служил пашне и полю, правда, кроме пашни, было ещё море, были горы и, наконец, вся остальная земля, но это уже его не касалось.

— Август как-то заявился ко мне и хотел посадить ёлочки на моей земле, — со смехом поведал Ездра.

— Дело в том, — сказал Йоаким, — что Август развивал Поллен и в хорошую, и в дурную сторону, он осушил болото, но он занимался и спекуляциями. Он воплощал дух нового времени, одной рукой давал, другой брал — и где тогда, спрашивается, выгода? Он пытался что-то изменить, но в каждом отдельном случае добро, которое он надеялся принести, уравновешивалось последующим злом. Иногда, во время стычек с Поулине, Август говорил, что борьба и конкуренция и определяют развитие. Но разве это ответ? Он пришёл к нам из далёкого, привольного мира и хотел научить нас жить позаграничному, но почему? Да, мы должны участвовать в борьбе и в конкуренции тоже. Но почему? — кричала Поулине. Да потому, что иначе мы не будем получать кредитов из Лондона.

— Ха-ха-ха! — сухо расхохотался Ездра и сказал, что плевать он хотел на такие теории. — Ты правильно говоришь! Что он сделал

хорошего? Отдал всю землю под застройку и заставил нас голодать. И с чего прикажете жить Поллену? Теперь здесь нет никакой еды и никакого питья даже для сорок и ворон, остались одни только дома да люди. Он много чего понастроил: дома, банк и фабрику, и рождественские ёлочки посадил, и всякое такое, под конец, как я слышал, он даже посадил табак — но табак ведь не еда! А он мне отвечает, что это и есть прогресс, он приносит деньги, чтобы покупать на них еду. Деньги? Да, деньги были, и заработок был, и прогресс — всё было. А на самом деле это упадок, мы едим и едим всякие заграничные разносолы и чем больше едим, тем больше хочется, мы плотаем ветер, а он не насыщает. Я вижу по твоему лицу, Осия, что ты хочешь что-то сказать. Наверно, про кофе.

— Да, — согласилась Осия, — я бы дала Йоакиму чашечку, но я сижу без денег, и покупать кофе не на что.

Езра:

— Думаешь, Йоакима это очень интересует? Дай ему чашку молока. В былые времена гостям тоже предлагали молоко. А все эти непомерные и дурацкие требования к жизни, которые он хотел пробудить в нас, это желание иметь как можно больше дорогих и вкусных вещей... Вот и вышло, что, если люди не едят мяса и лакомой еды каждый день, они бывают недовольны и думают, будто терпят нужду. Недовольство и желание получить всё больше и больше у всех, куда ни глянь. Последним довольным человеком в Поллене был старый Мартинус. Его не испортила жизнь, он за всё благодарил Бога, а потому и прожил больше восьмидесяти лет.

— Дело в том, — снова вступил Йоаким, решив, вероятно, выразаться более изысканным образом, — что Августа не так уж и просто было понять. Он был выразителем духа времени, а стало быть, ощущал под ногами твердую почву, он был миссионером. Он был олицетворённым духом беспокойства и в то же время рабочей лошадью. Он мог внезапно забросить одно дело и тут же приняться за другое, на свой лад он был очень деятельным, а главное, не знал себе подобных ни в безответственности, ни в доверчивости. Зимой, во время болезни, он лежал и жалел, что в своё время не выучился плясать на канате. Впрочем, он и это умел, разве что плясал на голове и не знал в этом удержу. Езра правильно сказал, что он брался за множество дел и от множества отрекался без всякого сожаления. Он

делал всё весело и с душой, он был затейник и враль, в нём смешались и приметы нашего времени, и механизация, и американизация, в нём соединились добрые и злые начала, словом — всё. Но в одном он был просто человеком по имени Август: он был добросердечен и бескорыстен, он раздавал всё, вплоть до последней рубашки, а теперь вот уехал, не взяв с собой ни единого эре. Он никогда ничем не владел.

Осия:

— А ведь правда.

— Нет, — упрямылся Ездра, — это у него тоже от безответственности, просто он был одинок, и ему не о ком было заботиться.

— На свете много одиноких, которым сколько ни дай, всё мало.

Странное движение в воздухе, какой-то рокот, какая-то гроздовая беззвучность. В пятницу заштормило. Поулине очень тревожилась за Эдеварта: если он сейчас возвращается домой со своим другом, ему придется идти против ветра. А это его задержит. В лавку пришёл Каролус, начал её успокаивать, что, мол, нечего ей тревожиться за Эдеварта, уж он-то справится с любым ветром.

— Молю Бога! — отвечала Поулине.

Каролус ходил по селению и всех успокаивал. Он жил воспоминанием о тех временах, когда он был местным матадором и раздавал кредиты всему Поллену, в его старых глазах всегда было столько милосердия и кротости, но теперь они погасли и утратили всякое выражение, как после капель для сна. Он заметно сгорбился, теперь он, можно сказать, носил поверх одной спины другую спину, но он не стал бы жаловаться на свою судьбу, покуда в полленской лавке не перевелись галоши.

Вот Ане Мария была человеком другого склада, она не омертвела душой, и все её чувства по сей день были при ней. Жестокая, постыдная несправедливость судьбы, что она не могла оставить у себя двух приёмшей, но она не склонилась, и горб у неё не образовался, напротив, она ходила, гордо выпрямясь. Как-то раз она сняла пресловутую табличку с надписью «номер один», другой раз написала письмо директору тюрьмы в Тронхейме, где сообщала, что у неё всё в порядке. Кузнечиха из Верхнего Поллена, мать маленьких двух принцев, приходила к ней в гости, болтала о том о сём, передавала

приветы от мальчиков, рассказывала про них разные истории: когда они не получают, чего хотят, то грозятся уйти к приёмной матери. Такие речи доставляли Ане Марии удовольствие, она плакала потихоньку от радости и чувствовала себя более уверенно. По утрам она брала лопату, топор и мотыгу и уходила на тот маленький клочок земли, который ещё остался у них от прежнего большого луга, и принималась за работу. Что ж это такое происходило с ней? Но Ане Мария вовсе не лишилась рассудка, она прорыла канаву, прорыла другую, она копала и корчевала день за днём, день за днём на своём крохотном участке, она срезала дерн, разбивала комья земли. Каждое утро она проходила мимо Ездринового болота, где дала однажды увязнуть шкиперу из Хардвангера, — теперь это её несколько не беспокоило. Доведись ей встретить этого шкипера сейчас, она спокойно прошла бы мимо и была бы в своём праве. Он хотел её заполучить, причём заполучить сразу, вёл себя слишком нахально.

В народе прошёл слух о том, чем занимается Ане Мария у себя на участке. Муж её окончательно сдал и был уже ни на что не годен, зато она вскапывала землю и ни от кого не скрывала, что собирается посадить там весной картошку. Это навело многих на раздумья, и бывший глава банка Роландсен, у которого при его роскошном доме не было ни клочка свободной земли, всерьёз подумывал о том, чтобы снести свой замечательный коридор с цветными стёклами из Индии, а на освободившейся площади тоже посадить картошку. Не сказать, что это была со стороны Роландсена аристократическая прихоть, просто он не мог себе больше позволить быть, как и прежде, наивным дураком.

Но Эдеварт с другом так и не вернулись, была уже суббота, а вдобавок на море был шторм. Поулине начала всерьёз беспокоиться, и её больше не успокаивали слова Каролуса. В лавку пришла Теодорова Рагна, чтобы справиться насчёт Эдеварта. Никаких известий.

Рагна пояснила, что спрашивает не для себя, и при этом опустила глаза. А послал её сын Родерик, почтарь.

Оказывается, Эдеварт позаимствовал у них почтовую лодку, а послезавтра надо везти почту.

— Да, всё очень плохо, — сказала Поулине.

— Нет-нет, — отвечала Рагна, — ничего не могло случиться, просто Эдеварта что-нибудь задержало. А если он до понедельника не

приедет, то Родерик выкрутится, возьмёт займы лодку у кого-нибудь в Нижнем Поллене. Вот что он просил меня сказать.

Маленькая Рагна не хотела делать ещё хуже то, что и так плохо, а потому вела себя очень достойно. Дела у неё с мужем шли хорошо, да ещё как хорошо. Во-первых, они получали твёрдое жалованье за доставку почты, а во-вторых, они стали богоданными родителями доктора Лунда. Господи, как бы мог Теодор при этой okazji показать себя в Поллене, как бы мог развернуться, не препятствуй тому Рагна. От рождения она была наделена обаянием и привлекательностью, она привлекала мужчин, привлекала женщин, привлекала и детей и держалась скромно. Кое-кто уже начал обращаться к ней на «вы», что заставляло маленькую Рагну заливаться краской. Она и при этом была очень мила. Покинув лавку, она пошла домой по своего рода руинам прежнего селения, и, возможно, в душе у неё громоздились такие же руины собственной добродетели, очень даже возможно. Но маленькую Рагну всё это ничуть не испортило. Она, правда, чувствовала иногда, что ей надо бы заняться чем-то другим, не тем, что она делает сейчас, что ей следовало как-то измениться, — но, скажите на милость, кому бы этого не следовало?

После её ухода у Поулине снова появилась слабая надежда, может, Эдеварта и впрямь задержали, может, Рагна и права, дай-то Бог, чтобы Рагна была права! Шторм тем временем утих, прошло воскресенье, прошёл понедельник, почту отвезли на пристань в позаимствованной лодке и во вторник вернулись. Миновала целая неделя с тех пор, как Эдеварт вышел из Поллена, за такое время он вполне мог добраться до Тромсё и оттуда дать телеграмму. Теперь Поулине надеялась лишь на то, что её старший брат не из тех, кто пишет письма и посылает телеграммы. Она пронадеялась ещё неделю, почту опять доставили на пристань, а обратно привезли весть, что лодку Эдеварта прибило к берегу.

Итак, старший брат ушёл в море и больше никогда не вернётся. Так хотел Бог.

Поулине занималась своей лавкой, хлевом и кухней, она, как и прежде, ходила в церковь и не носила тёмных одежд в знак скорби, но она была глубоко удручена. Поскольку Августа не удалось перехватить на его пути к северу, Поулине воспользовалась доверенностью, чтобы действовать от его имени; она согласилась принять пятнадцать тысяч

норвежских крон по его лотерейному билету, а едва деньги поступили, начала расплачиваться за Августа. В голове у неё был разум, а в сердце — чувство справедливости. Она оплатила потерю почтовой лодки, заплатила доктору, торговцу из Верхнего Поллена, обоим лоцманам с пристани, оплатила лечение Кристофера, выплатила Каролусу и Ане Марии компенсацию за их застроенные пашни и луга. Благодарнее всех оказалась чета Каролусов, доктор же поначалу вообще отказался взять деньги за «такого приятного пациента» и согласился лишь потому, что этого требовало присутствующее Поулине чувство порядка.

Она сделала всё и ничего не забыла. Даже те пять тысяч крон, которые Оттесен, хозяин невода, вложил в банк для строительства фабрики, его семья получила обратно — до тех пор пока не настанет для Августа пора нового подъёма и здание не будет продано. Эту сумму следовало оформить в письменном виде как ипотеку, висевшую на имуществе. А что ещё? Её собственные большие затраты на содержание Августа — разве она забыла эту статью расходов? Да никоим образом. Ещё чего не хватало!

Вот теперь Август вполне мог возвращаться домой. Ничто больше не стояло у него на пути, теперь он был чист перед людьми. Вдобавок у него оставалась изрядная сумма денег, которая дожидалась его в банке. Возможно, Поулине почувствовала некоторое облегчение, теперь всё сделалось благодатно чётким и ясным, а в тот день, когда она сумела очень недорого приобрести большой сейф, её любящая порядок душа поистине возликовала: ничего лишнего она не получила, она вполне заслужила подобный знак признательности от банка, её бдительность была вознаграждена.

Она переговорила с братом Йоакимом о пропавших друзьях, не странно ли, что они держались друг друга, хотя один был буйный и неуравновешенный, а второй такой медлительный. Ты только посмотри: Эдеварт дал своему другу много денег в займы, но Поулине не знала, сколько именно, а потому и не могла вычестить из денег Августа соответствующую сумму, однако внесла в счета сам факт займа. Да и старшему брату деньги были теперь не нужны, они ему и раньше не были нужны, даже карманные деньги — и то нет. Он был просто трудяга, Боже, Боже, такой большой, такой сильный!

— Да, — сказал Йоаким, — мы все были рядом с ним мелочь пузатая. В тот раз, когда наш сейф надо было доставить с берега, нас собралось семеро, да ещё привели двух лошадей, и всё равно у нас ничего не вышло. Но когда пришёл Эдеварт, мы вполне могли обойтись без лошадей! — У Йоакима сияли глаза, и он не уставал нахваливать старшего брата.

— А как славно он обращался с нами, когда мы были маленькие! Ты ещё помнишь, когда он уехал, а потом вернулся?

Йоаким хрипло закашлялся и подошёл к окну, словно увидел там что-то интересное. Поулине:

— До чего же грустно входить в пустую комнату. Там всё ещё висит его рабочая одежда. У меня не хватает духу отдать её кому-нибудь.

— Гм-гм, пусть висит, гм-гм, так что я хотел сказать?

Он ничего не сказал.

Поулине увидела, что у него дрожит спина, и спросила, желая отвлечь его:

— Ты сегодня вечером не собираешься в Новый Двор?

— Разве ему было что-нибудь нужно? — спрашивает Йоаким. — Да мне приходилось угрожать ему ножом, прежде чем он соглашался взять хоть самую малость. А ты помнишь, как один раз он в чём-то должен был уступить, ха-ха-ха, уступить... хоть и не хотел он этого, ха-ха! — нарочито смеялся Йоаким, чтобы не заплакать. — Словом, я тебе сказал, не трогай её, пусть висит...

Поулине снова быстро переменяла тему:

— Ты вот говоришь: сейф. Ты только подумай: сейф в Поллене! Увидели бы это наши родители!

Йоаким заплотил наживку:

— А ты помнишь, как Август не мог его открыть?

— А Теодор-то пришёл ко мне и попросил у меня клещи.

— Ох уж этот Теодор! Он хотел кликнуть на подмогу кузнеца из Верхнего Поллена, чтобы тот взломал шкаф, — сказал Йоаким, и у него чуть-чуть отлегло от сердца. Он отошёл от окна и сел. Теперь его охватило сострадание к Августу. — Все его усилия пошли прахом, — сказал он.

— Вот никак я не пойму: за что бы он ни брался, всё терпело неудачу. Даже в пути неудача преследовала его. Он ведь вполне мог бы

сейчас вернуться, а всё не возвращается.

— Но не думай, что он принимает свои неудачи так уж близко к сердцу, не тревожься за него. — И Йоаким перешёл на торжественный язык: — Август должен был снова уйти в странствие, потому что его время здесь истекло. Он следовал велению времени и жил беспокойной жизнью. Помяни моё слово: в следующий раз он объявится где-нибудь в другой точке земли и снова принесёт с собой благо и беду. Не тревожься за Августа, он всецело принадлежит нашему времени и поэтому чувствует себя везде как дома.

Возвышенные слова. Поулине, верно, не всё понимала.

— А вообще-то, — сказала она, — у нас перед домом растут ёлочки, и тебе надо бы оградить их проволокой, чтобы нам случайно не затоптать их, когда выпадет снег.

Тяжко в ту пору пришлось полленцам, минуло ещё немало времени, прежде чем им удалось выбраться из нужды. Зима, снег, плохо с едой, жизнь замерла, Август, скиталец и бродяга, скрылся. Стало и ещё хуже — нет сельди, голод и уныние, некоторым полленцам помогала община. По мере того как зима продвигалась вперёд, всё больше и больше людей терпели нужду, особенно тяжкие дни настали для переселенцев, у них совсем не было земли, чтобы хоть что-нибудь посадить, у них только и был, что дом, в этом подобии города, но не было ничего на прожитьё, вода в вёдрах замерзала у самой печки, исхудалые дети жались по углам. Благодарение Богу за каждый день, который удалось пережить. Переселенцы бродили от одного двора к другому, кто в лохмотьях, кто чуть ли не нагишом, порой они были так голодны, что даже улыбались от слабости, словом, не люди, а призраки нищеты. А о чём же они говорили? Да вот о чём. Не заметил ли кто-нибудь сельдь? Не попались ли на глаза почтарям птицы над морем? А зима всё шагала, вот уже настал февраль, за ним март, весенняя скудость ужасна, переселенцы влачат своё существование, изо дня в день, изо дня в день голодают, мерзнут и отходят с миром. Последним спасением для них остаётся вечный сон во имя Божье.

Хуже всего было детям. Ведь прибавились и новые.

Дети всё равно, что Августовы ёлочки, земля не самое для них подходящее место, им слишком плохо приходится, они болеют и угасают. Но наконец сходит снег, у некоторых ёлочек проглядывает

зелёная верхушка, крохотная зелёная верхушка, но даже крохотная — это чудо, невероятное чудо, ёлочки всё время хранили в себе искорку жизни, они напрягали свои слабые силы, чтобы пустить корни. Впрочем, некоторые растения всё-таки умирают. Некоторые дети тоже.

И тут снова проходит слух про сельдь в Эйд-фьорде...

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

notes

1

Ленсман — государственный чиновник, представитель полицейской и податной власти в сельской местности.